

Kevin Lynch

**A theory
of good city form**

The MIT Press

Cambridge, Massachusetts,
and London, England

Кевин Линч

**Совершенная
форма
в градо-
строительстве**

**Перевод с английского
канд. филос. наук
В.Л. Глазычева**

**Под редакцией
д-ра архит.
А.В. Иконникова**

**Москва
Стройиздат 1986**

Линч К. Совершенная форма в градостроительстве / Пер. с англ. В. Л. Глазычева; Под ред. А. В. Иконникова.— М.: Стройиздат, 1986.— 264 с.: ил. — Перевод изд.: A theory of good city form / Kevin Lynch.— The MIT Press.

Книга К. Линча, одного из крупнейших американских специалистов по теории градостроительства и психологии восприятия архитектуры, посвящена актуальной проблеме — эстетике современного города. Проблема разработана автором с привлечением социальной психологии, социологии, теории культуры. Подробно анализируется значение эстетических ценностей для формирования городов в историческом аспекте, рассматриваются нормативные теории формы города и оценивается правомерность нормативного подхода. Сформулированы общие критерии осуществляемой в городе деятельности.

Предназначена для архитекторов и искусствоведов.

Табл. 1, ил. 79, список лит.: 325 назв.

Кевин Линч

**СОВЕРШЕННАЯ
ФОРМА
В ГРАДОСТРОИТЕЛЬСТВЕ**

Редакция переводных изданий

Зав. редакцией *Р. Л. Рощина*

Редактор *И. А. Горобецкая*

Мл. редактор *С. В. Петрашова*

Технические редакторы *В. Д. Павлова, О. С. Москвина*

Корректор *Г. С. Беляева*

ИБ № 3465

Сдано в набор 22.07.85. Подписано в печать 17.09.85. Формат 60×90^{1/16}
Бумага книжно-журнальн. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. печ. л. 16,5
Усл. кр.-отт. 16,5 Уч.-изд. л. 19,94 Тираж 10.000 экз. Изд. № А1Х — 962 Заказ 260/480
Цена 1 р. 80 к.

Стройиздат 101442 Москва, Каляевская ул., 23а

Набрано в московской типографии № 13 ПО «Периодика» ВО «Союзполиграфпром»

Государственного комитета СССР по делам издательства, полиграфии

и книжной торговли. 107005, Москва, Б-5, Денисовский пер., дом 30.

Отпечатано в Подольском филиале ПО «Периодика» Союзполиграфпрома

г. Подольск, ул. Кирова, д. 25

© 1981 by Massachusetts Institute
of Technology.

Л 4902030009—304 235—86
047(01)—86

© Предисловие. Перевод на русский язык, Стройиздат, 1986

СРЕДА ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ И ЕЕ ЦЕННОСТИ

Перед нами новая книга Кевина Линча (1918—1984), ставшая его последней и, пожалуй, самой значительной работой. В 1982 г. на русском языке вышла книга «Образ города», составленная из трех его более ранних книг: «Образ города» (1960), «Образ времени» (1972), «Осмысление региона» (1976). Их содержание объединено стремлением автора постичь связи между человеком и его предметно-пространственным окружением. Вместе со множеством менее крупных публикаций эти книги сделали К. Линча наиболее значительным и влиятельным в 70—80-е годы среди теоретиков градостроительства в капиталистических странах. Его позиция, основанная на утверждении гуманистической направленности градостроительной деятельности, привлекла к нему симпатии советских читателей.

На Западе интерес к идеям Линча расширился вместе с нараставшей критикой планировочной деятельности, направляемой прежде всего интересами господствующих социальных групп капиталистического общества. «Человекоцентризм», проповедуемый Линчем, помогал разоблачать внешнее бесстрастие техницистского рационализма, прикрывавшего подобную градостроительную политику. Естественно, что Линч был вовлечен и в расширяющуюся практику альтернативной планировки, которую стихийно складывавшиеся общественные группы стали противопоставлять официальным планировочным мероприятиям, игнорировавшим интересы основной массы населения. Он выступал как градостроитель-просектор (амплуа в США, жестко отделяемое от деятельности архитектора-«объемщика») и эксперт, стремясь основывать свои реконструктивные замыслы на потребностях и предпочтениях местных жителей. Авторитет теоретика способствовал расширению сфер его практической деятельности. Он выполнял различные работы для многих американских городов (Бостон, Вашингтон, Кливленд, Сан-Франциско, Лос-Анжелес, Сан-Диего, Даллас, Финикс-Аризона и др.), работал в Венесуэле, Марокко, участвовал в деятельности ЮНЕСКО. Более всего он работал в Бостоне и, характеризуя его деятельность, направленную на сохранение исторической среды и природных ландшафтов, на утверждение человеческого масштаба и «достоинства пешехода», местный архитектурный критик говорил о «стиле Линча» в городской планировке.

Активная вовлеченность в градостроительную практику определила основную направленность книги о качестве градостроительной формы, перевод которой предлагается читателю¹. Если в кни-

¹ Lynch K. A theory of good city form, Cambridge Mass., The MIT Press, 1981. Адекватный перевод этого названия на русский язык затруднителен; по совету Линча в русском издании книга названа «Совершенная форма в градостроительстве».

гах Линча, переведенных ранее, ясно ощутима позиция теоретика и методолога, рассматривающего градостроительную деятельность с внешней позиции, то в этом случае первичным материалом стало осмысление собственной деятельности. Нет, Линч не наполняет страницы книги сведениями о собственных проектах (он почти не упоминает о них) — позиция практикующего архитектора определила основную направленность содержания.

Жанр теоретизирующей рефлексии, в котором формулировка творческого кредо архитектора-практика развернута в текст, претендующий на роль универсальной теории, давно уж обычен для профессиональной литературы архитекторов. Нормативность творческой мысли зодчих классицизма в первой половине XIX в. поддерживали трактаты, однозначные формулировки которых абстрагированы от авторской позиции. Такой тип теории архитектуры ушел в прошлое вместе с верой в непогрешимость классицистических канонов (хотя трактаты какое-то время еще писались по инерции). Вместе с поисками альтернативы эклектике появились попытки закрепить опыт индивидуального творчества, осмысляя его, подчеркивая в нем общезначимое. Подобные теории, имеющие отчетливо личностный характер, особенно активно создавались на рубеже XIX и XX вв. (книги Л. Салливена, Х. П. Берлаге, А. ван де Вельде, О. Вагнера, А. Лооса, несколько позже — Ф. Л. Райта, Р. Нейтра). В 1920-е годы жанр кристаллизовался в ярких текстах Ле Корбюзье и М. Гинзбурга.

Отличительная черта его — присутствие единой главной идеи, принципа, по отношению к которому выстраивается содержательная структура текста. Для Л. Салливена этот принцип — подчиненность формы по отношению к функции; для Райта — органичное единство предметно-пространственного окружения; для А. Лооса — разумная экономия как материально-технических возможностей, так и средств выразительности; для Ле Корбюзье — рационализм, воспринимаемый через метафорический образ разумно структурированной машины. Кевин Линч как объединяющую идею использует принцип взаимосвязи мира человеческих ценностей с пространственностью города.

Его не увлекли сложные умозрительные операции с представлением о ценности, которыми занимается современная буржуазная аксиология. Если уж искать аналогии в философии, ценность, в представлении К. Линча, сближается с аксиологическим психологизмом Р. Б. Перри и Дж. Дьюи, с присущими ему акцентами на полезном, инструментальном, где-то приводящими к смешению ценности и предметной реальности. Не исключено, однако, что сходство случайно и что основное понятие — ценность — у К. Линча выведено из эмпирического поиска определения целей градостроительной деятельности. Ценность возникает как отношение человека к объекту в определенной ситуации жизнедеятельности. То, что ценностный подход может быть плодотворным при анализе явлений культуры, показывает опыт марксистской философии (в частности, некоторые работы по эстетике, появившиеся в недавние

годы). На этой основе К. Линч и строит концепцию книги «Совершенная форма в градостроительстве».

Текст открывается «наивным вопросом»: из чего складывается хороший город? И ответ на него автор ищет не в отвлеченных умозрительных построениях, а в человеческих ценностях, которые, как он считает, должны определять критерии градостроительной деятельности, мотивы решений, принимаемых градостроителем. Но чтобы сделать понятие ценности инструментом практической профессиональной деятельности, нужно посредующее звено. Таким звеном, обеспечивающим взаимосвязь мира человеческих ценностей с пространственностью города, у Линча стала форма.

Это последнее понятие Линч использует отнюдь не в значении, которое можно было бы передать словом «очертание», и вообще он не замыкает его смысл на свойствах материальных структур. Форма поселения для него — это пространственная организация человеческих действий и физических признаков окружения, которые так или иначе важны для действий людей. Органическая целостность, в которой рассматривает Линч деятельность и ее оболочку, принципиально важна для его концепции. Она-то и помогает выявить некоторые мало замечавшиеся ранее аспекты в казалось бы привычном и известном, она определяет важную грань практической значимости теории, предлагаемой Линчем.

Рассмотрение формы города в таком срезе свободно от каких-либо эстетских оборотов. Ценности формы у Линча отнюдь не сводятся к эстетическим или информационно-семантическим. Это некий интеграл разносторонних отношений между человеком и окружающим его материальным миром. И это тоже открыло важным возможности развития концепции.

Человеческие ценности изменчивы. В их формировании участвуют общественный и индивидуальный опыт, они подвержены влиянию определенных ситуаций. И как всякое подвижное, развивающееся явление, ценности города было естественно рассмотреть в их генезисе. Отсюда — исторический экскурс, которым Линч предваряет дальнейшее изложение (прием, ставший в последние десятилетия едва ли не всеобщим стереотипом для сочинений по теории архитектуры и градостроительства).

При всей опасной краткости, которая у менее опытного автора породила бы схематизацию, искажающую саму суть предмета, Линч построил картину, в которой подкупает острота лаконичных характеристик, своеобразие ракурсов рассмотрения. Четко расставлены акценты. Но вот стремление как можно нагляднее показать взаимосвязь формы городов и человеческих ценностей местами перерастает в заданность и форма выступает не только как то, что обеспечивает процессы жизнедеятельности, но и как активный фактор их порождения (это ощутимо, например, в попытке предложить единую модель происхождения древнейших городов через умножение функций религиозных центров; модель не подтверждаемую фактами). При всем том Линч дал точные характеристики городского пространства как выражения социальных барьеров.

«Полнокровен» анализ противоречивых процессов развития американских городов — и особенно Бостона — за последнее столетие. Вообще Линч не стремился равномерно развертывать некую тотальную панораму истории градостроительства. Исторический материал служил для него подтверждением теоретических позиций и, вероятно, естественно, что в качестве фактических аргументов Линч стремился использовать прежде всего то, что ему особенно хорошо известно, то, что было связано с его личным опытом. Поэтому и обращение к городам социалистических стран ограничено упоминаниями о Гаване и Ленинграде, в которых он побывал.

Впрочем, Линч ищет в ценностях формы города не специфичное, а общее, универсальное, зависящее от неких устойчивых структур человеческой психики, восприятия и «фундаментальных» потребностей. И его суждение, что форма новых городов в социалистических странах неожиданно близка с формой городов Запада (которое он высказывает дважды), видимо, не случайно. Линч и сам оговаривается: близка лишь, если оставить в стороне проблему классовой сегрегации, так сильно влияющей на города Запада. Но «оставить в стороне» эту проблему — значит отказаться от того принципа единства деятельностного и материального, в котором сам же Линч видит сущность формы города. Нелогичность возникает, видимо, потому, что сходство Линч просто хотел бы найти, расширяя тем самым сферу универсальности своей концепции.

Рассматривая современные теории, объясняющие город как пространственный феномен, Линч констатировал: пока не предложена концепция, которая связала бы все сущностные аспекты городской жизни. Каждая строится вокруг своей центральной метафоры. Классифицируя, он выделил в их пестроте три типа: теории принятия решений, функциональные теории и, наконец, нормативные. Как труднодостижимый идеал, он называет некое взаимодействие разнородных тенденций, пересекающихся и поддерживающих друг друга. Подобную попытку Линч, по-видимому, считал преждевременной. Свои усилия он направил на построение нормативной, ценностной теории — отчасти потому, что этот тип менее разработан, чем два других, но, главное, потому, что именно его Линч считал наиболее продуктивным для проектного подхода, направленного на активное совершенствование среды человеческого обитания.

Ценностный аспект рассмотрения проблем неизбежно подводит к вопросу: кто принимает решения, учитывая критерии ценности, и кто несет ответственность за сделанный выбор. Этому вопросу Линч уделил довольно большое место в книге. Здесь, однако, его устремленность к универсальному исключила возможность определенных ответов. Проблему решения и ответственности нельзя продуктивно рассматривать, отрешившись от конкретности общества, его социально-политических структур. И для разных общественных систем здесь нельзя предложить какую-то единую модель, основанную на «общечеловеческих» принципах. Трудные, неразрешимо конфликтные в условиях капиталистического общества во-

просы стали сюжетом рассудочной игры абстрактных ролей — клиент, проектировщик, информатор, чиновник... То, что в жизни побуждает персонажи, наделенные подобными ролями, к действиям, к ориентации на те или иные ценности, оставлено как бы «за скобками». Однако и в этой части текста есть интересная и важная мысль о присутствии собственных профессиональных императив градостроительного проектирования, вопросов, которые в любой ситуации может поставить только профессионал.

Обязательный элемент ценностного рассмотрения проблемы — вопрос об идеале. Казалось бы, огромный материал для его рассмотрения дают утопические идеи. Рассматривая их, Линч, однако показал, что для классической утопии пространственное окружение почти не играет роли. Его модификации содержательно несущественны и, напротив, узнаваемость как бы повышала доверие к основному содержательному ядру. В противоположность классическим, новые утопии подчинены мании формообразования; однако за их безудержным техницизмом редко просматривается социальная идея. Архитектура в этих утопиях выступает как некая автономная дисциплина. Лишь в немногих примерах Линч находит попытку пространственного выражения социальных преобразований — среди них он называет «Вести ниоткуда» У. Морриса. Не много продуктивных идей обнаруживает и анализ экспериментов американского утопического «коммунитаризма», обнаруживших интерес скорее к декорациям, чем к формированию пространства. Линч иронически отмечает: рай не будит воображения, ад более впечатляющ...

В конечном счете Линч подводит читателя к мысли о необходимости эмпирического выявления ценностей, на основе которых можно выстроить нормативную концепцию. Он выявляет основные модели, на которые было ориентировано формообразование в истории градостроительства и основывались нормативные теории: космическую, механическую и органическую. Первая из них — город как магическая модель вселенной — всецело принадлежит городским цивилизациям древности. Развитие механистической модели Линч ведет от древности к современным стереотипам. Впрочем, отнесение конкретных явлений к той или другой категории не всегда убедительно.

Так, Линч говорит о механистичности модели греческих колоний или римского города — военного лагеря. Но мы знаем, что за их жесткими прямоугольными сетками стояло не одно только желание эффективно решить определенные практические проблемы. Их прямоугольность была нагружена и космогонической символикой, связана с магическими ритуалами. Равно и в механистичнейших моделях 1920-х годов делались в свое время попытки увидеть символическое выражение демократизма, эгалитаризма и т. п. (правда, не космогонических идей). Поэтому при всем изяществе характеристик, предложенных Линчем, стоит помнить об их заведомой условности.

Симпатии Линча как будто принадлежат органической модели города, сходство которой с живыми организмами определяет динамика роста, целостность, нерасторжимость формы и функции. Однако Линч подчеркивает — города не являются организмами, так же, как они не являются машинами. Говорит он и о том, что не разделяет предрасудка, утверждающего, что машина, создание человеческих рук, обязательно антигуманна. И вообще он подчеркивает условность любых аналогий и опасность буквалистского отношения к ним — полезное напоминание! Как главный элемент органической модели он выделяет целостность представления, которой лишь мешают навязчивые ассоциации с формами живого мира.

Конечный вывод, к которому приходит Линч в аналитическом обзоре нормативных теорий, — современной удовлетворительной концепции такого рода не существует. Такое заключение стало отправной точкой для второй части книги, где Линчем предлагается своя теория градостроительной формы. Ее фундамент — набор показателей качества города, учитывающих характер человека и культуры. К их числу отнесены: **жизнепригодность**, определяемая тем, в какой степени поселение поддерживает жизненные функции, потребности и способности людей; **осмысленность** — возможность для обитателей воспринимать и мысленно структурировать в пространстве и времени свое окружение, степень его соответствия культурным конструкциям; **соответствие** — отношение емкости пространства, коммуникаций и оборудования поселения структуре и объему деятельности; **доступность** — возможность удобного доступа к различным видам деятельности, ресурсам, видам обслуживания, информации, местам обитания других людей; **контролируемость** — степень, в которой обитатели могут контролировать функции элементов своего окружения.

Эти пять критериев определяются прямым отношением между человеческой деятельностью и ее предметно-пространственным окружением и находятся в пределах непосредственного восприятия. Конкретизируя их, Линч стремится выявить общечеловеческое, общезначимое. Наряду с ними Линч выделяет метакритерии, вовлеченные в каждый из этих показателей — **эффективность и справедливость**. Первый характеризует цену создания и поддержания поселения на определенном уровне основных показателей качества; второй — способ, которым блага окружения и их стоимость распределяются между людьми. Рассмотрение этих метакритериев не имело бы смысла вне реалий общества и социальных групп. И через них Линч вводит в систему критериев то, что порождается противоречиями и неустранимой конфликтностью современного капиталистического общества.

Наиболее интересна в размышлениях Линча о качестве города сама методика, основанная на выявлении человеческих ценностей и подходе к структурам среды через их диалектику. Важно отметить, что Линч избегает категоричности, основанной на упрощении жизненных реалий, на пренебрежении тем, что не укладывается в

заданность логических схем концепции. Это противопоставляет теорию Линча методике рационалистов «современного движения» в архитектуре, выросшей из «исключающего подхода» Ле Корбюзье и Гропюса. И в этом важная особенность линии на гуманизацию градостроительства, которой придерживается Линч. Он не берет на себя ранжировку и отбор ценностей (а только через них и может осуществиться исключающий подход). Он утверждает позицию градостроителя — интерпретатора потребностей обитателей поселения, а не демнурга, как бы свыше предписывающего людям избранные им ценности, способы деятельности и формы окружения.

В третьей части книги Линч размышляет о возможностях применения его теории, поднимая некоторые традиционные темы дискуссий о градостроительстве. Он детально исследует проблему оптимальной величины города, занимавшую еще Платона и Аристотеля, и показывает ее коренную противоречивость — количественные «пороги», за которыми следуют качественные изменения, различны для различных показателей. Он приходит к выводу, что темпы роста города, его динамика влияют на качества его среды гораздо более заметно, чем градации абсолютной величины. Считая, таким образом, проблему оптимальной величины города с ценностью точки зрения лишенной практического смысла, он говорит о реальности оптимальной величины для меньших общностей, определяющих структурные членения городского организма. Здесь Линч оперирует понятием «соседство» в его трактовке, специфичной для американского градостроительства и социологии. Однако его соображения во многом приложимы и к структурным подразделениям, основанным по иным социальным и организационным принципам, как продуктивная и использованная методика ценностного анализа.

Вопрос о величине поселения неизбежно переводит обсуждение в плоскость экологических проблем. Здесь Линч стремится отсеять эмоциональные наслоения и исключить различные аберрации, порождаемые классовыми и групповыми интересами. Он утверждает, что нет оснований исключать из сферы ценимой природы искусственные ландшафты и город. Человек — часть системы живого, и город, — его порождение, столь же «натурален», как и лес или речные протоки. Город и его окружение всегда были единым целым, а подчеркиваемые ныне противопоставления города и природы питаются, по его мнению, мифами и узкоклассовыми предпочтениями, вплетенными в экологические эмоции. Нет, Линч не пытается опровергнуть мнение о тревожности современной экологической ситуации, но с его точки зрения проблема должна решаться в пределах целостности региональных комплексов, где все имеет определенный исторический смысл.

Вместе с тем, Линч решительно против перерождения сферы природной среды в создание псевдондидлических ландшафтов. То же отношение Линч переносит на сохранение исторических комплексов в городах, протестуя против его искажения классовыми ин-

терссами. Преемственность он причисляет к важнейшим принципам развития, связанным с основными ценностями окружения, но именно ей противостоят лакированные псевдоисторические декорации, создаваемые за счет интересов обитателей реконструируемых зон. Задача, по его мнению, обеспечить непрерывность потока изменений при сохранении и умножении реальных ценностей. На этом должны смыкаться идеи сохранения природы и исторической среды.

Завершает книгу глава, системно характеризующая представление автора об идеальном пространственном устройстве жизни — о том, что автор связывает с местом, имя которому — Утопия, местом, которое — нигде. Прием этот, нередко встречающийся в теоретических концепциях нашего века, несколько неожидан для Линча, последовательно и достаточно резко выступавшего против утопий «футурологической волны» 1960-х годов, да и вообще против утопии. Свой антиутопизм Линч подтвердил и третьей главой этой книги «Между раем и адом», о чем уже упомянулось.

Линч, однако, и не помышлял продолжить ряд видений «бравого нового мира», полного технических чудес, но лишенного каких-либо примет социального содержания (что характерно для западных архитектурных утопий XX столетия). Ему хотелось представить себе — каким мог бы стать мир, если бы не было противоречий, препятствующих «разумному» совершенствованию его формы в соответствии с теми ценностями, в которых он видел абсолютное, общечеловеческое благо. Он сам задается вопросом: что это — иллюстрация теории или утопический образ, породивший теорию? Но, во всяком случае, его утопии противопоставлено ограничение — главное свойство квазинаучных фантазий. В ландшафте мира, воображенного Линчем, нет ни изощренных выдумок, ни поражающих и подавляющих величин. Ландшафт этот скромнен, нарочито будничен — Линч как бы внушает мысль о достижимости его идеала, и он респектабельно старомоден, соединяя образы современных городских и пригородных ландшафтов с воспоминаниями о концепциях города-сада, об идеях вдохновлявших эксперименты американского коммунитарного социализма, о призывах к нулевому росту, исходивших от «Римского клуба» в начале 1970-х годов.

Линчу представляется равномерно населенный мир, безразличный к политическим границам прошлого. Он равномерно освоен. Его обжитые территории, образующие связную сеть, равномерно урбанизированы — ни города, ни села. Огромные пространства, сохраняемые для сельского хозяйства, отдыха и просто как заповедные территории, образуют вторую сеть, переплетенную с первой (такой принцип организации системы напоминает некоторые советские поисковые проекты расселения будущего, появившиеся на рубеже 60—70-х годов). В описании деталей многое исходит от утопии У. Морриса «Вести ниоткуда» с ее идеалом, принадлежащим скорее прошлому, чем будущему.

Ясно, что подобная система никак не укладывается в реалии

современного капиталистического мира. И Линч выдвигает принцип, который является условием осуществления его утопии: земли владеют те, кто ее используют. Отдельные индивидуумы и мелкие сообщества преобладают, «внешний контроль» за их деятельностью минимален. Некая надобщественная сила контролирует использование пространства и его распределение. В этой картине, благодушной как счастливый конец классической сказки, легко распознаются составляющие, восходящие к социальным утопиям У. Морриса и Э. Говарда, сочинениям П. Кропоткина. Однако в иной модели и не выстроить в систему ценностный идеал автора. Все это может казаться наивным, но не будем забывать, что Линч пронес свой чуть старомодный демократический гуманизм, восходящий к Ф. Л. Райту, через годы активизации американского консерватизма, не уступив давлению официальной идеологии. Предложенный им взгляд на градостроительство через призму человеческих ценностей открывает новые плодотворные возможности.

Гуманистические убеждения Кевина Линча не были замкнуты сферой профессии. В свое время он выступал против войны, которую Америка вела во Вьетнаме, и до конца оставался последовательным сторонником мирного сотрудничества между народами. Он с активным интересом относился к изданию своих книг на русском языке и видел в нем пусть маленький, но вполне конкретный шаг на пути культурного сближения народов. Кевин Линч умер 3 мая 1984 г. Он не дождался завершения работы над этим переводом и не успел написать к нему предисловие, обращенное к советскому читателю, которое задумал...

А. В. Иконников

НАИВНЫЙ ВОПРОС ВМЕСТО ВВЕДЕНИЯ

«Из чего складывается хороший город?» — вопрос кажется лишним смыслом. Города слишком сложны, слишком выходят из-под контроля, затрагивают интересы слишком большой массы людей, в свою очередь подверженных такому разнообразию культурных воздействий, чтобы рациональный ответ на этот вопрос был возможен. Города, как и континенты, — просто гигантские явления природы, к которой нам приходится приспосабливаться. Мы исследуем их происхождение, изучаем их жизнь — это любопытно и помогает выработать предсказания об их будущем. Иной раз слышишь: «Мне нравится Бостон», — и сразу понимаешь, что это не более чем тривиальное предпочтение, опирающееся на личный опыт. Нужно быть журналистом воскресной газеты, чтобы запросто сопоставить тот же Бостон, скажем, с Атлантой, ученые же способны сопоставлять только точные данные: население, транспортные потоки, деньги...

Эта книга посвящена наивному вопросу, заданному в первой строке, — со всеми оценками, уловками и сомнениями, которые порождаются попытками ответить. Принимать решения в области градостроительной политики, размещения ресурсов, устанавливать — куда двигаться, как строить... все это, непременно, требует опоры в каких-то нормах добра и зла. Ценности непременно вовлекаются в процесс принятия решений, будь то ценности всеобщего характера или эгоистические, предъявленные открыто или скрытые, сиюминутные или долговременного действия. Если градостроительное действие не руководствуется хотя бы смутным тяготением к общезначимому лучшему, оно извращено, и поэтому избегать обсуждения ценностей небезопасно.

Кажется, что всеобщее ощущение: большинство городских территорий никого не удовлетворяет — неудобные, некрасивые, скучные. Эти суждения произносятся столь уверенно, как будто им предшествовали измерения на какой-то точной шкале. Лишь для отдельных фрагментов обжитого мира делаются исключения по всеобщему согласию: ухоженный пригород, прекрасный парк, древний городок, праздничная атмосфера центра, большого города, старый земледельческий район. Будь мы способны четко объяснить, почему мы сходимся в подобных оценках, принимать решения о направлении эффективных перемен было бы легче.

Задача книги — изложить общее суждение относительно добротности поселений, суждение справедливое и соединяющее общезначимые ценности со специфическими действиями. Наши суждения ограничатся связями мира человеческих ценностей с пространственностью и предметностью города, хотя последнюю мы будем трактовать чуть шире, чем обычно принято. Это суждение не претендует на статус общей теории — не столько потому, что делает акцент на

предметности города, сколько потому, что всесторонняя теория должна была бы связать суждения о том, как город функционирует, с суждениями о его качестве. Излагаемая в книге нормативная теория имеет дело с ценностями и лишь затрагивает проблемы функционирования города; она не более и не менее частична по своей сути, чем широко распространенные функциональные теории, частичность которых редко осознают их сторонники. В гл. 2 мы обсудим различие между нормативной и функциональной теориями и необходимость связи между ними.

Нормативные теории градостроительной формы отнюдь не новы — три их основные вариации будут рассмотрены гл. 4. Их изложению будут предшествовать краткий исторический экскурс в гл. 1, рассуждение о природе градостроительной формы и замечания о ценности формы, исходящие из разных источников — трамплин для нашего первого рывка. Нормативные теории гл. 4, несомненно, сильны и не только в интеллектуальном смысле, но и благодаря длительному влиянию на градостроительные решения. Я покажу их неадекватность.

Во второй части книги излагается более общая теория, опирающаяся на использование «показателей действенности». Она выдвигает ряд своих проблем, это лишь начало работы. В третьей части книги предпринята попытка применить теоретическую конструкцию второй к сегодняшним градостроительным моделям и проиллюстрировать ее наброском утопии.

На сегодня нормативная теория градостроительной формы находится в плачевном состоянии: внимание академической науки сосредоточено или на социально-экономических аспектах поселений, или на предметно-пространственной форме, или на повествовании о том, как же возникло именно то, что возникло. Немало сугубо ценностных допущений спрятано внутри безупречных научных конструкций. С другой стороны, практики градостроительства крепко держатся за те очевидные ценности, с которыми все согласны: каждый ведь знает, что такое хороший город! Весь вопрос в том, что может его обеспечить.

ЧАСТЬ I. **ГОРОДА И ЦЕННОСТИ**

1. Ценность формы в истории города

Стихийные силы редко бывают причиной трансформации человеческих поселений, хотя это и случается при пожарах, наводнениях, землетрясениях. Иначе говоря, трансформация поселения представляет собой сугубо человеческий акт и осуществляется по сугубо человеческим мотивам, как бы темны, запутаны или ошибочны они ни были. Пытаясь докопаться до этих мотивов, мы обнаруживаем какие-то ключи к содержанию взаимосвязи между ценностями и формой человеческого окружения. Краткое изложе-

ние истории нескольких поразительных случаев преобразования городов дает нам пищу для размышлений.

Исходной, первичной трансформацией является уже само становление города. Зачем, почему возникает столь специфический тип окружения? Поскольку первые города значительно старше первых текстов, мы вынуждены опираться на косвенные и потому ненадежные свидетельства, однако археология и мифы кое-что все же нам сообщают. Независимые, относительно внезапные скачки к цивилизации можно наблюдать во всемирной истории по меньшей мере шесть или семь раз¹. Всякий раз такой скачок сопровождался возникновением городов — крупных, довольно плотных поселений, жители которых организовывали обширную сельскохозяйственную территорию. Вместе с городами цивилизация порождает неравенство собственности, социальное расслоение, разделение труда и специалистов, обычно письменность, реалистическое искусство, производство предметов роскоши, монументальные церемониальные комплексы, войны и внешнюю торговлю. Почему-то все эти вещи вновь и вновь сцеплялись вместе и можно только размышлять о том, как город вплетается в эту картину и что она может сказать нам о его ценности.

Так или иначе первые города возникали только вслед за земледельческой революцией, в ходе которой люди одомашнили животных и растения и создали малые постоянные селения. Это очевидное, необходимое, но отнюдь не достаточное условие — в ряде случаев развитое сельское хозяйство так и не привело к формированию города². В тех, особо благоприятных (?) случаях, когда возникает городская цивилизация, это случалось примерно через 1000 лет после торжества земледельческой революции в этом регионе. Так, одомашненные растения появляются в Шумере около 5000 г. до н. э., тогда как Эриду — первый город, о котором мы знаем в этой области, — сложится к 4000 г. до н. э. как поселение с несколькими тысячами жителей. К 3500 г. в Шумере было уже 15—20 городов-государств, включая Ур, Урук, Лагаш, Киш и Ниппур, — полномерные города с населением до 50 тыс. человек. Ур занимал территорию 8 кв. км.

Все это города, окруженные стенами; контрасты между разными габаритами домов и оснащением гробниц ясно указывают на устойчивые социальные барьеры. Эти города водружают крупные, сложно организованные конструкции храмов на тщательно ориентированные по странам света платформы, при этом новые храмы возводились на руинах меньших, более древних храмов. Ремесла специализировались в работах по камню, металлу, керамике, дере-

¹ В Шумере и (возможно независимо) в Египте; в долине Инда; в Китае Шанской эпохи; в Мезоамерике и (возможно независимо) в Перу; вполне вероятно, в некоторых районах Юго-восточной Азии и Африки, все еще не исследованных в достаточной степени.

² По крайней мере в одном случае — Иерихон — сложение города оказалось мертворожденным событием: у Иерихона не было прямых наследников, здесь не возникло и постоянного цивилизованного государства.

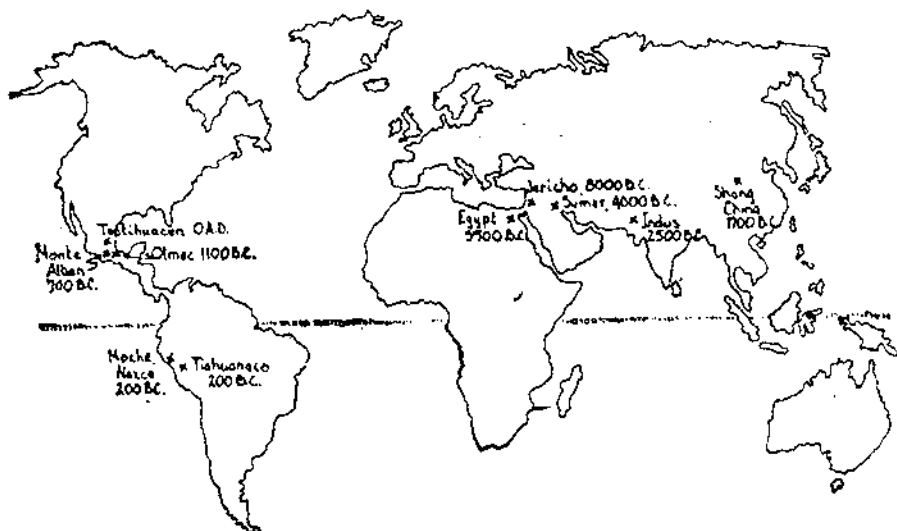

Рис. 1. Места независимого возникновения городов

Рис. 2. План части шумерского города Ур (по раскопкам 1900 г.). Точками А, Б, С и D отмечены улицы храмы. Цифра 1 в верхней части рисунка обозначает дом купца, торговавшего медью с Дильмуном (современный Бахрейн); 14—улицы харчевни

ву и стеклу. Размах торговых операций охватил Сирию и долину Инда. Натуральный налог собирался и перераспределялся руками жрецов, занявших высшую позицию в общественном устройстве.

Письменность развилась из пиктограмм, использовавшихся для различения божеств и продуктов, в сложную систему клинописи. Ей обучали в школах писцов, и для всего региона действовал единый словарь литературного языка. Около 3000 г. до н. э. наблюдается новый скачок в искусствах и технике. Изобретено колесо.

Однако колесная повозка использовалась в битвах и в религиозных церемониях целое тысячелетие, прежде чем ее применили для перевозки грузов. Ввозимые товары — только предметы роскоши. Специализированные ремесла, новые технологии обслуживали религию и войну, а не повседневные нужды. Шаг за шагом относительное равенство, характерное для деревни, вытеснялось социальной пирамидой, в которой принадлежность к классу оказывалась гораздо важнее, чем принадлежность к роду. Социальная пирамида поднималась от раба и крестьянина, надсмотрщика и солдата к чиновнику и жрецу. Собственность на землю была сосредоточена в руках жрецов. Пограничные войны между соседними городами-государствами породили профессиональное войско, привычку агрессии, профессиональных военачальников. Жрец и военный вождь разобщились и со временем последний захватил первенство. Наконец, с воцарением Саргона в 2400 г. до н. э. человечество вступает в эпоху военных империй.

Насколько известно, та же история повторялась в других регионах — не обязательно с повторением абсолютно всех черт, но и без существенных отличий. Как связана с этим предметная сущность города? Высказывалось множество объяснений: говорилось о том, что города возникли как склады и места перегрузки товаров, как крепости, административные центры для управления сложными, централизованными работами вроде создания ирригационных систем. Однако упорядоченное ведение военных действий, торговли, общественных работ — все это, кажется, появилось после возникновения города, скорее как продукт городской цивилизации, чем ее основание.

По всей видимости, первый скачок в цивилизацию осуществлялся не единожды и независимо несколько раз в истории. Когда этот скачок сделан, идеи цивилизации — город, письменность, военное искусство — могут уже передаваться другим человеческим сообществам, и те получают возможность двигаться иными, более короткими траекториями. Но классический, независимый вариант, думается, начинался с оседлого сельского сообщества. Оно, обретая способность к производству некоторых излишков, формировало в местных святилищах ритуализованное выражение собственных переживаний относительно плодородия земли, жизни и смерти, несчастий, преемственности общегития. Чем-то выделяющееся святилище начинает привлекать к себе пилигримов и их дары с большей территории, чем остальные. Оно становится постоянным

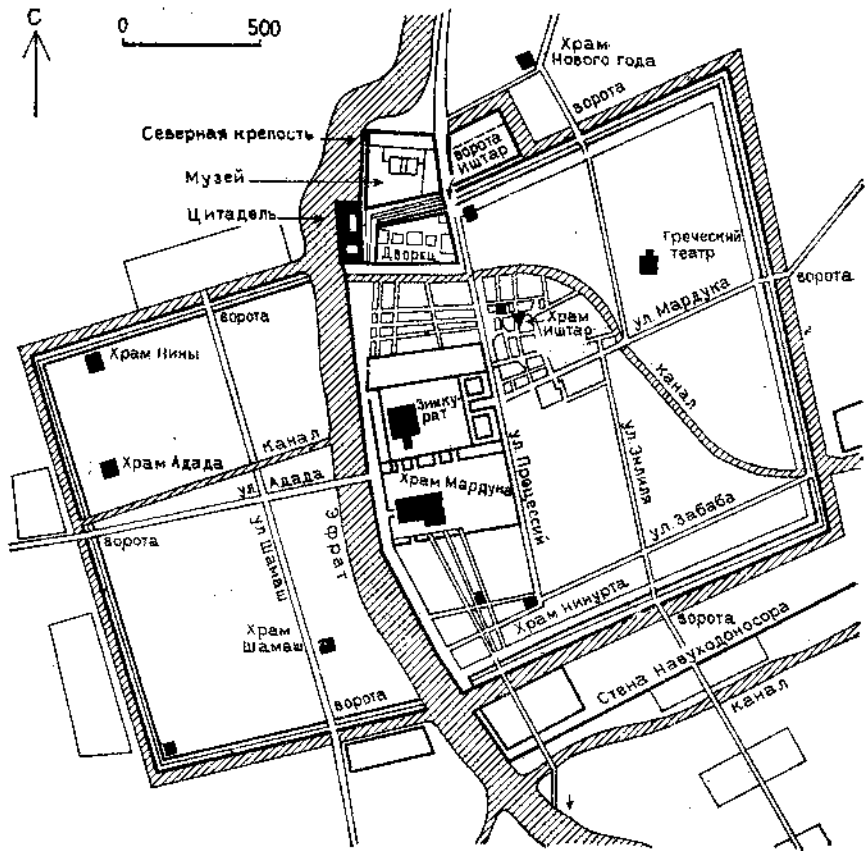

Рис. 3. План Вавилона в период его расцвета, около 600 г. до н. э. Над застройкой города господствуют храмы: покровителя города Мардука, Нового года (весеннего равноденствия), улица Процессий

центром церемоний, обслуживаемым жрецами-специалистами, которые озабочены разработкой как ритуала, так и предметно-пространственной среды, чтобы еще повысить привлекательность места¹. И место, и церемониал приносят пилигримам освобождение от тревог и становятся сами источником возбуждения и вос-

¹ Как всякая однозначная объяснительная схема, эта также малоубедительна хотя бы потому, что многие крупнейшие святыни возникали и развивались вдали от городов: Напата в Египте, Стоунхендж в Англии, Денизли в Малой Азии и т. п. (Примеч. пер.)

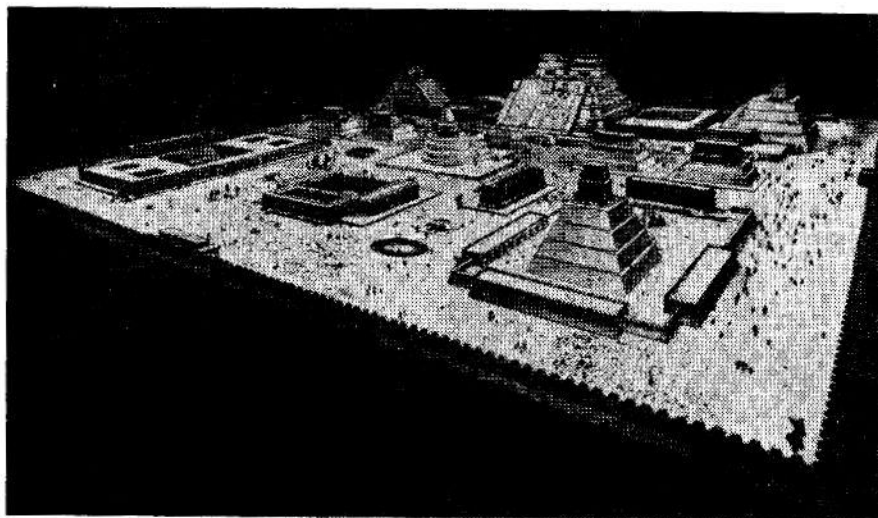

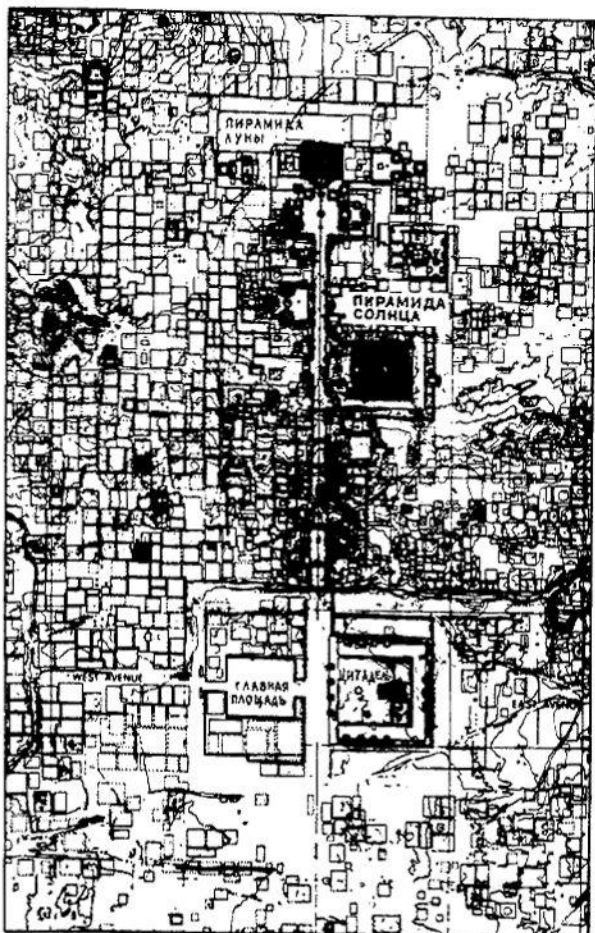
Рис. 4. Макет-реконструкция комплекса святынь в центральной части Теночтитлана незадолго до испанского завоевания. Справа впереди храм Солнца, в левом углу — школа для детей знати. Двойной храм на вершине главной пирамиды посвящен богу Солнца Уитцлипочтли и богу дождя Тлалоку. Округлую в плане пирамиду в центре венчает храм Кетцалькоатля — пернатой змеи. Вокруг обведенной стеной сакрального центра располагались царские дворцы и государственные ведомства. Сейчас на этом месте центральная площадь Мехико-сити и кафедральный собор

хищения. Здесь начинают аккумулироваться богатства, обычаи, предания, наконец, власть. Обслуживание новой элиты порождает новые ремесла, новые искусства, увеличивающие ее возможности. То, что было вначале добровольными дарами и символом веры сельского населения, превращается в натуральный налог и повинность. Создание централизованных запасов дает новые преимущества, становясь резервом на случай голода и средством обмена на необходимые предметы.

Предметное окружение играет ключевую роль в этом процессе последовательного разветвления. Это материальная основа религиозной идеи, эмоциональный стимул, способствующий привязыванию сельского населения к социальной системе. Город представляет собой «большое место», место избавления, новый мир и новый гнет. Уже поэтому город тщательно планируется, чтобы усилить чувство почтения и создать эффектный фон для религиозной церемонии. Выстроенный с набожностью, во имя исполнения осознанного замысла, город становится важнейшим средством психологического господства. И в то же время он остается выражением человеческой же гордости, вызволения, пиетета. Разумеется, по мере развития цивилизации город становится и складом, и крепостью, и мастерской, и рынком, но сначала и в первую очередь это священное место.

В Мезоамерике ряд городских центров, включая ранний ольмекский центр в Ла Вента, более поздние Монте Альбан и Тулу, города

Рис. 5. План центральной части Теотихуакана, на которой отчетливо различим великий церемониальный путь, который тянется к югу более чем на 5 км, начинаясь от пирамиды Луны. Цитадель и главная площадь, расположенные у главного перекрестка, играли роли административного и торгового центров города. Храмы и дворцы знати выстроились вдоль церемониального пути, который отдельными ступенями поднимается к подножию пирамид. Основу ткани города образуют окруженные стенами кварталы ремесленников. План отражает состояние города в момент его наивысшего могущества — около 450 г. н. э., когда общая территория города достигла 18 км², а население — примерно 200 тыс. чел.

мая и Теночтитлан, развивались по одной и той же схеме. Одним из крупнейших подобных центров был Теотихуакан (к северо-востоку от Мексико-сити). Ольмекские города старше, но Теотихуакан был для своего времени крупнейшей метрополией в Америке, не имевшей равных ни по размерам, ни по плотности, первой в ряду имперских столиц, замыкаемом ацтекским Теночтитланом.

В зените своего развития, около 450 г. н. э., город насчитывал до 200 тыс. человек. Лишь частично окруженный стенами, он был спланирован вдоль монументального проспекта, протянувшегося почти на 5 км через долину с легким подъемом к северу. Ближе к северному концу главный проспект пересечен второй монументальной магистралью, и у этого пересечения возникли два центральных квартала — рынок и административный центр. Дальше вдоль центрального проспекта и его завершения возвышались вызывающие почтение рукотворные горы пирамид, храмы и крупные здания.

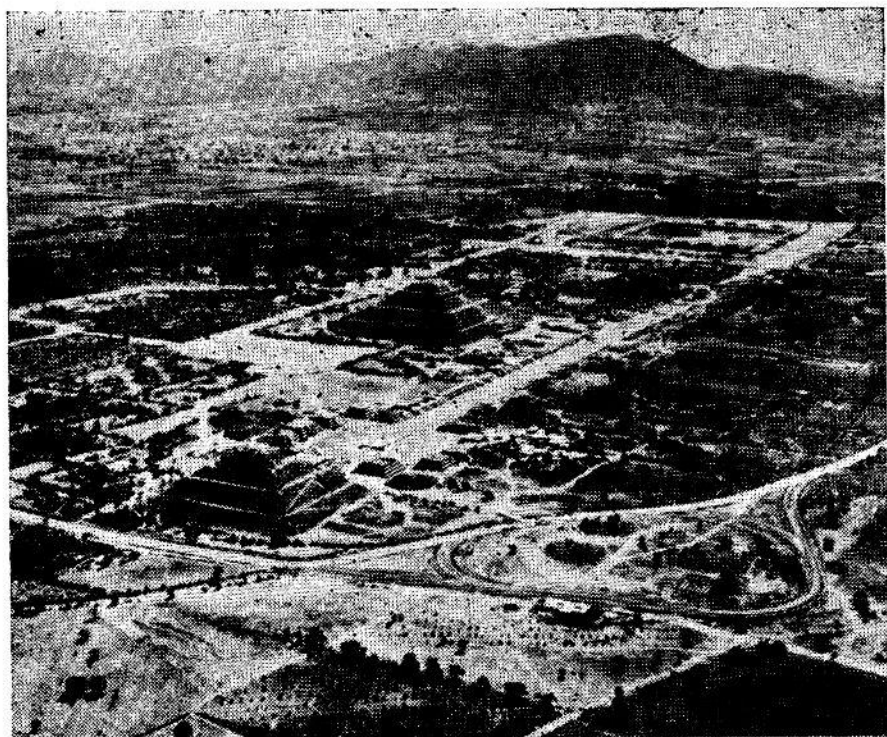

Рис. 6. Вид на юг, вдоль церемониального пути Теотихуакана; на первом плане — храм Луны, далее храм Солнца (объемом свыше 700 000 м³), на дальнем плане — руины цитадели. Современные дороги плавно обтекают священный участок, но традиционная разбивка плантаций все еще повторяет древнюю схему городских кварталов

Жилая территория города нарезана сеткой прямоугольных кварталов с поразительной точностью ориентации¹. Каждый квартал представлял собой групповое жилище на 30—100 человек, большей частью специализированных ремесленников, работавших здесь же. Раскопками выявлено уже около 500 мастерских, занятых в основном обработкой обсидиана, предназначенного на экспорт. Влияние Теотихуакана простиралось на 600 миль, его торговцы-воины изображены на фресках майя — это был крупнейший религиозный и торговый центр своего времени, привлекавший пилигримов и торговцев огромного региона.

На месте Теотихуакана деревенское поселение существовало уже около 500 г. до н. э., тогда как внезапный рывок становления города происходит только в 1 в. н. э. В это время осуществляется разбивка гигантской крестовины главных улиц на пустом пространстве к юго-востоку от первичного поселения, возводятся, а затем

¹ Обнаружена маркировка трехкилометровой прямой, проведенной под прямым углом к главному проспекту с погрешностью, не превысившей 10'.

надстраиваются пирамиды. Осуществление плана развития велось в течение столетий путем организации огромного объема общественных работ. При этом найдены свидетельства того, что все возможности роста, заложенные в первоначальном замысле, так и не были до конца использованы. Для осуществления гигантского объема работ нужно было привлекать население всей окрестной долины и, вполне возможно, в этих работах принимали участие и пилигримы.

С начала своей истории Теотихуакан держал под контролем крупные месторождения обсидиана и, без сомнения, значительная доля его последующей силы происходила из его обработки и продажи. И все же скорее всего религиозное чувство побудило первый рывок метаморфозы: сама предметная форма города и церемониал, которому она служила, составили главную притягательную мощь. Главным мотивом колоссального напряжения сил было почтение перед богами и, разумеется, желание обеспечить позицию города как центра паломничества и торговли. Как только градоформирующая «машина» пришла в движение, вторичные экономические и политические преимущества концентрации должны были реализоваться едва ли не самопроизвольно.

Разглядывая руины Теотихуакана и подобных ранних городов, от которых не осталось письменных текстов, мы вынуждены приписывать мотивы действий древним строителям. В цивилизациях, освоивших письменность, следы мотивации прослеживаются значительно проще. В древнейшей столице Шаньского Китая, в среднем течении Желтой реки, каркасные постройки были возведены на земляных платформах, и под каждым сооружением найдены следы человеческого жертвоприношения. Требовалось умиротворить души земли — возведению города сопутствовали страх и чувство вины. Чанъань, великая столица империй Хань и Тан, уподоблена ритуализованному военному лагерю. Подобно Теотихуакану, в Чанъани было 160 кварталов в пределах городских стен. Однако каждый квартал был окружен собственной стеной, в которой были только одни ворота. Все ворота закрывались после захода солнца по звуку барабана и открывались по тому же сигналу на восходе. Лишь военные патрули двигались по ночным улицам.

Эта традиция прослеживается в Китае с 1500 г. до н. э. едва ли не до XX столетия нашего века, и концепция «идеального» города постепенно отрабатывалась в текстах. Городу надлежало быть квадратным в плане, регулярно расчлененным, ориентированным по странам света; особый акцент делался на замкнутость, необходимость ворот и подъездов, символическое значение ориентации и дуализма левого — правого. Создание и поддержание религиозного и политического порядка были открыто заявленной целью.

Ритуал и его место были сопряжены. Они выражали (согласно доктрине не выражали, а содержали в себе) гармонию небесного и людского порядка, которую было катастрофически опасно нарушить. Безопасным, защищенным был только такой мир, в котором упорядоченность расположения частей, упорядоченность тече-

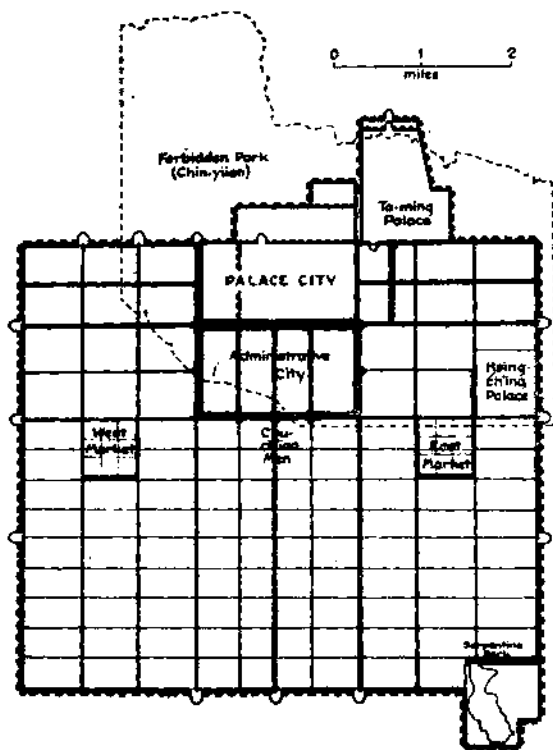
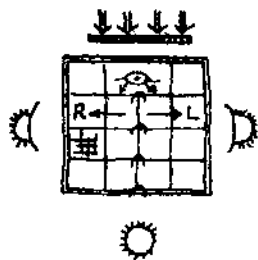

Рис. 7. План города Чаньань в Китае эпохи Тан (около 700 г. н. э.), когда в нем было около миллиона жителей и он славился великолепием. Город расчленен на район дворцов, административный район и Внешний город. Рынки и улицы находились под строжайшим полицейским надзором. Внешний город, насчитывавший 118 кварталов, был разделен посредине улиц Красной птицы на левую и правую части, имевшие каждая свой рынок и свою администрацию. Чаньань расположен неподалеку от места, где была прежняя столица времени Хань, выстроенная около 200 г. до н. э. К Танскому периоду классическая модель китайского города была уже хорошо отработана в тех формах, которые позже оказали влияние на страны Юго-Восточной Азии.

ния времени, правильность поведения и правильность в одежде были совмещены в одном месте — городе. Отнюдь не случайно, что и иерархическое строение социальной структуры трактовалось здесь как нерушимое — переплетение мысли и места в Китае хорошо прослежено в литературе.

Когда идея города усвоена культурой, она обрастает новыми функциями и новыми ценностями. Многие из них проступают при изучении тех форм освоения территории, которые применялись людьми, уже знакомыми с полезностью города. Одни из них — промышленные города, выстроенные капиталистическими компаниями с предельно ясной целевой программой достижения максимума прибыли — успех или неудача в достижении целей хорошо зафиксированы в литературе. Другой вариант — это колониальный город, представленный в двух различных формах.

Одна — это колонии, созданные на неосвоенных землях, в местах, где или не было туземцев, или они были столь редки, что колонисты, считая туземцев дикарями, или игнорировали их существование, или вытесняли их. Новое городское поселение

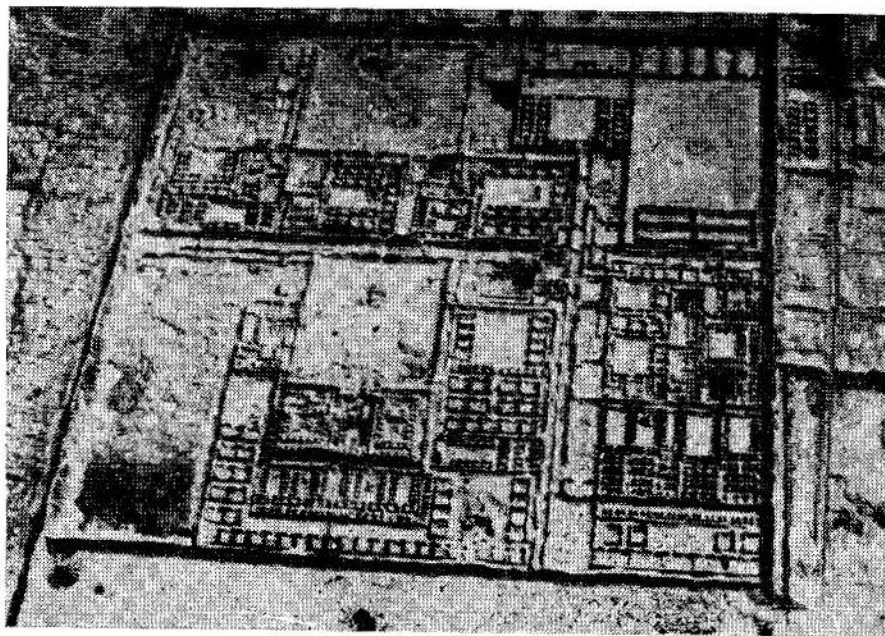

Рис. 8. Вид с воздуха на одну из так называемых цитаделей города Чан-Чан, столица царства Чиму в Перу, около 1000 г. н. э. Город состоял из множества окруженных стеной кварталов. Между кварталами не прослежено сколько-нибудь значимых улиц, внутри кварталов нередко обширные незастроенные пространства.

создавалось или для того, чтобы контролировать источник ценного сырья, или как средство против перенаселенности на родине. Такая колония представляла собой пространство, где господствовал знакомый порядок, погруженный в чужой и чуждый регион. Уже поэтому первой заботой становилось обеспечение безопасности и эффективное распределение земли и иных ресурсов так, чтобы привычно функционирующее сообщество могло возникнуть как можно скорее. Ностальгия выражена здесь весьма ярко и чисто, ей сопутствует обоснованное или необоснованное ощущение временности пребывания на новом чуждом месте. Все подобные места в своей пространственной организации тяготеют к упрощенной упорядоченности, их целенаправленно планируют, быстро строят и стремятся наполнить эмблематикой, напоминающей о «доме».

Греческие колонии, разбросанные по берегам Средиземного и Черного морей в VI и V вв. до н. э., представляют собой классический пример города на неосвоенной земле. В абсолютном большинстве случаев они следуют стандартному рисунку: вытянутые кварталы разделены узкими проулками, соединяющими чуть более широкие улицы. Прямой угол господствует нераздельно. Это монотонно повторяющийся рисунок плана, применявшийся безотносительно к топографическим особенностям места. Город окружен стеной, очертания которой соответствуют фортификационным особенностям

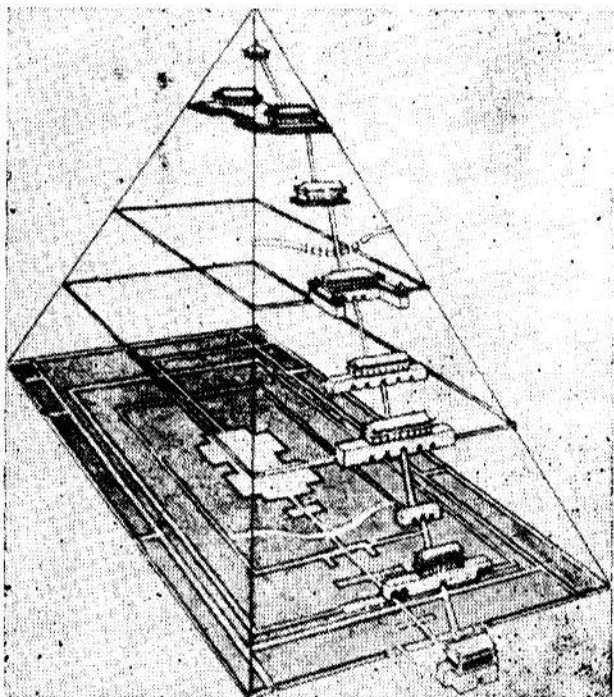

Рис. 9. Схема торжественного подхода к аудиенц-залу императора в Пекине: двор следует за двором, ворота за воротами

Рис. 10. Вид на промышленный город Сьюэлл, выстроенный компанией «Эль Теньенте» для рабочих и служащих медных копей в сухом высокогорье Чили. Здание самой шахты занимает единственную относительно ровную площадку. Нет площади или даже небольшой открытой площадки, продукты и товары перетаскивают вручную по крутым улицам-лестницам. Рабочие шахты живут в длинных пятиэтажных домах, получивших здесь название «трюмы», иностранные служащие населяют виллы на северном склоне (обращенном к солнцу в южном полушарии)

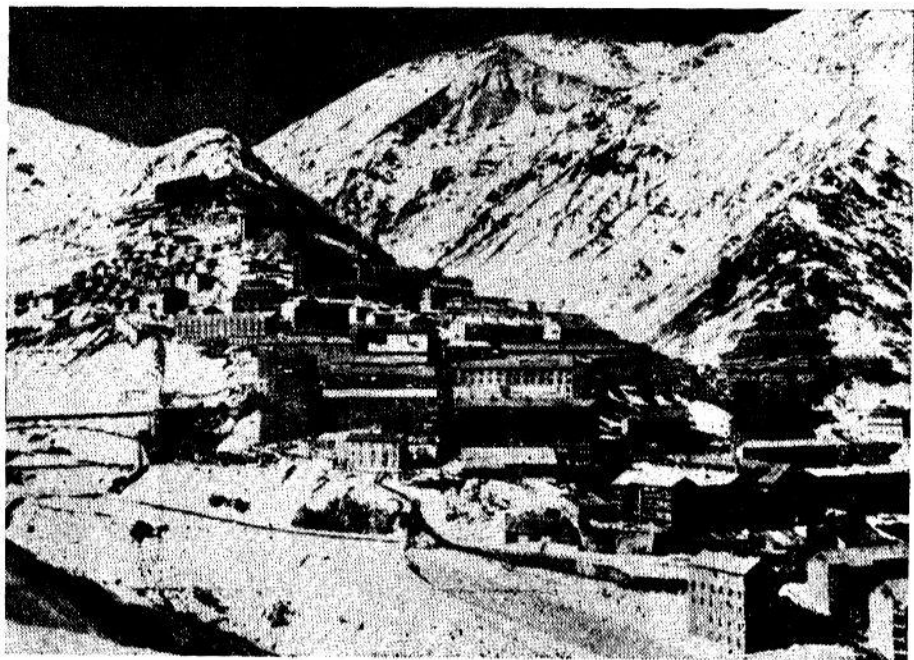
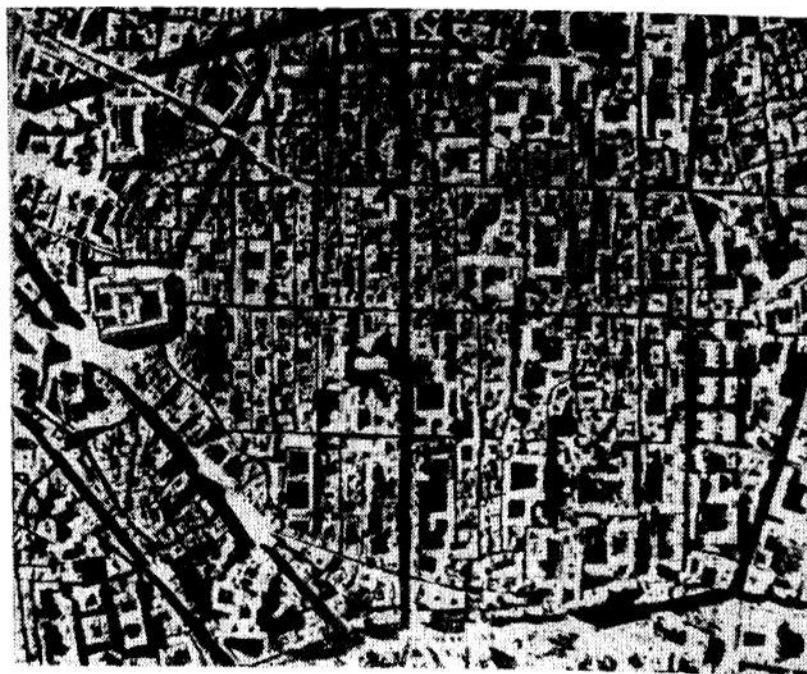
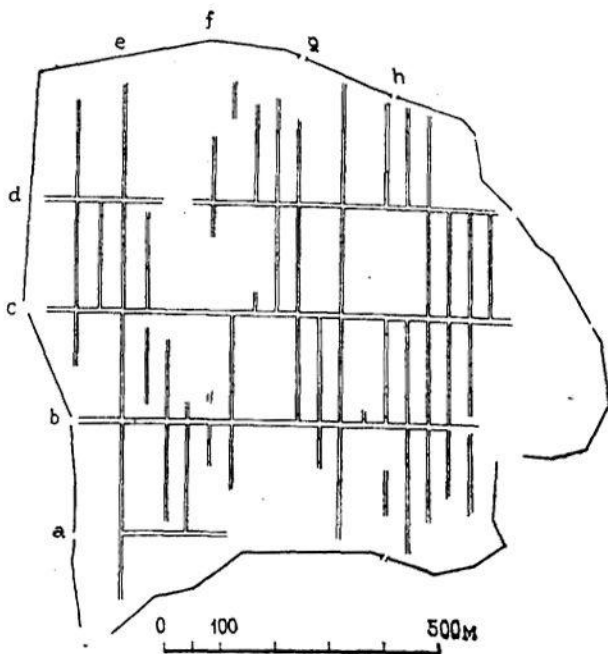

Рис. 11. Аэрофото-съемка центра Неаполя и схематический план греческой колонии Неаполис («Новый город»), уличная сеть которого решена в классической схеме «пер стригас» — рядами или бороздами. Оборонительная стена безразлична к уличной сети и соотнесена только с характером местности. Планировочный рисунок сохраняется уже 26 веков

места, не имея зато ни малейшей соотнесенности с уличной сетью внутри стен. Эффективная обороноспособность, четкая упорядо-

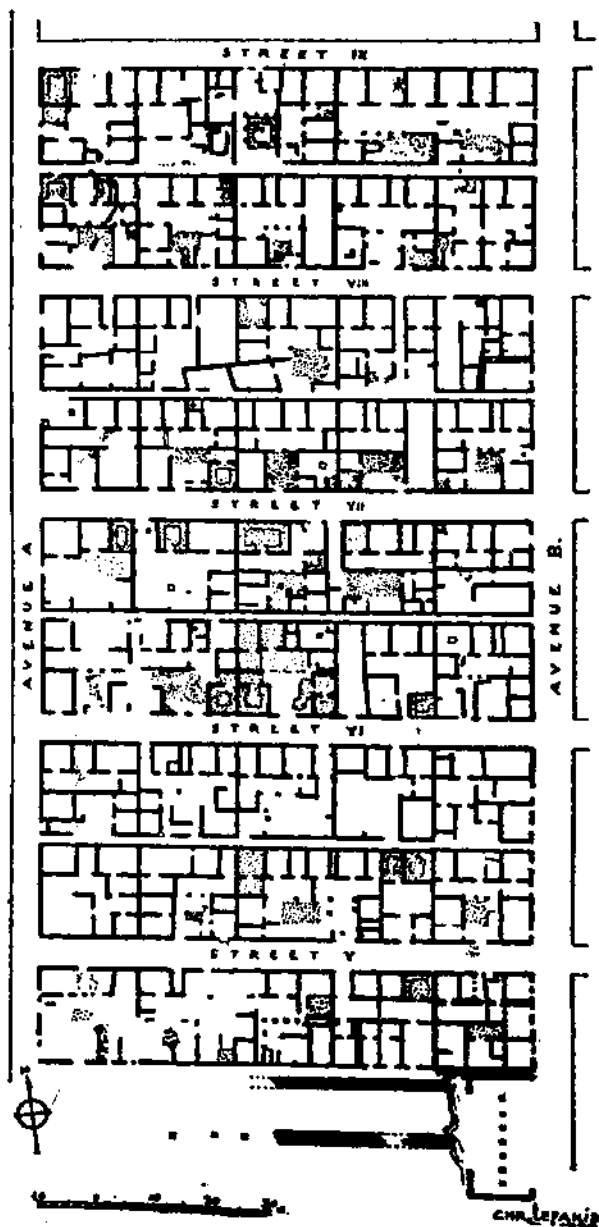

Рис. 12. Пять жилых кварталов «новой» части греческого города Олинф, застроенной около 430 г. до н. э. и разрушенной в 348 г. до н. э. У старой части города свободная планировка, тогда как в новой она строго регулярна: мощные главные улицы, ведущие с севера на юг, более узкие поперечные улицы и между ними узкие щели для стока воды. Каждый квартал имеет размер примерно 40×75 м. Следует обратить внимание на идентичность планов участков и ориентацию внутренних двориков по солнцу, независимо от входа с улицы. Строгость первоначальной схемы несколько смягчена последующими перестройками. Дифференциация качества домов в городе минимальна

ценность, легкость и быстрота распределения участков и подходов к ним — вот набор ведущих концепций¹. Военные лагеря, многие

¹ Схема, начертанная здесь, излишне упрощена: рельеф нередко вынуждал использовать несколько «решеток» в пределах городской территории, размещение храмов и общественных зданий требовало учета множества более тонких соображений. (Примеч. пер.)

североамериканские города XIX столетия — все они характеризуются теми же признаками и, возможно, мы вновь встретимся с ними, когда начнем строить станции на других планетах.

Существует и другой тип колониального города, который учреждается силой извне внутри густонаселенной местности. В подобных случаях туземное население трактовалось как один из основных ресурсов — источник рабочей силы, подлежащий организации и жесткому контролю. Конфликт культур оказывался неизбежным следствием. Испанский ритуал закладки города в обеих Америках начинался с того, что в землю вонзалось копьё, издавался воинский клич и срезался пучок травы в знак овладения землей. Сооружалась виселица и лишь после этого водружался крест и священник служил мессу.

Местная система землепользования разрушалась или втягивалась в систему правил, привезенных с собой завоевателями. Лишенные земли индейцы массами наплывали в места, предназначенные для общественных нужд, оседали на окраинах города. Описания современников донесли до нас образ быстрого искажения первоначально планировавшегося территориального порядка. Для индейцев создавались новые общественные структуры, обособленные поселения, в которых велось обучение туземцев новым религиозным и социальным законам. Так, в Лиме, которую основал Писарро после завоевания местной столицы Куско, на восточной окраине было возведено окруженное стеной поселение для индейцев (откуда они вновь и вновь пытались бежать). Это не означает, что туземцы не допускались в новый городской центр — отнюдь нет: согласно испанским Законам для Индий, индейцев полагалось выводить из пределов города на весь период его строительства. Совершенно непривычный город должен был потрясти туземцев и ускорить их добровольное подчинение высшей воле — дом господина должен был одновременно быть удаленным, отчужденным и относительно доступным, зримым. Поселение, состоящее из двух, противостоящих одна другой частей, весьма рано возникает в истории колоний.

Британцы построили много колоний такого типа — ведущей идеей было господство над другими, а сопутствующими эмоциями у победителей — гордыня, страх и чувство ссылки из дома. Дели — древняя столица Великих Моголов, лежащая в центре страны, на главном пути, по которому шло завоевание. В 1911 г. вицекороль Индии перемещается в Дели из Калькутты и происходит закладка новой столицы к югу от старого города. План города организован вдоль монументальных барочных магистралей, обеспечивавших достаточно места для демонстраций военной силы и пышности гражданской власти. Общество, аккуратно расчлененное на ранги по старшинству и жалованью, было точно отображено в пространственной структуре нового города — место проживания обрело аб-

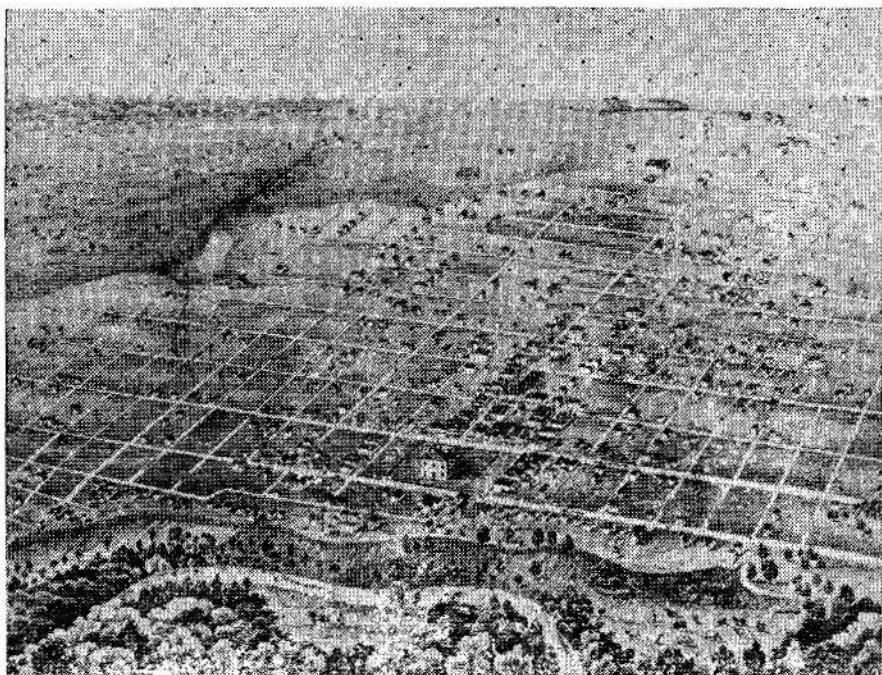

Рис. 13. Вид с птичьего полета на тexasский город Форт Уэрт в 1876 г. Типичный город североамериканских «продвигающихся рубежей», спланированный в виде регулярной решетки, что облегчало и ускоряло застройку и обмен участков

солютно очевидное значение. Высота участка относительно других, глубина пространства, просматриваемого вдоль оси — все было использовано для выражения отношений господства и подчинения.

Сами британцы разместились в кварталах с низкой плотностью заселения, и английский ландшафт был воспроизведен с той полнотой, какую позволял климат. Индусы-слуги и ели, и жили отдельно. Пространство использовано в полной мере для выражения социальных барьеров, для обеспечения полноты контроля над отношениями колонизатора и туземца. Новый город противостоял старому со всей остротой отчуждения, все — от форм кресел до иерархии в наименовании улиц — оказалось вовлечено в то, чтобы навязанная месту социальная структура была предметной, осязаемой, зрительно определенной. Это позволяло сохранять отгороженность и полноту контроля над окружением, несколько ослабляя напряженность ностальгических чувств у завоевателей.

Все подобные центры колониальной мощи выстроены из одних и тех же элементов: барьеры, ворота, пространственные промежутки; открытые пространства — они же секторы обстрела, облегчающие контроль; симметричные оси для удобства подъезда и парадов; порядок, формальность, чистота, выровненные площадки, стандартные элементы, выстроенность по прямой линии; высота и габариты.

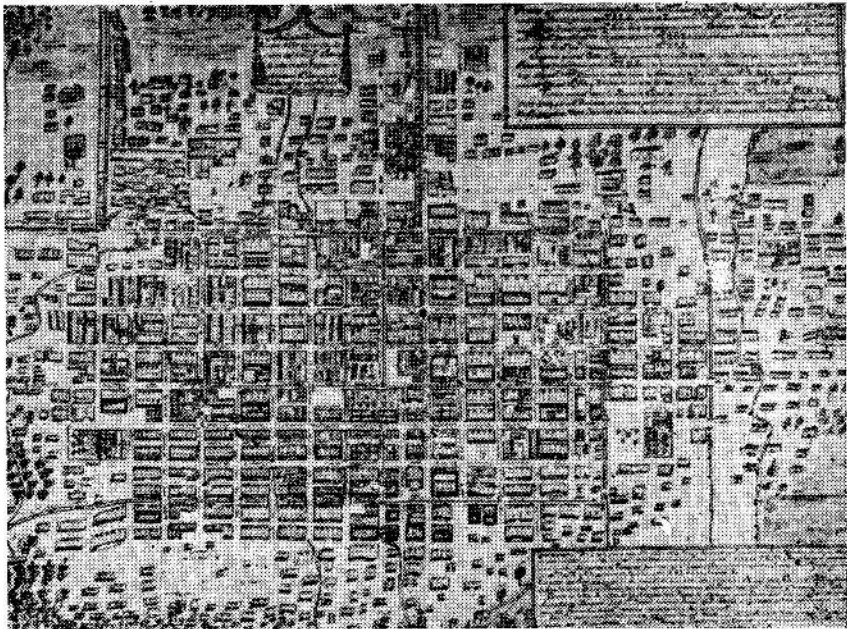

Рис. 14. План Мехико-сити в 1750 г., когда новый город был выстроен испанскими завоевателями на руинах ацтекского Теночтитлана (см. рис. 4). Ядро города имеет регулярную планировку, тогда как вокруг него разбросаны нерегулярные поселки туземцев

как выражение силы; обозначение, наименование и фиксация вещей в пространстве и времени; правила поведения в пространстве и пышность ритуала... К этому необходимо добавить наличие особых мест, куда можно укрыться, где властители могут позволить себе расслабиться. Как правило, такие колониальные поселения представляют собой двойные города, где две зоны почти соприкасаются: старая и новая, тесная и просторная, бедная и богатая, местная и иноземная.

Точно те же черты и по тем же мотивам обнаруживаются там, где колониализм — внутреннее явление, где одна, четко обособленная группа контролирует другую и эксплуатирует ее. Йоганнесбург в ЮАР — крайний пример двойного города такого типа. Пограничные города между странами, резко контрастирующими силой и богатством (к примеру, города на границе Мексики и США), обладают значительной частью тех же внешних признаков.

Что происходит с унаследованной двойственностью городов, когда колониальные цепи рвутся? Иногда, как в сегодняшнем Дели, иерархия и расчлененность перенимаются и поддерживаются уже в своих интересах местной элитой. В других случаях старая колониальная оболочка трудно осваивается совершенно новым обществом, и совсем не ясно, как следует реорганизовать пространство, чтобы его структура вновь совпадала с общественной.

Рис. 15. Вид с воздуха на границу между старым и новым ядром феррарианского «Зеленого пояса» — это расчищенная англичанами от застройки зона свободного огня, организованная военными властями сразу после восстания сипаев. Контраст масштаба и текстуры достигает поразительной силы.

Единоновременно сооружаемый город возникает обычно по достаточно очевидным причинам — гораздо труднее установить причины, скрытые за постепенным развитием. То, как отстраиваются города после крупных трагедий, дает нам ключ к пониманию более общего процесса, как бы ни сложна была реконструкция и велика инерционность, заложенная в руинах. Есть возможность изучать Лондон и Чикаго после пожаров, Лиссабон, Сан-Франциско, Токио или Анкоридж после землетрясений, Атланту, Галифакс¹ или Варшаву после военного уничтожения. В подобных случаях город восстанавливается быстро, и характер реконструкции обсуждается достаточно широко — многое можно узнать о нормальных функциях и обычных ценностях в городе, наблюдая ситуации, когда норма существования резко нарушена.

Наиболее трудную загадку представляет собой постепенное развитие города, осуществляемое взаимодействием множества противоречащих друг другу действующих сил. Ценности, вовлекаемые в этот процесс, чувствительно задевают наши интересы, и наибольший интерес представляет собой долгий и сложный переворот, преобразивший наши города до того состояния, которое мы счи-

¹ Галифакс был уничтожен англичанами во время войны за независимость, Атланта — боями в период Войны Севера с Югом. (Примеч. пер.)

Рис. 16. Аэрофотосъемка поселка Соуэто в ЮАР — одного из поселков выстроенных для принудительного выселения черного населения из Йоханнесбурга в рамках официальной политики «апартеида»

таем их привычной формой. Процесс начался в Европе и Северной Америке в XIX в. и все еще далеко не закончен. Здесь речь идет о реорганизации живой ткани.

Чаще всего упоминаемыми примерами долговременной трансформации служат Париж и Лондон — в особенности Лондон, в котором капитализм раньше всего почувствовал свою силу. Большинство сумело сформировать совершенно новый ландшафт, облегчавший получение прибыли от производства и концентрации капитала. Шоссе, железные дороги и водные пути для перевозки грузов и рабочей силы были протянуты через ткань старого города. Были расчищены новые участки для промышленного производства. Чтобы строить в городе и управлять им, были выработаны новые финансовые инструменты: налоги на улучшение среды, строительные компании и пр. Возникли новые общественные и частные учреждения, занятые развитием города.

Везде, где это возможно, места работы и места проживания были разделены — частью для повышения эффективности, но прежде всего для облегчения контроля над возможными социальными возмущениями и для того, чтобы убрать с глаз долой труд, создававший прибыль. Разорившиеся арендаторы устремились в город. Дешевая ра-

бочая сила увеличивала прибыльность производства, но численность рабочих, их болезни, озлобленность пугали тех, кто на этом зарабатывал. Зло города стало популярной темой в литературе. Прибыль можно было извлекать как из промышленного производства, так и из владения земельными участками, сдававшимися в аренду, и между двумя группами капиталистов, черпавших доходы из двух разных источников, часто возникал острый конфликт относительно будущего развития города.

История трансформации Лондона или Парижа известна широко, но точно те же события разворачивались (пусть чуть позже) в других городах Европы и Америки. Остановимся для примера на событиях в Бостоне.

Бостон начал расти после Американской революции, но долго оставался чисто торговым городом, что относилось и к экономике и к социальной структуре. Это центр международной торговли, перегрузочный порт, ориентированный на южную Атлантику, в первую очередь, но связанный и с Тихим и с Индийским океанами, со Средиземным и Балтийским морями. Развозя товары по всему свету, Бостон был куда теснее связан с океанами, чем со своим собственным сельским окружением. Порт, разместившийся в бухте между Форт Хилл и Норт Энд, был центром деятельности, а Длинная верфь и Стейт-стрит как его продолжение на материке — осью этого центра.

Крупные негоцианты выстроили вдоль Стейт-стрит свои конторы и особняки, и в конце улицы совершенно естественно стоял старый Капитолий, лишь совсем недавно уступивший место новому — на Бикон Хилл. Ремесленники и мелкие торговцы расселились по обе стороны центральной оси — они обслуживали по преимуществу местный рынок, работая в небольших мастерских в собственных домах. Некоторое число ирландцев угнездилось у самого края портовой зоны, но большая часть подвижного населения — бедняки, временные рабочие, матросы, проститутки, воры — нашли себе место на окраине, главным образом, на задних склонах Бикон Хилл. Для нас, привыкших к тому, что бедность гнездится в центре города, а зажиточность — на окраинах, этот торговый город кажется словно вывернутым наизнанку.

Преобразование торгового Бостона начали две социальных группы: торговцы, занявшие центральное положение в сети производства, распределения и кредита и нуждавшиеся в пространстве для экономического развития, и владельцы капитала, вкладывавшие его в покупку земли, строительство и средства транспорта, стремившиеся заработать на устремлениях первых. Процесс перемен, выразившийся в росте и дифференциации землепользования, разворачивался шаг за шагом, обходя естественные препятствия, огибая места закрепленной собственности и участки, обретшие символическое значение — конкурирующие варианты использования земли обеспечивали этому процессу постоянную напряженность. Параллельно росту вновь и вновь предпринимались попытки улучшить пространственные связи между ключевыми центрами той или

Рис. 17. План Бостона в 1837 г. Уже началась засыпка мелководий — по краям полуострова — в районах Милл Понд и Саут Коув, где проложены железнодорожные линии, и по краям Перешейка, где возникает Саут Энд. Однако берег Бэк бей еще не застроен. Длинный мол, продолжение Стейт-стрит, служит центральным пунктом всего залива; рядом с ним уже выстроены торговые ряды Куинси маркет

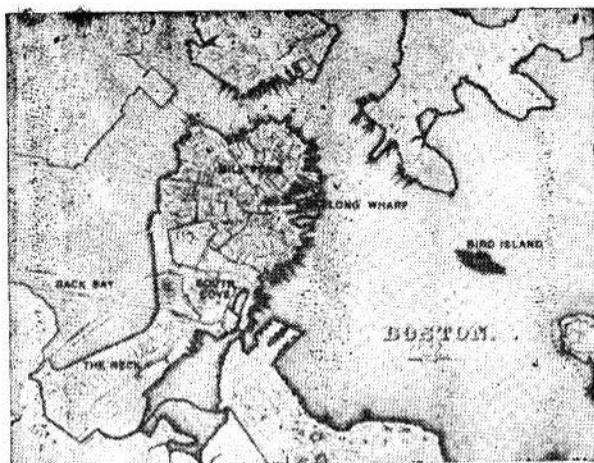
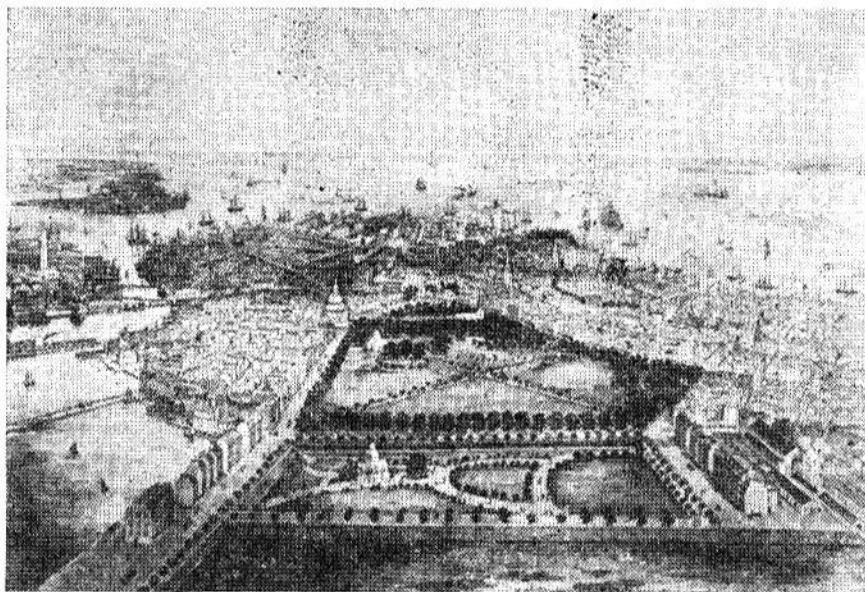

Рис. 18. Панорама Бостона с птичьего полета в 1850 г., раскрывающая от залива Бэк бей. На первом плане — общественный парк и Коммон, упорядоченные несколько лет назад, далее — залив. Это торговый город, в начале преобразования ядром его остаются конторы и причалы

иной деятельности. Как правило, эти разрозненные попытки не имели успеха.

Упадок морской торговли вслед за депрессией 1857 г., распространение паровых машин и наплыв ирландских иммигрантов естественным образом перенесли центр тяжести городской экономики с коммерческих операций, связанных с портом, на промышлен-

ное производство. Капитал и организационные способности переместились в создании крупных заводов в пределах городской черты. Заводы могли использовать дешевый низкоквалифицированный труд за счет столь детального расчленения производства на операции, что рабочий был занят бесконечным повторением одной несложной операции. Большинство этих заводов специализировалось на производство готового платья и обуви для матросов, шахтеров, рабов, солдат и пионеров дальнего Запада. Потребности Гражданской войны между северными и южными штатами и «открытие» Запада дали бостонской промышленности возможности стремительного роста.

Началась запутанная пространственная «кадриль» — заводы и пакгаузы стали блуждать, разыскивая место и протискиваясь между запрещенными к застройке зонами и плотной застройкой полуострова. Первый из новых заводов занял было опустевшие склады, а затем был вытолкнут, когда в морской торговле началось оживление в связи с экспортом шерсти, кожи и пшеницы. Обувные и текстильные фабрики, пройдя решительную механизацию, перебрались в пригороды, где легко было построить просторные цеха и рабочая сила была под рукой. В производстве одежды механизация оказалась невозможной, и фабрики превратились в агрегаты мастерских, размещившихся в многоквартирных доходных домах Норт Энд и Саут Коув. Склады и рынки начали все более специализироваться: шерсть и кожи собрались по одну сторону Стейт-стрит; продуктовые рынки — по другую. Передвигаясь, склады и рынки должны были сохранить связь с портом и рабочими районами (пешеходная дистанция) и также с источником информации о ценах и кредите, сосредоточенной в специализированном банковском районе. Этот район, выросший из контор вдоль Стейт-стрит, практически остался на месте, лишь несколько продвинувшись к югу, так как нуждался в новом пространстве, тогда как северная сторона улицы досталась продуктовым рынкам и ирландцам.

Подходящий участок для конторы, цеха или склада был, безусловно, очень важен, но еще важнее была близость к адресатам, и еще важнее — к источникам кредита и информации. Рост всегда оказывался затруднительным, всегда представлял вторжение в чье-то владение. Поэтому там, где это было неизбежным, и капитал, и общественные силы, и власти концентрировали усилия на том, чтобы расчистить и перестроить участок. Именно таким образом был выстроен рынок Квинси-маркет, возведены причалы Брод-стрит, расчищен и выровнен Форт Хилл, прорезана Атлантик-авеню. За счет вложения огромных средств холмистый полуостров Бостона с его изрезанной береговой линией был частично выровнен и расширен. Развивавшемуся городу пришлось толочиться на весьма ограниченной территории, и в результате сохранилось ничтожно мало зданий раннего периода. Полуостров — почти остров — был когда-то выбран из соображений легкости его обороны, удобного водоснабжения и наличия гавани. За трудности приспособления к

Рис. 19. Схема превращения коммерческого Бостона в индустриальный Бостон, показывающая объемы насыпных работ, вторжение железнодорожных линий и перемещения основных функций и групп горожан

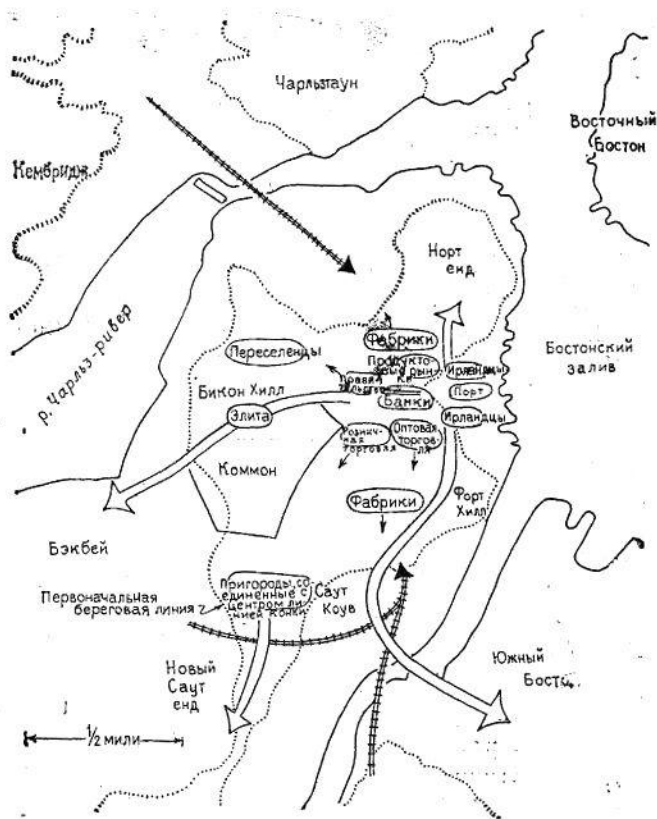
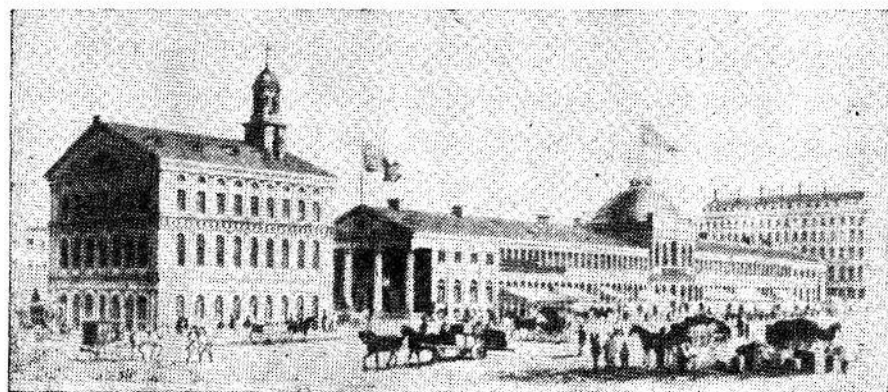

Рис. 20. Файелхолл, «колыбель революции» слева, рядом с ним — длинный, отделанный гранитом корпус торговых рядов Куинси маркет, построенный и подаренный городу Джошуа Куинси в 1828 г. Торговые ряды расположены в центре территории, которую Куинси сделал предметом удачной земельной спекуляции. Воспользовавшись недовольством горожан, Куинси добился радикального обновления зоны старой городской верфи. Зона была реставрирована в 1973 г.

новым условиям и сложность транспортных связей с материком пришлось дорого заплатить в XIX в.

Вновь и вновь предпринимались усилия связать порт с региональной транспортной системой — между 1835 и 1855 гг. К Босто-

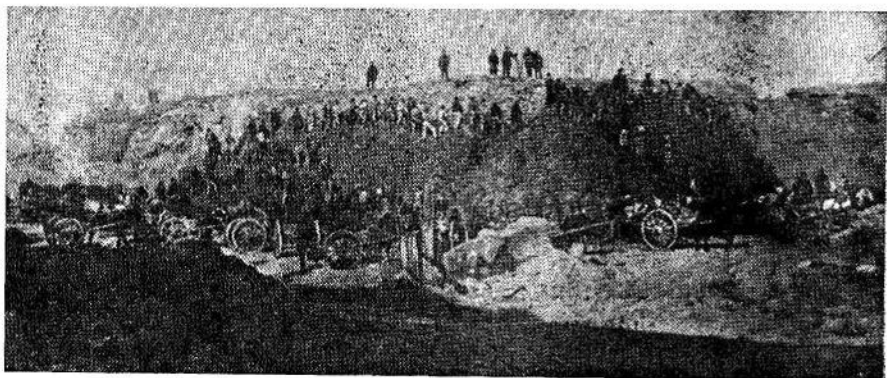

Рис. 21. Когда трущобы, в которых селились ирландские иммигранты, были снесены, вершину Форт хилл сровняли при помощи кирки, лопаты и телеги

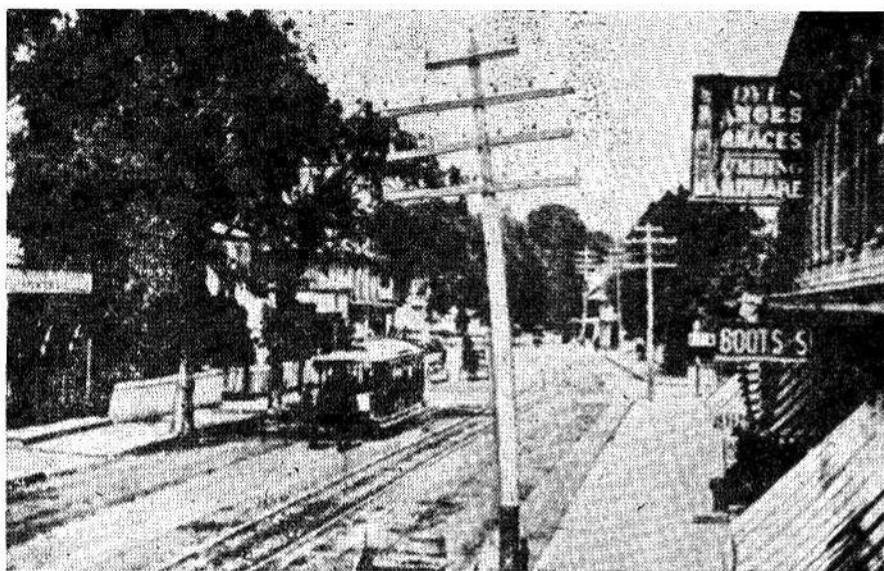

Рис. 22. Конка на Сентр-стрит в Ямайка Плейн, Бостон, 1883 г. Благодаря конке возникли первые пригороды, населенные семьями со средним уровнем дохода. Торговля и обслуживание вытянулись вдоль путей, тогда как задние улицы застроены скромными односемейными домами

ну, были протянуты восемь железных дорог. Ни одна из них не достигла ни порта, ни делового центра. Место для прокладки линии и сооружения вокзала удавалось найти только на болотистых окраинах Мидл Понд, Бэк Бей, Сайт Коув. Одна из железнодорожных линий дошла до береговой линии в южной части Бостона, но она обслуживала лишь незначительную часть центра. Пароходная линия «Кюнард» из Лондона оканчивалась в этой точке,

но и людей и грузы приходилось отсюда перевозить на пароме через залив, чтобы они очутились в центре. Не удивительно, что «Кюнард» вскоре передвинулась в Нью-Йорк.

В противоположном направлении (из города) одна из железных дорог достигла берега Гудзона уже в 1842 г., но на этом все кончилось. Из смелых первоначальных планов провести канал через равнину Беркшир ничего не вышло. Углубившись во внутренние споры о способах выйти к берегу, бостонцы уступили жителям Нью-Йорка в конкуренции за позицию ворот континента и уже никогда не смогли вернуть утраченное. Таким образом, бостонские железные дороги служили лишь внутренним, прежде всего пассажирским, перевозкам. Соединение их в единую сеть наступило много позже. Когда экспорт продукции Запада стал разрастаться, говары продолжали перегружать на суда на обособленных пригородных станциях. Разрыв между городским центром и портом, между центром и материком так и сохранялся ничем не заполненным. Внутри самого города грузовые перевозки с вокзала на вокзал и нарастающее движение пассажирских конок все плотнее заполняли запутанную уличную сеть.

Между тем волна иммигрантов из Ирландии, оплачивавшая своим трудом промышленный бум города, должна была как-то приспособиться к тому же лабиринту. Только за 10 лет доля новоприбывших в населении города возросла с 15 до 46%! Новые горожане оказались «упакованы» в старые жилые районы у тех причалов, с которых они сошли на берег, в окраины Норт Энда и вокруг Форт Хилла. Спекулянты взялись за сверхплотную застройку кварталов, активно приспособлявая к наплыву новых обитателей старые дома и подвалы. В результате теснота и грязь, в которой существовали ирландцы, были неправдоподобными. К 1850 г. в районе Форт Хилл на одну небольшую квартиру приходилось в среднем (!) четыре семьи или 20 человек. Вспышка холеры удвоила страх и ненависть, которые испытывали коренные бостонцы к тем самым ирландцам, на чей труд опиралась теперь вся машина городской экономики. За общественные деньги и с помощью городских властей трущобы Форт Хилл были откуплены у владельцев и снесены. Выровненное место предназначили для развития делового района, а обитателей трущоб вытеснили в Норт Энд, Саут Коув и Южный Бостон — своего рода тупик, в котором ирландцы засели надолго.

Старый Саут Энд (сейчас это часть делового центра и его не следует смешивать с сегодняшним Саут Эндом) был когда-то жилым районом элиты, затем он первым был превращен в весьма выгодный для владельцев район трущоб и первым же расчищен для новых целей. В других местах жилые оазисы выдерживали натиск бизнеса — Бикон Хилл стоял как крепость, оказавшись позади Капитолия и в стороне от главной оси коммерческого роста, так как эта ось отклонилась вбок у парка Коммонз. Норт Энд также держался твердо на мысу за продуктовыми рынками — рабочим было необходимо жить рядом с местом работы. Стесненные

условия роста города, в которых разные его элементы вели борьбу за жизненное пространство при упорном сопротивлении различных групп натиска, привели к тому, что сложный по структуре, многонациональный центр Бостона ничем не напоминает ситуацию в других городах США, где центральное ядро окружено кольцом свободных земельных спекуляций.

И все же произошел прорыв на юг — в этом направлении протянулись линии конок с начала 1850-х годов. Немало богатых горожан уже переселились к тому времени в загородные дома в пределах пятимильной дистанции от центра и пользовались пригодной железной дорогой. Часть солидных горожан твердо держалась за Бикон Хилл и, по мере его насыщения, вступила в обладание районом Бэк Бей. И все же те, кто побогаче, покинули Тремонт-стрит, старый Саут Энд, а потом и новый Саут Энд, уступив место бизнесу и ирландцам. Возникает уже более привычный нам вариант классовой сегрегации пространства: вершина пирамиды богатства, ранее совпадавшая с центром города, начинает смещаться за его границы.

Железные дороги были не по карману большинству горожан. Рабочие передвигались пешком. Однако новые конки с единым пятицентовым тарифом позволили средним слоям и даже наиболее квалифицированным рабочим вырваться из тесных центральных кварталов. Конка была независимым от города коммерческим предприятием, финансируемым обычно торговцами недвижимостью — те были заинтересованы в том, чтобы сделать удаленные участки привлекательными для горожан¹. Плохо скоординированные линии конки чуть не задушили улицы центра, но они же дали едва ли не трети горожан возможность переселиться в другие условия.

Маленькие коттеджи, заблокированные деревянные домики разбежались в пределах трехмильного радиуса от центра — эту экспансию остановили только противопожарное законодательство и падение прибыльности конки. Отсутствие централизованных инженерных систем, скверная планировка, слабые конструкции — россыпь домиков представляет собой тяжкое наследство для города. В то же время семьи со средним доходом впервые получили шанс стать собственниками жилища и «наслаждаться деревенским воздухом». На всем этом зарабатывались большие деньги, из этого родилось немало крупных предприятий, объем недовольства средних слоев и части рабочих удалось уменьшить, сохранив ту же временную доступность рабочего места.

Пятицентовый тариф был утвержден законодательным образом, всё больший объем субсидий из городских средств шел на продолжение улиц и инженерных сетей для придания коммерческой ценности ранее «сырым» участкам. Развитие уличной сети довольно долго поглощало ровно половину городского бюджета. По мере роста Бостон присоединял пригородные земли. Позднее, когда

¹ Точно так же первые мосты вне города были построены прежде всего для расширения земельных спекуляций в регионе.

Рис. 23. Напряженное движение на Вашингтон-стрит, в Бостоне, в самом конце XIX в. Толчея телег и фургонов была чрезвычайной, однако пешеходное движение здесь преувеличено — фотография сделана в день спортивных соревнований

линии перевозок растянулись и утратили прибыльность, город принял на себя расходы по их поддержанию.

К 1880-м годам эра романтического капитализма, эпоха напряжения сил, бодрой экспансии и веры в будущее в целом завершилась, чему способствовали гибель цвета городской элиты в сражениях Гражданской войны и великий пожар 1873 г. Ирландцы начинают захватывать бразды правления в муниципалитете в свои руки. Городок Бруклин категорически отказался от присоединения к Бостону, блокировав тем самым возможность привести схему политического управления в соответствие с ростом застроенных территорий. Городской бюджет резко сократился, и Совет здравоохранения, бывший ранее мощной силой в регулировании развития, оказался частью Совета благотворительности и помощи безумным. Верхушка янки¹ перенесла центр тяжести своих интересов с дел города на дела штата, с попыток сохранения политического руководства на сохранение экономической мощи. В 1880-е годы начался новый подъем волны иммиграции, но теперь ее составили по большей части франко-канадцы, евреи из Восточной Европы и южане из Италии.

Капитал торговцев и земельных спекулянтов преобразовал старый торговый город так, что он смог выполнять новые экономические функции и поглотить новую массу рабочей силы для выполнения этих функций. Однако все это происходило с чрезвычайными затруднениями в психологически малоприспособленной обстановке. В ре-

¹ Слово «янки» первоначально была презрительной кличкой, которую голландские пернопоселенцы дали британским колонистам: *Yan-kees* — «сырный Джон». До наших дней это означает WASP — белый, англосакс, протестант, т. е. «истинный американец». (Примеч. пер.)

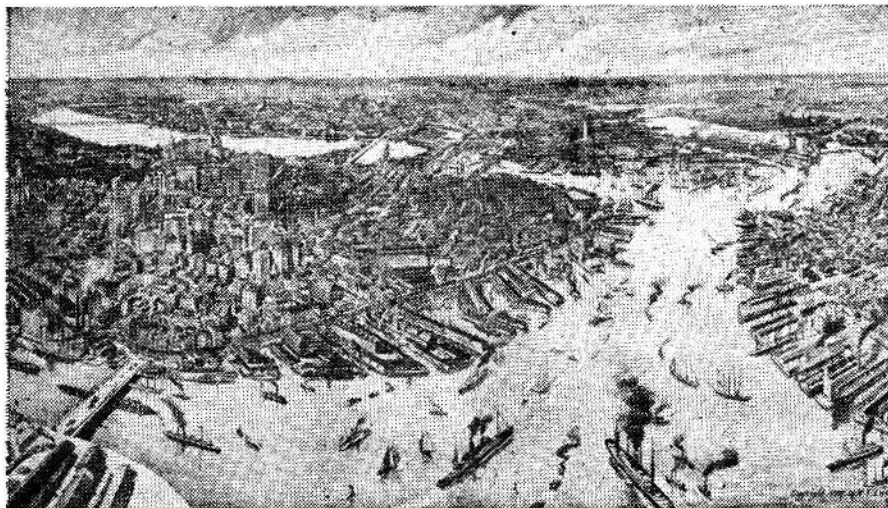

Рис. 24. Вид с птичьего полета на Бостон 1907 г. Город стал промышленным гигантом, переполненным иммигрантами. Богатые и «средний класс» бежали из центра, освободив место для плотной застройки банковскими и конторскими зданиями

зультате не удалось получить ни эффективно действующих производственных зон, ни связанной системы коммуникаций. Здоровье горожан было страшной ценой, уплаченной за развитие города. Следы отчаянной борьбы за территорию сохранились в отчетливости этнических групп и районов, в сверхплотности центрального ядра.

Когда-то прокладка линий конки в Роксбери и Дорчестер открыла множеству семей шанс пространственной и социальной мобильности, дала им возможность сделать шаг к пристойным условиям проживания. Теперь эти ранние пригороды обречены на упадок. Мотивы трансформации достаточно очевидны: расширить пространство производственной зоны, улучшить доступ к ней, повысить прибыльность земельных участков. Вопросы здравоохранения, пожарной охраны, улучшения условий жизни — все это лишь следствия главных действующих факторов.

Есть полная возможность исследовать и ценности, и тех, кто их внедрял в трансформацию Бостона, как бы этому ни препятствовала сложность огромного города и инерционность его формы. Город отнюдь не рос «естественным образом» и не был неизбежным результатом каких-то безличных сил истории. Нет в истории Бостона и чего-то глубоко уникального — на городах любой культуры можно увидеть, как сдвиг ценностей воздействует на градостроительную форму. Так, средневековые города ислама с характерной для них акцентировкой замкнутости и обособленности жилища резко отличаются от привычных для нас городов. Плотная, древовидная структура их улиц и переулков кажется поначалу совершенно

загадочной до тех пор, пока мы не предприняли труд разобраться в системе ценностей, породившей именно такую структуру.

Следует внимательно приглядеться к городам в социалистическом обществе, выстроенным и перестроенным для того, чтобы соответствовать новому социальному порядку. В СССР и странах Восточной Европы построено заново или перестроено множество городов, но, если оставить в стороне отсутствие классовой сегрегации жилых районов, деформировавшей города капиталистического мира, они похожи на западные. Время покажет, возникнут ли новые градостроительные формы на Кубе или в Китае.

Форма города, его функции, идеи и ценности, которые связывают с ними люди, образуют единое целое. Уже поэтому нельзя написать историю градостроительной формы как, скажем, распространение регулярной уличной сети: между Пекином и Чикаго нельзя проследить даже поверхностного сходства. Нельзя также написать такую историю, апеллируя только к действию безличных сил рынка и политики: решения накапливаются кумулятивным образом, оставляют после себя солидное наследие — позитивное или мешающее — всякому следующему поколению горожан. Форма поселения всегда являет собой нечто желаемое, нечто оцениваемое, но сложность инерционной структуры затемняет нередко эту связь отношений.

Необходимо вскрыть — в цепи умозаключений, если нет лучшего средства, — почему люди создали именно такую градостроительную форму, что они ощущали в связи с этим. Необходимо проникнуть в то, как обитатели пространственной формы переживают ее в ходе повседневного существования... Написание такой интерпретирующей истории не входит в число задач этой книги, и все же несколько сюжетов представляются очевидными. Это стремление градостроителя к символической упорядоченности и стабильности; выражение силы и контроль над действиями людей; доступность и недоступность; эффективность экономической жизни и способность контролировать использование ресурсов. При всей долготе истории города лишь несколько принципов формообразования вновь и вновь используются ради достижения перечисленных целей, что в конце концов не удивительно, коль скоро градостроительная форма базируется на физиологии и психологии человека, на устойчивости окружающего нас мира природы.

2. Что такое градостроительная форма и как она создается?

Три теоретических доктрины стремятся объяснить город как специфический пространственный феномен.

Одна, часто именуемая «теорией планировки», утверждает необходимость объяснить или обосновать сложные решения относительно путей и направлений развития города. Поскольку соглашения в рамках подобных решений вовлекает всю гамму политиче-

ских и экономических сил, основные вопросы этой доктрины выходят далеко за пределы собственно градостроительства и она разрабатывалась преимущественно в других областях. Отсюда другое, более распространенное название — «теория принятия решений».

Второе направление теоретической работы, которое я именую «функциональной теорией», в гораздо большей степени занято собственно городом, так как стремится объяснить, откуда берется градостроительная форма и как она функционирует. Это довольно мощное теоретическое направление, хотя и не столь энергичное, как теория принятия решений, и оно всегда вызывает к себе повышенный интерес.

Третье направление, чахнувшее в тени первых двух, я назвал бы «нормативной теорией». Оно исследует поддающиеся обобщению взаимосвязи мира человеческих ценностей с формой поселения. Здесь возникает наиболее интересный для нас вопрос: как опознать хорошо организованный город, когда вы с ним сталкиваетесь?

Как на здоровом дереве, эти ветви должны отходить от общего ствола, но в отличие от живых деревьев эти ветви не должны расходиться. Они должны пересекаться и поддерживать одна другую в ряде мест. Общая теория города могла бы стать густой кроной, и, наверное, рано или поздно ее ветви не будут столь обособлены, как сейчас. Пытаясь работать в опасной близости от конца самой слабой ветви, мы должны помнить о существовании двух других и выискивать подходящие места для приживания черенков.

Итак, в рамках этой главы мы рассмотрим бегло как теорию принятия решений, так и функциональную теорию — взаимодополнительные к нашей собственной ветви. Здесь же мы попробуем продвинуться к уточнению того, чем же является «форма» города, и, тем самым, к уяснению того, что же мы, собственно, обсуждаем.

Почти все современные теории городских поселений суть теории функционирования города. Здесь задается вопрос: «Как город стал тем, что он есть?», и еще один, тесно связанный с первым: «Как он работает?». Нельзя задаться вопросом, «...что такое хороший город?», не имея предварительно каких-то ответов на первые два вопроса. В свою очередь, концепцию функционирования города нельзя построить, не опираясь на какое-то представление или ощущение «хорошего» — оно предопределяет выбор наиболее существенных аспектов рассмотрения. Все функциональные теории содержат в себе ценностные допущения (чаще всего глубоко запрятанные) и точно также нормативные теории содержат внутри себя допущения относительно структуры города и его функционирования. Развитие теоретического знания в одной области самопроизвольно передается другой, и действительно развитая теория города должна быть одновременно нормативной и объясняющей.

И все же до настоящего времени нет теории происхождения и развития города, которая связала бы между собой все существенные аспекты городской жизни. В границах каждой теории на город смотрят со специфической точки зрения и, к тому же, одни спосо-

бы рассмотрения обнаруживают большую развитость по сравнению с другими. Каждая из основных теоретических концепций развертывается вокруг центральной метафоры, служащей наиболее обобщенным выражением восприятия города. Эти метафоры определяют способ выявления элементов для дальнейшей абстрагированной разработки и характер модели функционирования.

Город может, таким образом, рассматриваться как «история», как схема взаимоотношений между группами людей, как пространство производства и распределения, как поле действия сил, как система взаимообусловленных решений, наконец, как арена социального конфликта. Ценностные отношения изначально встроены в подобные метафоры: историческая преемственность, равновесие, эффективность производства, эффективность управления, максимизация взаимодействий, развитие через борьбу противоположностей... В каждом случае иные «актеры» выходят на авансцену преобразований градостроительной формы: политические лидеры, семейные или этнические группы, вкладчики капитала, техники или дорожники, технократическая элита, революционные классы.

С позиции нормативной теории все функциональные концепции имеют общие недостатки — будь в нашем распоряжении достаточно полная функциональная теория, нельзя было бы писать книгу о ценностях города, не обращаясь к этому источнику. К сожалению, все наличные концепции опираются на ценностные суждения, которые в них не исследованы и отнюдь не полны.

Большинство концепций статичны по природе: речь в них идет о микродвигах, достижении равновесия, об импульсах извне, которые следует преодолеть, которые приведут к катастрофе или вызовут радикальное изменение — скачок, выводящий затем на ровное плато. Ни одна из этих концепций не может совладать с непрерывностью изменений, с множественностью микроскопических и ежеминутных сдвигов, совокупность которых ведет в одном направлении развития.

Кроме того, ни одна из концепций (за исключением «исторической») не работает практически с качеством среды, т. е. со всем богатством фактуры, связанным с формой и значением города. Пространство абстрагируется функциональными теориями до полного его обеднения, сводится к статусу нейтрального контейнера, дистанции, носителя какого-то внепространственного процесса. Большая часть того, что, безусловно, ощущается нами как реальное существование в городе, попросту исчезает.

Наконец, лишь редко теория принимает во внимание то, что город являет собой результат целенаправленной деятельности, осмысленного поведения индивидов и групп. Функциональные теории игнорируют тот факт, что люди «способны обучаться городу», — в границах теории город фигурирует как демонстрация той или иной абсолютной закономерности, а вовсе не результат изменений человеческих устремлений.

Никого не удивляет утверждение, что объяснить, каким должен быть город, нельзя, если мы не понимаем, что он собой на самом

деле представляет. Часто удивительным кажется другое: мы не можем понять, что такое город, не опираясь на ценностное представление о том, каким ему следовало бы быть. Однако ценностные отношения и объяснения кажутся мне нерасторжимыми. Ввиду отсутствия удовлетворительных теорий концепция относительно ценностей непременно должна заимствовать временные опорные суждения у объясняющей концепции и наоборот — важно только отдавать себе отчет в подобных заимствованиях и стремиться к самостоятельному развитию концепции, насколько оно осуществимо.

В отличие от функциональной и нормативной теорий, теория планирования имеет дело с природой процесса принятия решений о судьбах окружения: что это за процесс и как следует его вести? Об этом написано множество книг, но коль скоро мы предполагаем, что нормативная теория должна быть полезной в процессе создания города лучшего, чем существующий, теоретик, встающий на эту позицию, должен осознавать характер ситуаций, в которые его работа может быть вовлечена.

Города строятся и регулируются действием множества агентов: семьи, промышленных компаний, городских служб, застройщиков, банков, страховых обществ и т. п. В каждой группе преобладают собственные интересы, и потому процесс принятия решений расчленен на фрагменты, плюралистичен и достигает цели путем переговоров и компромисса. В США ведущая роль принадлежит с очевидностью крупным финансовым учреждениям, устанавливающим условия капиталовложений; корпорациям, решения которых о месте и характере развития продукции определяют темп и характер роста города; крупным застройщикам, формирующим значительную часть города как такового. Со стороны городского сообщества следует назвать государственные агентства, политика которых в области налогообложения, субсидий и права тесно переплетается с действиями частного капитала в определении условий конструктивной деятельности. Наконец, здесь же крупные, специализированные государственные или штатные агентства, занятые строительством автомагистралей, гаваней, систем водоснабжения и канализации, обеспечением резервных территорий и т. п.

Системы планирования, вырабатываемые этими «формообразователями» (им по праву принадлежит этот термин, незаконно заурпированный архитектурой), заполняются действиями множества других — на уровне локальных решений. Это решения, принимаемые семьями, малыми фирмами, спекулянтами недвижимостью, мелкими застройщиками и строительными компаниями, которые, в свою очередь, зависят от норм, утверждаемых местным самоуправлением. Самоуправление не в состоянии заметно влиять на крупномасштабные тенденции, однако качество окружения зависит от них в значительной степени: они определяют правила зонирования, строительства, пожарные нормы, они обеспечивают развитие поселения дорогами, зелеными пространствами, школами, равно как и качеством этих служб.

У всего процесса есть яркие особенности. Ведущие агенты развития, обладающие наибольшими возможностями влияния на совокупный результат, отнюдь не контролируют развитие города прямым и централизованным образом. Как правило, это специализированные «деятели» с четко фиксированными целями: повысить процент прибыльности, завершить строительство канализационной сети, поддержать цены на рынке земельных участков, установить систему налогообложения... Все эти цели, как правило, никак не соотносятся с той градостроительной формой, которую порождает их достижение. Никто не обладает целостным взглядом на находящуюся в процессе становления пространственную структуру, кроме, разумеется, бюро городского планирования, которое не имеет сколько-нибудь значительного веса среди других агентов реального развития.

Если ко всему этому добавить наличие множества агентств, которые включены в игру незначительным образом, но их действия (даже чисто пассивные реакции) обладают способностью к аккумуляции эффекта, то перед нами сложный градостроительный процесс, осуществляющийся через конфликт, противоречие целей и выработку компромисса. Его результат, нередко возникающий вопреки желанию кого бы то ни было, кажется неуправляемым как горный ледник.

И все же он поддается контролю, хотя и не всегда осознанному, всех перечисленных взаимодействующих сил; им можно до некоторой степени управлять с помощью общественного воздействия, которое нередко парадоксально не соответствует собственным установкам, так как осуществляется, в первую очередь, в форме реакции на сиюминутные осложнения, в спешке, опираясь на недостаточную информацию, и направлено обычно на то, чтобы вернуть окружение к некоторому предшествовавшему состоянию.

Кажется, что теория не имеет отношения к подобным действиям в стесненных обстоятельствах, однако именно здесь нужна в целостном теоретическом знании особенно остра. Знание необходимо, чтобы придать эффективность регулирующему действию, высветить подлинное содержание компромисса, указать на необходимые изменения в процессе принятия решений. Но чтобы быть полезным, теоретическое знание должно обладать некоторыми особыми свойствами высвечивать конкретные причины, не ограничиваясь указанием на действие якобы неотвратимых сил. Оно должно быть достаточно вразумительным, чтобы им могли пользоваться все взаимодействующие агенты изменения. Наконец, оно должно быть таким, чтобы им можно было пользоваться при необходимости быстрого решения частного вопроса, в непрерывном процессе поправок программы по мере изменений, переживаемых сложным поселением. Надо сказать, что большинство нормативных теорий города использовалось и используется именно таким образом, независимо от того, верны они или ошибочны.

Кто бы ни намеревался принять важное решение относительно сложного окружения, само усилие — решать — обладает типиче-

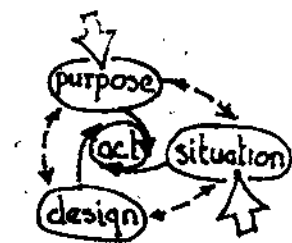
скими чертами. Первый вопрос всегда формулируется одинаково: «В чем суть проблемы?». Осознание проблемы всегда представляет собой акт целостного восприятия, каким бы расплывчатым оно ни было. Это в одно и то же время образ ситуации в ее ограничениях, образ целой, образ потребителя, образ наличных средств и возможных типов решений. Проблемы нет до тех пор, пока нет целостного образа такого рода, и процесс решения, в конечном счете, сводится к последовательному прояснению исходного образа, пока не возникает твердое основание для действий. Достижение этой цели может потребовать модификации любого из перечисленных элементов, и все же ключевой остается первичная концепция проблемы, проблемной ситуации. Достаточно часто эта первичная концепция столь слаба, что начинать действие опасно: понимание ситуации столь неадекватно, действующие силы столь стеснены, цели столь не отвечают условиям, что любое действие может только ухудшить положение дел.

Ряд предварительных установок, сопутствующих определению проблемы, имеет фундаментальное значение. Так, обнаруживая затруднение или препятствие, можно или стремиться убрать его с пути, или осмыслить его, предсказать будущее поведение и адаптировать свои действия к тому, чтобы выжить и даже по возможности улучшить положение. Если трава лишь клонится под порывом ветра, то умудренный городом пешеход умеет пользоваться переменной направленней ветра, гуляющего по улицам.

В другой системе оценок можно удостовериться, что только принципиальное изменение «правил игры» входит в расчет — общество нуждается в радикальных переменах. Проблемы окружения оказываются поводом убедить других в необходимости таких перемен: все решает социальный рывок, и нехватка жилищ обращается в урок революции. В третьем варианте исходной установки формируется привлекательная модель жилой среды, резко отличающейся от существующего ее состояния, но путь к реализации такой модели намечен как постепенный.

Между чисто пассивной реакцией и резким скачком выявляется стратегия многократных сдвигов какого-то избранного фактора, что должно приводить к постепенному преобразованию целого. Один из вариантов такого реформистского подхода сводится к изменению в сознании людей, чтобы они могли лучше существовать в наличном контексте. Жизнь человека обогащается умением наблюдать и понимать свое окружение, что позволяет ему лучше справляться с собственной жизненной ситуацией.

Наконец, можно сосредоточить внимание на изменении окружения так, чтобы оно лучше отвечало потребностям людей, — типично проектный подход. Нормативная теория, которую мы имеем в виду, формируется для того, чтобы ее можно было использовать именно в таком подходе — про-

ектном, постепенном, направленном на изменение целого через изменение его элементов. В то же время нормативная теория может давать полезную информацию для системы обучения, равно как и определенную пищу для идей радикального обновления. Менять сознание, перестраивать общество, вообще ничего не менять — все это в целом ряде случаев может оказываться более эффективным средством улучшения, чем изменение непосредственного окружения. Большинство людей убеждены в абсолютной правильности избранной ими стратегии, однако хорошо, т. е. полно сформулированная проблема всегда предполагает предварительное тщательное рассмотрение адекватного данной ситуации масштаба и характера изменений.

Столь же существенно понять, кого обслуживает программа изменений. Кто должен принять решение? В чьих интересах принимаются эти решения? Совпадают ли позиции тех, кто принимает решение, и тех, от чьего имени оно принято? Как правило, отнюдь не все существенные интересы вовлечены в игру в начальной стадии обсуждения проблемной ситуации, тогда как ввести новый «персонаж» в ход процесса всегда непросто, так как этому сопротивляются те, кто уже вовлечен в действие.

Полная децентрализация процесса принятия решений (те, кому надлежит пользоваться окружением, сами определяют его форму) это, разумеется, сильный тезис. Он апеллирует к чувству ответственности и компетентности потребителя и, как многие думают, его реализация способна приводить к лучшим решениям, чем те, что принимаются без участия потребителя. Философской опорой этого тезиса издавна служит теоретический анархизм. Но ведь есть потребители, которым мы отказываем в праве на принятие решений — слишком юные, слишком нездоровые, стесненные непосильными обстоятельствами. Есть нерасчленимое общественное достояние, вроде чистого воздуха. Существуют места, используемые множеством потребителей сугубо временно, как метрополитен. Есть интересы, вступающие в конфликт, существуют неведомые потребители — те, кого еще нет в том месте, относительно которого принимается решение. Есть потребители, которые не отдают себе ясного отчета в том, что им нужно и не могут оценить достоинства того, с чем ранее не сталкивались. Все эти трудности плюс проблемы, связанные с вовлечением новых «игроков» в систему проектирования, придают решениям, создаваемым в рамках такой концептуальной схемы, элемент двойственности, внутренней противоречивости и неясности.

Другие профессионалы придерживаются противоположной точки зрения — все решения принципиального порядка неизбежно (или даже предпочтительно) принимаются немногими за многих. Коль скоро нельзя обойти решение, в первую очередь, главных проблем и поскольку профессионалы благодаря тщательной подготовке и способностям могут решать проблемы окружения, пусть место за командным пультом займут те, кто этого достоин. Проблемы сложны, ценностные аспекты тонки, а решения специализированы

и изощрены. Найдите эксперта, способного овладеть ситуацией, и дайте ему возможность работать! Действительно, целый ряд примеров отработанного окружения возник благодаря «героническому» руководству названного типа, однако, увы, лишь немногие из решений отвечают потребностям тех, кто ими пользуется. Эта схема работает наиболее эффективно лишь тогда, когда ценности очевидны и общеприняты, а проблемы носят по большей части технический характер.

Профессиональные градостроители исполняют весьма различные роли в сложной игре принятия решений. Наверное, большинство это проектировщики, работающие на конкретного клиента, корпорацию или государственное учреждение, и они разрабатывают решение всегда ограниченной, четко очерченной проблемы, руководствуясь ясной системой целей. В этой позиции они отгорожены от большей части дискуссий относительно характера клиента или способа воздействия на окружение — решения по этим ключевым вопросам уже приняты до начала их работы.

Другие градостроители воспринимают себя работающими во имя интересов общества. Естественно, что в этом случае они должны работать вблизи источника власти (иначе их работа неэффективна) и рассматривать уже названные выше вопросы: кто клиент? кто принимает решение? как достичь цели? есть ли действительно всеобщие цели и как их выявить? как обеспечить эффективность управления, не искажая сверх меры общих целей? Нередко градостроители в роли такого рода экспертов стремятся обойти некоторые из этих трудных вопросов, занимаясь только или почти только самим процессом принятия решений, обеспечивая его полную беспристрастность и не пытаясь самостоятельно устанавливать цели и предлагать решения.

Еще дальше отходя от центральной проблемы ответственности за решение, третьи градостроители берут на себя роль информаторов. Они готовят — вовремя и точно — информацию, пригодную к использованию: описания сиюминутного состояния и процесса ведущих к нему перемен, прогнозы вероятного будущего и анализ результатов, ожидаемых в случае выбора той или иной стратегии воздействия на окружение. Решения, разработка проектов в этом случае остаются делом других специалистов, которые (вероятно) могут действовать эффективнее, будучи лучше информированы. Имея ясное представление о способах принятия решений, эти градостроители могут формировать особые «пакеты» информации для каждого пользователя, будь то независимые потребители или их ассоциации, радикальные реформаторы или центры принятия решений. Наконец, они могут рассматривать себя, в первую очередь, как педагогов, воздействующих на общество через процесс его эмансипации.

Наконец, есть профессионалы, склонные играть роль адвокатов. Они могут отстаивать некоторую конкретную идею — от идеи нового города до идеи устройства велосипедных дорожек или поселений на воде — и формировать движение в пользу реализации

этого замысла. Они формируют образ замысла, способный увлечь сторонников к действию. Будучи радикалами, они создают утопии, патентованные модели нового общества.

Гораздо чаще они выступают как адвокаты какой-то группы и представляют ее интересы в конкурентной борьбе с интересами других групп, будь то социальный слой или «соседство». Естественно, что многие профессионалы являются такого рода адвокатами, не отдавая себе в этом отчета, но есть и те, кто занимает подобную позицию совершенно сознательно. Они рассматривают общество как нечто тесно связанное, но состоящее из элементов с резко различающимися интересами. В этом обществе все решения принимаются в результате упорной борьбы и компромисса, в котором практически почти нет общезначимых ценностей. Любой профессионал неизбежно состоит на службе той или иной группы. Некоторые добавляют: но общество несправедливо, так как есть в нем группы, не обладающие средствами на то, чтобы иметь своих глашатаев. Соответственно, побуждаемые этическими соображениями, они начинают работу, представляя именно эти, дискриминированные группы и отождествляя свои интересы с интересами таких групп,— с такой же уверенностью, с такой же бескомпромиссностью, с какой действует градостроитель, нанятый частной корпорацией.

Адвокаты, информаторы, проектировщики и чиновники — вот, пожалуй, основной список профессиональных ролей градостроителя в наше время. Их теоретические воззрения, их способы представления действительности играют весьма значительную роль в реальном процессе принятия решений при всей его обычной запутанности. Проблемы, с которыми нельзя справиться, переформулируются в проблемы, с которыми можно совладать путем использования нескольких процедур. Сократить число привлекаемых к обсуждению клиентов; принять априори модель изменений, которой затем с очевидностью соответствует тип решения; ограничить число рассматриваемых ценностных критериев; контролировать объем и характер информации — все это широко используемые в практике формы.

Лишь в начале подготовительных исследований собирается широкий круг информации о месте и его ситуации — в процессе принятия решений используется лишь малая часть этой информации, а именно та, что соответствует схеме поведения, уже выработанной в сознании тех, кто принимает решение. Разработка теории, достаточно сжатой и гибкой, чтобы ею можно было пользоваться в обстановке дефицита времени, означает создание одной из форм переключения внимания действующих лиц с одного круга вопросов на другой. Иначе не может быть.

Процесс принятия решения (и, соответственно, проектирование как часть того же процесса) заключается в управлении движением к такому определению проблемы, когда ситуация, клиент, цель, средства и решение соберутся, наконец, в систему, способную служить основанием рационального действия. Этот процесс —

что крайней мере, когда речь идет о крупномасштабном окружении — содержит органичные трудности, думается, общие для градостроительства в любой точке мира. Сложность этого процесса несет с собой важные следствия для этики градостроительства.

На мой взгляд, в рамках любой публичной дискуссии у градостроительства есть, наряду с интересами других, свои собственные императивы. На мой взгляд, помимо особого акцента на пространственной форме как таковой, есть еще несколько важных моментов: долговременные эффекты; учет интересов отсутствующего клиента; формирование новых возможностей; предъявление ценностных соображений и, наконец, средства обеспечения полноты информации, с которой начинается процесс принятия решений. Это профессиональные противовесы недоучету этих обстоятельств со стороны всех остальных действующих лиц.

Однако все же, что такое тот город, который мы рискуем называть хорошим или плохим? Как описать его, чтобы другие наблюдатели могли подтвердить наше суждение, чтобы ценности и функционирование оказались взаимосвязаны? Этот простой, казалось бы, вопрос влечет за собой изрядные осложнения.

Ту форму поселения, которую обычно именуют предметным окружением, образуют, как принято считать, крупные, стабильные физические объекты: здания, улицы, инженерные сети, холмы, иногда деревья, соединяющиеся в некий пространственный рисунок. К этим объектам относится множество определений, уточняющих их типичное использование или какие-то качества: односемейные дома, жилые микрорайоны, скалистые холмы, дренажные трубы, деловые улицы, заброшенные церкви и т. п. Пространственное размещение всех подобных объектов представлено на двумерных изображениях — топографических картах, планах землепользования, схемах сетей, опорных планах, туристских схемах.

Этим картам сопутствуют статистические справочники населенности (по возрастным, этническим признакам, по уровню дохода, занятиям, полу), сопровождаемые обычно картами пространственного распределения населения города, под чем подразумевают распределение мест, где люди спят. Затем описания транспорта, насыщенности движения на разных магистралях; статистические данные экономического порядка (те виды человеческой деятельности, которые включены в систему товарообмена). Затем сведения о размещении, емкости и состоянии публичных сооружений и пространств: школы, церкви, парки и т. п. Все знают подобные описания и каждый знает, как трудно ими пользоваться: нормальные горожане хватаются за голову, видя таблицы, диаграммы и карты. Это можно было бы отнести на счет сложностей роста научной разработанности вопроса, если бы специалисты не сталкивались почти с такими же трудностями.

Главная проблема заключается в том, чтобы решить, из чего состоит форма поселения. Только из инертных физических тел? Или еще и из живых организмов, действий, в которые вовлечены люди, социальной структуры, экономической системы, экологиче-

ской системы, понимая пространства и его значений, способа, которым оно постигается, его дневных и сезонных ритмов, ритмов повседневного и праздничного бытия?.. Как всякое существенное явление город вырастает в множество других явлений, и совсем не просто решить, где можно провести линию отреза.

Я исхожу из того, что форма поселения это пространственная организация человеческих действий, порождаемых ими потоков людей, предметов и информации, физических признаков окружения, которые так или иначе важны для действий людей: замкнутые пространства, поверхности, пути, «среды», предметы. Далее, описание должно охватить циклические и долговременные изменения такой пространственной организации, овладения пространством и его восприятия. Очевидно, что последние два элемента ввергают нас в области социальной организации и сознания.

Проведенное отсечение отличается тем, что мы оставляем в стороне большую часть социальных сюжетов, почти все, что относится к биологии и психологии, к строению материи. Внутри круга остается пространственно-временное распределение человеческих действий и физических объектов, образующих контекст этих действий, а также ровно столько из социальной организации сознания, сколько прямо соотносится с названным пространственно-временным распределением, имея значение в масштабе целых поселений.

Было бы странно утверждать, что описать поименованные вещи значит охватить поселения во всей полноте. Но чтобы видеть нечто целиком, необходимо определить и понять его составные части. Более того, социальная и пространственная структуры лишь частично связаны между собой, так как взаимодействуют только через промежуточную переменную — деятельность человека; обе обладают собственной значительной инерционностью. С моей точки зрения, единственным достоверным основанием для оценки качества были и остаются поведение и мышление человека. Казалось бы, сугубо эфемерные феномены, они обретают устойчивое значение по меньшей мере в трех повторяющихся ситуациях. Это устойчивая структура идей, т. е. культура; это устойчивые взаимоотношения людей, образующие социальные институты; наконец, это относительно устойчивые связи людей с местом. Меня интересуют только третьи. Социальные, экономические, политические аспекты жизни поселений изучены неплохо, хотя нередко чрезмерно суженным образом, однако предметно-пространственный аспект существования города обсуждается до сих пор столь неуверенно, что отнюдь не всегда ясно, играет ли он вообще хоть сколько-то значимую роль или нет.

Предложенный выше способ обособления предмета исследования из контекста проводит контурную линию как можно ближе к предметно-пространственному существу города, но все же на достаточном удалении от него, чтобы высказывать какие-то суждения относительно роли структуры пространства в достижении сугубо человеческих целей. Это последовательная позиция — на

каждой стадии ее развертывания сохраняется общий стержень: пространственное распределение осязаемых объектов, осязаемых действий, опознаваемых персонажей, видимых все в том же масштабе отношений. Наконец, у этой позиции есть и очевидное достоинство — она прямо вырастает из обыденного взгляда на окружение, всего лишь углубляя и упорядочивая этот взгляд.

Добиться полноты теории отнюдь не просто, коль скоро она должна охватывать и формы и процессы, одновременно служить средством понимания и оценки и инструментом прогнозирования и построения программ изменений. То, что такая теория должна опираться на представление о целенаправленной человеческой деятельности, о чувствах и образах, сопутствующих деятельности людей, отнюдь не упрощает задачи. Фактически это как раз тот пункт, где все три ветви теоретического знания должны соединиться. Наша прямая цель — построение нормативной теории — должна осуществляться с учетом этой будущей возможности.

Отсюда несколько требований, адресованных нормативной теории градостроительной формы, если только такая теория строится с мыслью о ее принципиальной практической полезности.

1. В основе теоретического построения оказывается целенаправленная деятельность людей вместе с сопутствующими ощущениями и образами представлениями.

2. Форму поселения и ее качества следует трактовать как непосредственный объект рассмотрения при отказе от эклектичного приложения к этому объекту концепций, сформированных в других областях знания.

3. Теория должна связать общие, устойчивые ценности с самой градостроительной формой и практическими действиями, направленными на нее непосредственно.

4. Теория должна учитывать множественность и взаимопротивоположность интересов, включая интересы отсутствующих или еще не опознанных потребителей.

5. Теория должна «работать» применительно к разным культурам, различным вариантам построения процесса принятия решений (большая или меньшая централизованность средств, стабильность ценностей, высокий или низкий материальный потенциал, замедленный или ускоренный темп перемен).

6. Теория должна быть относительно проста и гибка, составляющее ее знание должно быть расчленимым так, чтобы им можно было пользоваться, принимая решения по частным вопросам, в условиях нехватки времени и неполноты информации.

7. Наша теория должна обеспечивать возможность оценивать качество и ситуации, и процесса в их взаимосвязи, в ходе изменений этого качества через определенные промежутки времени.

8. Имея главной своей задачей оценку существующих форм поселений, теоретические концепции должны порождать новые возможности формообразования. В целом речь идет о теории возможностей. Это не столько некоторый неумолимый закон развития, сколько концепция, подчеркивающая активность целеполагающей

деятельности участников формообразующего процесса и их способность обретать новое знание.

Куда мы можем обратиться в поисках материала для построения именно такой теории?

3. Между небесами и адом

Вполне разумно предположить, что удачным началом обсуждения форм нормативной теории было бы исследование стратегий формообразования, которые разрабатываются общественными службами¹, предъявляющими определенные обоснования именно таких стратегий. Такое исследование ничем существенным не отличается от рассмотрения обыденных точек зрения на то, почему вещи работают так, как есть. Для удобства мы можем разделить официальные концепции на две группы: для национального или регионального уровня (речь идет о системах расселения, национальных сетях коммуникаций и демографической ситуации) и для местного уровня развития.

Поскольку нас интересуют, в первую очередь, ценностные представления, скрытые в толще различных стратегий, эти последние достаточно перечислить, не углубляясь ни в конкретное содержание тех или иных предложений, ни, тем более, в их критику. Нет нужды и в описании истории взлетов и падений концептуальных схем, множество которых оуклились или растаяли без следа. Я прошу терпения у читателя — энциклопедическая справка всегда по необходимости скучновата.

Сначала концепции пространственного формообразования общенационального масштаба:

1. Как правило, утверждается необходимость ограничения величины и темпа роста крупнейших городов ради уменьшения социальных проблем миграции и ускоренных изменений, ради сокращения расходов на городские службы, сокращения объема загрязнений и преступности, улучшения управления и уменьшения неудобств, сопряженных с жизнью в крупных поселениях.

2. По тем же причинам рекомендуется сократить миграцию из сельских и малоразвитых территорий с добавлением постулатов поддержания уровня занятости и выравнивания уровня развития разных регионов.

3. Предпринимаются попытки сформировать уравновешенную, иерархическую систему расселения в городах. Мотивировки не отличаются предельной ясностью, но как правило речь идет об улучшении доступа к системе обслуживания, предотвращения абсолютно главенствующей роли центрального города системы, повышении свободы выбора типа поселения, распространении «более высокой» культуры на отсталые регионы, повышении уровня производительных сил.

4. Формирование новых городов целесообразно для эксплуатации местных ресурсов, укрепления границ, заселения «пустующих» земель, улучшения условий жизни, создания крепкого локального сообщества, сдерживания роста крупнейших городов и, наконец, для получения прибыли.

5. Расширение и уплотнение сети транспортных коммуникаций и энергетического обеспечения нужно для улучшения эффективности производства, повы-

¹ Необходимо учитывать, что К. Линч опирается на американскую реальность градостроительства, в которой штатные и муниципальные организации играют более весомую роль, чем государственные. (Примеч. пер.)

шения доступности, «раскрытия» новых территорий, выравнивания региональных условий, получения прибыли и дальнейшего распространения «более высокой» культуры.

6. Избранные экономические центры формируются для прогресса производства, в целях обороны, для извлечения прибыли.

7. Увеличение объема предлагаемых жилищ необходимо для улучшения здоровья общества, укрепления семьи, обеспечения спроса, выравнивания условий, извлечения прибыли.

8. Требуется контролирование выброса отходов, эрозии почвы, использования воды и источников энергии во имя сохранения ресурсов на будущее или сокращения загрязненности среды.

9. Сохранение крупных «естественных» территорий необходимо ввиду их символического значения, сбережения ресурсов, улучшения рекреации, предотвращения экологической катастрофы.

За этим следует перечень суждений относительно градостроительной политики на локальном уровне:

10. Размеры поселения необходимо ограничить (абсолютно, в определенных пределах, за счет установления темпа роста), чтобы сократить расходы на поддержание среды, предотвратить социальный распад, улучшить управление, сохранить индивидуальность поселения и качества его среды, уменьшить загрязненность, предотвратить недостачу каких-то ресурсов.

11. Плотность застройки устанавливается ниже некоего максимума или выше некоего минимума. Это необходимо для сокращения расходов на строительство и эксплуатацию, улучшения качества инфраструктуры и обслуживания, сохранения компактности, поддержания стиля жизни, улучшения качества среды или увеличения стоимости недвижимостей.

12. Увеличение объемов жилищного фонда и социальной инфраструктуры должно служить обеспечению спроса, улучшению здоровья и образованности населения, укреплению семьи, выравниванию жилищных условий, получению прибыли.

13. Социальное перемещение в жилых районах провозглашается как средство повышения равенства, достижения социальной интеграции или закрепления социальной стабильности.

14. Различные формы землепользования целесообразно обособить для повышения эффективности функционирования, уменьшения неудобств проживания, улучшения здоровья и повышения безопасности, уменьшения загрязненности или, наконец, для упрощения планирования и проектирования.

15. Предпринимаются усилия стабилизировать или реконструировать районы, находящиеся в упадке с целью более эффективного использования инфраструктуры и системы обслуживания, сохранения жилого фонда, предотвращения социальной дезинтеграции, повышения равенства, поддержания стоимости и источников налогообложения или, наконец, под политическим давлением.

16. Проводится реконструкция старинных районов для использования их в новом качестве, для поддержания городского центра или центрального района, для вывода нежелательных видов деятельности, во имя прибыли, повышения стоимости и, соответственно, налогов, для повышения политического престижа или эффективности контроля.

17. Жилые территории организуются в «соседстве» при формировании иерархической системы центров обслуживания. Целью является укрепление сообществ, повышение качества обслуживания, выравнивание обслуживания по территории, уменьшение потребности в транспортном обслуживании, облегчение воспитания детей и, наконец, упрощение проектирования.

18. Инженерные и транспортные сети расширяются или реконструируются для освоения новых участков, улучшения доступности и связи между районами, уменьшения плотности и стоимости транспортных перевозок, повышения эффективности производства, для получения прибыли.

19. Развивается иерархизованная система путей с целью повышения эффективности перемещений и безопасности, улучшения здоровья, сокращения вредных выбросов, экономии энергии и, наконец, упрощения проектирования.

20. Увеличение озелененных, незастроенных территорий необходимо для по-

вышения комфортности, уровня здоровья населения, облегчения воспитания детей.

21. Исторические памятники и территории сохраняются ради их символического значения, привлечения туристов, поддержания экономического равновесия, улучшения рекреации.

Перечислив подряд используемые стратегии градостроительной политики, мы можем теперь приглядеться к предъявленным или скрытым ценностям, которые служат исходным основанием. Здесь ряд вопросов: к каким ценностям апеллируют наиболее часто? Какие легче всего достижимы? Можно ли установить их достижимость? Какие ценности непосредственно и очевидно сопряжены с градостроительной формой, а какие скорее всего нет? Есть ли за рядом действий скрытые ценности, игнорируемые ценности?

Рассмотрев эти вопросы, мы можем перегруппировать названные цели, сведя их в четыре типа: сильные или практические ценности, пожелания, слабые ценности, скрытые ценности или мотивации.

1. Практические ценности. К ним относятся цели градостроительной политики, заявляемые часто и открыто. Их достижение легко обнаруживается и непосредственно связано с градостроительной формой. И если эти практически достижимые цели не реализованы, причины неудачи вполне очевидны:

удовлетворение спроса на жилище, инфраструктуру, обслуживание;

обеспечение пространства для определенных функций;

разработка ресурсов, развитие новой территории;

умножение загрязнения среды;

улучшение доступа;

сохранение ценности территории и налогообложения;

устранение явных неудобств;

сохранение индивидуального характера окружения, включая символические качества.

Вместе со «скрытыми» ценностями или мотивациями перечисленные цели выступают как основные движители и критерии градостроительной политики, ее рациональное ядро. Они, несомненно, существенны, однако охватывают весьма ограниченный круг явлений.

2. Пожелания. Это цели, заявляемые весьма часто и, по всей видимости, связанные с градостроительной формой. Их достижение без труда можно было бы выявить, если бы оно удавалось в заметном числе случаев. Неудачи могут быть следствием объективной трудности вести формообразование таким образом, чтобы достичь подобных целей, но вполне возможно, что их провозглашение носит характер благочестивого жеста, тогда как о реализации всерьез заботятся мало:

повышение равенства;

сокращение миграций;

укрепление семьи и улучшение воспитания детей;

сбережение ресурсов материала и энергии;

предотвращение экологических нарушений;
повышение комфортности бытия.

3. Слабые ценности. К этой группе целесообразно отнести часто провозглашаемые задачи, связь которых с градостроительной формой сомнительна. Достижение подобных целей трудно установить или измерить, поскольку их или крайне редко достигают, или мы об этом не можем узнать, или их достижение зависит от каких-то иных причин. Назвать их «слабыми» не значит сомневаться в их существенности, скорее их сегодняшняя роль сугубо декоративна. Такое украшение может сбивать с толку, но оно же иногда способно привносить в работу какое-то новое содержание. Нужно знать гораздо больше, чтобы надежно отделить полезные идеи от фальшивых лозунгов, и потому большую часть ценностей сегодняшней градостроительной политики резонно перечислить и поместить здесь:

- улучшение психического здоровья;
- повышение социальной стабильности;
- уменьшение числа преступлений и социальных отклонений;
- повышение социальной интеграции, усиление общения;
- повышение многообразия и возможности выбора;
- поддержание стиля жизни;
- усиление существующего центра или центральной территории;
- ослабление доминирующей роли центрального города в регионе;
- повышение гибкости с учетом будущих запросов.

4. Мотивации (скрытые ценности). Эта группа целей не уступает по силе тем, что собраны в первой группе. Однако их реже предъявляют и, во всяком случае, реже называют в качестве ведущих. Тем не менее достижение этих целей может быть весьма сильным мотивом и достаточно четко измеряться. Достаточно часто эти мотивации являются ведущими звеньями градостроительной политики, хотя и скрытыми от глаз за пожеланиями и слабыми целями:

- обеспечение политического контроля или престижа;
- распространение «более высокой» культуры;
- контроль над регионом и людьми;
- вытеснение или изолирование социально-нежелательных лиц или форм деятельности;
- извлечение прибыли;
- упрощение процесса планирования или управления.

5. Игнорируемые ценности. В дополнение к перечисленным можно рассмотреть потенциальные ценности, которыми, обычно, единодушно пренебрегают, то ли потому, что цель не кажется важной, то ли потому, что ее связанность с градостроительной формой сомнительна или затемнена. Среди подобных игнорируемых ценностей обнаруживаются те, что отброшены в ходе исторического развития, вроде магической мощи градостроительной формы. Но среди них имеются и более осязаемые качества, вроде соответствия окружения биологии человека и характеру его деятельности, качеств символического и чувственного переживания пребывания

в городе или степени, с которой потребитель сохраняет контроль над своим окружением.

Если на минуту ограничить себя только теми ценностями, которые определяют содержание текущей градостроительной политики, то и тогда лежащий перед нами список вполне поучителен. В нём с очевидностью просматривается разрыв между сильными и слабыми ценностями, проступают оборванные связи, каждая из которых образует направление исследовательского поиска. Список имеет некоторую полезность как выборка для описания сегодняшней градостроительной политики, но в качестве основания для построения теории он не может нас удовлетворить.

Избранный свод затрагивает множество областей, вызывающих беспокойство, его позиции сопряжены с градостроительной формой автономными, но накладывающимися одна на другую связями — в этих условиях возможность теоретического упорядочения сомнительна. Более того, функционирование всех этих связей окажется во многом зависимым от типа культуры и типа практической ситуации, а вместе с ними будут меняться как относительная значимость целей, так и их определения. Наконец, интуитивно очевидно, что добротная теория пользуется теми методами и теми концептуальными идеями, которые относятся именно к исследуемым вещам. Цели, перечисленные выше, их не очень-то понятные связи с формой города — все это не более, чем коллекция, собранная из сюжетов экономики, социологии, психологии, экологии и прочих областей с добавкой лишь нескольких соображений, непосредственно связанных с природой крупномасштабного предметно-пространственного окружения. Уже поэтому теория, которая вырастала бы из такой коллекции, имела бы немного шансов сосредоточиться на рассмотрении собственного предмета.

Коль скоро градостроительная политика помогает нам лишь высветить периферию нашей темы, но отнюдь не ведет к ее сердцевине, можно попробовать обратиться к более живому материалу утопических идей.

Утопическое мышление обладает несколькими устойчивыми недостатками и прежде всего чрезвычайно зауженным и статичным набором ценностей, а также полным пренебрежением к процессу развития. Поэтому исследователи нередко отбрасывают схемы утопистов в сторону, трактуя их как вздор или, хуже того, как фантазии, отвлекающие от эффективного действия в реальном мире. Будь фантазии утопистов реализованы, они прямо вели бы к извращению социальной структуры и мира ценностей, но опасность в действительности невелика, так как немногие из утопий приводили хотя бы к частичным непосредственным результатам. И все же утопии играют значимую роль в общественной мысли, и для нашей задачи важно уже то, что в них можно усмотреть какие-то новые ценности форм окружения или удостовериться в тех, что уже выявлены.

Не без уныния, однако, мы обнаруживаем, что авторы абсолютного большинства утопических сочинений в классической традиции

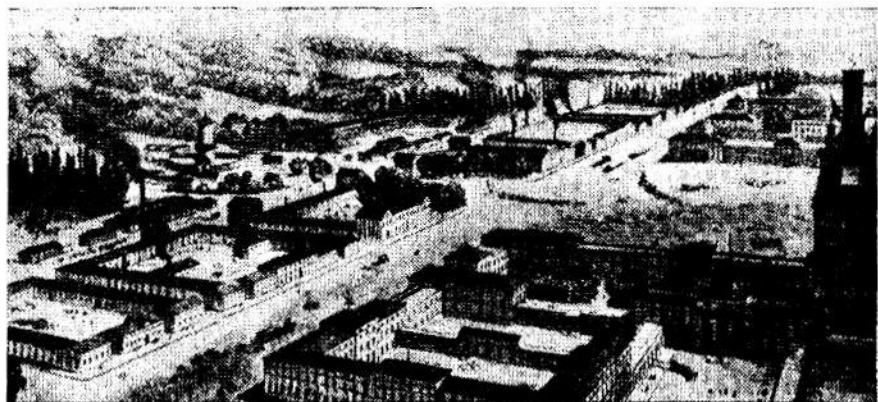

рис. 25. Воображаемая панорама «фаланстера» Фурье, нарисованная его учеником Виктором Консидераном. Утопическое поселение упорядочено вокруг единого центра, представляя собой своеобразное сочетание фабрики и дворца

обращают минимальное внимание на пространственное окружение. Они полностью погружены в рассмотрение чисто социальных отношений — отсюда среда, воссоздаваемая в утопических сочинениях, это чаще всего имитация какого-то современного утопии окружения (имитация введена для повышения «реализма») или легкая его модификация, служащая поддержкой желаемым социальным сдвигам. Конечно, в тех случаях, когда утописты пытались воплотить свои мечты в действительность, им приходилось что-то предпринимать в реальном предметно-пространственном окружении. Однако в самих текстах об этом говорится мало и расплывчато, и хотя в предложениях Джеймса Бакингема, Роберта Оуэна или Шарля Фурье можно найти довольно детальные описания пространственного окружения, все это не более чем условные иллюстрации.

Так, Фурье избрал «фаланстер» в качестве материальной оболочки для утопии — рая на земле, основой которого должно было служить регулирование естественных человеческих страстей. Сам фаланстер представлял собой одно крупное многоэтажное здание, возвышающееся посреди сельской округи и вобравшее в себя все формы деятельности колонистов. Акцент сделан на комфорте, удобстве доступа и выражении группового начала, однако само здание с его широко распахнутыми крыльями и аркадами более всего напоминает дворец. Эта форма слабо сопряжена с детализированными программами социальной организации, за одним исключением: обитатели фаланстера должны испытывать наслаждение от своего окружения и ухода за ним (уход оказывается главной задачей детей, организованных в группы). Как и во всех подобных предложениях прошлого, и у Фурье среда это всего лишь «обстановка» — приятный ландшафт или символическое выражение совершенства нового общества.

Только к концу XIX в. мы находим утопические сочинения, авторы которых сосредоточивают внимание, в первую очередь, на окружении как таковом. Это «Вести ниготкуда» Уильяма Морриса, «Города — сады завтрашнего дня» Эбенизера Говарда¹ и — уже в нашем веке — «Город широких просторов» Фрэнк Ллойд Райта. Моррис был и убежденным социалистом и художником значительного таланта. Уже поэтому его утопия представляет собой редкий пример совмещения социальной программы и предметно-пространственной системы. Однако и он, подобно Говарду или Райту, описывал уже архаический в то время мир маленького, внутренне уравновешенного сообщества, члены которого находятся в непосредственной взаимосвязи и друг с другом, и с природным окружением.

Город здесь или вообще исчезает, или сжимается до пределов городка. Индивиды или малые группы людей напрямую контролируют землепользование, и местное сообщество тяготеет к максимумно возможному самообеспечению. Все подобные предложения базируются на метафоре «органического»: упорядоченность живой клетки, разнообразие в равновесии, стабильность, взаимозависимость, здоровье, возврат к «естественному» миру. Сад и огород, ферма, городок выступают в характере образцов, и не случайно предлагаемая архитектура носит глубоко традиционный характер.

Конкретные предложения к «городу широких просторов» оказались удивительно заурядными и несколько неожиданными для такого архитектора, как Райт. Построенные им особняки редкостью красивы, тогда как поселение его мечты представляет собой не более чем вариации на тему безграничного пригорода. Не будучи архитектором Говард оказался более изобретателен. Возьмем к примеру предложение о создании кольцевой остекленной аркады, лавки и магазина которой сдаются отдельным торговцам на основании лицензии, выдаваемой с общего согласия жителей. И все же только в работе Морриса можно как-то ощутить качество всего ландшафта как обживаемого и органического целого.

Большинство утопистов изыскивали подходящую предметно-пространственную оболочку для коммунитарного сообщества (Райт, на первый взгляд, стоит в стороне, но и он раздражался инвективами в адрес жадности частных лиц). В то же время значительная группа проектировщиков избрала качественно иную стратегию. Все они сосредоточили внимание в первую очередь на предметно-пространственном окружении и все были зачарованы новыми техническими средствами, пригодными для реализации мечты. Конечно, можно упоминать Леонардо да Винчи как исторического предшественника², но прежде всего это люди XX в. —

¹ Книга Говарда была переведена и издана в России в 1908 г., однако выдержки из нее и статьи-пересказы публиковались в архитектурных журналах с 1898 г. и оказали значительное воздействие на формирование отечественной градостроительной школы. (Примеч. пер.)

² Значительно более подробные, чем у Леонардо, разработки «идеального города» содержатся в «Трактате об архитектуре» Антонио Аверлино (Филарете), умершего, когда Леонардо да Винчи не было еще 15 лет. (Примеч. пер.)

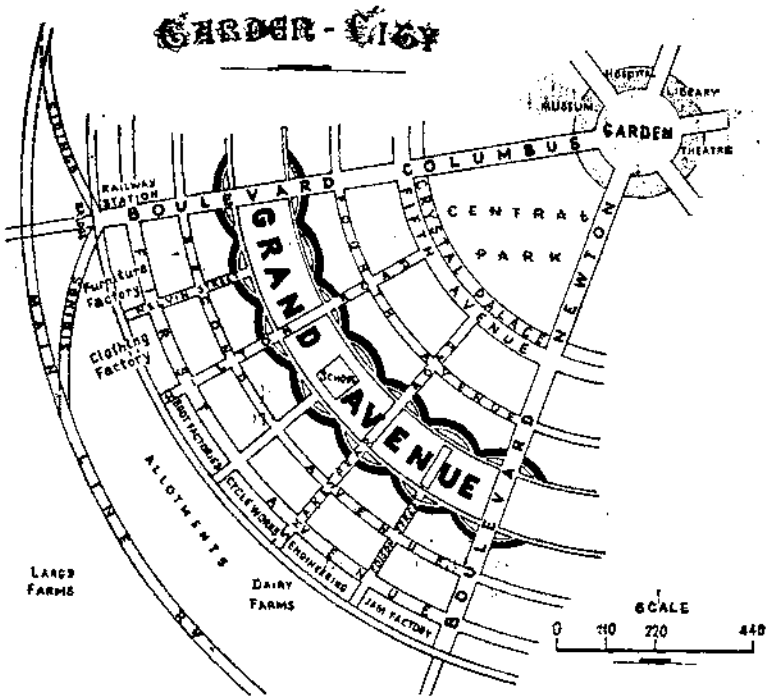
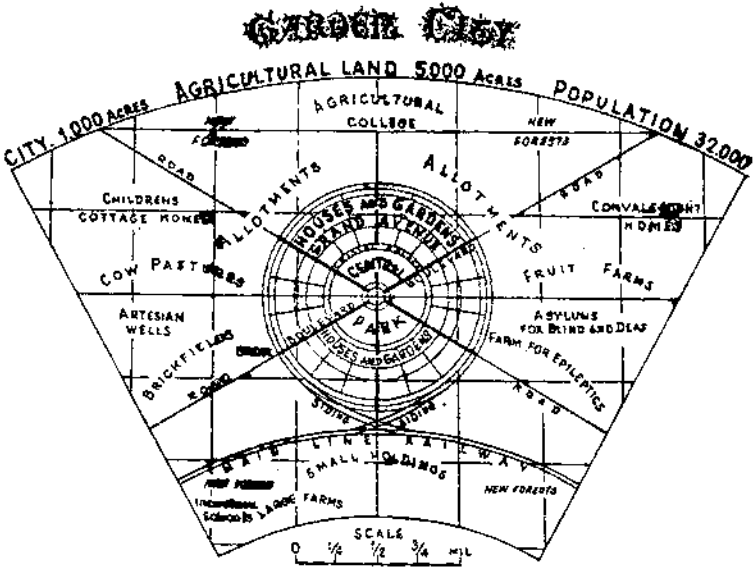

Рис. 26. Схемы эбенизера Говарда для идеального «города-сада», опубликованные в 1898 г.

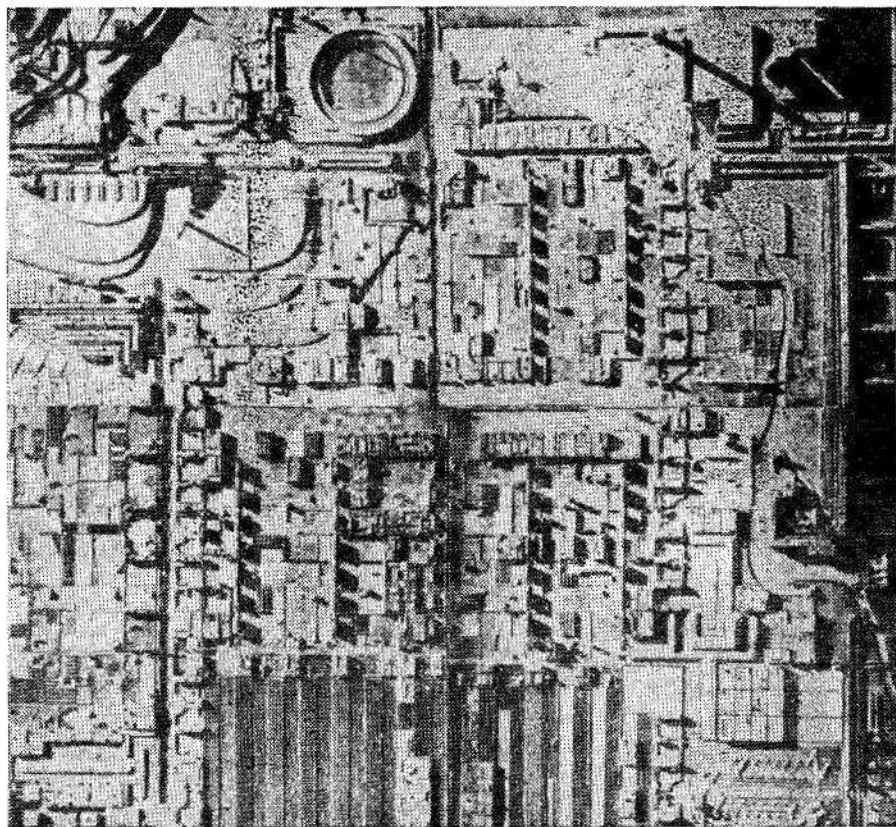
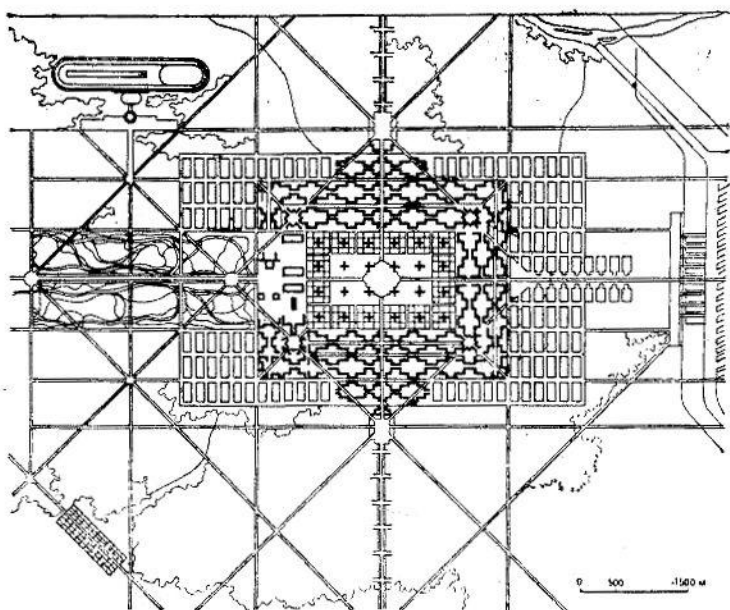
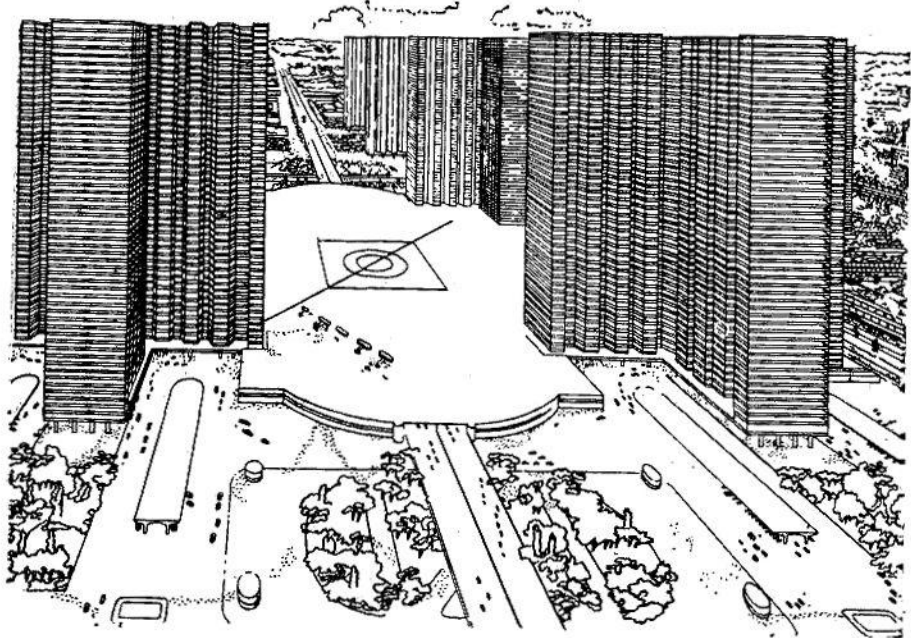

Рис. 27. Макет Бродакр-сити (города широких просторов) Ф. Л. Райта, выставленный в 1934 г. Дома, малые фермы свободно разбросаны по территории, и их существование зависит от автомобиля, тогда как промышленность собирается в полосу вдоль главных автомагистралей. Природное окружение сохраняется в максимальной степени, центральное место отдано колонии архитекторов.

талантливые, часто свободные от гуманистических «предрассудков», увлеченные идеями новизны, трансформации, силы, эстетики сложного. Их конкретные предложения это всегда произведения искусства, тогда как социальные предпосылки или остаются неизменными, или игнорируются полностью.

Предложения Эжена Эзара (1911 г.) по созданию транспортных сетей в разных уровнях и подземной урбанистике представляют собой ранние продукты того же направления мысли, что породило «Индустриальный город» Тони Гарнье. «Лучезарный город» Ле Корбюзье принадлежит к тому же кругу идей, что и напоминающий промышленный конвейер «линейный город» Н. А. Милютина.

Прежде, чем погибнуть в первой мировой войне, Антонио Сант-Элиа успел создать блестящую серию рисунков «города будущего»: эти эскизы насыщены чувствами мощи, скорости, перемен —

подлинный апофеоз динамизма. «Мы должны изобрести и построить современный город, подобный огромной и шумной верфи,— писал он,— активный, мобильный, динамичный в каждом элемен-

Рис. 28. План и перспективный рисунок Ле Корбюзье — проект современного города на 3 млн. жителей, 1922 г. Офисы-небоскребы занимают центр, между ними расположен аэропорт, под ним — железнодорожный вокзал. Богатые горожане заняли самые верхние этажи жилых небоскребов. За высотным ядром размещаются кварталы шестизэтажных жилых домов и четырехэтажных домов с квартирами в два этажа. «Города-сады» для рабочих находятся в стороне, за зеленым поясом. Общественные здания и романтический парк расположены по одну сторону от центрального ядра, заводы — по другую. Уровень земли занят зелеными насаждениями. Образ города является идеальным выражением ясного, статичного, централизованного порядка

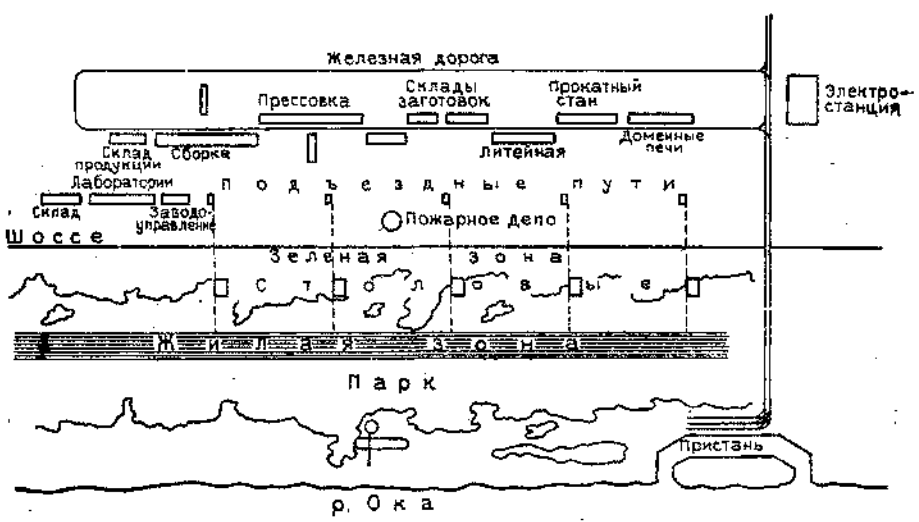

Рис. 29. Схема Н. А. Милутина линейного города и автозавода в Нижнем Новгороде. 1930 г. Река, парк, жилая зона, учреждения, заводские цеха и железнодорожная линия строго параллельны и подобны скоординированной планировке конвейерных линий на заводе

те... пусть лифты не прячутся более в лестничных клетках, подобно червям... а всплывают по стенам подобно змеям из стекла и железа. Дом... одетый только красотой собственных линий, такой величины, какой нужно (а не той, какую диктуют какие-то правила зонирования), пусть вздымается вверх на краю кишашей движением пропасти; пусть улица не лежит как коврик у порога, а ныряет в землю на несколько этажей... сцепленная металлическими мостиками и скоростными конвейерами... фундаментальной характеристикой футуристской архитектуры будет ее преходящий пафос, ее временность. Вещи будут жить меньше, чем люди. Каждое поколение будет строить свой собственный город».

Пауль Шеербарт мечтал о чудесном новом мире света — парящем, прозрачном, сложном, мобильном¹. «Со всей серьезностью можем говорить о парящей в небе архитектуре... сооружения можно соединять и вновь разъединять... летающий город способен каждый день менять свой облик».

¹ Яркой параллелью в программе Шеербарта был проект «летающего города» Г. Крутикова (1928 г.) — (Примеч. пер.).

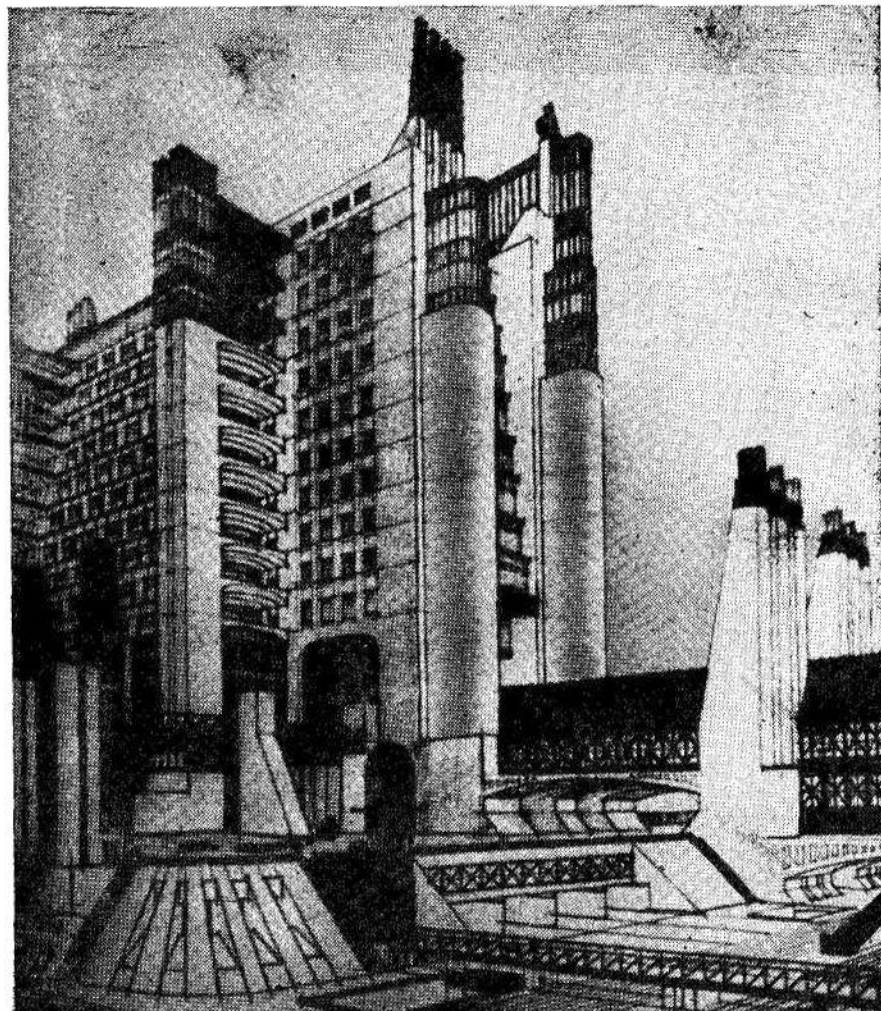

Рис. 30. Эскиз Антонио Санта-Элия, 1914 г. — образ нового города, футуристическая фантазия на тему башен и транспортных связей

Ганс Пельциг, Эрих Мендельсон, Курт Швиттерс, Иван Леонидов, Бакминстер Фуллер, Ганс Шарун, японские «метаболисты»... длинный список проектировщиков-изобретателей, зачарованных возможностями техники. Бруно Таут, писавший сразу после конца страшной первой мировой войны, предлагал в своей «Альпийской архитектуре», чтобы люди обратили свою энергию на преобразование Земли в грандиозный искусственный ландшафт: скульптурная обработка Альп и Анд, перестройка тихоокеанских архипелагов. Объединившись, люди могли бы перестроить всю планету в изумительный кафедральный собор человечности. «Народы Европы! При-

Рис. 31. Панорама с птичьего полета для проектного предложения И. Леонидова, представленного на конкурс в 1930 г. (Магнитогорск). Двухэтажные жилые дома группируются вокруг общих дворов, общественные сооружения и зеленые зоны чередуются в шахматном порядке

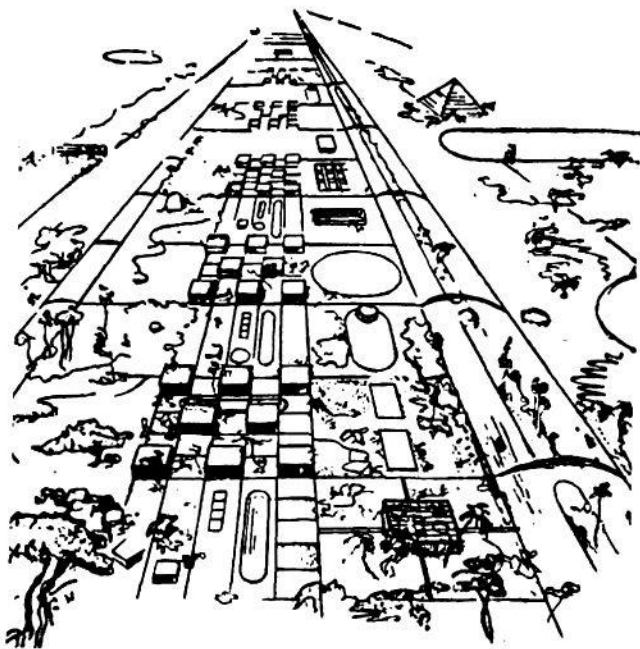
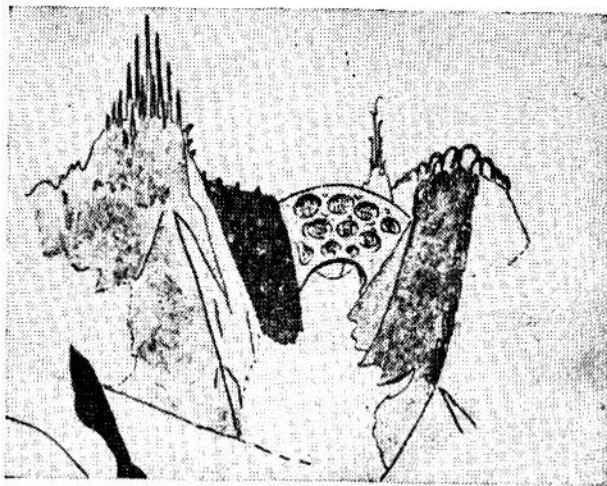
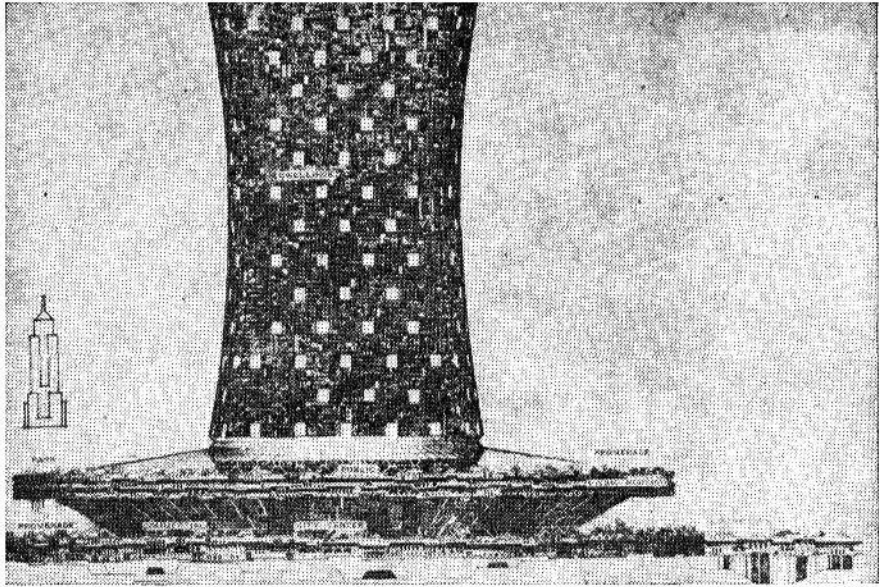

Рис. 32. Мечты Бруно Таута о реконструкции альпийских хребтов: скалам приданы кристаллические формы, стеклянные арки перекинуты над снежными полями и шагают над пропастями; огни св. Эльма вспыхивают на металлических шпильях, и ветер приводит в движение золотую арфу на мосту

митесь за создание священного артефакта... Земля украсится вашим трудом!» Таут предлагал высечь из гор формы цветов и кристаллов, вокруг которых должен совершаться танец света, облаков и вод.

В серии эффектных рисунков Паоло Солери выдвинул идеи создания городов в пустыне — компактных и сложных внутри. Боль-

шое сообщество и его изысканной формы «раковина» должны слиться в целостный суперорганизм, в организованной и живой целостности которого должен раствориться индивид. Английская группа «Аркигрэм» занималась изобретением еще более сложных структур, где машины «живые», а все окружение носит мобильный, сборно-разборный характер.

В противоположность ранним «органическим» утопиям, эти и подобные им формы увлекают своей сложностью и разработанностью, разыгрывая варианты технической доступности, приспособляемости, визуального выражения функций. Но прежде всего их авторы увлечены выражением идеи сложного, но целостного рукотворного мира, формируемого в гигантском масштабе. Стоит поразмыслить о формах социальной организации, которая была бы необходима для создания и поддержания всех этих восхитительных форм, или об их возможном воздействии на экологию Земли, как становится не по себе. Необходимость удерживать контроль над созданным игнорировалась новыми утопистами или оказывалась замаскированной формой мечты об абсолютном совершенстве Мастера.

Предложения Альдо Росси — совсем недавний вариант мании формообразования. Для Росси-архитектора это совершенно автономная дисциплина, вечная и потому свободная от исторического времени, порождающая типологии форм, способных к независимому существованию, как идеи Платона. Город представляет собой постоянную структуру, которая — в собственных памятниках — «помнит» о собственном прошлом и «реализует самое себя» по мере развития. Архитектура не имеет связи с утилитарной функцией,

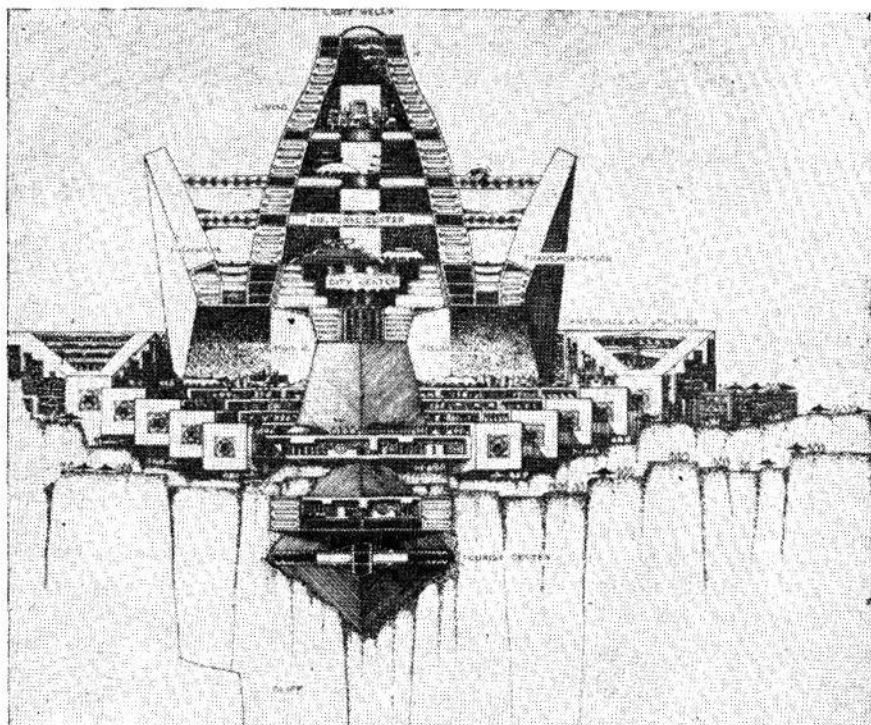

Рис. 33. Два варианта «мегаформы», предложенной для города Паоло Солери. Вавилонская башня-2 (фасад), 1950 м высотой и 3000 м в максимальном диаметре. Население 550 тыс. человек размещается в гигантской башне, напоминающей градирию. Заводы и системы обслуживания занимают цоколь, в пределах башни расположено 14 парковых уровней (слева показан силуэт Эмпайр-стейт билдинг). Стоунбухаус (разрез) вмещает 200 тыс. обитателей в структуре, переброшенной над пропастью. Центр структуры соответствует срединной точке моста, по которой и сделан поперечный разрез. Шоссейная дорога заключена в оболочку из стен жилых домов

это коллективная память, чистая и утонченная игра с формой. Предметная структура свободна от социальной, образуя собой «ничто» с обособленными и восхитительными возможностями.

Подобные затеи разрастаются чудовищными и вместе с тем соблазнительными соцветиями. Но в глубине все они укоренены в той же старой и фальшивой идее, будто человек и его окружение являют собой обособленные цельности, соединяемые (если вообще соединяемые) чисто механической, однонаправленной причинной связью.

Очень немногие из утопий работают одновременно с местом и социальным наполнением. Мечты Уильяма Морриса — одно исключение, система «парадигм» изложена Полем и Персивалем Гудманами¹. Авторы моделируют три варианта общества вместе с соответствующими типами окружения. Первый вариант — сверх-

¹ Книга Гудманов «Комьюнитас» («Общины») издана Чикагским университетом в 1947 г. (Примеч. пер.)

продукция, сверхпотребление и периодическое «очищение». Второй — дуалистическая экономика, гарантирующая свободу и безопасность, где можно выбрать богатство, сопряженное с напряженным трудом, или безделье, сопряженное с поддержанием существования. Ядром третьего варианта являются маленькие самообеспечивающие сообщества, в которых и производство и потребление смешаны. При том что первые «парадигмы» звучат надуманно и неискренне, им сопутствуют подробно разработанные пространственные структуры, направленные на усиление их социальной сущности. Третий (по всей видимости предпочитаемый авторами) вариант воплощает в себе ту же давно знакомую органическую метафору. Как при всяком варианте «рая» воображение явно притупляется и новое сообщество заселяет маленький итальянский городок на горе со всеми его признаками.

«Паттерны» Кристофера Александра составляют часть его масштабных теоретических разработок, посвященных прежде всего принятию решений в сфере развития среды. Однако одновременно они представляют собой осколочные фрагменты утопического представления, сосредоточенного на пространственной форме. В отличие от других авторов Александр по крайней мере связывает каждое формообразующее предложение с его сугубо человеческими последствиями. В каждом случае «паттерн» обозначает собой целостный фрагмент реальной действительности, выстроенный соответственно представлению и постоянной его связи с отношениями и поступками людей. Вся система «паттернов», таким образом, выстроена для лучшей организации процесса принятия решений, но в основе ее оказывается длинная, полно иллюстрированная «галерея» описаний связи форм и поведения людей. Большая часть этой галереи посвящена сложным вариациям входа, выхода, перехода.

Когда утопические сообщества становятся натурным экспериментом, они волей-неволей вынуждены иметь дело со своим предметно-пространственным окружением. Для многих это было грубое пробуждение от прекрасного сна. Расходы и технические сложности, о которых никогда не размышляли пионеры, обрушивались на сообщество, стремившееся к совершенству. Урожай погибал, постройки сгорали, доступ к местам сбыта продукции оказывался затруднен, повседневные трудности громоздились друг на друга, распределение обязанностей превращалось в обязанность распределения и т. п. Некоторые общины одолевали эту цепь несчастий, но отнюдь не пытались создать новый пространственный порядок. Перенимая старые постройки, часто временные или полуразрушенные, утопические сообщества обычно были в большей степени заинтересованы пространственной декорацией, чем организацией пространства, — как если бы серьезное обсуждение вопросов материального мира было чем-то ненужным или даже недостойным. И все же находились утопические общины, которые вырабатывали определенное отношение к предметному и пространственному окружению, черпая из его организации новые силы.

Общины шейкеров¹ в США, из всех пытавшихся устроить рай на Земле просуществовавшие дольше других, уделяли архитектурному окружению повышенное внимание. С их точки зрения, мир предстояло в буквальном смысле преобразовать в «небо» — совершенную архитектуру общества и среды его обитания. Каждая община являла собой «живое здание». В целом и пространство и поведение людей подчинялись предельной регулярности, тотальной прямоугольности, за исключением экстатического танца, в котором все эти ограничения осознанно отбрасывались прочь. Беспорядок, потеря времени, медлительность — все это отрицалось разом и полностью. Планировка зданий, форма орудий труда подвергнуты были тщательной и детальной регламентации. Сооружения различного назначения кодировались цветом окраски стен. Крайнее внимание к форме вместе с напряженным стремлением к максимальной эффективности породило великолепные предметы, вызывающие восхищение сегодня², равно как и множество технических изобретений.

Община Онейда (1848—1880 гг.) основывала свою деятельность на убеждении в том, что и мужчины и женщины могут достигать совершенства внутри сыгранного, вольного коммунистического сообщества. Развитие сообщества одновременно с развитием каждого его члена трактовалось как ведущая цель, процесс движения к которой должен доставлять радость. Так, 80-летние коммунары могли вдруг начать изучать высшую математику или греческий язык, если это приходило им в голову. Община отыграла множество социальных экспериментов: коллективная собственность, смена видов деятельности, лечение групповым внушением, вегетарианство и групповые браки и т. п. Окружение подлежало совершенствованию в той же мере, что и его обитатели. Оформлению и планировке помещений, декорированию, формированию садового ландшафта уделялось огромное внимание. Все сообщество участвовало в проектировании зданий, пристроек и доделок. Эскизы делались кем угодно, после чего они горячо обсуждались до тех пор, пока не удавалось достичь всеобщего согласия относительно решения. Всякое место получало отработанную форму, и этой форме придавалось значение. Более всего жители Онейды занимались тем, чтобы пространство и его предметная обработка способствовали неформальному общению между жителями коммуны.

Общины такого типа относились к окружению как видимому для каждого выражению существа общины. Поэтому окружение должно было иметь четкие границы, отделяющие его от внешнего мира, и своеобразие, быть таким, чтобы его можно было охватить взглядом как единое целое. Упорядоченность и идеальная чистота

¹ Буквально «трясуны» — одна из крайних сект «христианского социализма», уступавшая радикализмом только квакерам и мормонам. (Примеч. пер.)

² Формотворческая деятельность шейкеров имела своей предшественницей работу голландских и германских сект XVIII столетия — из этой среды вырос, в частности, блистательный конструктор мебели Давид Рентген, опередивший свое время на полтора века. (Примеч. пер.)

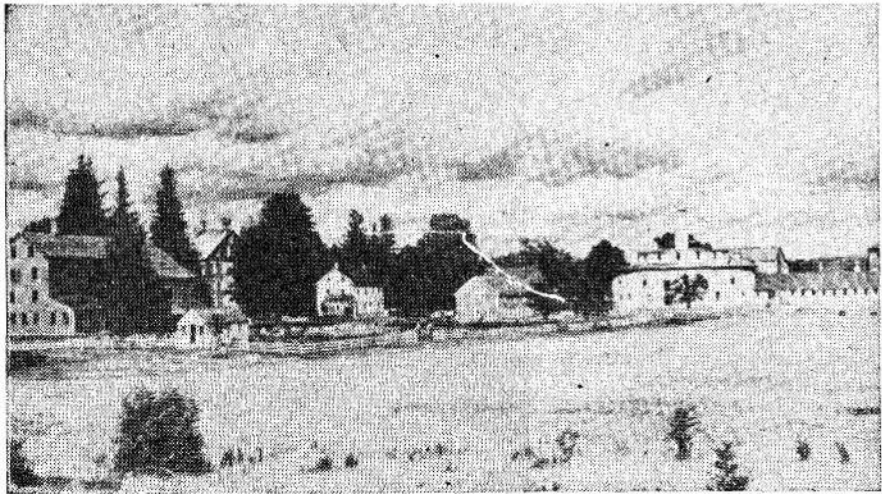

Рис. 34. Общий вид Хэнкок (Массачусетс) — одной из наиболее процветавших коммунальских общин в XIX в. Все спроектировано прагматично, окружение носит отчетливо продуктивный и мирный характер. Круглый амбар справа — одно из нововведений коммунальских общин

трактовались как высокие моральные ценности, но мир живой природы должен был ощущаться как неизбежный и всепроникающий. Пространственное обеспечение социального взаимодействия оказывалось важным потому, что оно влияло на характер собраний лицом к лицу в малой группе единоверцев. Произвольность, спонтанность во взаимодействии с предельной упорядоченностью, интимность в соотнесенности с общественным — все это обсуждалось много и живо, но во всяком случае удобство связи людей, служб, мест трактовалось как жизненная необходимость. Мера контроля и мера соучастия в его осуществлении всегда оставались значимыми темами разногласий по поводу уровня управляемости.

В большей части утопических общин вопросам критериев комфорта, соответствия функции и формы, системной организации окружения уделялось меньшее внимание, вернее, они не обсуждались столь подробно и открыто. Тем не менее все эти вопросы играли весьма существенную роль в практической истории подобных сообществ, особенно тех, что смогли просуществовать достаточно долго.

Преисподняя всегда сильнее затрагивала воображение, чем райские кущи. Когда в Кэмбридже (Массачусетс) группу мальчиков попросили описать мир, который они сочли бы идеальным, они выражали лишь недоумение. Когда их же просили описать наихудшее окружение, какое они могли себе представить, ответы были развернутыми и живописными. В этой картине гангстеры и полиция оказались обладателями раздельно существующих враждебных территорий; двери и окна забаррикадированы; заборы перегородили улицы, покрытые толстым слоем грязи, мусора и битого

Рис. 35. Фрагмент мозаики Флорентийского баптистерия лишней раз показывает, насколько живо и эффектно представление об аде, и сколь маловыразительны черты райской жизни

стекла; все системы городских служб выведены из строя; воздух пропитан миазмами; шум невыносим; нестерпимо жарко или невыносимо холодно и т. п. Точно так же созданные взрослыми «кактопии» — воображаемые описания будущего, антиутопии — всегда описывают окружение гораздо живее и подробнее, чем на это оказывались способны «позитивные» утописты. Уже «Путешествия Гулливера» достаточно выразительны в этом отношении.

Книги писателей-фантастов переполнены подобными описаниями. Типичный пейзаж этих сочинений представляет собой некоторый супергород будущего, сверхплотный и отчужденный, хаотичный и задыхающийся от загрязнений, тревожный и опасный, — город, в котором нормальное общение людей становится чем-то невообразимым. Заметим, сколь тщательно детализированными оказываются во всех этих описаниях ландшафт, помещения, оборудование. Чистой параллелью служат эффектные изобразительные фантазии, созданные группой дизайнеров, назвавших себя «Суперстудно»: идеально геометризованные варианты окружения, где каждый изолирован от всех и никто не владеет обстоятельствами собственного бытия. Как всегда, подобные антиутопии, формально приписываемые некоему будущему, создаются для проявления несправедливостей сегодняшнего дня. Они моралистичны.

Рис. 36. Воспоминание, позорное для американцев: концлагерь в Постон (Аризона), построенный во время второй мировой войны для интернирования американцев японского происхождения. Планировка соответствует задаче быстрого и дешевого строительства, а также эффективному контролю за поведением заключенных

Вполне реальные антиутопии возникают порой в результате хаоса намерений и небрежения, но их не так уже редко создавали совершенно сознательно. Тюремь и концентрационные лагеря созданы для того, чтобы полностью подчинить людей или даже раздавить их. Средства подавления могут включать прямое физическое насилие или не включать его, но изоляция, стресс, утрата права на пребывание с самим собой, утрата ориентации во времени и пространстве, шум, свет, тьма и т. п. непременно включены в репертуар. Подобно тому, как изучение патологических отклонений позволяет установить природу здоровья, внимание к извращенным формам организации среды позволяет яснее понять позитивные ценности окружения.

К счастью, возводившиеся на земле модели рая и ада не могли закрепиться надолго, и когда они исчезают, то оставляют за собой только шрамы памяти. И все же они отнюдь не эфемерны — они с разных сторон отображают глубочайшие потребности и их эмоциональную окраску и уже потому могут служить исследовательской тропой к познанию средовых ценностей. К этим крайним примерам следует относиться как к натурным экспериментам граничных состояний среды, что делается редко. Даже неисследованные они остаются частью багажа культуры и оказывают скрытое влияние на принятие множества практических решений, о чем говорилось в начале главы. С любой здравой точки зрения, это укрытое влияние надлежит выявить и подвергнуть анализу.

В противоположность заявляемым мотивам практической градостроительной политики утопические и антиутопические идеи отзываются в силе чувств, которые мы испытываем при оценке среды нашего обитания. Более того, они часто сопряжены с чисто предметными характеристиками окружения вполне осязаемым образом. Однако такое сопряжение легко отнести к числу иллюзий, и люди практического склада делают вид, что ничего о них не знают. Сам стиль выражения утопии или антиутопии в литературе или графике отторгает их от контакта с деловыми бумагами и официальными отчетами. И все же здесь скрываются аффекты и прозрения, которые дают напряженность внутренней жизни сухим казенным бумагам.

Эффективное градостроительное проектирование, эффективная градостроительная политика непременно балансируют на грани между мечтой и реальностью, связывают глубинные потребности и невинные стремления с миром открытого эксперимента. Градостроительная политика может быть обобщенной, открытой, рациональной и в то же время конкретной и страстной. Ведущие нормативные теории независимо от их истинности или ложности сильны тем, что устанавливают мостик перехода между двумя мирами. Развертывая свою теорию, я стремлюсь к тому же.

В «Невидимых городах» Итало Кальвино Марко Поло описывает великому Кублай-хану один фантастический город за другим. Каждый такой город отображает сообщество, в котором какая-то черта человеческого существования обособлена от других и разрастается беспредельно. И для каждой такой односторонней реальности воображение писателя создает форму, проявляющую именно эту черту и соответствующую ее выражению. Марко Поло повествует хану о желаниях и памяти, о разнообразии и монотонности, о вечном и преходящем, о мертвых, живых и еще не родившихся, об образах, символах и картах, о причастности, двойственности, отражениях, о видимом и невидимом, о гармонии и беспорядке, справедливости и несправедливости, о лабиринтах, ловушках и бесконечности, о красоте и уродстве, о метаморфозах, разрушении, обновлении, преемственности, возможности и перемене.

Диалог Кальвино — это широкая панорама утопий и антиутопий, в которых восходящая, спирально развивающаяся фантазия исследует все новые и новые типы связей между людьми и местами. В конце книги утверждается: «Чистилище живущих не представляет собой нечто, чему только еще суждено стать; если оно есть, то оно уже здесь — чистилище нашей повседневной жизни, создаваемое нами уж тем, что мы живем вместе. Есть два способа избежать страданий. Один легок для многих: принять чистилище и настолько стать его частью, что его уже невозможно заметить. Другой путь исполнен риска и требует бдительности и напряжения чувств: искать, учиться распознавать — кто и что в чистилище не принадлежит чистилищу, затем помогать им выстоять, дать им место».

4. Нормативные теории

Если из сказанного выше читатель сделал вывод, что нормативных теорий мало — это недоразумение. Вопрос о том, какой следует быть градостроительной форме, задавался издревле, и если под нормативной теорией мы подразумеваем упорядоченную систему идей о «правильной» форме города и обоснований этих идей, то перед нами достаточно широкий выбор. Такого рода теории без особого труда поддаются группировке, и каждая такая группа выстраивается вокруг метафоры, обобщенно выражающей представление о том, что такое город и как он функционирует.

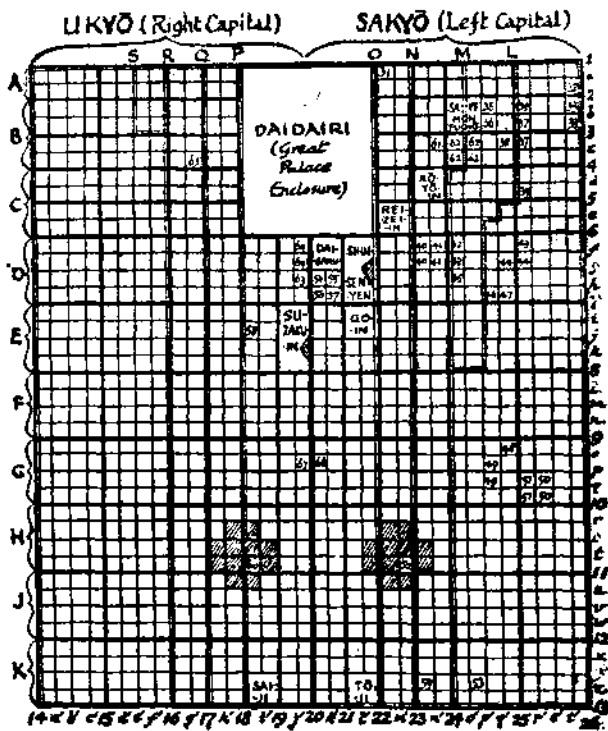
Мы уже говорили о том, что, по-видимому, первые города сложились как религиозные центры — места, где священный ритуал и объяснял случайности мира природных сил, и подчинял их человеческим нуждам. Перераспределение власти и материальных ресурсов в интересах господствующего класса, устанавливая порядок устройства мира, использовало религиозную церемонию и предметную форму в качестве основных своих инструментов. Форма города — психологическое орудие власти, и проектирование этого могущественного и глубоко закодированного инструмента осуществлялось в логике магического соответствия.

Эта схема мышления исходит из того, что форма всякого постоянного поселения должна служить магической моделью вселенной, божественного порядка. Эта форма служила средством установления связи между человеческими существами и небесными силами, средством утверждения на земле гармонического порядка, присутнего космосу. Тем самым человеческой жизни отводилось устойчивое и безопасное место во вселенной. Авторитет богов поддержан, силы зла, силы хаоса вытеснены за городскую черту, структура власти (царей, жречества, аристократии) закреплена и упрочена. Все это может казаться сегодня жалким суеверием, но идея магического соответствия действительно оказала огромное влияние на становление и развитие городской жизни. Более того, гордясь собственной просвещенностью, мы не всегда замечаем, как много в наших представлениях о градостроительной форме восходит к этим прадедам: их устойчивость во времени шире, чем суеверия, их некогда породившие.

Наиболее разросшиеся ветви космической интерпретации города принадлежат китайской и индийской культурам. Китайская модель оказала наибольшее влияние на историю градостроительства — она регулировала закладку и построение едва ли не всех крупных городов в самом Китае, в Корее, Японии, многих городов юго-восточной Азии. Магическая формула ярко выражена в строении Пекина, она же породила некогда провинциальные копии, вроде Киото или Сеула.

Эта модель приписывает ориентации по странам света определенные значения и соответствующие им цвета. Так, север это

Рис. 37. План новой столицы Японии Киото, основанной около 800 г. н. э. на основе классической китайской модели (см. рис. 7). Горная цепь защищает город от северных ветров, с юга — море, с востока и запада — водные протоки. Город расчленен по регулярной сетке: император смотрит с севера на юг из дворца на кварталы знати и город, разделенный на правую и левую половины. В дальнейшем город рос в восточном направлении, западный рынок оказался заброшен, а дворец сместился на западный край застройки

мрак и неблагоприятность небес и потому на севере необходимо сооружать оборонительный щит. Город должен разделяться, подразделяться и под-подразделяться на все более тонкие сетки улиц и проулков: принцип коробочек, вложенных одна в другую. Иерархии религиозных и светских властей соответствует точно фиксированная локализация в пространственной решетке города, фиксированная окраска зданий, предписанные строительные материалы. Пространство симметрично расчленялось на левую и правую стороны, чему опять-таки строго соответствовало распределение функций управления. Все ограждения, проемы в них и подходы к этим проемам обладали магическими защитными функциями. Реализация этих пространственных построений сопутствовали сложные ритуалы закладки города и его повседневного функционирования. Как учит Ли Цзи (компиляция II в. до н. э.): «Ритуал сдерживает беспорядок подобно тому, как дамбы сдерживают наводнения».

Эти опорные идеи развернулись в сложную псевдонауку «геомантии», изучавшую локальные токи «дыхания космоса», формируемые рельефом, водоемами, ориентацией, глубоко запрятанными

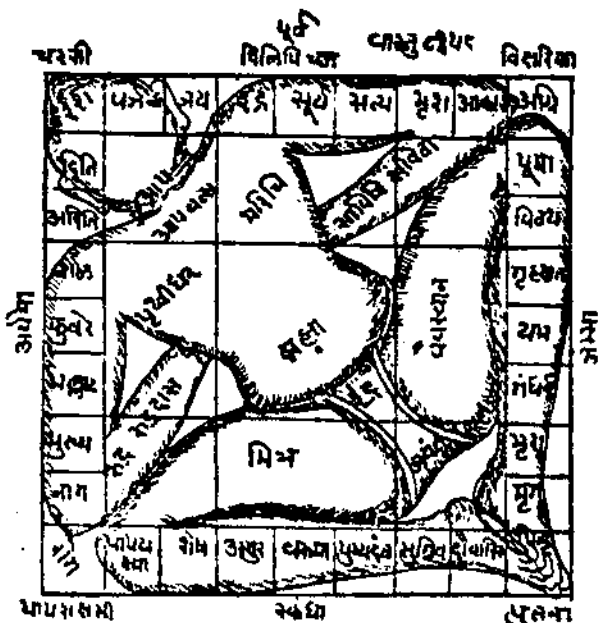

Рис. 38. Так называемое Вашту-пуруса (вместитель духа места), мандала индийской градостроительной теории — модель идеальной планировки города. Дух Пуруса закреплен на месте системой квадратов, каждый из которых посвящен определенному божеству. Центр занимает Брами, вокруг него Адиты, вокруг них — 32 пада-девата

«жилами» земли¹. Знание такого типа формулировало рекомендации для поиска благоприятных условий размещения городов, некрополей, крупных сооружений для улучшения участка с помощью знаков, земляных работ и озеленений, включая введение благоприятных «течений» и перегораживание или отвод в сторону неблагоприятных. Счастливым побочным следствием подобной магической сосредоточенности оказалось глубочайшее внимание к ландшафтному окружению, что породило немало первоклассных рисунков.

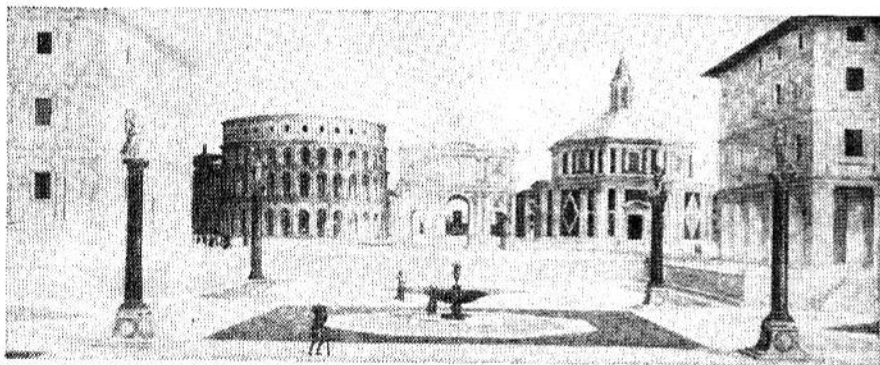
Индийские теоретики, оказавшие несколько меньшее влияние на практику градостроительства, еще откровеннее устанавливали систему связи между людьми, богами, ритуалами и планировкой городов. Возникла серия трудов по планировке городов — Шильпашастры, в которых ясно указывалось, как следует вести разбивку территории и как отгородиться от сил хаоса и подчинить их. Типической формой оказывается «мандала» — система концентрических колец и вписанных квадратов, сильно выделяющая геометрический центр. Замкнутость формы означает святость и укрепляет защиту против сил зла, главными считаются направления движения снаружи внутрь и обход священной окружности по часовой

¹ Выражение «пнедаонаука» не имеет однозначной оценки — разумеется, система полумагического знания древних градостроителей не относится к классу «наука», что не мешает видеть в ней аккумулятор огромного практического знания. В основе древнегреческих и римских градостроительных норм и правил обнаруживаются те же сочетания позитивного знания и магических ритуалов. (Примеч. пер.)

Рис. 39. План центральной части города Мадур (Индия) в современном состоянии. Планировка строго соответствует маршруту религиозных процессий в специальные храмовые праздники. Хотя город раньше, эта планировочная схема восходит к XVI столетию

Рис. 40. Изображение идеального города на картине итальянского художника, датируемой между 1490 и 1495 гг. Упорядоченность, строгость и ясность формы обширные незастроенные пространства, централизованный пространственный надзор — признаки ренессансного идеала, согласно которому город представлял собой сцену для жизни нового буржуа

стрелке¹. Как только такие пространственные построения и соответствующие им ритуалы осуществлены, участок освящен и может быть безопасно заселен. Ежегодные религиозные процессии повторяют те же маршруты, и обитатели запечатлевают в памяти именно такую структуру города. Мадурой на крайнем юге Индии великолепно иллюстрирует древнюю модель — даже сейчас градостроительная форма, храмовые комплексы и ритуалы, образ го-

¹ Отметим идентичность христианской церемонии обхода храма по часовой стрелке или «по солнцу».

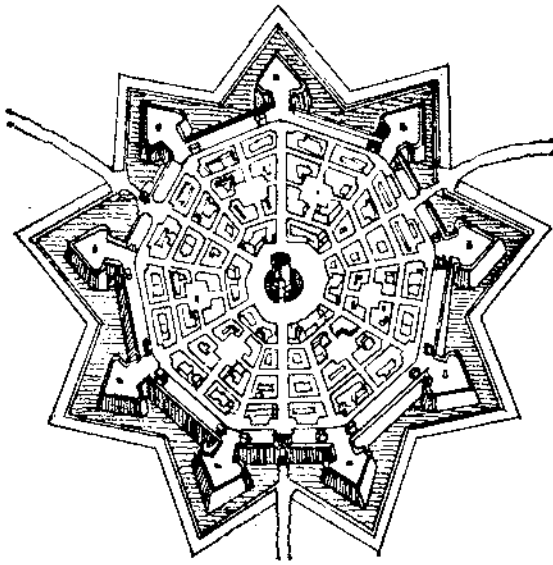

Рис. 41. Схема первоначального плана и современная фотография Пальмачов — нового города, построенного в 1593 г. для защиты границ венецианских владений. Автор проекта (предположительно Скамоцци) твердо следовал ренессансному принципу идеальной центральной симметрии. Сегодняшний город прихотливо разбился по симметричным лучам улиц, закрытый со всех сторон овалыными земляными бастионами. Центральная площадь так и осталась огромным пустырем

рода в сознании его жителей, функциональное зонирование, даже маршруты автобусов — все это сопряжено с первичной символической формой.

Китай и Индия дают нам наиболее разработанные примеры космической модели города, но сама базисная идея была распространена необычайно широко. Сложно разработанные церемониальные центры в Северной и Южной Америке, в Азии и Африке — немые свидетели. Развернутые теоретические представления можно уловить в материале Древнего Египта, на Ближнем Востоке, в этрусском Риме и множестве других мест. Использование ландшафтной локализации и градостроительной формы для усиления власти и придания ей символического значения вошло в западную культуру и частью дошло до нашего времени. Совершенство концентрической, радиальной схемы идеальных городов Ренессанса понималось как символизация математической упорядоченности вселенной. Распространенная в период барокко модель города как взаимосвязанной системы расходящихся и сходящихся осей была и выражением и инструментом выражения порядка, силы и власти. Только благодаря тому, что эта разработанная модель уже существовала, Пьер Ланфан мог в рекордно быстрое время разработать план Вашингтона, провести разбивку улиц и начать процесс сооружения города.

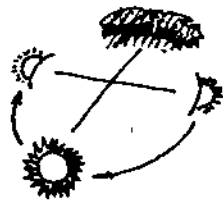
Любая космическая концепция сводила взгляд на градостроительную форму к одной всеобъемлющей идее. Миф объяснял собой происхождение города. Магическая концепция объясняла, почему город таков, как есть, указывала на причины неуспеха. Она одновременно указывала на то, каким должен быть город, как разместить его на местности, как усовершенствовать или поправить его. Если только следовать подобной концепции, чувства

безопасности, благоговения и гордости становились закономерными для всех горожан. Это, иными словами, целостные и операциональные теории города — функциональные и нормативные в одно и то же время.

Все подобные теории отмечены использованием универсальных формообразующих идей. Среди них осевая линия для подхода и ритуальной процессии; замкнутое ограждение и его защищенные проемы; господство горнего над дольным, крупного над малым; священность центральной точки; значения, приписываемые странам света — север холодеи, юг горяч; восток — рождение и начало, запад — угасание и смерть. Здесь же регулярная решетка как средство утверждения прочного порядка; иерархическая организация пространства; симметрия левого и правого как выражение полярности и дуализма; утверждение ориентиров в стратегически важных пунктах как средства визуального господства над обширной территорией; священная природа гор, пещер, вод.

Сходные признаки форм усиливались сходными чертами организации: регулярное возобновление религиозных церемоний, иерархия власти, обособление социальных групп, регламентация одежды и поведения и т. п. Пространство и ритуал в одинаковой степени оказывались инструментами стабилизации поведения, утверждения и сохранения взаимосвязанности людей. Учреждения и пространственные формы, взаимно усиливая друг друга, оказывают мощный психологический эффект — настолько мощный, что когда происходило несчастье, его легко было приписать небрежности, нарушению чего-то в целостной системе порядка. За всеми этими концепциями обнаруживаются постоянные первичные ценности: порядок, стабильность, пирамида власти, прочная взаимосвязь действия и формы, наконец (и прежде всего), отрицание времени, несущего с собой упадок и умирание, отражение пугающего хаоса.

Конечно же, все это в далеком прошлом, и просвещенный век оставил позади старые суеверия, но в действительности ритуал и форма продолжают оказывать на нас сильное воздействие. Сила и власть выражаются все теми же средствами: граница и проем, церемониальный подход и господствующий ориентир, размер и специфический декор фасада, осевая симметрия или регулярный план. Столичные города оснаща-

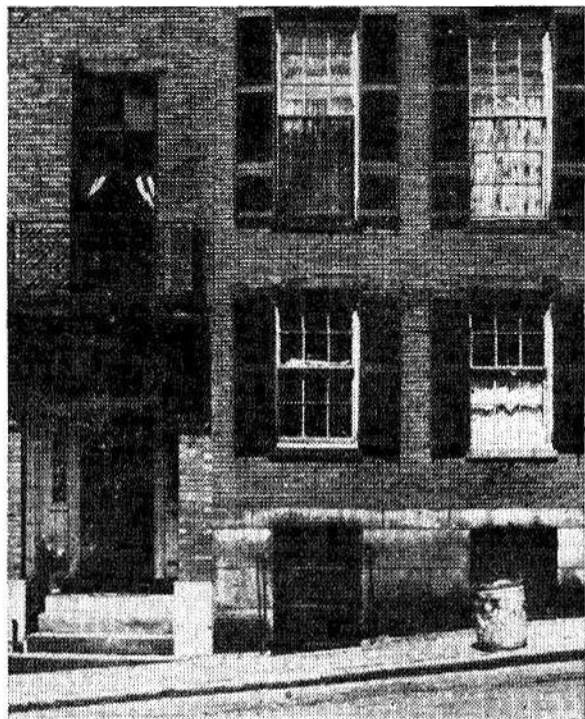

Рис. 42. Парадный и «черный» входы в жилой дом на Бикон хилл в Бостоне. Предметное окружение выражает отношения социального господства, противопоставляя крупное малому, верхнее нижнему, выступающее заглабленному, усложненное элементарному

ются монументально оформленными осевыми магистралями, судьи, как и прежде, глядят на подсудимых сверху вниз, офисы обретают «репрезентативный» облик, корпорации соревнуются меж собой высотой штаб-квартир. Все это продолжает жить.

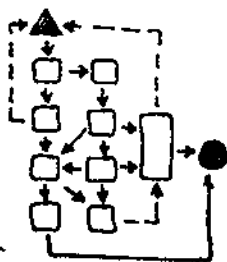
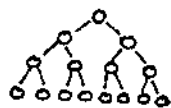
Признавая психологическую эффективность названных форм, мы вправе относиться с некоторой подозрительностью к этим холодным инструментам подчинения одних людей другим. Однако правдой остается и то, что символические формы обладают очевидной привлекательностью как таковые — они возбуждают в людях глубоко укорененные чувства приподнятости. Они дают нам ощущение устойчивости, стабильности, преемственности и тем самым безопасности, почтительности и гордости. Именно поэтому они сохраняют способность выражать собой чувства приобщенности к общему, гордости за общее, чувство человеческой самоидентичности, равно как и чувство причастности к величю вселенной.

Во всяком случае, хотя магический смысл древних концепций и утратил значение в наших глазах, психологическая мощь извечных средств воплощения тех же концепций не ослабевает со временем. Оси, ограждения, решетки плана, центры, симметричные построения порождены общечеловеческим опытом, отражают в себе строение нашего сознания, нашего познающего аппарата и его

архитектоники, позволяющей нам существовать в реальном окружении и успешно действовать в нем. Соответственно мы имеем дело с глубоко реалистическими признаками градостроительной формы и — нравятся нам это или нет — их необходимо принимать во внимание при построении какой бы то ни было нормативной теории. Камни и вода, небо и пещера, север и юг, верх и низ, признаки старения, ось и шествие, центр и граница — все это реалии, с которыми должна совладать любая теоретическая концепция, чтобы что-то собой представлять.

Космическая модель поддерживает образ «хрустального» города: стабильный, иерархически организованный, он представляет собой микрокосмос, в котором каждый элемент магически встроен в идеально организованное целое. Если здесь и возможно изменение, то это ритмически упорядоченный цикл, который сам остается неизменным. Совершенно иным является представление о городе как своего рода машине. Машина тоже состоит из устойчивых элементов, но эти элементы движутся и тянут за собой движения других. Изменение может затрагивать весь механизм, но это происходит вполне предсказуемым образом — скажем, в движении по определенной траектории. Стабильность принадлежит элементам, но не целому. Эти части, как правило, невелики, четко очерчены, часто идентичные, и все они механически соединены. Целое растет путем добавления частей и не приобретает самостоятельного значения, оставаясь простой совокупностью своих частей. Механизм можно разобрать и вновь собрать, ее элементы можно поменять местами, и машина вновь заработает. Механизм функционален, конкретен и «холоден», будучи абсолютно лишен магического. Все элементы автономны в том, что не относится к способу их соединения. Машина делает то, что делает и не больше.

Говорить о механической модели следует с осторожностью. Во-первых, за словом «машина» обычно стоит представление о современном механизме, сложном, приводимом в движение паром, газом или электричеством, выполненном из сияющего металла. Но ведь и телега — машина, и колодезный журавль, и ветряная мельница, и рейка на роликах. Мета-

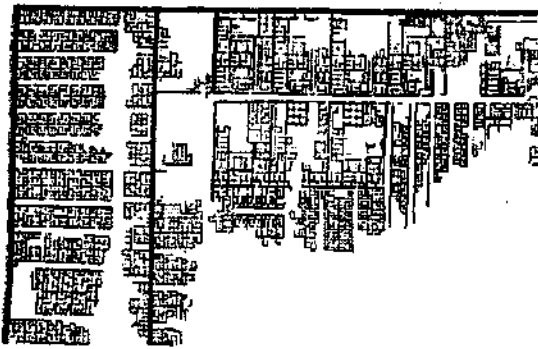

Рис. 43. План египетского города Кахун, выстроенного около 3000 г. до н. э. для строителей пирамиды в Ифлахуне. Город построен по единому плану в кратчайшее время. Отметим контроль за доступом и различия между группами жителей

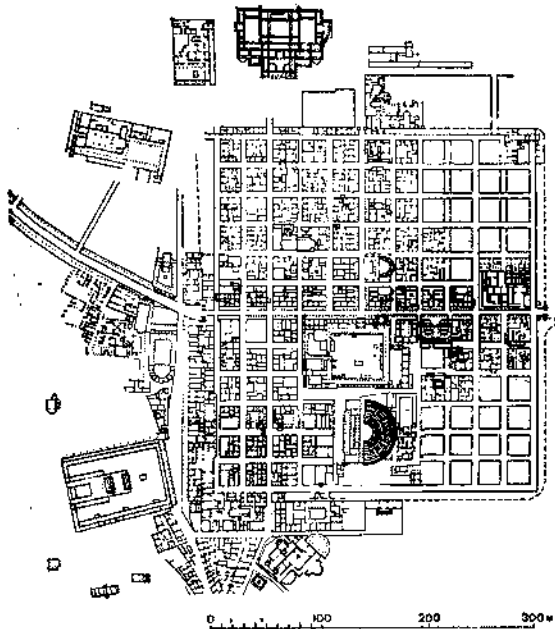
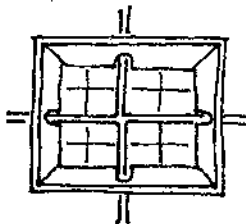

Рис. 44. План римской колонии Тимгада, основанной императором Траяном около 110 г. н. э. для ветеранов Третьего легиона. Город планировался как опора римского господства в Северной Африке и средство «цивилизовать» местных берберов. Город представляет собой квадрат со стороной 350 м и по планировке тождествен римскому военному лагерю с пересечением «декумануса» и «кардо» в геометрическом центре. Отчетливо заметны последнее расширение застройки за городскую черту, перенос южных ворот

форическое представление о городе как машине родилось отнюдь не вчера, хотя оно столь активно распространяется сегодня. Корнями это представление уходит в далекое прошлое и немногим уступает космической модели временем зарождения и развития. Во-вторых, следует иметь в виду наличие сегодня согласованного хора противников технологии, для которых слово «машина» означает непременно нечто антигуманное. Я не разделяю подобных пред-
рассудков.

Механическая модель обнаруживала свою высокую практичность всякий раз, когда нуж-

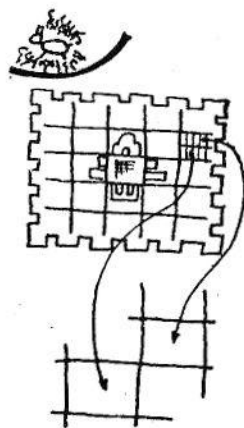

Рис. 45. Аэрофотосъемка «фронтального» города Санта Фе неподалеку от Гранады, выстроенного в 1542 г. в качестве форпоста решительного наступления испанцев на мавров. Там, где для этого открывалась возможность, средневековые градостроители использовали регулярную геометрическую форму. Накопленный градостроительный опыт был использован при формировании «Законов для Индий».

но было временное поселение или его следовало возвести очень быстро, или если его строили во имя ясных, четко очерченных и ограниченных целей, с чем мы постоянно встречаемся в истории строительства колониальных городов и поселков. Градостроительная форма в подобных случаях не более чем средство эффективного достижения практически значимых целей, средство обеспечения деятельности, почитаемой более важной. Отсюда необходимость заменять отдельные части или перестраивать связи между ними, не опасаясь отдаленных последствий неосторожного решения. Немного простейших правил планировки позволяют справиться с новыми и весьма сложными обстоятельствами эффективно и устойчивым образом.

Мы уже упоминали о том, как греческие колонии (но не города-метрополии) выстраивались в виде сеток прямоугольных кварталов, накладываемых часто на малопригодный для этого рельеф. Египетский рабочий лагерь в Кахуне (около 1900 г. до н. э.), выстроенный для того, чтобы обеспечить жильем строителей и надсмотрщиков на время возведения пирамиды, представляет собой значительно более ранний пример той же схемы.

Регулярная планировка римского военного лагеря отлично известна. Кардо и декума-

нус, пересекаясь в центре прямоугольника, соединяют попарно противоположные ворота. Эту схему использовали для сооружения разовой ночевки, и она же служила для закладки постоянного города. Этот постейший план проступает в пространственном рисунке центральных частей множества европейских городов. Наверное, менее известно, что при основании новых средневековых городов (градостроительный «бум» XII — XIII вв.) применялась та же планировочная схема из регулярно повторяющихся прямоугольных кварталов. Мы обычно считаем типично средневековой нерегулярную, живописную, «органичную» планировку, однако и короли и бюргеры возводили простейшие, регулярные планировочные схемы, если только это оказывалось возможным.

Именно этот средневековый опыт лег в основу Законов для Индий 1573 г., где изложены принципы строительства новых городов в Америке¹. Эти королевские предписания определили характер сотен городов, возникавших в течение двух с половиной веков. Законодательство определило правила выбора участка, правила регулярной разбивки уличной сети и ее ориентации, форму центральной площади (которая должна обстраиваться общественными зданиями и домами богатейших горожан), принципы пространственного зонирования с учетом неприятных для горожан видов производства, характер укреплений, распределения общественных земель, разбивки участков, наконец, здесь же предопределялся стиль декора. Это не магические формулы, а нормативный справочник. За каждой позицией стоит четко определенное функциональное основание: все вместе они обеспечивали быстроту достижения поставленной цели.

Решетки североамериканских городов, структурное построение которых вытекало из правил земельной спекуляции, представляют собой наиболее известное выражение все того же жанра. Известный отчет Комиссии, которая определила планировку Нью-Йорка в 1811 г., предельно выявляет принципы планировочного решения. Их любопытно сопоставить с любым выражением «космической» градостроительной доктрины: «Мы исходили из того, что город образуется из человеческих жилищ, в первую очередь, а также из того, что прямоугольные здания с прямыми же фасадами наиболее удобны для проживания, равно как и наиболее дешевы в строительстве. Следствия из этих простых и ясных соображений сыграли решающую роль в выборе решения».

Механическая модель не сводится к использованию регулярной сетки (прямоугольная решетка была важной особенностью и магической модели древних китайцев); скорее ее характеризует взгляд на целое, части и их функционирование. Именно это лежит в основе «Лучезарного города» Ле Корбюзье, который, на первый взгляд, столь отличен по своей форме. Механическая модель исходит из идеи, что город состоит из небольших, автономных, более

¹ Необходимо учесть, что и практический опыт средневекового градостроительства, и опыт законодательства для Индий Филиппа II в значительной степени опирались на труды древнеримских авторов. (Примеч. пер.)

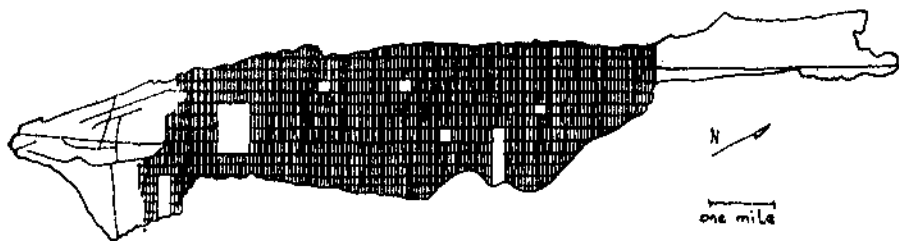

Рис. 46. Схема 1811 г., предопределявшая застройку всего Манхэттена. Это чисто механическая планировка на обширной территории, абсолютно безразличная к топографическим особенностям места. Главная мотивировка схемы — обеспечение четкости уличной сети и перераспределение земельной собственности после Революции

не расчлененных элементов, которые собираются в большую машину, а та — в отличие от своих частей — обладает ясно дифференцируемыми функциями и типами «движения». Машина могуча и прекрасна, но это не чудо магии и не зеркало вселенной. Она является только собой.

В существенно смягченной, более очеловеченной форме та же модель проступает в работах Артуро Сория-и-Мата, который был озабочен проблемами здоровья, открытых пространств, недорогого строительства, облегчения мобильности для лиц с умеренными доходами. В самом деле, линейная форма, горячим сторонником которой он был, представляет собой великолепную механическую форму, способную сохранять неизменными свои свойства при любой протяженности. Все та же схема проступает в городе-дороге Эдгара Чеймблесса, в работах Ле Корбюзье и достигает полноты выражения в идеальном городе Милютиня. Его «Соцгород» — очень ясное выражение механистической идеи, доведенное почти до карикатурной формы, вопреки серьезным намерениям автора. Милютин приравнивает город к электростанции или к конвейерной линии. Он сосредоточился на вопросах организации транспорта и упорядоченного разделения видов деятельности, процессах производства и здоровья рабочих, играющих ключевую роль в производственном процессе. Простота, экономичность, здоровье, упорядоченность, автономность частей. Дети отделены от взрослых — ни супружеских постелей, ни «грязных тряпок» на окнах.

Механическая идея все еще жива в смелых затеях группы Аркигрэм, Солери и Фридмана, как бы ни различались их конкретные формы. Она же проступает в полную силу в концепциях системного анализа, где мир моделируется как система четко определенных частей, связанных хорошо выявленными динамическими связями, подобно гигантскому аэроплану. Механическая модель лежит в основе большинства сегодняшних способов работы с городом: будь то практика землепользования и отвода участков, транспортного строительства, инженерных сетей, определения гигиенических и строительных норм, правил зонирования. Все обычно выделяемые мотивы (спорные, но не лишённые оснований) без труда вписываются в механическую концепцию, к тому же маши-

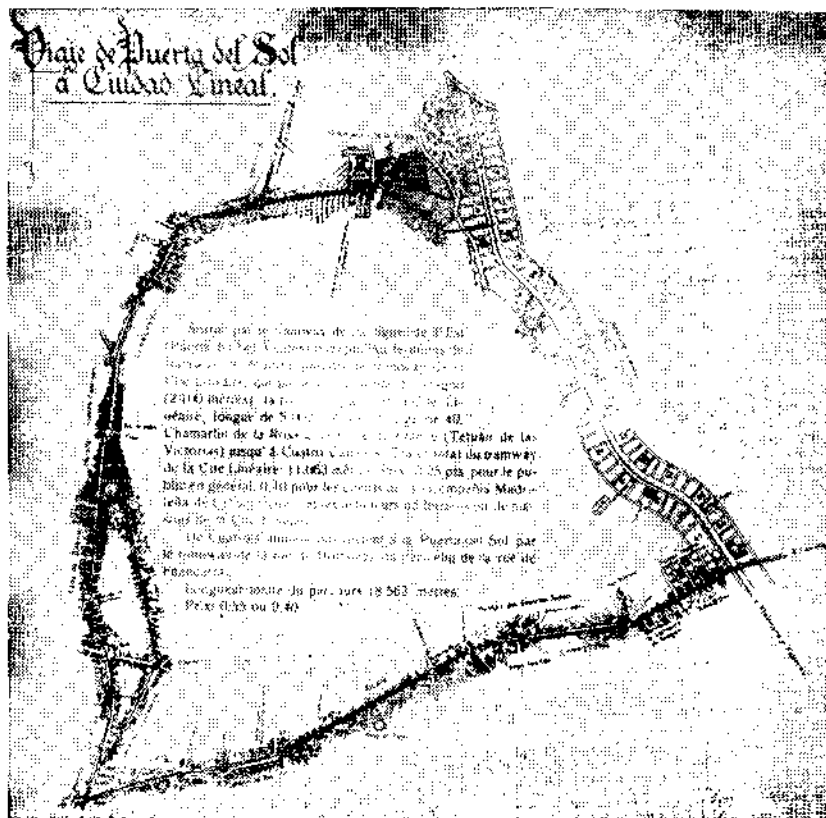

Рис. 47. Линейный пригород, заложенный по проекту Сориа-и-Мата в 1894 г. в Мадриде. Застройка связала две радиальные магистрали Мадрида — предполагалось, что она окружит весь город. Каждый из показанных на схеме кварталов содержит около 20 участков для застройки небольшим односемейным домом с приусадебным участком. Система местного обслуживания разместилась вдоль центрального бульвара, по которому шла местная трамвайная линия, подсоединенная к городским маршрутам, ведущим в центр. Проект предполагал создание здорового и недорогого жилища для лиц со скромным доходом. Осуществлявшая застройку компания действовала успешно до установления франкистского режима

на, расчленяемая на элементы, поддается проверке и ремонту по частям, что обещает значительную экономию усилий, затрачиваемых людьми.

Целеустремленный рационализм проступает здесь во всех достоинствах и со всей его оласностью. Разумеется, можно усомниться в том, что рационализм достаточен для понимания города: правильнее ли видеть в городе не космическую символику, а устройство, собранное из деталей, передающих усилия, движения (и информацию — принято теперь добавлять), чтобы работать? Но у идеи есть очевидные преимущества, особенно если речь идет о быстром и беспристрастном расчленении пространства или распределении потоков людей и предметов. Прямоугольные решетки

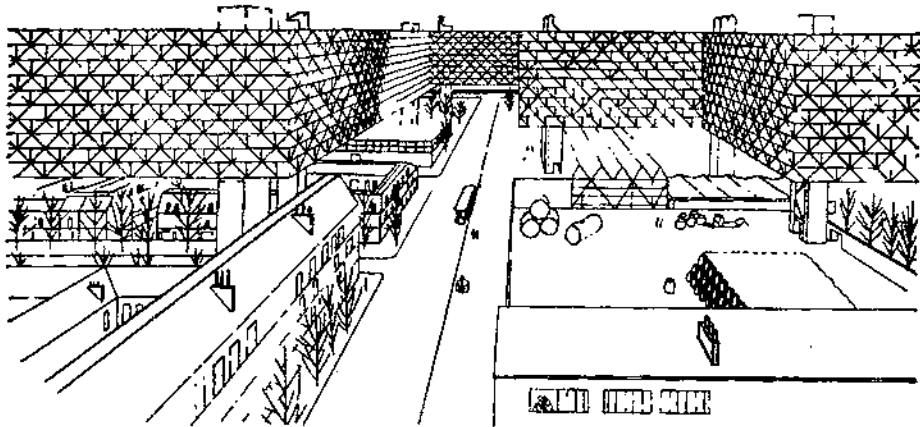

Рис. 48. Проектное предложение Ионы Фридмана (1938 г.): город-решетка, построенный над старым городом. Рост и новое жилищное строительство могут осуществляться без сноса и вынужденного переезда жителей. Рисунок оптимистичен, сама идея отдает холодком

(как в трех-, так и в двухмерном вариантах) и линейные формы обладают многими полезными свойствами для особых ситуаций. Сохранение автономности элемента усиливает гибкость целого (но, возможно, и его отчужденность). Аналитический образ мышления — мощное средство для постижения сложных единств.

Стремление к стандартизации и еще менее гуманистичная тенденция к изоляции сопутствуют этим преимуществам. «Лучезарный город» Ле Корбюзье или «Бабэльдига» Паоло Солери — отчужденные, холодные вещи. Свойственные им расчлененность, чрезмерная упрощенность и надменный эстетизм работающего механизма мгновенно отталкивают, стоит представить себя действительно живущим в этих «идеальных» поселениях. Они опираются на концепцию города, которая, в конечном счете, совершенно фальшива. Но даже если мы отбросим социальные, психологические и экологические сомнения, остается главное: рукотворное окружение, каким бы узкофункциональным, узкопрактическим оно ни казалось, почти никогда не бывает машиной, созданной для достижения одной ясной цели. Более того, метафора механизма часто маскирует некую форму социального господства, которое в «космической» модели города по крайней мере выражено открыто.

Третья нормативная концепция существенно моложе первых двух, хотя и она насчитывает уже пару столетий развития. Это попытка увидеть в городе организм — представление, возникающее в XVIII и XIX столетиях в связи с развитием биологии. Это представление может быть объяснено и как реакция XIX в. на стрессы индустриализации, гигантизма новых городов, невероятно быстрого рывка в технике.

Напряженность этого направления мысли сохраняется и сейчас, что подтверждается расширением влияния экологических идей и

академическими спорами по поводу рассмотрения человеческой культуры в категориях социобиологии. Органическая модель меньше повлияла на строительство городов, чем две предыдущие. Однако эта доктрина сейчас распространена наиболее широко среди профессиональных проектировщиков, и энтузиазм вокруг нее охватывает значительное число горожан. Если я пришел к критической оценке данной концепции, то не без сожаления и после долгих лет приверженности ей.

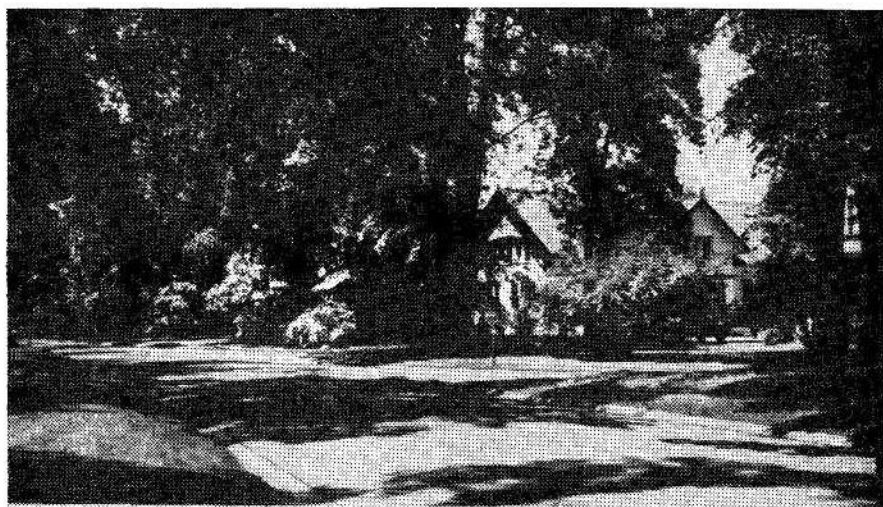
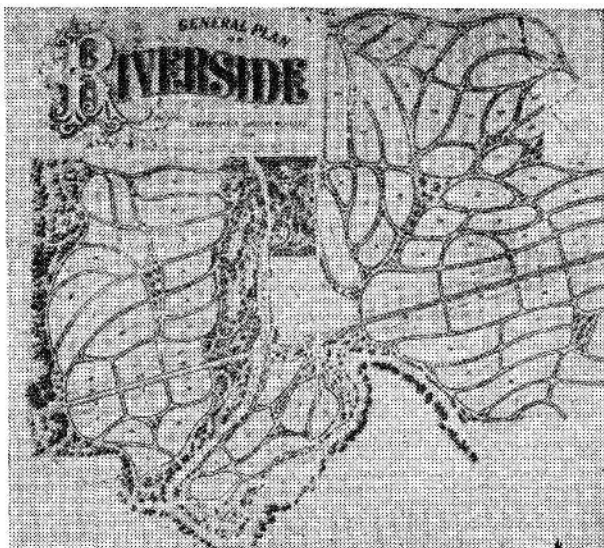
Если город счесть организмом, у него должны быть характерные признаки, отличающие живые существа от механизмов. Организм — всегда обособленная индивидуальность, обладающая определенными границами и величиной. Он не меняет размеров простым расширением, разбуханием или неограниченным добавлением частей — изменяя величину, он реорганизует форму и достигает предельных состояний, когда изменение должно носить радикальный характер. Если внешняя граница организма определена точно, расчленив его внутренне отнюдь не просто. У организма есть дифференцированные части, но все они тесно взаимосвязаны и их нельзя резко разграничить. Все части работают совместно и весьма непрямо воздействуют друг на друга.

Форма и функция связаны здесь неразрывно, а функция целого чрезвычайно сложна: ее нельзя определить, опираясь на знание частей, поскольку совместная работа частей решительно отличается от их суммирования. Организм как целое подвижен, но это гомеостатическое, уравновешенное движение: внутреннее регулирование возвращает организм к некоторому уравновешенному состоянию, которое нарушают внешние силы. Организм тем самым саморегулируется и самоорганизуется. Он восстанавливает себя, воспроизводит себя в новых организмах, проходит цикл рождения, роста, зрелости и угасания. Ритмичность, цикличность процессов нормальны для организма: от жизненного цикла в целом до ритмов сердцебиения, дыхания, нервных пульсаций. Организмы целеустремленны. Они могут быть больны или здоровы, могут испытывать стресс. Их можно понять только как динамическое целое. Наконец, нашим наблюдениям за этими целостностями сопутствуют чувства изумления и привязанности.

Это представление о живом организме в историческом смысле достаточно ново — оно сформировалось в XVIII в., но только в XIX в., в трудах Эрнста Геккеля и Герберта Спенсера получило законченное выражение.

Применение этого образа к рассмотрению человеческих поселений было чрезвычайно соблазнительно: это объясняло многие прежние загадки и подтверждало ранее интуитивные нормативные представления о городе. Многие идеи, теперь собравшиеся вокруг органической модели, родились значительно раньше — в утопических программах, в ландшафтной архитектуре романтиков, в трудах натуралистов, социальных реформаторов и краеведов. Крупные индивидуальности разрабатывали органическую теорию поселений в прошлом столетии и продолжили эту работу в нынешнем.

Рис. 49. Проект планировки и современная фотография пригорода Чикаго Риверсайнд, заложеного Фредериком Лоу Олмстедом в 1869 г. в месте, где Берлингтонроуд пересекает реку Десплейн. Засаженные деревьями улочки прихотливо извиваются, все дома отодвинуты от красной линии в глубь участка. Вдоль берега реки разбит парк, на перекрестках — небольшие скверы

Это Патрик Геддес и его последователь Льюис Мамфорд, социальный реформатор Эбенизер Говард и американский ландшафтный архитектор Фредерик Лоу Олмстед, исследователи регионов, подобные Говарду Одум и Бертону Мак-Кэй; Кларенс Перри, развивший идею «соседства», и Артур Гликсон, эколог, мечтавший о гармоническом целом, образуемом ландшафтом и человеческими сообществами; ряд проектировщиков, разработавших эти идеи в деталях, подобно Генри Райту и Раймонду Энвину.

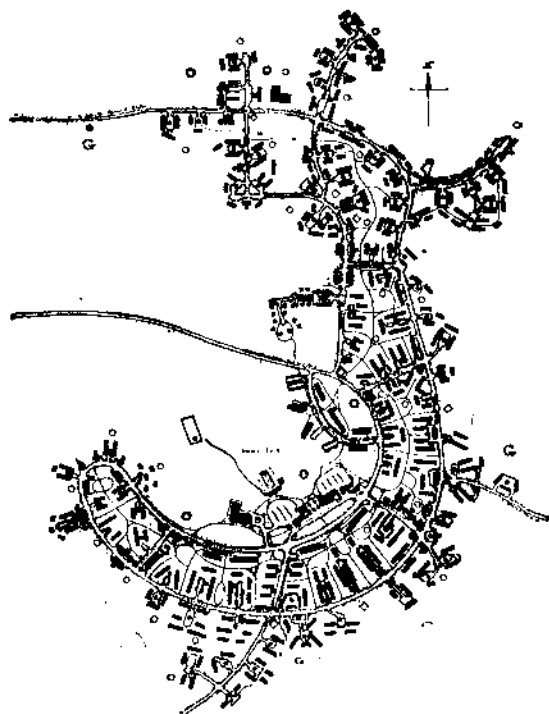
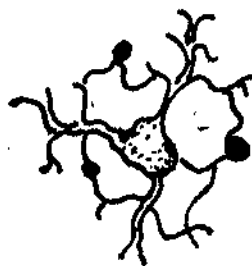

Рис. 50. План поселка Грин-белт (штат Мэриленд) в 1937 г., когда в нем проживало около 2800 человек — в двухэтажных блокированных домах и трехэтажных многоквартирных. Кварталы вписаны в рельеф и окружают общественный центр поселка. Это был удачный эксперимент по строительству скромных жилищ с муниципальной субсидией, однако окружающий поселок впоследствии был продан под новую застройку

Эти тексты и проектные идеи по сей день остаются фундаментом обучения градостроительству (увы, слишком часто из вторых рук и в весьма разбавленном виде). Более того, в то самое время, когда эти идеи трактуются уже как несколько старомодные в наиболее «передовых» школах, они начинают распространяться все шире, в соседние области мысли. Эти идеи послужили ядром создания новых городов в послевоенной Англии, городов-спутников в США, практически большинства новых городов во всем мире — во всяком случае в намерениях, если не в полноте реализации. Органическая модель получила развитую форму в финском городе Тапиола, в английских пригородах Бедфорд Парк и Хэмпстед Гарден, в Рэдберне и Чэтеме в США. Ее подкрепило недавнее вторжение экологических представлений в обсуждение проблем городов. Ее основные идеи присутствуют во всех дискуссиях о градостроительной форме и оказали влияние даже на такие номинально противоположные ей решения, как Бразилиа и Чандигарх.

Первый принцип сводится к тому, что каждая община должна быть обособленной социальной и пространственной единицей. Чем более она автономна, тем более тесно

связанными должны быть люди и точки пространства внутри. Органическая модель непременно включает подчеркивание кооперации как силы, поддерживающей общество, в противоположность точке зрения на общество как на арену конкурентной борьбы. Форма и функция каждой внутренней части целого должны быть нерасторжимы, в то время как каждая часть ясно отделена от других элементов с другими функциями. Место работы должно выглядеть соответствующим образом, локализоваться иначе и отличаться от места, где спят. Община должна быть реальным целым и выглядеть как реальное целое. Естественно, что она должна иметь оптимальные размеры, переходя которые, обрывает себя на патологические отклонения.

Итак, внутри здоровая община неоднородна. Это сочетание разных людей и разных мест, и сочетание, которое обладает некоторыми оптимальными пропорциями, «равновесием». Все элементы находятся в постоянном взаимодействии, совместно работая на общую функцию общины. Но, отличаясь один от другого, эти элементы играют различные роли. Они не равны друг другу, не взаимозаменяемы и именно поэтому поддерживают взаимное существование. Семья как базовая социальная ячейка часто принимается за образец, ибо в ней роли четко распределены и уже потому не равны. В целом внутренняя структурная организация поселения должна обладать иерархичностью и может быть уподоблена дереву: элементы состоят из подэлементов и т. д. Подобно живой клетке, каждый элемент имеет границу и собственное ядро. Естественно, что «соседство» или микрорайон, включающие службы повседневного пользования, оказываются ключевым представлением в градостроительной схеме.

Поселения рождаются и созревают как организмы (однако, в отличие от организмов, они не трактуются как умирающие существа). Функции ритмичны, и здоровая община стабилизируется за счет умелого поддержания динамического равновесия. Если необходимо существенное развитие, оно может осуществляться за счет отпочковывания новых «колоний». Оптимальное состояние — здесь стадия экологической кульминации: эффективное использование энергии, обрабатываемой в системе, циклическое возобновление материальных ресурсов. Поселения заболели, когда нарушается равновесие, когда оптимальная разнородность упрощается до однородного состояния, рост взламывает границу, циркуляция нарушается, элементы разъединяются, не срабатывает механизм самовосстановления. Эта болезнь инфекционна и способна распространяться, если ее не вылечить или не отсесть.

Ряд чисто предметных признаков оказывается тесно связан с изложенными идеями: радиальные планировочные схемы, четко ограниченные планировочные единицы; зеленые разделительные пояса; ясно фокусированные центры; романтический (антигеометрический) планировочный рисунок — нерегулярные кривые, «органические» формы; «естественные» материалы (что означает — традиционные или близкие к необработанному состоянию); средняя

или низкая плотность застройки; осязаемая близость к земле, растениям и животным; обширность открытых, незастроенных пространств. Дерево, а не машина, служит наиболее почитаемым образцом. В крайних случаях выражения концепции части города приравниваются к биологическим функциям: дыхание, кровообращение, пищеварение, передача нервных импульсов...

Персональный характер обслуживания, ремесленное производство, традиционные виды деятельности на открытом воздухе и т. п. расцениваются значительно выше, чем крупномасштабное, автоматизированное производство с применением синтетических продуктов. Существует обостренная ностальгия по сельскому ландшафту и малой общине далекого прошлого. Сохраняются исторические достопримечательности. Нерегулярность и все особые черты ландшафта суть предмет восхищения и заботы.

Поскольку мы слепили воедино множество идей, так или иначе связанных с органической моделью поселения, то с неизбежностью обеднили некоторые аспекты мысли отдельных теоретиков. И все же такая схематизация возможна, поскольку речь идет о группе родственных представлений, каждое из которых почти неизбежно сцеплено с соседними, и все они вместе основываются на общих ценностях. Это общность, преемственность, здоровье, безопасность, «теплота» и «уравновешенность», взаимодействие различных частей, упорядоченность циклов функционирования, интимный масштаб и близость к «естественной» (т. е. внечеловеческой) вселенной.

Эти критерии не только предписывают, какими должны быть города, но еще и объясняют их происхождение и функционирование (скорее, неспособность правильного функционирования). Отсюда долговременное и сильное интеллектуальное воздействие на проектировщиков. Да, эту систему идей подвергали и подвергают неустанной критике, частью дискредитировали, но до сих пор не нашлось общепризнанной теории, которая могла бы занять ее место. Эти идеи все еще во многом определяют градостроительное проектирование и градостроительную политику, если не на практике, то во всяком случае в риторике по ее поводу. Несомненно, многие из идей в рамках органической модели вызывают возражения, но столь же несомненно, что многое в них сохраняет привлекательность.

Главным затруднением остается, разумеется, сама аналогия: города все же не являются организмами так же, как они не являются машинами. Они не растут сами и не изменяют себя сами, они не воспроизводятся и не восстанавливаются. Не являются они и автономными от окружения целостностями; они не проходят жизненные циклы рождения и умирания, не заражаются болезнями. В них нет четко дифференцированных частей, которые можно было бы уподобить органам живого существа. Легче всего отвергнуть крайнее, грубое выражение аналогии: улицы — артерии, парки — легкие, линии коммуникаций — нервы, городской центр — сердце, перекачивающее кровь через уличную сеть, а офисы (где

собираются бизнесмены, официальные лица и интеллектуалы) играют роль мозга¹.

Значительно труднее и потому важнее увидеть фундаментальную неадекватность ведущей метафоры, которая совершенно естественно, некритическим образом, легко может подводить нас к идее ампутировать трущобы, чтобы они «не заражали» здоровое тело, искать оптимальные размеры города, блокировать его рост, разделять виды использования территории, бороться за идею «зеленых поясов», подавлять новые конкурирующие центры притяжения людей, чтобы предотвратить «бесформенное расползание» и т. п. Иногда, в отдельных случаях такие действия могут быть целесообразными, но это должно мотивироваться конкретной ситуацией, а не «органическими» принципами, сужающими и затемняющими наше поле видения.

Если отказаться от метафоры, занимающей центральное положение, многие идеи сохранят значение, хотя их уже и нельзя будет соединить в целостную конструкцию. От многого можно отказаться, не рискуя серьезными потерями, будь то поверхностный консерватизм, ностальгия по утерявшему смысл прошлому, автоматическое предпочтение неких «органических» форм. Зрительные эффекты использования линий имеют не так уж много общего с воспоминаниями о живых существах или их органах. Личные аналогии с какими-то органическими формами могут, разумеется, послужить ключом к новым идеям конструкции зданий или устройства инженерных систем. Но такую же роль играют и аналогии с кристаллическими формами. Нет оснований отдавать предпочтение тем или другим.

Другие элементы органической концепции требуют к себе более внимательного отношения. Так, идея иерархии, кажущаяся, на первый взгляд, естественным и даже неизбежным способом внутренней организации сложного целого, отнюдь не является неким универсальным законом природы, хотя ее и можно усмотреть в строении деревьев или иных организмов. Это обычная схема квазисоциальной организации животных или насекомых, где иерархический принцип обеспечивает согласованное действие группы перед лицом какого-то предсказуемого стресса. Эту же схему сознательно используют военачальники или президенты корпораций для удержания контроля над упорядоченными массами людей. Эффективность в этом последнем случае относительна, так как неформальные социальные связи нередко усиливаются настолько, что опрокидывают иерархическую организацию. На самом деле, иерархическая организация это лишь способ представлять устройство вещей, удобный для нашего сознания, — средство мышления, выработанное в процессе его долгой эволюции такое же, как мыш-

¹ Не называя имен, Линч, без сомнения, имеет в виду несколько цветистую риторику К. Танга, К. Курокавы и всей школы «метаболизма», популярность которой охватывает период с середины 60-х по середину 70-х годов. (Примеч. пер.)

ление парными противоположностями или жесткое разграничение явлений.

Однако затруднительно поддерживать иерархическую организацию столь сложных систем, как город. Она к тому же способна становиться серьезным препятствием свободному осуществлению человеческих взаимодействий, если навязывать ее силой. В городе нет «высших» и «низших» функций, во всяком случае не должно быть. Элементы и подэлементы отнюдь не вписываются друг в друга. Если только все взаимосвязи не стандартизованы и не централизованы в крайней степени, достичь кого-либо или чего-либо, следуя вверх и вниз по ветвям иерархического строения, чрезвычайно трудно. Иерархическая организация идеально соответствует задаче обозначения и каталогизации, но на уровне города всякая иерархия тяготеет к превращению в дезорганизацию или перерастанию в организацию иного типа. Отбросить эту якобы очевидную организационную модель нам мешает только отсутствие конкурентоспособной концептуальной схемы.

Заметим, что даже принцип четкого обособления частей, столь удобный для разбивки градостроительного рисунка, может приводить к достаточно плачевным результатам. Очень немногие из сложных элементов строения города можно приравнять к отдельным органам, имеющим ясные линии разграничения с другими. Плавные переходы встречаются значительно чаще, а двойственность или неопределенность играет огромную роль, обеспечивая гибкость, свободу выбора, порождение сложных значений. Провести разграничительную линию означает нередко затруднить доступ, закрепить отношения господства и подчинения, препятствовать взаимодействию — удержание границы всегда предполагает определенные усилия. Наша склонность повсюду воздвигать перегородки влечет за собой серьезные социальные последствия.

В целом не вызывает сомнения, что малые жилые соседства (но только гораздо меньших размеров, чем обычно принято считать) могут играть существенную роль в жизни города, трудно недооценивать роль крупных объединений экономического или политического характера внутри города. Но сегодня нет автономных общин или сообществ, и всякая попытка их возрождения означала бы страшные потери в области благосостояния, безопасности и личной свободы. Сообщества вовсе не очерчены сколько-нибудь стабильно и жестко, они отнюдь не вписываются одно в другое, немногие люди ограничивают свой горизонт бытием внутри малой группы, многие существуют общественной жизнью, минуя локальное сообщество. Право же, трудно трактовать самодостаточность в виде современного идеала. Более того, заметим, что хотя идеи автономных сообществ и иерархии вместе присутствуют в органической теории, они по сути своей противоположны и практически исключают друг друга.

Оптимальный размер города также представляет собой весьма расплывчатую идею, и никто не сумел доказать ее жизненность (по поводу размера нет и тени единодушия, когда дело доходит

до численного выражения). Конечно, справедливо, что при движении вверх или вниз по шкале размерности качества среды подвержены изменениям. Вполне возможно, что при переходах масштабности должны меняться и формы. Миниатюрность (личный садик) и грандиозность (открытый простор) обладают каждая собственной ценностью, но предмет достаточно сложен. Нет сомнения в наличии определенных пороговых величины (скажем, плотность застройки, требующая централизованной системы канализации), по достижении которых следует менять стратегию развития. Есть большие сомнения в наличии каких-то абсолютных пределов роста. К несчастью, разные пороговые величины достигаются в разные моменты роста, что запутывает общую картину. Именно поэтому важно понять ведущий эффект на каждом пороговом уровне и особенно — роль темпа роста, а не искать традиционно оптимальную величину. К этому вопросу мы еще вернемся в гл. 13 и 14.

Стабильность города — даже если иметь в виду динамичную стабильность возобновляемого равновесия — есть нечто неуловимое. Города меняются постепенно, и характер изменений не удается описать в категориях неуклонного движения к «зрелости». Экологический оптимум также трудно учесть подходящей аналогией. Города — продукт деятельности живых существ, способных учиться, а не руководимых инстинктом существ, следующих по предписанному пути до тех пор, пока не достигнут некий неодолимый предел. Культура постоянно и стабилизирует условия обитания, и нарушает их уравнищенность — и не очевидно, что стоило бы стремиться к иному. Состояние кульминации не обязательно лучше любых других, а его стабильность никогда, во всяком случае в последние несколько веков не достигалась.

Пристрастие к природному, желание быть как можно ближе к живым существам — широко распространенные сентименты урбанизированного мира. Поселения, выстроенные сообразно органической модели, привлекательны, в первую очередь, тем, что в них контакт такого рода обеспечен с наибольшей полнотой. Но значит ли это, что природное непременно означает «без человека», что чем дальше от людей, от цивилизации, тем более «естественным» становится человек. Если считать это правилом, дикая местность более естественна, чем охотничья хижина, хижина более естественна, чем деревня, деревня — чем город. Но ведь люди вместе с созданными ими городами — ничуть не менее естественные явления, чем деревья, ручьи, птичьи гнезда и оленьи тропы. Принципиально важно видеть самих себя интегральной частью всего живого мира.

Итак, главным в органической модели нам представляется способность к целостному представлению, навык к рассмотрению города как совокупности множества функций, как поселения, элементы которого находятся в постоянной взаимосвязи, в котором процесс и форма неразсторжimy. Эта идея и сопутствующие ей эмоции изображения перед многообразием и тонкостью устройства города стали крупным шагом вперед по отношению к идеям вечного кристалла или простого механизма. Модель могла бы приобрести

большую значимость, высвободившись из тенет простейших ассоциаций с растительной и животной жизнью. Обогащение модели за счет введения представления о культуре и целенаправленности, о способности обучаться и меняться могло бы оснастить нас гораздо более прочной и лучше аргументированной моделью города.

5. Возможна ли общая нормативная теория

Идет бурный процесс разработки теорий возникновения, развития и функционирования города, идет поступательный процесс становления теорий проектирования и принятия решений, но удовлетворительной современной нормативной теории градостроительной формы не существует. Есть символы веры, есть мнения, но нет систематических усилий, чтобы установить отношение между формой места и его ценностью. У нас есть некая основа понимания того, что есть город, но у нас практически нет такой рациональной основы для попытки установить, чем он должен стать.

Мечты об утопических городах возникают из ниоткуда и исчезают в никуда. Революционные теоретики мало задумываются о том, чем станет город, когда революция произойдет. «Научное» проектирование отбрасывает все это — его адепты сосредоточены на том, что меняется сию минуту и как сманеврировать, чтобы город выжил в существующих условиях. Однако их «объективные» формулы начинены скрытыми и непроверенными ценностными суждениями. Профессиональные градостроители предлагают реалистические программы действий на среднесрочную перспективу, выработывая решения предметно очерченных задач, с которыми сталкиваются непосредственно. У них редко находится время, чтобы рационально осмыслить то, что лежит в основании логики решения. Однако решение, пригодное в данном месте, в данное время, в данной культуре, отнюдь не обязательно пригодно в других условиях. Наконец, модели городского дизайна предусматривают лишь решение малых задач.

Возможно, что все названные ограничения неизбежны. Вполне вероятно, что выработать сегодня целостную нормативную теорию градостроительной формы вообще невозможно. Ряд соображений говорит против такой возможности, их необходимо четко предъявить прежде, чем рассмотреть критически. Я пережил многие из этих сомнений в разные периоды работы — вот, как они видятся мне сегодня.

Возражение 1. Предметная форма не играет существенной роли в обеспечении важных, сугубо человеческих ценностей, сопряженных с межчеловеческими взаимоотношениями. Можно ощущать себя глубоко несчастным среди идиллии райского острова и быть счастливым среди трупоб.

Невозможно отрицать решающую роль социальных взаимосвязей или индивидуального характера для достижения чувства удовлетворенности. Никто не мог бы отрицать и значение экстремальных физических условий, вроде нехватки кислорода или отсутствия

надежной опоры ногам. Однако при всей очевидности эти экстремальные условия слишком редки, чтобы их имело смысл принимать во внимание, тогда как альтернативы, из которых мы выбираем, принимая решения относительно городского окружения, носят гораздо более скромный характер. И все же, шаг за шагом вовлекая в рассуждение вполне реальные условия — отсутствие солнечного света, холод, теснота в месте обитания, трудность доступа, отсутствие зелени или нехватка воды, — возражение теряет первичную убедительность. Гораздо легче показать, что и социальные условия и предметное окружение воздействуют на чувства радости или угнетенности, хотя отличить одно от другого в конкретных ситуациях иногда весьма непросто.

Возражение 2. Уточним: предметная форма как таковая не играет существенной роли в достижении чувства удовлетворенности. До тех пор, пока вы не уточните социальное положение людей, обитающих в некотором месте, вы не можете обсуждать вопрос о его качестве: Эскимосские семьи (теперь, наверное, следует говорить — традиционные эскимосские семьи) могут считать вполне приемлемыми жилища, габариты которых показались бы совершенно нестерпимыми североамериканцам. Дом может быть в скверном состоянии, но если он ваш собственный и дает вам чувство стабильности и безопасности, он может значить нечто совершенно другое, чем точно такой же дом в принудительном изгнании.

Это более весомый аргумент. Конечно, и здесь можно было бы сослаться на экстремальные ситуации, в которых форма окружения действует одинаково мощно вне зависимости от социального контекста, однако в абсолютном большинстве реальных ситуаций воздействие предметной формы и социальной обстановки чрезвычайно трудно разделить. При целенаправленном желании повысить качество места наиболее эффективно, как правило, изменять и социальные условия и предметно-пространственную обстановку одновременно. Из этого следует, однако, иначе формулируемый вывод: за исключением экстремальных ситуаций, социальные условия также не могут проявляться самостоятельно. Чтобы исследовать социальное воздействие на хотя бы первичную ячейку общества, семью, мы не можем обойтись без характеристики ее предметно-пространственного окружения.

Все же и при такой тесной взаимосвязанности мы можем счесть важным исследование эффекта, возникающего при изменениях одного фактора, когда другой остается постоянной величиной, чтобы постичь целое. Социологи, однако, редко учитывают этот факт и пытаются анализировать структуры социальных отношений, как если бы те осуществлялись в беспредметности условных геометрических точек. Исследователи пространства более робки в этом отношении и редко осмеливаются игнорировать людей при анализе пространства. Представляется очевидным, что физические модели существенно воздействуют на людей, находящихся в упорядоченных социально отношениях друг к другу, и анализ этого воздействия в его многообразии следует счесть значимым для постижения

целого. Возможно, что некоторые физические эффекты достаточно широки, чтобы сохранять значение при известном варьировании социальных систем. Некоторые могут обладать универсальным значением в силу фундаментальных закономерностей человеческой природы и созданной человеком культуры.

Возражение 3. Физические модели могут давать вполне предсказуемые эффекты в рамках одной культуры, представляющей собой устойчивую систему ценностей и учреждений. Нет, однако, возможностей выстроить теорию, обладающую межкультурным значением. Такая теория была бы даже опасна, так как ее можно было бы использовать для навязывания ценностей одной культуры другой или другим. В каждой культуре вырабатываются собственные нормативные представления о форме города, и они независимы друг от друга.

Связь определенных градостроительных форм с конкретными культурами совершенно очевидна, и есть два способа ответа на одно возражение. Во-первых, как только что говорилось, некоторые формы воздействия предметно-пространственной обстановки на человека, по всей вероятности, носят универсальный характер — весьма полезно было бы отделить их от норм восприятия, заданных той или иной культурой. Во-вторых, вполне возможно, что некоторые требования к формам шире отдельно взятой культуры, в рамках которой находятся уже только ответы на эти требования. Естественно, что было бы полезно четко определить такого рода требования и обратное воздействие градостроительной формы на их содержание. Этим мы специально займемся дальше. И все же проблема остается, как в любой теории, где в расчет принимаются глубоко человеческие ценности: изящное обобщение может скрывать этнокультурные предрассудки. Осознать эту опасность — значит защититься от нее.

Возражение 4. Предметная форма не являет собой ту ключевую переменную, манипулирование которой побуждает изменения. Среда, в которой мы живем, есть продукт общества, в котором нам суждено жить: измените общественное устройство и среда изменится сама собой. Попробуйте изменить в первую очередь окружение, и в действительности не изменится ничто. Исследование градостроительной формы может помочь понять тонкие механизмы действия социальной системы, но к изменению мира не имеет отношения.

Однако утверждение об исчезающе малом воздействии трансформаций предметно-пространственной среды на социальные формы все же менее неожиданно, чем то, что социальные перемены, даже революционного порядка, оказывают лишь незначительное прямое воздействие на предметно-пространственную организацию города. И социальные и предметно-пространственные структуры обладают инерцией, их взаимное воздействие сказывается лишь по прошествии определенного времени и к тому же не прямо, а через опосредующую переменную — действия и мысли людей. Не удивительно, что результирующие эффекты проявляются не скоро,

что их содержание часто невятно и запутанно — они ведь носят вторичный характер. Развитие личности, ее самоудовлетворенность являются в конечном счете критерием оценки среды обитания — по крайней мере, я в этом убежден. Если так, то достаточно показать, что изменения в окружении воздействуют на индивида, если даже прямые социальные последствия этих изменений невелики и что такого рода изменения можно произвести независимо от радикальных социальных сдвигов. Так, создание общественных парков в США не изменило, разумеется, природы американского общества, но дало известную удовлетворенность многим людям.

Добавим, что изменение окружения можно использовать или для укрепления, или даже для внедрения социальных перемен. Так, форма Нового Дели укрепляла колониальную власть британцев, укрепляла внутреннюю организацию колониального общества. Летние лагеря, организуемые в «диких» местах, способствуют перестройке взаимоотношений групп подростков. Общины шейкеров придавали окружению формы, способствовавшие поддержанию новой организации коллективного существования... Наивно абсолютизировать тот или иной тип перемен без одновременного анализа конкретной ситуации. Для целей исследования нам достаточно показать, что изменение окружения, во-первых, возможно и, во-вторых, может воздействовать на индивида, не затрагивая социальную структуру непосредственно¹.

Возражение 5. Все это возможно, но форма не имеет принципиального значения на уровне города или региона. Форма жилища, форма места работы, форма «соседства» — все то, что связано с повседневной жизнью людей, имеет значение для определения качества жизни. Однако градостроительная форма не имеет к этому отношения, и на уровне города, а тем более региона речь должна идти о социальных и экономических предпосылках, не более.

Это широко распространенная точка зрения. Ее придерживается большая часть профессиональных проектировщиков², ее подкрепляют история проектирования и практика принятия решений на региональном уровне. Это не более чем отражение сложившейся практики. Мы постараемся показать, что ограничение потребности в формообразовании локальным уровнем не оправдано и создает ложную границу. Возможно, впрочем, что признаки, которые приписывали крупномасштабной градостроительной форме, не имеют основания в действительности. Но об этом мы будем рассуждать дальше.

Возражение 6. Если даже и существует доказуемая связь между градостроительной формой и миром ценностей, воспользоваться наличием такой связи невозможно, так как «общественная потреб-

¹ И все же конечный эффект невозможно предугадать, не приняв во внимание особенностей социальной организации: если изменение затрагивает обе стороны, воздействие на обе будет мощнее.

² Линч говорит о западном градостроительстве, резко разграниченном с архитектурой, и его аргументация не соотносится с нашим опытом, где в роли градостроителя выступает архитектор. (Примеч. пер.)

ность» остается абстракцией даже в пределах одной культуры и одного поселения. Существует множество конфликтующих потребностей, и единственное, что дано градостроителю, — это прояснить конфликт за счет информации о форме и функционировании города, предсказания будущих изменений и объяснения конечных результатов возможных вариантов действий.

Да, столкновение интересов более чем очевидно, но я должен признаться в старомодной ереси: я верю в наличие общественной потребности. Основанием этой устарелой веры является убеждение в том, что у человека есть определенные фундаментальные потребности в выживании и благополучии и что в любой данной культуре существуют важные общие ценности. Дополнением к этому взгляду служат абстрактные соображения о справедливости, заботе о будущих поколениях, о развитии потенциала человеческого рода. Естественно, что столь абстрактные идеи можно связывать с конкретными задачами таким множеством различных способов, что отнюдь не ясно, кто может усмотреть лучший из них. В этом вопросе профессионалы не обладают монополией, но абстрактные соображения можно, по крайней мере, рационально обсуждать, и в ходе обсуждения градостроитель имеет право на собственные убеждения, сокращающие число альтернатив. Даже если градостроитель ошибается в суждениях, нормативная теория остается полезной, способствуя социальной группе и экспертам, представляющим ее интересы в определении собственных целей. Нормативная теория необходима и для нейтрального, объективистски настроенного эксперта, которому надлежит беспристрастно и логически строго произвести оценку вероятных результатов, сколь бы фантастичным ни казалось предложение, представленное на его суд.

Возражение 7. Нормативная теория, образованная из общепонятных правил оценки, возможна там, где мы имеем дело с чисто утилитарными объектами, вроде фундаментов или мостов¹, но неприемлема для эстетических форм. Здесь мы опираемся на непостижимую интуицию художника или критика или ищем убежища в суждении типа «я знаю, что мне нравится». Красота города — предмет искусства, а не науки, это сюжет персонального переживания, не переводимого на язык прозы.

Мой первый ответ сводится к тому, что города являют собой вполне утилитарные объекты, функционирование которых во всем его многообразии может быть предметом четкого, последовательного обсуждения. Более того, коллективный характер решений, если только дело не замыкается в келейном кругу, открыто требует обсуждения такого рода.

Второй, более существенный ответ апеллирует к неразделимости «утилитарного» и «эстетического» как функций. Эстетический опыт представляет собой лишь более интенсивную, более существенную форму тех же восприятия и постижения, что включены в

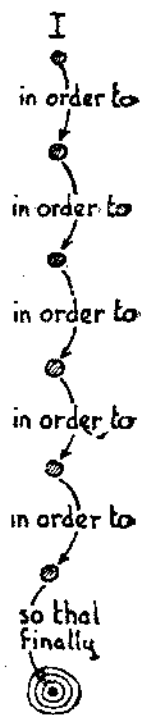
¹ Но можно ли считать мосты или даже фундаменты только утилитарными объектами, если и те, и другие можно видеть?

оценку утилитарных признаков вещи. Теоретик обязан работать с эстетическими аспектами бытия города, несмотря на все сопряженные с этим трудности. Теоретик должен работать с утилитарно-функциональным и эстетическим, видя в них единое явление. Да, некоторые тонкие свойства города как места окажутся вне сферы нашего внимания, но относительно многих других возможны дискуссии и даже достижение общего согласия. Заметим, что и критики и искусствоведы отнюдь не ограничиваются указующим перстом и нечленораздельными звуками, когда речь идет о произведении искусства (то, что в их речь нередко трудно вникнуть и она не всегда членораздельна, не меняет существа дела).

Возражение 8. Пусть так, но градостроительная форма загадочна и сложна, как система человеческих ценностей. Соответственно их взаимосвязи должны нести признаки глубокой неопределенности. Более того, город столь сложен, что умея проектировать здание, мы не умеем проектировать город, да и не должны его проектировать: города это крупные естественные образования, мы не имеем возможности радикально менять их, и нашего знания недостаточно, чтобы знать, как их менять.

Принципиальный ответ могут дать только практика плюс уверенность в том, что и частичное значение пригодно, когда полное знание недоступно. Да, пытаться проектировать город как здание — грубая ошибка, и в последующих главах мы будем говорить об этом подробнее. И тем не менее, мы постоянно вмешиваемся в крупномасштабные «естественные» образования, опираясь на некоторое знание, и результаты не всегда катастрофичны. Целые регионы были спланированы, расчищены для целей устойчивого сельскохозяйственного производства, целые гряды высоких холмов были террасированы, чтобы создать поля или рисовые чеки. Огромные искусственные гавани были с успехом созданы и используются. Великий китайский канал был отрыт 1400 лет назад и функционирует до сих пор. В системе связей между формой и ценностью усматривается важное опосредующее звено, о котором следует порассуждать более подробно.

На первый взгляд, вполне логично счесть, что любое наше действие, во всяком случае рациональное, завершает длинную цепочку целей и оценок. Подходишь к телефону, чтобы поднять трубку и связаться с кем-то, чтобы назначить встречу, чтобы убедить каких-то людей принять решение установить ограничения для размещения очистных емкостей и колодцев, чтобы в будущем они не оказывались в опасной близости, чтобы уменьшить опасность проникновения микробов в воду колодцев, чтобы уменьшить вероятность заболеваний среди

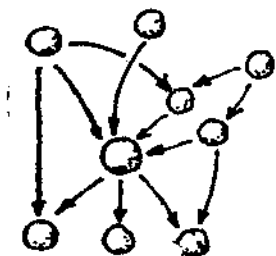

жителей, чтобы улучшить состояние их здоровья и продлить им жизнь, чтобы сделать их жизнь счастливее и деятельность более продуктивной. Каждое звено такой цепочки играет роль промежуточной цели, каждое можно исследовать, оставив внимание на прочности его связей с соседними звеньями вверх или вниз по цепи. Мы задаем себе вопрос: «ради чего я хочу это сделать?» и «приведет ли этот следующий шаг к достижению поставленной мною цели?»

При всей внешней логичности очевидно, что это весьма фантастическое изображение действий человека. Никто не будет пробираться вдоль столь долгой цепи последовательных суждений, прежде чем подойти к телефону. Нижние звенья такой цепи погружены в мир привычки, тогда как верхние теряются где-то в небесах и выступают на поверхность в редкие моменты широковещательной риторики. Мы обдумываем только средние звенья нашей цепочки: «служит ли совещание наилучшим средством для утверждения искомого правила?» Даже в тех случаях, когда возникает дискуссия, все звенья цепи отнюдь не подвергаются анализу: оппоненты не будут оспаривать, что использование телефона служит эффективным средством созыва совещания, и они согласятся с вами в том, что предотвращение заболеваний является вполне достойной целью. Оппоненты сосредоточат внимание на своих представлениях о наилучшем способе предотвращения заболеваний, высказываясь, скажем, в пользу отказа от колодцев или устройства водоочистой станции. Они могут также обратить внимание на некие серьезные дополнительные обстоятельства, происходящие из принятого правила размещения колодцев,— скажем, невозможность для лиц с низкими доходами приобрести недорогие земельные участки.

Итак, цепь цели—действия не только длинна и местами непрочна, но различные цепи переплетаются самым неожиданным образом, так что одно и то же действие соотносится с разными ценностными суждениями, а его многочисленные последствия, в свою очередь, связываются с иными ценностными соображениями. В результате мы имеем дело не с цепью, а с чашей, в которой корни и ветви переплетены и местами срослись. Если добавить к этому, что разные люди опираются на различные ценностные суждения и по-разному представляют себе последствия действий, е-

сли далее добавить, что с течением времени и ценностные основания и последствия меняются, то трудно поверить сначала в то, что мы вообще в состоянии предпринимать что-либо, имея в виду рационально очерченную цель, — особенно в проблемах, затрагивающих общественные интересы. И все же, как известно, вопреки своей неспособности действовать сообразно аэродинамической теории, шмель ухитряется летать.

В реальной практике мы обходим все эти трудности, ограничивая нашу рациональность тесными пределами: более общие цели обычно принимаются по соглашению, но ни они сами, ни связи между ними не исследуются. Множество действий носит «инстинктивный» характер — они предопределены содержанием культуры и привычны, а потому осуществляются «без размышлений». Лишь незначительные участки чаши ценностных отношений мы рассматриваем подробно. Мы фокусируем внимание на одном-двух обстоятельствах, игнорируя остальные; мы зажимаем уши, чтобы не слышать «еретиков» и оставляем детали специалистам. Самые яростные оппоненты соглашаются установить верхнюю и нижнюю границы обсуждаемого предмета, чтобы вести баталью на ограниченном участке (умение выиграть в споре во многом зависит поэтому от искусности в очерчивании его границ). Первый уровень обсуждения нередко охватывает множество сюжетов сразу, но это лишь введение к тому решающему моменту, когда кто-то произнесет наконец: «Ну, поскольку нам надлежит принять решение, давайте примем, что...»

Так как решения относительно градостроительной формы затрагивают интересы множества людей, они, по крайней мере, должны **казаться** четкими и рациональными. Более того, поскольку рациональность при всей ее неуклюжести служит единственным средством поиска лучших решений, общественно значимые решения должны действительно быть рациональны. Если посмотреть на типичные материалы по планировке городов, становится очевидным усилия обеспечить это требование. Сначала устанавливается некая обобщенная цель в направлении здоровья, благосостояния, качества жизни, повышения качества землепользования, улучшения жилищных условий, сохранения природных ресурсов визуальных характеристик ландшафта и т. п.

Следующим будет перескок на уровень ниже: следует построить линию метро, из точки «а» (поскольку она сократит время перемещения) в точку «б»; следует противиться дальнейшему разрастанию пригородов, чтобы предотвратить расползание территории; во имя безопасности сооружения свыше двух этажей должны иметь два выхода, а не один и т. п. Связь между названными задачами и широковещательными целями остается неисследованной. Возможно, она и не поддается изучению. Все предложения могут быть совершенно резонными, но они носят конкретный и однозначный характер. Будучи конкретными, они могут повлечь за собой нежелательные следствия: вынужденное перемещение торгового центра, нехватку жилья по умеренным ценам и т. п. Естественно поэтому обратить внимание на цели, неявно выраженные конкретными предложениями по реорганизации пространства. Можно даже навивно спросить, «почему, собственно, не увеличить время, затрачиваемое на путь из «а» в «б»? или «почему надо противиться расползанию территории?» или даже «не целесообразнее ли незначительно увеличить опасность, связанную с пожаром, но существенно снизить строительные затраты?»

Итак, связи наиболее обобщенных целей с конкретностью градостроительной формы не поддаются точному расчету. С другой стороны, цели и решения нижнего уровня слишком ограничены в своих средствах и слабо связаны с обобщенным назначением. В этой дилемме важно подчеркнуть значение промежуточных целей. Они должны быть максимально общими и потому не диктовать конкретных решений, но не настолько общими, чтобы нельзя было проследить достижение этих целей и соотнести их с предметными формами решения. Речь идет о знакомом типе норм действия, применяемых в масштабе города. Так, не «благоприятное окружение», но и не «дерево на каждом участке», а нечто вроде следующего: «микроклимат летом не должен выходить за рамки следующих лимитирующих ограничений...» или даже «из каждого жилища должно быть видимо нечто, живущее долгой жизнью».

Думаю, что качественные нормы такого типа могут служить основанием для построения нормативной теории города. Нашей целью теперь будет формирование ограниченной и вместе с тем достаточно широкой системы таких нормативов, посылно охватывающих все существенные аспекты формообразования. Это и есть предлагаемая альтернатива догматическим нормативным представлениям, излишне часто преопределяющим ход дискуссий о качестве городов.

ЧАСТЬ II.

ТЕОРИЯ ГРАДОСТРОИТЕЛЬНОЙ ФОРМЫ

6. Показатели качества

Характеристики исполнения городом его функций могли бы быть более общими, их легче было бы использовать, относя исполнение к пространственной форме города. Однако нам известно, что качество места зависит от объединенного воздействия пространственных характеристик места и социальных характеристик его использования. Избежать необходимости принимать в расчет всю вселенную при попытке измерить качество исполнения городом его функций можно при помощи трех воображаемых способов.

Во-первых, мы могли бы разработать только те связи между формой и функцией, которые возникают из общечеловеческих или общих для человеческих поселений закономерностей: приемлемость климата для человеческого существования или значительность малой социальной группы, или самая общая функция города как системы взаимосвязей. Во-вторых, мы можем добавить к описанию пространственной формы места те социальные учреждения и те типы интеллектуального отношения, что непосредственно соотносены с формой и принципиальны для ее существования. В-третьих, наконец, необходимо осознать, что нет смысла устанав-

ливать нормы качества для городов, если только мы сохраняем установку на максимальное обобщение. Так, утверждать, что идеальная плотность составляет, например, 12 семей на акр (30 семей на 1 га), или что идеальная температура составляет 68° по Фаренгейту (20°C), или что доброкачественный город состоит из жилых микрорайонов-соседств по 3000 жителей в каждом, в равной степени неостроумно: любое из подобных суждений легко дискредитируется. Ситуации и ценности слишком разнятся.

Все, что мы можем надеяться получить при обобщении — это показатели качества исполнения — набор опознаваемых характеристик функционирования городов, зависящих, в первую очередь, от пространственных качеств. Это измеримые показатели, соотносясь с которыми разные группы могли бы стремиться достичь различных позиций. В таком случае было бы возможно анализировать реальную градостроительную форму (или ее проектное предложение), определяя ее положение на шкале то ли с помощью числовой оценки, то ли простым «больше или меньше». Чтобы стать действительно общими, показатели должны обладать значимостью для большинства (если не для всех) типов личности и типов культуры. В идеале такого рода показатели должны были бы отразить любые способы оценки места, избираемые людьми, но, разумеется, соблюсти столь жесткий критерий практически невымыслимо.

Представим, например, что мы сочли долговечность показателем качества исполнения городом своих функций (этого мы делать не будем). Долговечность есть степень, с которой все предметные элементы города сопротивляются старению и упадку, сохраняя способность функционировать в течение длительного времени. Избрав такой показатель, мы утверждали бы тем самым, что долговечность или прочность города является чем-то принципиально важным для всех, хотя мы подозреваем, что кто-то предпочитает преходящий, мимолетный его характер, а кто-то иной жаждал бы его вечности. Мы знаем, как измерить долговечность города или, во всяком случае, как измерить существенные элементы долговечности поселения. Палаточный лагерь можно сопоставить с поселением троглодитов и, опираясь на систему критериев, свойственную какой-то группе жителей, установить, какое из двух поселений лучше (такую оценку могли бы произвести и сами жители, воспользовавшись нашим показателем). Жители могли бы определить, какой мерой долговечности они готовы пожертвовать ради обеспечения каких-то иных ценностей. Возможно, что нам удалось бы выяснить, что очень низкий или очень высокий уровень долговечности оказывается неудовлетворительным для всех, и тем самым установить некий оптимум. Хотя связь долговечности с базисными целями существования представляла бы собой лишь цепь допущений, мы сочли бы эти допущения вполне обоснованными. Существует известная корреляция между долговечностью места и предпочтениями людей, и те могли бы счесть такую соотношенность подходящей промежуточной целью. К тому же связь устойчиво-

сти с градостроительной формой — в ее конкретных предметных характеристиках (будь то плотность застройки, используемые строительные материалы, конструкции кровель и т. п.) — может быть показана вполне очевидно.

Чтобы работать на градостроительную стратегию, реальный свод показателей качества должен удовлетворять следующим требованиям:

1. Это должны быть характеристики прежде всего пространственной формы города, учитывающие весьма обобщенно характер человека и культуры. В той мере, в какой ценностный аспект избранных характеристик меняется при переходе от одной культуры к другой, соответствующая зависимость должна быть предъявлена в ясной форме. Сам же показатель и способ его применения должны оставаться неизменными.

2. Сохраняя явную сопряженность с той или иной характеристикой формы, показатели должны тяготеть к максимальной обобщенности.

3. По меньшей мере посредством цепи упорядоченных допущений избранные характеристики должны быть такими, чтобы их можно было соотносить со значимыми целями и системой ценностей любой культуры.

4. Свод показателей должен охватить все черты формы поселения, которые каким-то существенным образом соотносены с названными системами ценностей.

5. Искомые характеристики должны быть выражены в виде показателей качества так, чтобы разные группы в разных ситуациях сохраняли возможность избрать оптимальные или «удовлетворительные» пределы (ограничения). Иными словами, показатель можно использовать в ситуации, когда ценности неоднородны или меняют свою природу.

6. Использование показателей должно давать возможность измерять доступные сведения хотя бы в категориях «больше» и «меньше». Однако показатели могут быть сложными, так что измерение не обязательно сводится к получению однозначной величины или позиции на шкале сравнения. Более того, мы можем не знать каких-то данных, хотя они в принципе и доступны.

7. Показатели должны отличаться одним и тем же уровнем обобщенности или универсальности.

8. По возможности показатели должны быть независимы один от другого: локализация места по одному измерению не должна автоматически влечь за собой локализацию по другому измерению. Если невозможно создать «чистые» показатели такого рода, придется удовлетвориться меньшим — чистотой взаимосвязей между ними. Испытание на независимость показателя требует тщательного анализа.

9. В идеале измерения с помощью искомых показателей должны работать с качествами, меняющимися во времени, образуя расширяющуюся систему, которая может быть оценена в настоящем. Однако более правдоподобно, что наши показатели будут отнесе-

ны к сегодняшним условиям, включающим, однако, движение событий к некоторому будущему.

Было уже немало попыток сформировать систему критериев «доброкачественного» города, и показатели, предлагаемые ниже, отнюдь не являются моим личным изобретением. Ранее создававшиеся своды показателей непременно нарушали какие-то из перечисленных правил. Иногда они столь обобщены, что выходят далеко за рамки градостроительной формы, нуждаясь в сложнейших (и, как правило, неосуществимых) расчетах, вовлекающих материал культуры, политэкономии и прочих внепредметных действительностей. Чаще такие критерии отнесены к какому-то конкретному предметному предложению, пригодному лишь в рамках определенной ситуации. В системах критериев смешиваются пространственные и внепространственные характеристики, меняются уровни обобщенности, шкалы, применимости. Чаще всего такие системы относимы только к одной данной культуре. Они не охватывают всех характеристик градостроительной формы, значимых для системы ценностей. Часто они отражают тяготение к установлению количественных нормативов или стремление довести нечто до минимума (максимума) вместо того, чтобы только измерять. Качества, охватываемые показателями, оказываются подчас неизмеримыми или даже не распознаваемыми сколько-нибудь определенным образом. Наконец, показатели часто перекрещиваются.

Свод, изложенный ниже, представляет собой попытку переработать материал таким образом, чтобы избежать указанных ловушек. Предполагаемая универсальность перечня показателей основана на нескольких закономерностях: материальная природа мира, биологические и культурные инварианты, единство проявления некоторых признаков в современных крупных поселениях (включая процессы их поддержания и изменения).

Составление любого перечня предполагает наличие некоего взгляда на природу человеческого поселения, пусть излишне обобщенного и нечеткого в деталях. Увы, легче сказать, чем не является город: не кристалл, не организм, не сложная машина, не система коммуникаций, которая, подобно компьютеру или нервной системе, способна учиться, перестраивая реакцию на внешние импульсы, сохраняя неизменными элементарные ячейки своей конструкции. Город связан воедино скорее сигналами, чем механическими или органическими связями. Он действительно представляет собой скорее нечто меняющееся или даже развивающееся, чем вечную форму или механическое повторение, или постоянное возобновление цикла, питающегося энтропией.

Экологическая интерпретация кажется наиболее близкой к необходимому объяснению — экосистема это система организмов в среде, где все организмы находятся в определенных отношениях с другими организмами своего вида, с другими видами и с неживой компонентой окружения. Такую систему связей можно трактовать как единое целое, и к этому целому применимы представления об изменениях и развитии, о многообразии видов и их взаи-

мозависимости, о превращении материи и энергетических циклах. Экологическая картина мира включает в рассмотрение системы высочайшей сложности, охватывающие чрезвычайное множество одновременно действующих сил и их форм, сплечающее живое и неживое в потоке трансформаций.

На первый взгляд экосистема близка к поселению как объект осмысления. Тем не менее, если вещи достаточно сложны, их нужно постигать в присущих им понятиях, и хотя метафорическое заимствование может играть роль первого шага к пониманию, чужеродное понятие, чужеродный образ, стоящий за ним, не может работать сколько-нибудь эффективно.

При всей своей привлекательности экологическая метафора страдает рядом недостатков применительно к нашей задаче. Экосистемы образованы «не мыслящими» организмами, не сознающими фатальности вовлечения в систему и его последствий, не способными преобразовать ее сколько-нибудь существенно. Если экосистема не испытывает сильных внешних воздействий, она достигает зрелости, при которой многообразие видов и эффективность круговорота энергии в системе достигают максимума в рамках ограничений, заданных неживым компонентом окружения. Здесь нет обучения и нет прогрессивного развития. Внутренний опыт организмов не имеет значения для целого — существенно только их внешнее поведение в среде.

Идея «самообучающейся экосистемы» кажется более подходящей для человеческих поселений, в которых хотя бы часть элементов действует осознанно и потому способна менять самое себя и тем самым правила игры. Доминирующее здесь живое существо сознательно перестраивает материю и видоизменяет направленность потоков энергии. Соответственно, к уже знакомым характеристикам экосистемы (неоднородность, взаимозависимость элементов, наличие внешней среды, наличие истории, обратные связи, динамическое равновесие, цикличность процессов) необходимо добавить другой список: культура, система ценностей, сознание, прогрессивное (или регрессивное) изменение, способность к обучению и изобретениям, связь внутреннего опыта с внешним проявлением в действиях. Ключевая роль принадлежит теперь уже образам, ценностям, созданию и передаче информации. Возникает возможность пробивать новые пути, открывается путь скачкам в развитии и революциям, увеличиваются шансы катастрофы.

Культура, знание дестабилизируют систему, которая уже не обречена на инерционное движение либо к кульминации, либо к энтропии. Поселение — ценное устройство, осознанно изменяемое и приводимое к равновесию. Его элементы связаны громадной запутанной сетью, которую можно понять, лишь увидев в ней взаимоналожение множества локальных систем, каждая из которых — часть бесконечной ткани. Каждая имеет собственную историю и свой контекст, а потому и контекст, и история меняются при переходе от части к части. Каждая часть содержит информацию о своем контексте и уже потому — обо всем целом.

Разумеется, такая интерпретация опирается на ценностное суждение: хорош город, в котором преемственность сложной «экосистемы» не разрушается при прогрессирующих изменениях. Фундаментальное благо — в непрерывном развитии индивида или малой группы — процесс, в котором повышается сложность, умножаются связи, растет компетентность, приобретаются (и могут быть реализованы) новые интеллектуальные, эмоциональные возможности, новые физические и социальные силы.

Если человеческая жизнь действительно представляет собой непрерывность становления, то непрерывность обеспечена ростом и развитием, а развитие — непрерывностью, и круг замыкается. Если развитие означает движение к большей компетентности и расширению связей в культуре, то растущее чувство связи с пространственным окружением являет собой один из существенных аспектов развития человека. Если так, то можно назвать хорошим лишь то поселение, которое обеспечивает преемственность культуры и выживание своего населения, укрепляет чувство связности во времени и пространстве, поддерживает индивидуальное развитие или даже подталкивает его. Развитие внутри преемственности через открытость и связность — эта фраза раскрывает пристрастие автора.

Ценности такого рода могут, разумеется, быть отнесены к рассмотрению всей культуры, а не только некоего места. В каждом случае прослеживается внутренняя напряженность между преемственностью и развитием, между связностью и стабильностью, обеспечивающими целостность места, и способностью к росту и переменам. Те культуры, где ведущие идеи и учреждения успешно справляются с напряженностью такого рода (это вечно возобновляемая напряженность), выступают, с изложенной выше точки зрения, как желательные или предпочтительные. Соответственно той же позиции к классу «хорошие» можно отнести поселения, которые сохраняют открытость: доступные, децентрализованные, однородные, гибкие, терпимые к экспериментированию. Акцент на динамической открытости отличает нашу точку зрения от позиций энвайронменталистов¹ (равно как и большинства утопистов), подчеркивающих роль замкнутого воспроизводства и стабильности.

Развитию мы отдаем ведущую роль до тех пор, пока оно остается в рамках сохранения преемственности целого во времени и пространстве. Разрушение экологической стабильности несет в себе риск катастрофы наравне с шансом на расширение возможностей, именно поэтому так важны гибкость, способность к быстрому обучению и ускоренной адаптации. Конфликты, неуверенность, стресс нельзя устранить из жизни города, как нельзя полностью устранить ненависть и страх, сопутствующие стрессам, но

¹ Линч имеет в виду не столько ученых, сколько влиятельные группы, сформировавшиеся в Западной Европе и США под лозунгом «нулевого роста» как пути сохранения и улучшения условий жизни. Естественно, что так называемый «зегизм» встретил резкий протест со стороны развивающихся стран, «забытых» энвайронменталистами. (Примеч. пер.)

не следует забывать о сопутствующих тем же стрессам чувствах привязанности и заботы.

Любая новая модель города должна соединять ценностные суждения с утверждениями относительно объективно присутствующих связей — терпеливый читатель увидит, что обобщенные предпочтения (преимущество, связность, открытость) пронизывают следующие страницы. Отгалкиваясь от этой обобщенной позиции и условий задачи (ограниченный набор показателей качества выполнения функций пространственной формой города), я предлагаю следующий далее перечень. Ни один из показателей не является единственной мерой, все они отнесены к пучку свойств. Однако каждый такой пучок имеет общую основу и общий способ измерения. Перечислим эти показатели, которые будут детально рассмотрены в последующих главах.

1. *Жизнепригодность*: степень, до которой форма поселения поддерживает жизненные функции, потребности и способности человеческого существа, а прежде всего — мера, в которой градостроительная форма обеспечивает выживание его вида. Это антропоцентрический критерий, хотя в известной степени мы можем распространить его на оценку способности среды поддерживать существование других биологических видов, даже если это не является условием нашего выживания.

2. *Осмысленность*: степень, до которой обитатели способны ясно воспринимать, мысленно расчленять и структурировать во времени и пространстве свое поселение. Это и степень соответствия такой мысленной структуры ценностям и представлениям обитателей, т. е. степень связности между окружением, нашими интеллектуальными и чувственными способностями и нашими же культурными конструкциями.

3. *Соответствие*: степень, до которой формы и емкость пространств, каналов коммуникации и оборудования поселения отвечают структуре и объему действий, в которые вовлечены жители или в которые они хотели бы быть вовлечены. Тем самым, речь идет об окружении как условии поведения людей, включая возможность приспособить окружение к будущим действиям.

4. *Доступность*: способность достичь других лиц, виды деятельности, ресурсы, обслуживание, информацию или определение места — с учетом количества и многообразия достижимых элементов.

5. *Контролируемость*: степень, в которой те, кто использует элементы городского окружения, могут контролировать функционирование этих элементов и доступ к ним, их создание, восстановление, изменение и поддержание.

Хотя названные пять показателей охватывают основные качества поселения, необходимо, на мой взгляд, добавить к ним еще два критерия, входящих в любой перечень хороших вещей.

6. *Эффективность*: цена (в категориях других оцениваемых вещей) создания и поддержания поселения на определенном уровне названных выше показателей качества среды.

7. *Справедливость*: способ, каким блага окружения и стоимость

этих благ распределены между людьми по принципу: равенства, потребности, способности, платежеспособности, затраченным усилиям, социальной позиции или потенциальному вкладу. Если эффективность определяет пропорциональные отношения между различными ценностями, то справедливость — отношения между людьми.

Последние метакритерии обособлены от пяти предшествующих показателей. Во-первых, все они лишены смысла, пока блага и затраты не определены для основных ценностей. Во-вторых, оба метакритерия вовлечены в действие любого из пяти основных показателей и зависимы от него. Фактически это шкалы расчленения для каждого — в любом случае возникает вопрос: какова цена достижения данной степени жизнеспособности, осмысленности соответствия, доступности или надзора? В любом случае законен вопрос: кто и какую долю этой достигнутой степени может реально получить?

Мне кажется, что избранные пять показателей и два метакритерия могут служить наиболее общими мерами качества поселения. Разные персонажи и разные группы будут ценить его различные аспекты, однако измеряя их, конкретная группа в реальной ситуации способна оценить качество места обитания и выяснить, что необходимо, чтобы это качество поднять. Все пять основных показателей можно практически определить, опознать и применить с большим или меньшим успехом. В свою очередь, эффективность их применения также может повышаться.

Так ли это? Соответствуют ли наши показатели требованиям, которые были перечислены в начале главы? Способны ли они выявить «доброкачественность» города или это чисто словесное упражнение? Можно ли меру положения на шкале этих показателей конкретно определить и измерить? Определяют ли они направления перспективного исследования? Можно ли применить их для различных культур и различных ситуаций? Можно ли достижение показателя соотнести с пространственными системами, чтобы помочь разработке проектных предложений? Меняется ли наше отношение к месту сообразно изменению показателей? Все это нужно рассмотреть.

7. Жизнепригодность

Очевидно, что мы сочтем благоприятным для проживания лишь то окружение, которое поддерживает здоровье индивида и вид как целое. Однако здоровье неожиданно трудно определить — многие его аспекты, включая и само определение «здоровый», в большей степени завянут от социальной структуры общества, чем от организации окружения. Это вынуждает нас сосредоточиться на аспектах, которые определены с достаточной четкостью, реально соотнесены с пространственным окружением и глубоко укоренены в биологии человека, так что различие между культурами не имеет здесь принципиального значения. По всей видимости, речь может

идти о трех признаках окружения, характер которых делает место обитаемым, пригодным для жизни.

1. *Жизнеобеспечение*. Необходимо достаточное снабжение продуктами питания, энергией, водой и чистым воздухом, наряду с удалением всевозможных отходов, т. е. «кругооборот» жизнеобеспечения. Жизнеобеспечение зависит от систем снабжения и удаления отходов, от плотности заселения территорий и размещения поселений в системе расселения, от воздействия ландшафта и застройки на движение воздуха и, наконец, от способов, с помощью которых сохраняется и поддерживается продуктивная способность почвы и растительного покрова. Достижению эффективного жизнеобеспечения служит множество «инструментов» работы с пространством: агротехнические земли, теплицы, каналы, канавы и колодцы, лесное хозяйство, регулирование поверхностного и подземного стока вод, системы вентиляции помещений и т. п.

2. *Безопасность*. Хорошим поселением мы сочтем только такое, где несчастные случаи и заболевания сведены к минимуму. Это физически безопасное окружение. Достижение безопасности связано с решением проблем загрязнения воздуха, воды и почвы, порчи продуктов, возникновения и распространения заболеваний, сокращения несчастных случаев на производстве и на улице, сейсмостойкости построек, сокращения преступности и, наконец, наличия средств помощи тем, кто все же становится жертвой какой-либо из перечисленных случайностей. Список длинен, однако и цели, и средства поддаются здесь довольно точному определению, поскольку все они направлены на исключение неких особых проблем.

3. *Созвучие*. Пространственное окружение должно быть созвучно фундаментальным характеристикам биологии человеческого существа. Оно должно способствовать поддержанию температуры тела, естественного ритма — сна и бодрствования, напряжения и расслабления. Пространственное окружение должно оказывать оптимальную нагрузку на человеческие чувства, не перенапрягая их и вместе с тем обеспечивая достаточное для нормального самочувствия количество внешних стимулов. Человеку нужно хорошо видеть и хорошо слышать, что особенно важно для нормального развития ребенка.

Элементы, образующие предметно-пространственное окружение, — ступени и двери, помещения, проходы, подъемы и спуски должны соответствовать человеческим размерам и силам. Здесь действуют эргономические характеристики: высота, протяженность, расстояние прямого видения, способность поднимать тяжести, подручность, сочлененность элементов и т. п. Окружение должно стимулировать активное владение собственным телом, так чтобы его члены не теряли тренированности из-за гиподинамики. Некоторые из названных признаков определены точно, другие (особенно жизненные ритмы) менее ясны, но уточняются.

Наверное, лишь какие-то деревеньки в особо благоприятных природных условиях когда-либо могли похвастаться счастливым

сочетанием жизнеобеспечения, безопасности и созвучия. Эти принципиальные характеристики редко могли выступать как основные в градостроительстве, поскольку на первый план обычно выходила обороноспособность. Время от времени большие бедствия, связанные с голодом, наводнением, пожаром или эпидемией, привлекали общественное внимание к этим признакам поселения, однако серьезное внимание к городу как среде обитания возникло все же совсем недавно.

Названные требования к окружению универсальны — яды и бактерии действуют повсюду одинаково¹. Именно эти темы обычно становятся предметом дискуссий по поводу «среды», что резко суживает содержание понятия и связанные с ним проблемы. И тем не менее ценностное отношение к здоровью и даже безопасности может существенно варьироваться в зависимости от места. Жизнепригодность не является неким абсолютным благом — во всем, что не относится к фундаментальным условиям выживаемости вида. Люди способны жертвовать самой жизнью ради высших идеалов и отдавать ее продолжительность за лучшее качество. Смерть индивида неизбежна, и есть культуры, в которых краткая и трудная жизнь трактуется как нечто естественное, поскольку за каждым поколением идет следующее.

Мы обсуждаем здесь не меру комфорта, а меру здоровья: мягкое кресло, удобства поездки, вкусный обед и мягкий климат могут быть безразличны для состояния здоровья человека или даже ухудшать его. Некоторые принципы здравоохранения вступают в конфликт с инстинктивными стремлениями, иные опасности скрыты и не отражены в обыденном знании. Возникает ситуация, при которой экспертам лучше известна природа риска, чем тому, кто рискует, откуда вырастают проблемы действия во благо против воли.

Хорошее состояние здоровья и хорошее самочувствие суть вещи, которые можно ощутить, от которых можно получать удовольствие, но их трудно измерить и определить, особенно, если мы говорим о психической «норме». Несравнимо легче определить болезнь или психический стресс — откуда неизбежность формирования норм окружения, направленных скорее на избежание несчастья, чем на достижение оптимума. Мы вынуждены искать разумный уровень риска, не пытаясь устранить его полностью. Мы вынуждены устанавливать показатели таким образом, чтобы определить границы допустимого, измеряя вероятность несчастий. Но даже и здесь скрыта проблема, так как человек иногда ищет риска, жаждая испытать себя и наслаждаясь опасностью...

Соответственно, фундаментальным характером обладает только норма выживания вида, выживания группы — благосостояние индивида, возможности развивать заложенные в человеческом существе ресурсы представляют собой следствие этой принципиаль-

¹ Анализ материалов Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ) показывает, что ситуация несколько сложнее: в силу адаптации к среде обитания этнические группы существенно различаются восприимчивостью к инфекции или питательности продуктов. (*Примеч. пер.*)

ной нормы. Окружение должно предоставить подрастающему ребенку возможность постепенно осваивать мир, испытывать его реакцию на собственные действия со все возрастающей ответственностью, сохраняя при этом способность укрыться в защищенное «гнездо». Эти правила лежат в основании всех последующих, поскольку биологическое выживание служит фундаментом всей системы ценностей. Жизнепригодность — это консервативное и наиболее общее правило, пассивная, поддерживающая характеристика окружения. Подчеркивая преемственность вида, она обеспечивает возможность индивидуального развития и потому особенно существенна как норма среды для выращивания и воспитания детей.

Хотя в практике градостроительства вопросам жизнепригодности и жизнеобеспечения уделялось не слишком много внимания, у них достаточно долгая история в теоретической литературе. Излагая правила размещения и организации поселений в I в. до н. э., Витрувий компилировал знания предшествовавшей эпохи. О градостроительных нормах здравоохранения повествуют древние индийские тексты и о том же — испанские Законы для Индии. Большинство этих старых норм относится к климату и видимым загрязнениям. Английские реформаторы XIX в., вооруженные новыми познаниями о мире, открывшемся в окуляре микроскопа, предприняли гигантскую работу по организации водоснабжения и сточной канализации. В результате городские клоаки их времени постепенно преобразовались в относительно здоровые современные поселения.

Проблемы жизнеобеспечения сохраняют ключевое значение не только в силу дефицита знаний: во множестве случаев речь идет о применении имеющегося знания. Крупнейшие города развивающихся стран сегодня столь же опасны для жизни людей, как западные города сто лет назад. Болезни и недоедание все еще остаются хроническим бедствием в населенных беднотой районах крупнейших городов богатых стран. Среди угроз выживанию вида появились новые: нехватка воды и энергии, угроза ядерной катастрофы, отравление атмосферы и вод в глобальном масштабе. Развитие техники порождает все новые источники беспокойства — даже системы обезвреживания опасных отходов способны порождать новые источники загрязнения среды.

Проблема бесконечна по своему существу — новый образ жизни, ликвидация прежних угроз жизнеобеспечению и развитие знания обнаруживают ранее неведомые опасности, то, что раньше трактовалось как неизбежное зло, обнаруживает принципиальную устранимость, что в свою очередь порождает проблемы социального беспокойства. Так, скажем, становится очевидным, что длительное пребывание в условиях искусственного освещения с его узким спектром излучения лишает нас важных биологических стимулов, содержащихся в широком спектре солнечного света. Это, в свою очередь, нарушает встроенные в наш организм ритмы, соответствующие ритмам солнечного дня. Устранение эпидемических заболеваний вроде холеры, освобождение от рахита переключают

общественное внимание к роли окружения в сердечно-сосудистых заболеваниях, к его еще более тонкому влиянию на психические заболевания. Если появляется возможность предсказывать землетрясения, возникает и весьма сложная проблема эвакуации населения поселений, над которыми нависла угроза. Соответственно, чем больше успехов достигнуто в улучшении среды обитания в городах, тем труднее оказываются вопросы, подлежащие решению. По мере возрастания социальных ожиданий, обращенных к поселению, возможность их удовлетворения отодвигается во времени все дальше в будущее.

Новые системы очистки стоков, запрет на расширение промышленного предприятия, сокращение продажи табачных изделий или отказ от автомобиля — все это требует гигантских капиталовложений. При «беспристрастном» анализе подобных вариантов возникает головомомная задача оценки жизни в денежных единицах и сопоставления условных будущих доходов с вполне реальными расходами в настоящем. Никто не оспаривает того, что огромные реальные расходы фактически сопряжены с недостатками жизнеобеспечения, но определить эти затраты чрезвычайно трудно. Отсюда неизбежность положения, при которой дорогостоящие меры защиты качества окружения или повышения этого качества удаётся навязать экономике только с помощью общественного давления, отсюда реализация всегда отстает от ощутимой необходимости.

Некогда приспособление мира к нуждам выживания человека сводилось к сооружению простейших укрытий, размещению поселений вблизи источников пищи, воды и топлива. Позже в иную эпоху основной объем градостроительного опыта сосредоточивался вокруг проблем фортификации. Отсюда следовали принципы локализации и проектирования крепостей, городских стен, бастионов и фортов. Все эти соображения устарели — мы живем в условиях, когда от современного оружия нет эффективных средств защиты, хотя по инерции продолжают возводить подземные укрытия и создавать безответственные планы эвакуации населения. Сегодня на место приспособления градостроительной формы к задачам обороны пришло ее приспособление к сосуществованию с комфортабельным убийцей — автомобилем. Большая часть задач планирования соотнесена сегодня с проблемой пропорции между числом несчастных случаев, пространственными системами каналов коммуникации и правилами их использования.

Правила размещения и конструирования сооружений уже позволяют неплохо защищаться от огня, землетрясений и наводнений. Мы немало знаем и умеем в деле защиты от инфекционных заболеваний, поддержания гигиены, пространственной организации медицинского обслуживания. Угнетающий эффект, порождаемый плохим микроклиматом, хорошо известен, вызывает всеобщие нарекания, однако кроме кондиционирования воздуха и отовления зданий мало что предпринимается. Мы неплохо знаем, как проектировать сооружения, чтобы оздоровить микроклимат, но используем

это знание редко и плохо. Широко изучается воздействие загрязнения атмосферы в условиях городов, принимаются уже довольно эффективные меры для уменьшения этого загрязнения. Однако парадокс в том, что загрязнение атмосферы внутри помещений больше значит для здоровья людей (в США 95 % времени люди проводят в интерьере), чем загрязнение воздуха на улице, но этот вопрос исследован абсолютно недостаточно.

Влияние городских шумов и искусственного освещения на здоровье людей лишь начинает осмысляться — речь идет об осмыслении, влекущем практические действия. Слишком долго шум трактовался как второстепенное неудобство, а освещение — просто как удобство, мощность которого следует увеличивать в пределах финансовых возможностей. Сейчас уже известно, что обе формы излучения¹ как прямо, так и косвенно воздействуют на состояние организма, так как могут поддерживать или нарушать биологические ритмы, сон и синхронизацию функций различных органов. Обнаружение того, что городская жизнь навязывает нам чужеродную структуру времени, еще только ждет осмысления, за которым должны следовать четко сформулированные принципы временной организации городской жизни.

Внимание людей к физическим упражнениям все нарастает, тогда как традиционные принципы организации пространства продолжают опираться на идеи минимизации физических усилий: сокращение расстояний, уменьшение нагрузки, выравнивание поверхностей, внедрение многообразных подъемных механизмов и устройств — память о тяжелом физическом труде все еще свежа в массовом сознании. Недавние исследования в американских пригородах показали, что многие взрослые двигаются столь мало, что нагрузка на их тело сопоставима с той, которую испытывают прикованные к постели больные. По-видимому, необходим переход к проектированию, принципы которого направлены к стимулированию работы тела, а не к минимизации усилий. Спортивные площадки не являются панацеей, так как ими пользуется ничтожно малая часть населения — речь должна идти о пространственных средствах, провоцирующих работу тела в повседневной действительности.

Нам все еще трудно понять, в какой мере рукотворное окружение должно имитировать ту среду, в которой возник и развивался вид homo sapiens и к которой, он по-видимому приспособлен. Мы все еще плохо знаем, в какой мере улучшается или ухудшается здоровье человека, когда он отдалается от исторически исходных примитивных условий. И все же мы знаем о жизнеобеспечивающих признаках окружения значительно больше, чем умеем применять практически, хотя эта ценность признается большинством и детально обсуждена в литературе.

Мы уже упоминали финансовую проблему преобразования го-

¹ Автор оставляет в стороне малоизученное воздействие на организм электромагнитного излучения. (Примеч. пер.)

рода в среду жизнеобеспечения. Было бы неразумно игнорировать другую форму необходимых «затрат». Поскольку большая часть знания о здоровье представляет собой знание о «невидимом», ведущую роль в публичном обсуждении берут на себя эксперты. Повышение жизнеспособности несет в себе тенденцию к усилению централизации и использованию мер принуждения. Борьба с наркотиками требует мощной полиции и оборачивается размахом контрабанды, для борьбы с курением нужны гигантские силы, ибо никто не жаждет освобождения от порока, избранного по доброй воле.

Применение контроля за состоянием окружения в глобальном масштабе означало бы расширение полномочий абстрагированной власти — потенциальная монотонность и тоска полностью упорядоченного, полностью безопасного мира — излюбленная тема антиутопий в фантастической литературе. Идеальное состояние климата может угнетать, более того, нельзя исключить, что в условиях, когда индивид не должен идти на риск и преодолевать опасность, могли бы возникнуть еще неведомые опасности для человека как вида. Впрочем, такого рода опасности все еще достаточно отдалены, чтобы рассуждать о них всерьез.

От состояния здоровья человека мы обязаны перейти к обсуждению состояния других видов или всего живого сообщества. Когда мы говорим о видах, от которых человек зависим в хозяйственном отношении, речь с очевидностью идет о прямом продолжении сугубо человеческих соображений. Мы озабочены состоянием хлебных злаков и здоровьем скота, поддержанием многообразия видов растений и животных, считаемых полезными. Сложнее обстоит дело со всем биологическим сообществом, поскольку здесь аргументом является необходимость поддержания всей сети, образованной цепочками жизни, ибо прорыв в любом месте этой сети грозит нам какими-то существенными потерями. Относительная стабильность локальной экосистемы как целого играет для нас значимую роль, хотя четко определить ее практически невозможно.

Надлежит ли нам двигаться глубже и распространить заботу на все живое сообщество или охватить вниманием лишь те виды, которым мы великодушно даруем право на жизнь? Множество людей согласно распространить свои заботы только на тех млекопитающих, которые исторически связаны с человеком и с которыми у нас возникает эмоциональная связь. Забота о лошадях или собаках может служить критерием зажиточности городского сообщества, хотя такой критерий редко принимается во внимание. Трудно, с другой стороны, найти защитников крыс или тараканов и немногие готовы проявлять заботу о здоровье даже столь милых и безвредных (с точки зрения человека, разумеется) существ как бабочки. До сих пор — хотя это и может измениться — наша система ценностей выстраивается вокруг нас самих. Поэтому нас заботит здоровье человека, здоровье видов, от которых мы прямо зависим, и, наконец, общее равновесие всего биологического сообщества, от которого мы зависим косвенно.

Обобщая сказанное, можно назвать несколько показателей качества градостроительной формы, совокупность которых укрыта за критерием жизнепригодности:

а) наличие средств существования — соответствие круговорота воды, воздуха, пищи, энергии и отходов нашим потребностям;

б) безопасность — отсутствие загрязнения среды, заболеваний, связанных со средой, риска пасть жертвой несчастного случая;

в) созвучие — степень соответствия окружения биологическим потребностям человека в стабилизации температуры тела, биоритмов, в оптимальном количестве внешних стимулов;

г) степень, в которой окружение обеспечивает здоровье и генетическое разнообразие видов животного и растительного царства, с которыми связано экономическое благополучие людей;

д) стабильность всей экосистемы в настоящем и будущем.

Если показатели «а», «б» и «г» часто фигурируют в рассуждениях о градостроительной форме, то остальные применяются редко, хотя говорят о них много. На наш взгляд, все показатели универсальны и значимы для перспективного планирования.

8. Осмысленность

Под осмысленностью я понимаю ясность, с которой поселение воспринимается и узнается, а также легкость, с какой элементы поселения можно связать с другими местами и событиями во времени и пространстве, а представления об этих связях могут быть соотнесены с внепространственными ценностями и представлениями. Речь идет о связи формы поселения с процессами восприятия и познания. Это качество лежит в основе формирования персонального отношения к городу, но его слишком часто характеризуют неточно, довольствуясь двумя-тремя благочестивыми замечаниями. Осмысленность невозможно анализировать иначе, как взаимодействие человека и места, памятуя о том, что восприятие представляет собой творческий акт, а не пассивную регистрацию.

Осмысленность зависит от качества пространственной формы, но точно так же она зависит от культуры, темперамента, социального положения, личного опыта и текущих интересов наблюдателя. Осмысленность одного и того же места будет меняться для разных наблюдателей точно так же, как способность той же личности воспринимать разные места. И все же можно выявить некоторые фундаментальные постоянные для восприятия одного места разными людьми. Эти постоянные существуют благодаря универсальности биологической подосновы восприятия и познания, общности некоторых качеств материального мира (гравитация, инерция и т. п.), а также общности норм культуры тех, кто привычно посещает некое конкретное место. В местах, как и в событиях, есть больший или меньший смысл, и если какое-то действие сопряжено с определенным местом, оно воспринимается как признак этого места, усиливая его образную яркость.

Рис. 51. Парк Гуэль в Барселоне. А. Гауди сумел превратить старый образец — парадную лестницу барокко — в уникальное место за счет огромной фантазии, направлявшей применение форм и материалов

Простейшей разновидностью осмысления является идентификация, или узнавание в наиболее узком смысле — «чувство места». Опознаваемость — это степень, до которой некто может узнать или вспомнить какое-то место в его отличии от других мест, назвать уникальную или хотя бы особенную черту этого места. Проектировщики горячо обсуждают проблему опознаваемости и делают ее достижение одной из своих целей. У этого признака формы очевидная, почти банальная практическая функция, ибо способность распознавать служит основанием всякого действия. Но в опознаваемости содержатся более глубокие и любопытные пласты содержания.

Большинству людей приходилось бывать в каком-то выдающемся месте, они высоко ценят это и сожалеют об отсутствии подобного в повседневности. Такое место дарит нас полнотой ощущения мира: игрой света, дуновением ветерка, богатством цвета, звука и формы. Такое место тем и замечательно, что в нем обостряются чувства, пробуждается от сна способность ощущать. Непосредственное удовольствие живого восприятия закрепляется тем, что ярко переживаемые, опознаваемые места становятся своего рода крючками, на которых мы развешиваем сугубо персональные воспоминания, чувства и оценки. Узнаваемость места теснейшим образом связана с человеческой самоидентификацией. Говоря: «я здесь», мы словно удостоверяем: «я существую».

Тесное знакомство создает такое же сильное чувство места, как и яркая специфичность формы. Собственный дом, ландшафт детских лет — твердо опознаваемые ситуации; если же и форма, и привычность могут объединиться, эмоциональный эффект достигает наибольшей силы. Весь туризм опирается на сугубо поверхностную эксплуатацию чувства места, но немногим из нас дано постоянное наслаждение (временами и раздражение, но в любом случае чувство повышенной интенсивности) жить постоянно в ярко характерном окружении, будь то Венеция, горная долина или городок на острове.

Рис. 52. Индивидуальное, запоминающееся окружение усиливает впечатление от события: танцуют сардану на ступенях старого кафедрального собора в Барселоне

У событий своя опознаваемость, «ощущение происходящего», и крупные праздники, общезначимые ритуалы вызывают его в наибольшей степени. Соединяясь, место и событие усиливают друг друга, формируя обостренное переживание настоящего момента. Результатом становится активность включения в окружающий мир и потому своего рода расширение границ собственного «я».

Узнаваемость места или события можно анализировать и приблизительно измерять, используя нехитрые тесты на узнавание, воспоминание, способность описать. Опросы такого рода достаточно разработаны: людей просят опознать фотографическое изображение, изобразить словесно или в рисунке то, что им запомнилось. Грубо подсчитать быстроту и полноту опознания или воспоминания не труднее, чем определить долю тех, кто способен дать членораздельный ответ на поставленные вопросы. Опрос нетрудно подкрепить натурными обследованиями¹, позволяющими обозначить и подробно описать места и события, фигурирующие в вопросах и ответах, что, в свою очередь, позволяет проанализировать мотивы, определяющие степень полноты узнавания (с поправкой на культурный уровень и опыт опрашиваемых). И все же опираться только на натурное обследование и соответствующее описание значило бы игнорировать существенный признак узнаваемости. Проектировщик склонен подменять действительное восприятие, свойственное людям, обжившим какое-то место, своим собствен-

¹ См. К. Линч. Образ города. М., Стройиздат, 1982, с. 278—292. (Примеч. пер.)

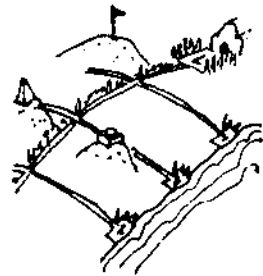
ным. Безусловно, было бы ошибкой опираться только на реакции опрошенных, не прибегая к исследованию соответствующего места. Впрочем, этим проекировщик грешит весьма редко.

Вторым составным элементом осмысленности является структура формы. Для некрупных объектов она соответствует чувству связанности элементов между собой; для крупных (поселение) — чувству ориентации: знать, где (или когда) ты находишься, что автоматически предполагает знание того, как это место соотносится с другими местами (или моментами времени). Ориентация может сводиться к нечеткой памяти о пройденном пути (в схеме «следуй за мной») или выражаться в более или менее упорядоченной «карте» (от нечеткой, сугубо топологической схемы до геометрического представления в масштабе). Ориентация может также выражаться в заломнившейся серии последовательных образов («свернуть налево у березы, что за теплицей») или сугубо вербальных суждений («трушобы в центре окружены богатыми пригородами»). Наконец, возможно некоторое число комбинаций из перечисленных техник запоминания.

Практическое значение ориентации достаточно ясно — плохо ориентироваться, значит терять время и силы, что весьма существенно для людей в незнакомом месте. Ориентация имеет принципиальное значение для лиц с физическими недостатками. По мере увеличения радиуса активности в повседневной жизни размер осмысляемой структуры все возрастает, и теперь многим из нас необходимо понимать структуру целых урбанизированных районов.

Помимо формы предметно-пространственного окружения, есть, разумеется, и другие средства ориентации, начиная от расспросов встречаемых и кончая детальными картами. Тем не менее чувство тревоги и смущения, сопровождающее потерю ориентации, равно как и чувство безопасности и удовлетворения, сопутствующее полноте ориентации, прочно связывает формы окружения с глубоко запрятанными уровнями человеческой психики. Заметим к тому же, что ясность ориентации сама по себе облегчает доступ к месту, расширяя наши возможности, а понимание того, как части сцеплены воедино, облегчает узнавание какого-то малого уголка пространства.

Одни весьма высоко ценят упорядоченность структуры, другие довольно индифферентны к ней (за исключением привычного пути). Люди пользуются множеством способов уяснения структуры пространственной формы: распознавание характерной формы или характерного рисунка поведения, построение цепочки последовательных шагов, установление направлений движения, установление связи между расстоянием и временем пути, выявление ориентиров, следование вдоль трассы или вдоль границы, фиксация панорам и т. п. Тесты на понимание структуры осуществляются без труда:

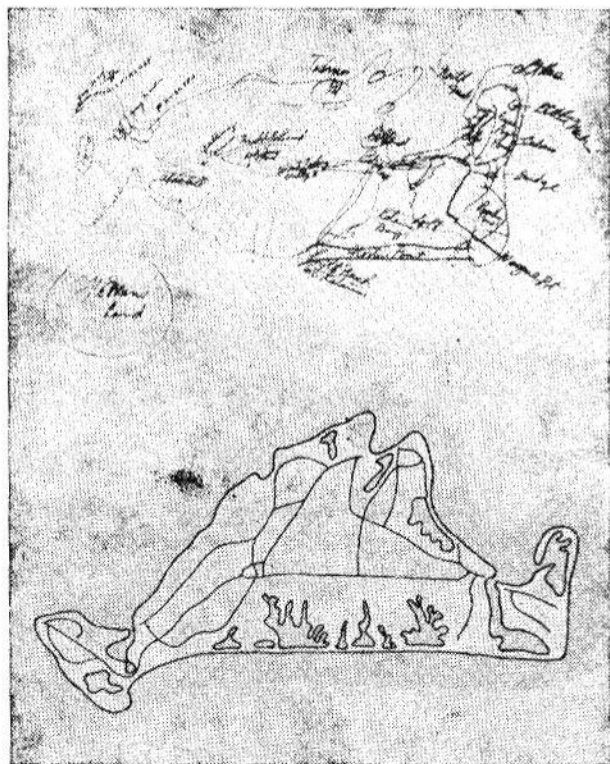

Рис. 53. Обитательница поселка Чаппаквиддик на восточной оконечности острова Мартас-Винъярд так отобразила свои представления о всем острове. При сравнении с объективным планом видно, что хотя лучше знакомые автору места изображены крупнее и здесь названия расположены гуще, все характерные черты, особенно черты ландшафта, изображены в целом верно

это упражнения на составление схем и планов, описаний пути; опрос по пути, просьбы определить расстояния и направления и т. п.

Во всем мире проведено множество подобных обследований, и теперь мы располагаем некоторыми знаниями о том, как устанавливается отношение между крупномасштабной формой и мысленной структурой, как это отношение меняется в зависимости от ситуации и типа культуры и в чем оно остается постоянным. И все же мы очень мало знаем о том, как формируется образ окружения в сознании, хотя уже можно создавать вполне эффективные карты-схемы для определенных мест и континентов.

Нельзя забывать об ориентации во времени. Естественно, сюда входит владение значениями на циферблате часов, позволяющее упорядоченно строить день, знать, когда происходят какие-то события и координировать с этим внешним порядком собственные действия. Но сюда же входит и более глубокое эмоциональное переживание сцепленности настоящего момента с недавним или отдаленным прошлым или будущим. Вполне возможно, что это глубинное чувство ориентации во времени более существенно для большинства людей, чем чувство ориентированности в пространстве. Более того, данное нам внутреннее чувство времени беднее, чем

Рис. 54. Фасад церкви Сан Сальваторе над Весково (около 1220 г.) встроены в фасад дворца архиепископа (около 1580 г.) на Пьяцца дель Олио во Флоренции — скачок в истории города нагляден. В «эпиратском» пригороде Греции, напротив, — последовательность строительства делает наглядным будущее места

чувство пространства, и потому мы в большей степени зависим от поступающих извне сигналов, когда нам необходимо сориентироваться в потоке времени. Формы окружения и их последовательность служат для нас существенным ключом к ориентации во времени, будь то циферблаты, знаки, ритм природы и ритм деятельности, освещение и памятники истории, праздники или повседневные ритуалы. Мы можем просить людей описать знакомые им временные связи, оценить продолжительность события, вспомнить прошлое или охарактеризовать будущее, однако техника исследования разработана здесь гораздо слабее, чем в анализе пространственной ориентации.

Итак, упорядоченность формы и ее распознаваемость позволяют нам распознавать и упорядочивать пространство и время как таковые. За этим наступает очередь тех признаков, которые по-

могают нам связать форму поселения с другими элементами нашего бытия.

Прежде всего целесообразно выделить конгруэнтность или сопоставимость: чисто формальное соотнесение структуры окружения к внепространственным структурам. Иными словами, соответствует ли абстрактная форма места абстрактной же форме его функции или общественной структуре, которая его наполняет? Например, соответствуют ли жилые дома размерам семьи или в них сосуществует множество не связанных между собой семей? В самом ли деле поселение или его фрагмент, обладающие яркими образными характеристиками, заселены группой, имеющей столь же ясно выраженную социальную определенность? Соответствуют ли наблюдаемые разграничения и композиционные доминанты структуре собственности и управления? Совпадают ли «пик» активности и насыщенность градостроительной формы? Соотносятся ли крупные формы с крупными группами людей, а основные каналы коммуникаций — с основными потоками людей? Вот банальный пример осмысленности подобных вопросов: крупная автостоянка — достаточно безобразное, затрудняющее ориентацию «удобство», тогда как стоянка перед домом демонстрирует личный автомобиль, обладающий индивидуальностью, и если он на месте, соседям ясно, что хозяева дома.

Сопоставимость служит перцептуальной основой окружения, наполненного смыслом, — вещи очень сложной. Исследование сопоставимости возможно, если провести тщательный анализ того, как абстрагированные элементы, связи и уровни насыщенности места могут быть соотнесены с абстракциями вроде функции. Проверить результаты подобной работы можно путем опроса местных жителей, в ходе которого они должны определить меру соответствия места и его функционирования.

Вторым, относительно простым элементом осмысленности (которую я здесь понимаю в устарелом звучании: способность восприниматься чувствами) резонно счесть «прозрачность», или «очевидность». Под этим я понимаю степень, в которой мы можем непосредственно воспринимать процессы жизнедеятельности поселения. Можно ли на самом деле увидеть, как работают люди? Можно ли слышать, как волны ударяют о берег? быть в курсе соседской ссоры? видеть, что провез грузовик? потрогать товар, выставленный на продажу? убедиться, что на автостоянке нет свободных мест? узнать, что стекает по канавам? как распространяется сплетня и как деньги переходят из рук в руки? Иные из этих процессов важны, иные любопытны, другие тривиальны, третьи антипатичны.

В совокупности все они делают поселение «живым», что наравне с только что упомянутой сопоставимостью служит основанием для постижения более глубокого содержания, чем каждый из этих признаков по отдельности. Функционирование поселения, очевидно явленное нашим чувствам, позволяет понимать мир, в котором мы живем, служит нам школой. Одни из «прозрачных» процессов

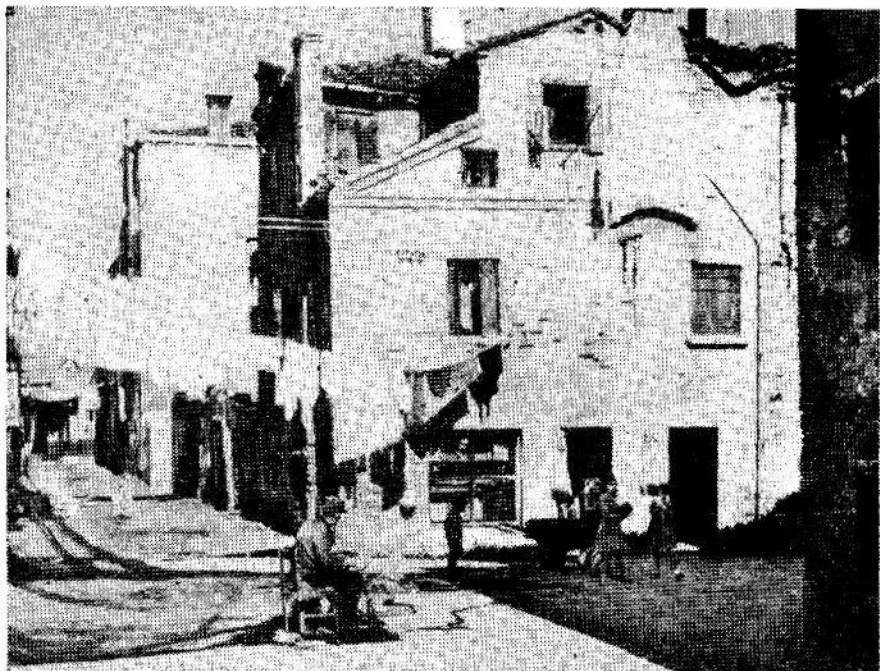

Рис. 55. Рыбак, занятый починкой сетей на окраине Венеции — экономическая опора бытия редко предстает перед глазами в современном городе

столь существенны, что возможность постигать их доставляет нам чувство удовлетворения: движение людей, производственные процессы, внешние признаки порядка, заботы и поддержания чистоты, общение в группах и признаки симпатии между людьми, воспитание детей, жизнь растений, движение светил и др. Нам просто необходимо видеть какие-то процессы, чтобы нормально жить, тогда как другие мы не хотели бы видеть вовсе. По поводу современного города часто можно слышать жалобы на то, что он «непрозрачен», безличен, не дается ощущениям, однако соображения интимности, скромности или безопасности толкают к сохранению такой непрозрачности. Вопрос спорный и деликатный, но наша культура, как кажется, эволюционирует постепенно в сторону большей, чем прежде, открытости. «Прозрачность» можно анализировать в ходе целенаправленного наблюдения и путем расспросов постоянных жителей и новоприбывших: как они могут описать те внутригородские процессы, которые им очевидны, когда они видят, слышат, обоняют город и прикасаются к нему.

Городская среда становится средством связи между людьми, предъявляя нам прямые и косвенные символы: флаги и газоны, кресты и рекламные щиты, витрины и заборы, шпили и колонны, ворота и надписи. Эти знаки сообщают нам о собственности и ста-

тусе, о группировках и скрытых процессах, о товарах и услугах, о правилах поведения и еще о тысяче вещей, которые мы трактуем как необходимые, полезные или любопытные. Эту составную часть осмысленности можно назвать «читаемостью», т. е. степенью, в которой обитатели поселения способны общаться друг с другом посредством физических признаков, обладающих символическим смыслом. Система знаков такого рода почти стопроцентно зависит от порождающего социально-культурного контекста, что делает ее во многом невразумительной для чужака. Однако знающий ее на-

Рис. 56. Горожане общаются, используя для этого стены, но нужно знать значение изображений, чтобы понимать смысл беседы

блюдатель способен точно и интенсивно анализировать содержание, что подтверждают наблюдения с помощью интервью и тестов на расшифровку фотозображений. Насыщенность места знаками может быть богатой или бедной, истинной или фальшивой, важной или банальной, открытой или осуществляемой централизованно. Она может быть «укорененной», т. е. совмещаемой по времени и месту с деятельностью, персонажами или условиями, к которым она относится, или «плавающей», т. е. соотносимой с местом чисто абстрактным образом. Мы можем так манипулировать формой окружения, чтобы подавить и контролировать «язык пространства» или сделать ее более свободной, повысить выразительность, точность, полезность, укорененность. Можно создавать или поновому комбинировать формы окружения, чтобы обогатить «язык» и тем расширить возможности коммуникации через пространство.

Семиотики, занятые структурой значений в коммуникации посредством символов и продвинувшиеся в исследовании языка и культурной антропологии, в последнее время обратились к интерпретации поселений. Не исключено, что благодаря этим усилиям мы получим уточненное значение о функционировании символов среды. В настоящее время, однако, все известные попытки страдают общим недостатком: не удается совладать с трудностями «перевода» концепций с вербального языка (чистая коммуникационная система, использующая четко различимые последовательности знаков) на «язык» среды, где нет какой-либо прочной конвенции, где все подвижно и текуче.

Некоторые современные архитекторы, привлеченные модой на семиотические идеи, отряхнув прах «функционализма», занялись проектными схемами, в которых символы используются произвольно и эклектически. Им кажется, что за счет игры ассоциаций можно углубить символическое содержание, которое берут на себя формы построек; однако в действительности, поддаваясь иллюзии, будто смысл содержится в самом объекте, они разыгрывают непонятные для постороннего эзотерические игры. Как только проходит первый шок, «послание», закодированное в форме, перестает быть интересным.

Итак, созвучность, прозрачность и читаемость — компоненты осмысленности, в которых связь градостроительной формы с внепространственными ценностями простирается наиболее очевидно. Есть, однако, еще более глубокий уровень соотношения, который трудно четко определить и тем более измерить: выразительность или символическое значение места. В какой степени сознание горожан прочитывает в градостроительной форме сложный комплекс значений: ценности, процессы функционирования, история, социальная структура, устройство мира? Речь идет о целостном понимании города в отличие от значений, простирающихся в системах отдельных его элементов.

Должно ли поселение проектироваться так, чтобы означать собою нечто? Это спорный вопрос. Некогда это было главной функцией крупного города, и градостроитель был обязан, в первую

очередь, стремиться к тому, чтобы город служил символическим выражением идей общества по поводу самого себя и Вселенной. В мире ислама, например, город трактовался именно как выражение фундаментальных религиозных идей общества. В других случаях подобные попытки кажутся смешными. Символическое прочтение остается делом индивида, использующего случайные характеристики формы. И все же мы обнаруживаем некоторую символическую соотносительность между окружением человека и его мировоззрением. Что бы ни выбрал человек в качестве центрального символа — дом, отечество, соседство, природу, божество, историю или круговорот жизни, глубина соответствующих символических ассоциаций, несомненно, обогащает жизнь. Я даже рискну обобщить: хорошим местом становится то, которое способом, соответствующим культуре и структуре личности, позволяет человеку осознать свою принадлежность своему сообществу, общему прошлому, напряженность бытия и вселенную времени и пространства, которая их заключает в себе. Все эти значения специфичны для каждой культуры, но каждая из них оперирует общими признаками существования: холод и тепло, влажность и сухость, тьма и свет, высокое и низкое, большое и малое, живое и мертвое, движение и покой, порядок и хаос, чистое и нечистое, свобода и ее ограничения.

Значения определенной места трудно поддаются точному определению и широко варьируются в зависимости от культурной принадлежности и структуры личности, и все же есть значения всеобщие, которые передаются от лица к лицу, от поколения к поколению. Они неизбежно встроены в структуру места, и их необходимо подвергнуть анализу, чтобы понять, как и насколько место воздействует на сознание его обитателей. Приемы стандартных опросов неоднократно использовались для обнаружения этих тонких отношений, но все эти приемы опираются на обыденные высказывания, что проявляется в поверхностном характере ответов. Сложные отношения легче выяснить в ходе длительных беседований, в ходе наблюдения, непременно означающего определенную меру сопереживания. Анализ содержания местных историй и мифов, живописи и поэзии, исследование личных воспоминаний и любительских фотографий оказываются важным вспомогательным средством постижения значения города.

Опознаваемость и структура — «формальные» компоненты осмысленности, тогда как созвучность, прозрачность и читаемость — компоненты связи окружения с иными сторонами человеческой жизни. Вся эту совокупность признаков можно изучать прямо, объективированно¹. В отличие от них всех, символическое значение как глубинный уровень читаемости вполне ощутимо, но ускользает от объективного анализа.

Как бы ни были важны названные характеристики, ни одна из них не является абсолютно желательной, подлежащей непрере-

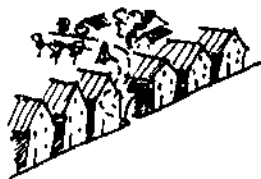
¹ Объективное — значит здесь: открыто предъявленное критике и доступное повторению независимым наблюдателем.

ному усилению. Никто не стремится жить в бесконечно оживленном месте, где все прочно связано с каждым. Мы вовсе не стремимся к абсолютному соответствию между социальной организацией и структурой пространственной формы. Нам претила бы жизнь в «аквариуме» и нас угнетала бы перенасыщенность среды агрессивными знаками...

Человеческая способность постигать имеет свои пределы, и процесс постижения обладает такой же или даже большей ценностью, чем возникающие мыслительные структуры. Есть немалое наслаждение (и материал для развития) в загадочности, неопределенности, тайнах и головоломках. Мы тяготеем скорее к предметам, поддающимся определению, чем к уже определенным, стремимся к сложности отношений, углубляемся в еще неисследованные области и ценим возможность некоторого камуфляжа. Персональное, интимное, возможность держать про себя информацию о своих действиях и вере остается вопросом принципиального значения, служит щитом против давления извне.

Итак, есть две важные характеристики идеала: первая — предел, за которым сознание оказывается перегружено или за который люди не разрешают переходить стороннему наблюдателю; вторая — поселение должно допускать последовательное развертывание значений, т. е. простая первичная структура должна позволять более обширное упорядочение по мере приобретения опыта и побуждать к созданию новых значений, посредством которых человек осознает собственный мир. Отнюдь не ясно, как распознать и тем более измерить это качество постепенности или многоуровневости, как человек оценивает место в этом смысле, как узнать желаемую меру развертывания. Интуиция подсказывает, что речь идет о правильном и важном, что, однако, трудно уточнить. И все же ясно, что город, вовлекающий вас в процесс своего упорядочения, лучше, чем упорядоченный без вашего участия.

Осмысленность города — весьма существенное функциональное требование к нему: возможность распознавать предметы, легко ориентироваться во времени, отыскивать дорогу и читать знаки обеспечивает успешное достижение любой цели. Это также основное условие удовлетворения от проживания, и, как правило, горожане стремятся жить в осмысленном окружении и готовы платить за него. Поскольку город может представлять собой «школу» с весьма насыщенной программой, постольку его осмысленность лежит в основе всестороннего развития личности. Необходимо учитывать, что мир с высокой степенью осмысленности человеку трудно приспособить к собственным нуждам — структура окружения может оказаться столь ясной и четко закрепленной, что ее сложно освоить до конца, превратить в свою собственную. Однако, если высокая осмысленность и может препятствовать легкости изменения градостроительной формы, то она, во всяком слу-

чае, способна поддерживать ее длительную эффективность. Как заметил Скрутон¹, когда папа Сикст приказал прорезать через толщу римской застройки новые улицы, он преследовал как эстетические, так и приземленные функциональные цели, однако движение по этим улицам продолжает доставлять удовлетворение и в эпоху, благополучно обходящуюся без религии.

Осмысленность нередко использовалась для навязывания среде и закрепления в ней какой-то господствующей позиции, как это случалось при формировании монументального пространственного выражения светской или религиозной власти. Однако ее можно использовать и в многообразии динамических ситуаций, когда формируется образ взаимосвязанной множественности — образ скорее процесса, чем статичной ситуации, заданной раз и навсегда. Поскольку нам трудно постигать перемены, специальные средства могут подчеркивать их ритмы, выражать направление изменений и тем самым словно уплотнять историю. Коль скоро разным людям присущи различные способы структурирования представлений о градостроительной форме, визуальная организация поселения не должна быть ни чрезмерно однородной, ни закрытой для изменений. Разные ключи к постижению города должны накладываться и взаимопроникать, формируя сложную и якобы избыточную сеть. Сегодня наиболее подходящим способом работы с осмысленностью представляется облегчение понимания динамичной изменчивости как таковой.

Стоимость осмысленного окружения может быть колоссальной, как в некоторых монументальных городах, причем речь идет не только о прямых затратах на строительство и эксплуатацию, но и о функциональных неудобствах, как правило, связанных с чрезмерной формальной упорядоченностью. В то же время осмысленность достижима с ничтожным увеличением затрат или вообще без дополнительных расходов, если не считать времени и усилий, необходимых для проектной работы. Это в наибольшей степени относится к работе со скромными материалами на местном уровне, когда достижение осмысленности соединяется с другими целями, ибо чувство места не зависит от применения дорогой отделки, экзотических материалов или жесточайшей упорядоченности.

Коль скоро осмысленность окружения — предмет знания и отношения, косвенная стоимость ее достижения может быть значительной для той или иной группы населения. Обычно используемая для закрепления интересов власти осмысленность может служить и формированию революционно настроенного сознания. Ею может выражаться система ценностей, совпадающая с ожиданиями одной группы и чуждая для другой. Отсюда неизбежно следует, что осмысленность представляет собой поле конфликта вне связи с вопросом о материальных затратах. Поскольку же осмысленность окружения нечасто постигается как отчетливая ценность, природа конфликта может быть затемнена и спор перенесен на какую-то

¹ Роджер Скрутон — автор книги «Эстетика архитектуры», 1979. (Примеч. пер.)

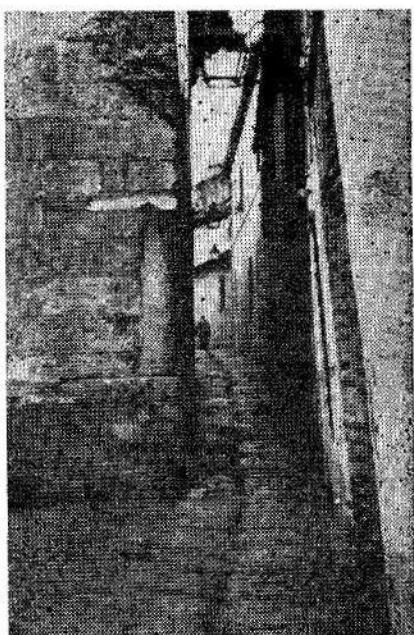

Рис. 57. Случайная последовательность зрительных впечатлений может давать сильный эффект: при движении по узким улочкам Кордовы пространство затягивает пешехода, разворачиваясь и раскрываясь перед ним

иную почву. Отсюда очевидно, что принципиальным свойством осмысленности служит мера всеобщности, присущая образу данного места.

Хотя осмысленность редко обсуждается как особый предмет, у нас есть большой опыт и нам легко составить длинный список прекрасных исторических городов и ландшафтов, существующих или сохраненных памятью. Примеры подробно изучены, но обычно они трактуются как изолированные. Крайне редко предпринимается попытка увидеть те же места глазами их обитателей. Некоторые знаменитые места упорно притягивают к себе наше внимание, но мы редко обращаем внимание на обычные поселения, где живет абсолютное большинство горожан. Особенно редко изучаются образцы тех крупных урбанизированных районов, в которых обитает сейчас большинство населения высокоразвитых стран.

Поскольку качество есть связь между окружением и сознанием, потому средства повышения качества, естественным образом, расчлняются на изменения градостроительной формы и изменения представлений. Проектировщики профессионально сосредоточены на первых и в их распоряжении изрядный перечень средств достижения цели.

Можно избрать систему коммуникаций в качестве ключа к структуре поселения: сделать понятной уличную сеть, повысить

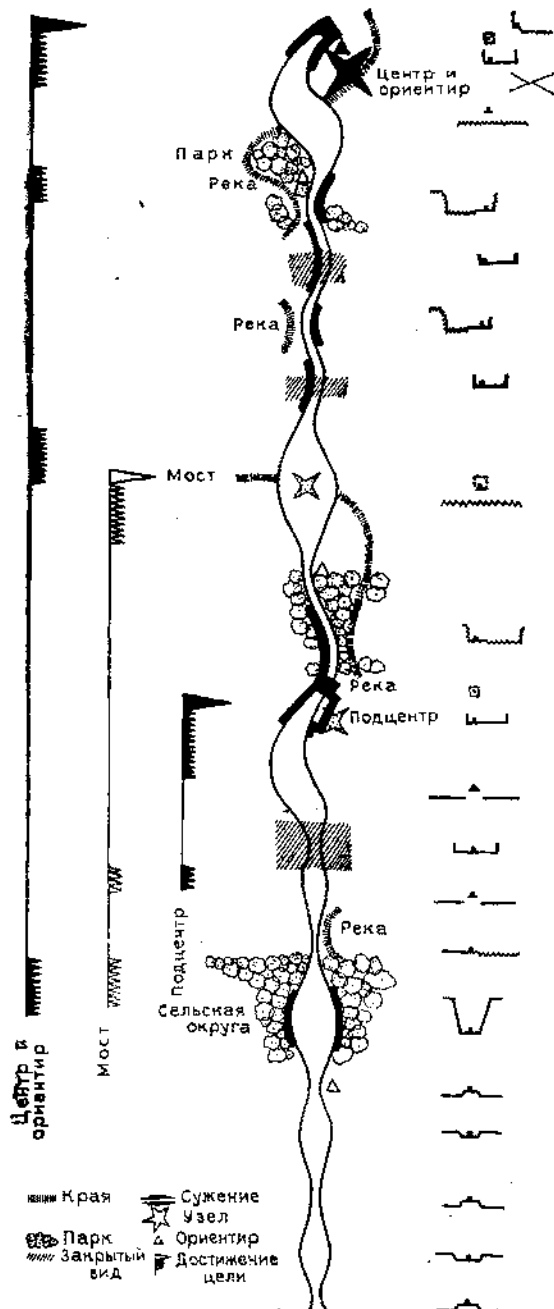

Рис. 58. Визуальную последовательность в движении можно осознанно проектировать. Здесь воспроизведен набросок отрезка проектируемого шоссе с указанием последовательности объектов, попадающих в поле зрения, сужений и раскрытий визуального поля в стороны и вперед, по движению

распознаваемость улиц и ориентиров, придать читаемость пересечениям, создать визуально насыщенные последовательности впечатлений вдоль главных маршрутов. Проекты эпохи барокко — классический пример использования такой стратегии, формирование понятной сети улиц и проездов микрорайона — более современный и более скромный пример.

Можно формировать районы, которые имеют яркую индивидуальность характера или выделить их визуальные границы; сосредоточиться на создании сильных ориентиров в стратегических пунктах; можно использовать и подчеркивать природные особенности; можно сохранять и развивать существующий уже городской ландшафт.

Можно ориентировать здания сообразно движению солнца, повышая чувство упорядоченности времени. Если немало сделано, чтобы проявить связанность сегодняшнего окружения с прошлым, то резонно уделить внимание и его связи с буду-

дущим. Необходимо значительно полнее и вполне рутинным образом, а не в порядке исключения, рассматривать потребности

особых групп населения: детей и стариков, слепых и глухих, отстающих в развитии и обреченных на передвижение в коляске...

Осмысленность можно также существенно повысить за счет повышения способности людей воспринимать и постигать окружение — мысль, редко приходящая в голову проектировщикам, натренированным на внимание скорее к вещам, чем к людям. Можно научить людей обращать внимание на их окружение, больше узнавать о нем, упорядочивать его, улавливать скрытые в нем значения. «Средовое образование» только-только начинает перемещаться из лесов и с полей в города, где мы живем.

Названия, знаки, записи, символы увеличивают объем доступной информации и делают окружение более вразумительным. Решая свои задачи, писатели и живописцы создают новые значения и учат нас видеть по-новому. Париж стал понятнее после того, как его описали импрессионисты, а для сегодняшнего поколения металлические джунгли кладбищ автомобилей отнюдь не кажутся бесформенными. Диккенс помог создать тот Лондон, что мы знаем, не в меньшей мере, чем это сделали его реальные строители.

В прошлом соображения по поводу осмысленности основывались только на анализе предметного окружения. Гармония, красота, порядок и многообразие — все это трактовалось как атрибуты самих вещей, тогда как проектировщик бессознательно опирался на собственные ценности, свой способ восприятия и проецировал их на окружающий мир, как присущие ему свойства. Сегодня это невозможно — мы начинаем с выяснения того, как потребитель воображает себе место и оценивает его, т. е. трактуем место и людей как единое целое.

Множественность типов потребителя в любом крупном поселении всегда будет тяжелой проблемой, поэтому достичь осмысленности гораздо легче в относительно стабильном и однородном сообществе. Она одинаково важна для богатых и бедных поселений, поскольку человеческое восприятие носит в целом универсальный характер, но, разумеется, средства достижения цели будут разными. Всегда существует опасность того, что осмысленность может сделаться средством утверждения господства или закрепления статус кво. Но это не может быть отнесено к самому рассматриваемому качеству, и, пожалуй, самые интересные проектные задачи связаны с достижением осмысленности градостроительной формы в обществе, сложном, динамичном и относительно эгалитарном. Опознаваемость, структурность формы, созвучие, прозрачность и читаемость суть те признаки осмысленности, с которыми можно работать, опираясь на относительно объективные данные. Значение формы, способность к ее постепенному постижению, напротив, сохраняют немало загадочного.

9. Соответствие

Под соответствием мы понимаем меру, с которой пространственная и временная система поселения отвечает обычному поведению его обитателей. Это соответствие между действием и формой, в которую включено и в которой вращается поведение. Так, мы можем спросить: представляет ли, например, здание фабрики, машины внутри него и способ, каким сопряжены предметы и пространство, оптимальную систему для получения нужной продукции? С точки зрения управления, это будет отражено в уровне производительности труда, с точки зрения работника — в условиях работы. Точно так же мы заинтересованы в том, чтобы класс был подходящим местом для ведения учебного процесса, а стадион — первоклассным устройством для организации спортивного состязания. В мире человеческого сознания такого рода соответствию отвечает понятие «компетентность», способность хорошо действовать, способность соответствовать ожиданиям.

Соответствие градостроительной формы сопряжено с определенными характеристиками человеческого тела, с признаками материальных систем как таковых, будь то сила тяжести, инерция, распространение световых волн или пропорциональность размеров. Это универсальные компоненты, но коль скоро соответствие связывает место и рисунок поведения человека, оно во многом предопределено типом культуры — ожиданиями, нормами, навыками.

Всякое место подгоняется к типу поведения, а поведение меняется в зависимости от места. Модификация действий особенно ярко заметна в случае игр, где поведение особенно пластично. Так, теннис возник из случайных характеристик помещения (мы имеем в виду канонические размеры корта), а фиксированные танцевальные па неотделимы от породивших их парадных залов.

Пригородная застройка соответствует зажиточной прослойке североамериканцев (взрослых) и не соответствует жизни скотоводов, возвращающихся с далеких пастбищ. Пастух-навахо, въехав в типичный пригородный дом, начнет менять и дом, и собственный рисунок поведения, чтобы повысить меру соответствия, но несоответствие останется, создавая у обитателя чувство тревоги. В отличие, скажем, от жизнеспособности нельзя оценить соответствие, игнорируя культурную принадлежность обитателей, хотя и не затрагивая причин, мы всегда можем заметить признаки несоответствия. С той же дилеммой сталкивается археолог, когда он присматривается к останкам древней градостроительной формы, размышляя о том, «как это функционировало».

Термин «соответствие» соотносим с такими словами, как комфорт, удовлетворение, эффективность, хотя значения этих слов меняются вместе с переменной «владельца». Более того вполне комфортабельное место может быть нездоровым — соответствие, как и здоровье, легче определить, когда его нет, чем когда оно есть. В целом мы склонны обращать меньшее внимание на те случаи, когда нет никаких сбоев, тем не менее идеальное соответствие

места и действия создает ощущение полноты, удовлетворения, гармонии, будь то отлично настроенный инструмент, на котором хорошо играют в прекрасном зале, или движения первоклассного яхтсмана в отличной яхте. Владение собой и качество предметов оказываются в этих случаях связаны неразрывно.

Большая часть работы по проектированию и управлению затрачивается на достижение соответствия, хотя речь идет не о вершинах исполнительского искусства, а об обеспечении обыденных форм поведения. Соответствие именуют здесь «функциональной стороной» проектирования, как если бы ее можно было отделить от других качеств формы, являющихся «нефункциональными».

Элементарная сторона соответствия — количественная обеспеченность: достаточно ли застройки со стандартом качества? достаточно ли мест для игры детей? территорий для строительств заводов и складов? и т. п. К сожалению, качественная сторона этих вопросов слишком часто не привлекает внимания. Мы забываем, что возможное количество жилых единиц зависит от определения «стандарт качества», характер промышленной зоны — от типа производственного процесса, подсчет площадей для игры — от правил игры.

Нас влекут к себе числа, которые точнее, тверже и внушительнее, чем смутные, персонально окрашенные чувства или пространственные рисунки поведения. Величины автомобильного потока перевешивают мучения пешеходов, которым надо перейти улицу. Пространственные требования, исчисляемые в квадратных футах (сами являющиеся отдаленными следствиями качественных представлений о соответствующих габаритах), перевешивают соображения о пространственном рисунке, облегчающем общение людей. Проектировщики готовы на многое, чтобы увеличить незастроенное пространство, но нередко забывают проверить его качество. Само по себе количество — важная характеристика чего бы то ни было (оно часто бывает чрезмерным, как в случае площадей, которые слишком велики, чтобы привлечь людей), и все же не главная. Главная — соответствие поведению.

Есть два способа наблюдения за мерой соответствия.

Один — наблюдать за тем, как ведут себя люди в определенном месте, чтобы обнаружить, насколько его характерные особенности отвечают характеру наблюдаемых действий. Затруднено ли движение? Удобно ли людям что-то делать, что-то поднять, открыть дверь, разговаривать друг с другом? Сколько можно заметить явных несоответствий: колебания в выборе направления, столкновения в проходе, происшествия, недоразумения? (Для любителей все подсчитывать предлагаю новый показатель: «число наблюдаемых несоответствий в человеко-час»). Есть ли чрезмерное сгущение людей или, напротив, явно пустующее пространство? Есть ли очевидные следы несоответствия формы типу использования пространства, вроде поставленных на газон автомобилей или протоптанных через него дорожек, с помощью которых люди «срезают» путь?

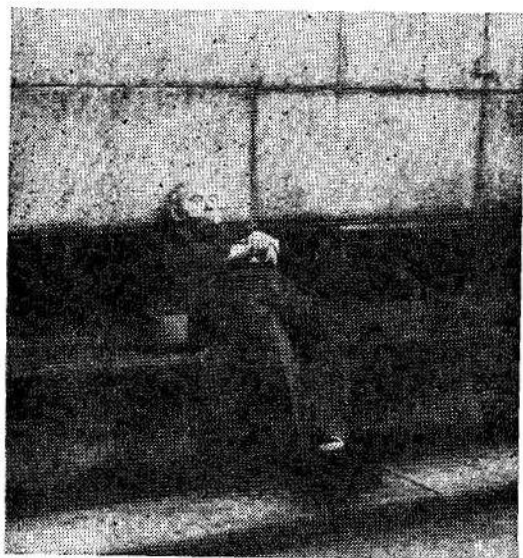

Рис. 59. Очевидное несоответствие: скамья у подножия библиотеки в Бостоне служит излюбленным местом всех греющихся на весеннем солнце. Скамья хорошо спрорпорционирована с фасадом здания, но не соотнесена с фигурой человека

Большая часть подобных вопросов относится к неудобствам, а не к достоинствам места и, заметьте, признаки несоответствий мимолетны, их трудно схватить, будь то секундная задержка, пожатие плеч или печальный вздох. От наблюдателя требуется скорость реакции, а также сочувствие к опыту тех, за кем он следит, и наблюдение такого рода не может быть совершенно нейтральным — в этом случае оно уже представляет собой интерпретацию. Тем не менее такая интерпретация может сопровождаться репортерской фотографией или звукозаписью, что позволило бы другим наблюдателям ее проверить.

Второй способ это опрос самих потребителей — их чувство «подходящести» места является в конечном счете единственным критерием соответствия. Их можно расспрашивать о том, насколько удобно здесь делать то, что им хочется или нужно, с какими трудностями они сталкиваются. Не все готовы ответить на подобные вопросы, и тогда их можно спросить о неудобствах, которые, с их точки зрения, испытывают в этом месте другие.

Соответствие относится к месту и к реальному поведению или, в редких случаях, к сознательно желаемому поведению. Увы, подсознательные стремления ускользают от нашего внимания, да и осознанные желания немного могут сказать о результате, если у людей не было опыта переживания реального соответствия месту.

Средовые предпочтения, выраженные абстрактным образом или на материале фотоизображений, исследуются сейчас весьма широко. Изучается соотношенность этих представлений с характеристиками самого окружения, типом личности, социальным климатом. По крайней мере, в нашей культуре явственно проступают некоторые общезначимые отношения, вроде пристрастия к парковому ландшафту или малым городам. Однако все значительно сложнее. Предпочтения такого рода представляют собой результат взаимодействия множества факторов, и сугубо символическое значение места может перевешивать его действительное соответствие человеку. Причинные связи исследованы здесь скверно и мо-

Рис. 60. Типичный пример «предпочтаемого ландшафта», постоянно возникающего в памяти опрашиваемых горожан: кладбище Маунт Оберн в Кембридже (Массачусетс) — предшественник широкого движения за создание парков в США

Рис. 61. Зонт может играть роль парашюта, а каменный подоконник — скамья. Окружение и его элементы нередко используются так, как никогда не приходило в голову проектировщикам

жет оказаться, что построение концепций предпочтения потребует вначале построения теории стабильных ценностей окружения. Сейчас, по крайней мере, простые исследования предпочтений оказываются значительно полезнее, чем обобщения. Во всех случаях, когда предпочтение опирается на игру воображения или чужое мнение, его вообще не следует принимать во внимание — значением обладает только фактический личный опыт. Наиболее продук-

тивные исследования, проводимые на месте, «здесь и сейчас», место и реально наблюдаемое в нем поведение.

Любую проектируемую градостроительную форму желательно исследовать и испытать на соответствие действиям, которые могут осуществляться в ее рамках: как здесь работать, отдыхать, есть, влюбляться, как тут учить, болеть, умирать, как тут общаться, бегать, читать, покупать... Реальной «программой» для структуры поселения должна служить правильно сформированная «кассета» форм поведения, а не простое наименование пространств с определенными габаритами, расписанных по обобщенной функциональной принадлежности. Проект нуждается в оценке относительно проектируемых форм поведения с выработкой прогноза будущего соответствия. Когда поселение или его фрагмент сформированы, исследование необходимо повторить, чтобы подтвердить или опровергнуть прогноз и тем совершенствовать дальнейшие оценки ситуаций.

Все это отдал от чрезмерным рационализмом — увы, программируемое поведение может остаться чистым призраком и уж, во всяком случае, очевидно, что оно изменит формы в ближайшем будущем. В связи с этим программа вынужденно работает только с самыми общими, практически предсказуемыми формами поведения (перемещения, виды социального взаимодействия), игнорируя все тонкости. Гибкость, податливость к изменениям форм поведения создает в практике немалую привлекательность места, включая все его загадки и головоломки, о чем речь пойдет ниже.

Более того, сторонники программирования необоснованно переоценивают роль поведения, трактуя его как нечто данное и постоянное, но ведь действие приспосабливается к пространству, гибкость поведения также несет в себе удовлетворение. Поэтому в программе необходимо иметь в виду взаимоприспособление действия и места. Программа может включать обучение и регулирование, необходимые для того, чтобы запроектированное место функционировало оптимальным образом. Программа может быть ориентирована на пассивное следование процессу формирования соответствия, начинающемуся сразу после того, как место занято людьми. Человеческое поведение чрезвычайно подвижно и есть сторонники взгляда, согласно которому соответствие — несущественная вещь. Дайте только место в достаточном количестве, обеспечьте доступ к нему, выдержите основные требования (тепло, сухость, свет, человеческий масштаб), и соответствие появится само собой через некоторый промежуток времени. Действие и место непременно придут в соответствие в силу того, что люди способны приспособиться ко всему в пределах физической нормы среды существования.

Увы, этот взгляд неверен уже потому, что процесс адаптации обходится недешево и часто мучителен. Он требует времени. Наконец, кажущееся соответствие может скрывать неудобства, неразличимые для постороннего наблюдателя, но существенные для тех, кто постоянно связан с местом.

Пространство одновременно создает условия для действия и ограничения для него. Неудобства и чувство неуютности вдруг возникают в тех местах, которые отличались ранее высоким уровнем соответствия за счет того, что возникновение иных, новых мест рождает новый тип ожиданий, новые потребности. Новая кухня в доме знакомых обесценивает старую в вашем доме; телефон, появившийся у одних, немедленно порождает ощущение изоляции у тех, кто его не имеет. Новая площадка порождает новые игры и расширяет возможности соревнования. Играя с предметами, люди обнаруживают новые способы их использования. Соответствие отнюдь не образует собой жесткой связи между действием и местом: к счастью, ни место не предопределяет действие полностью, ни действие не поддается прямому переводу на язык пространства. Соответствие подвижно и податливо к неожиданностям, рождаемым творчеством.

Уже поэтому программы организации среды должны ориентироваться на изобретение обстановки для нового поведения: новации в поведении и окружении должны работать вместе.

Очевидно, что место должно соответствовать тому, что мы хотим в нем делать — с этого мы начали. Но мы немедленно наткнемся на сложные этические проблемы. Как следует нам действовать? Чьим действиям должно соответствовать место? Можно ли считать, что создаваемые нами места будут соответствовать поведению других существ, как и нашему, или мы должны действовать различно для себя и для других? С этической точки зрения, это неразрешимая дилемма, поэтому остается лишь снять ее с обсуждения и согласиться с тем, что мы говорим о соответствии места и поведения людей — тех людей, что есть сейчас. Согласимся и с тем, что соответствие формируется приспособленным или места, или действия или и того, и другого.

Привычное поведение обладает собственной инерцией и способно преодолеть сопротивление нового места. В то же время места изменяются относительно медленно и, обладая соответствием, закрепляют привычные формы поведения. Устойчивость места стабилизирует наше представление о типе поведения, снимая неуверенность и предотвращая конфликты: в церкви говорят шепотом, на пляже раскидываются привольно. Следовательно, сама по себе устойчивость того, что окружает поведение, входит составным элементом в меру соответствия действия и места.

«Удобно ли место?» — вопрос на уровне здравого смысла, и ответ неизбежно носит поверхностный характер, особенно в тех случаях, когда речь идет о крупном масштабе. Чтобы совладать с представлениями о бесчисленном множестве мест и действий, люди классифицируют их в стереотипные группы, где предметная форма и человеческое поведение до такой степени сцеплены, что объективно анализировать соответствие чрезвычайно трудно. Сложно вообразить себе перенос поведения в другое место или использование места иным образом. «Односемейный дом» — тип сооружения в типичном контексте, занятый стандартной социальной

ячейкой, ведущей нормальный образ жизни. На карте землепользования невозможно увидеть реальное разнообразие семей, их образа жизни и соответствующей ему конфигурации пространства. Здесь трудно формировать как новую форму, так и новый рисунок поведения, поскольку ожидания и нормы выражены через те же мысленные срезы.

Стандарты создаются для такого типического окружения и анализ соответствия оборачивается сопоставлением стандартов. Вопрос «удобно ли место?» мгновенно замещается чем-то вроде «достаточно ли велик полисадник?». Удобство аналитической классификации превращается в форму мироощущения, затем в моральную норму: людям следует жить в односемейных домах сообразно односемейному образу жизни, в отчуждении (как в пространстве, так и во времени) от других форм окружения и других форм поведения.

Невозможно оценивать крупные и сложно организованные пространственные целостности, не пользуясь классификацией и вычлениением стандартов. Описывая некий тип среды, важно сохранять различение формы и поведения, чтобы видеть их связь. Полный анализ поселения означал бы его «дробление» на мозаичные фрагменты, соответствующие видам окружения для всех видов поведения (обнаружение мест, где пространственная форма и поведение сопряжены повторяющимся образом, и группировка таких мест по определенным ячейкам классификации). Роджер Баркер именно таким способ описывает маленький город в штате Айова. Описание утомительно и скучно, зато оно проявляет характер городка гораздо полнее, чем могут отразить карты землепользования или статистические таблицы. Однажды затратив силы на построение такой мозаики, мы получаем возможность исследовать соответствие для вполне представительной части сложного целого.

Увы, для крупного города это практически недостижимо. Вместо громоздкого в своей полноте образа мозаики целого мы вынуждены выбрать несколько примеров окружения — таких, чтобы в границах данной культуры их можно было обоснованно счесть типичными, существенными по значимости и проблемными. В сегодняшнем урбанизированном мире это непременно окажутся типы окружения, характерные для жизни семьи (пригород, многоквартирный дом), стандартное окружение рабочего процесса и процесса покупки (офис, завод, торговый центр), знакомые сцены перемещения в пространстве (поездка в автобусе, движение в машине по магистрали), места, посещаемые детьми (школа, «пятачок» на углу, пустырь), наконец, места, характерные для болезни, старости, бессилия (больница, дом престарелых).

Наблюдения и опросы в этих выбранных местах вместе с литературой о поведении в подобных ситуациях уже дают материал для первой, прикидочной оценки качества города. Два вопроса имеют ключевое значение: «есть ли соответствие между поведением и градостроительной формой?» и «устойчиво ли соответствие и отвечает ли оно ожиданиям заинтересованных лиц?» Исследо-

вание желательно расширить так, чтобы охватить им проектирование вариантов-прототипов окружения: анализ прототипа — мощное средство постижения сложности происходящего, его проектирование — отыскание пути к воздействию на него.

Чем труднее выстраивать надежные обобщающие суждения о взаимодействии пространственной формы и поведения из-за коварной пластичности человеческого существа, тем пышнее расцветают методы наблюдения в уже успевшей выделиться в целое направление психологии среды. Различные приемы сбора и обработки данных использованы при изучении жилищ, школ, больниц. Однако относительно мало известно о рабочем месте, тротуаре, автобусной поездке или пустыре, где играют мальчишки.

Анализ сложен, особенно в общественных местах, из-за столкновения намерений действующих лиц. Центральная площадь может вызывать восхищение туристов, будучи при этом истинным несчастьем для окрестных жителей. Игровую площадку, призванную возбуждать фантазию детей младшего возраста, могут захватывать подростки, находящие ей совсем другое применение. Все общественные пространства и подавляющая часть полуприватных оказываются заняты разными людьми, увлеченными разными занятиями, и исследователю приходится иметь дело со всем этим многообразием, а проект должен обеспечить взаимоналожение территорий, подвижность использования и соблюдение правила терпимости.

Некоторые типы пространственных ситуаций создают особо благоприятные условия для доминирующих групп — именно так были спланированы имперские города или банковские районы. Исследованием это можно выявить, но у проектирования мало шансов изменить положение. Нельзя забывать также о возможности столкновения носителей законного и незаконного поведения: немалое число хорошо изолированных мест оказывается в ночное время в идеальном согласии с интересами преступника.

Поскольку характер соответствия зависит от типа деятельности и типа культуры, трудно ожидать, что существует универсальное средство его обеспечения. Роль такого универсального средства обычно берет на себя расчленение территории на определенное число сред, что позволяет различным формам поведения бесконфликтно осуществляться в соответствующем окружении. Специализированные зоны необходимо защищать друг от друга, но нельзя их взаимно изолировать столь резко или столь герметично, чтобы между ними вообще не оставалось сообщения. Всякого рода переходы и взаимоналожения функциональных зон позволяют людям учиться друг у друга, и потому некоторая неопределенность границы, относительная проницаемость разделительной мембраны необходимы, чтобы обеспечить возможность перемещаться из одной среды в другую, равно как и возможность помешать, прежде чем на что-то решиться. Отсюда исключительная важность, которую приобретают знаки пограничной зоны действия, подобные подъездам, крылечкам или аркадам.

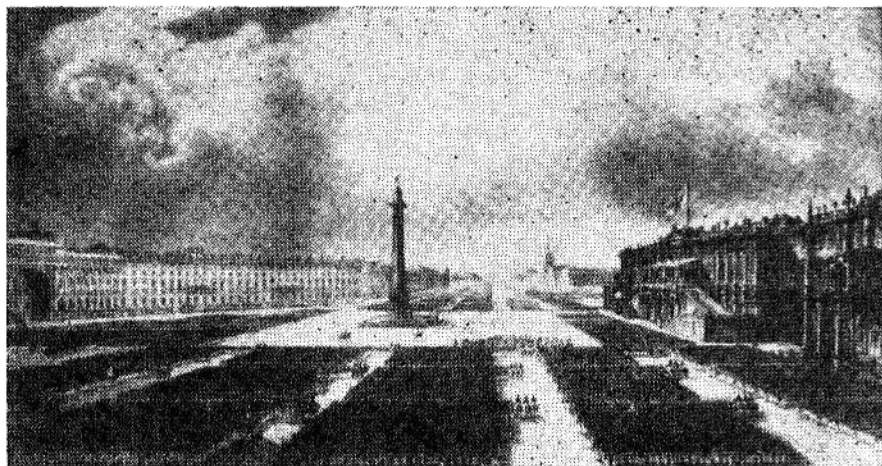
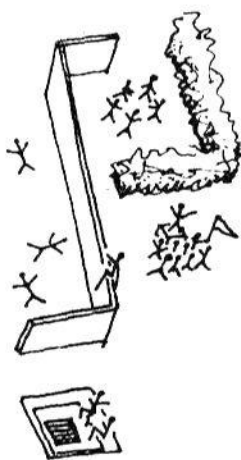

Рис. 62. Цель центральных площадей Санкт-Петербурга (Ленинграда) после реконструкции, 1840 г. Сверхчеловеческий масштаб служил средством выражения мощи

Расписание деятельности также широко используется для расчленения поведения во времени. В силу привычки или узаконенным образом одна и та же площадь оказывается поочередно автовокзалом, овощным рынком, местом игр детей и встреч взрослых. Подобно пространственным границам, границы временных фаз обладают огромной важностью — известно, насколько растяжка во времени уменьшает нагрузки на те или иные удобства, повышая тем самым меру их соответствия. Многие из используемых нами систем оказываются остро перегружены в час «пик», будучи резко недогружены в прочее время, и здесь скрывается очевидная возможность повысить соответствие без увеличения затрат. Сдвигка во времени начала работы оказалась эффективным средством выравнивания потребности в пространстве на наших дорогах.

Средства повышения соответствия в большей мере относятся к работе с процессами, чем к работе с формой, и тщательное программирование, т. е. формирование целостной картины желательных типов поведения и пространственных форм, выходит на первый план. Именно составление программы оказывается первым решающим шагом, будь то проектирование нового места или использование старого. Как относиться к тому, что происходит здесь сейчас, то, что, с нашей точки зрения, должно здесь происходить? — вот вопрос вопросов. Будучи однажды тщательно разработана, программа становится не только средством проектирования и регулируемого исполь-

зования, но и матрицей для повторных исследований меры соответствия места в дальнейшем.

Периодически повторяющиеся исследования того, как функционирует место, обработанное согласно гипотезе о должном его функционировании, обеспечивает возможность осуществлять тонкую «доводку» и настройку, что является секретом хорошего соответствия. Даже в чужой культуре мы умеем почти мгновенно обнаруживать следы внимания и заботы к окружению, служащие очевидным знаком успешности функционирования. И глубоко сухопутный человек отмечает совершенный порядок на корабле, и случайный проезжий фиксирует содержащееся в порядке поселение; исследование и настройка могут осуществляться как в результате почти подсознательной озабоченности владельца, так и в результате целенаправленной деятельности бюрократического порядка.

Мы уже говорили, что соответствие можно повысить как за счет приспособления места к поведению, так и за счет обратного процесса. Человек «привыкает» к месту, «осваивает» его, «свыкается» с ним, но человека можно и приучить к месту, показать ему его возможности. Одним из вторичных эффектов нынешних усилий в области «средового воспитания» становится то, что люди узнают, как с большей пользой осваивать окружающий мир:

Рис. 63. Любый переходный рубеж, особенно дверной проем, может служить местом для того, чтобы задержаться и перекинуться словом: здесь человек пребывает в двух «мирах» одновременно, сохраняя возможность войти в каждый из них

Рис. 64. Внимание к месту, забота о нем очевидны — палисадник коттеджа в Оук Блаффс (Массачусетс)

и лес, и город. Проектировщики редко пользуются возможностью объяснить и показать будущим пользователям, что можно делать в новом месте. Они исходят из того, что соответствие установится мгновенно и автоматически, если только форма определена верно. Разумеется, поведение как-то сложится, но ему можно помочь сложиться, не прибегая к принуждению. Изобретение новых форм поведения в пространстве, передача этих новых форм — столь же яркая творческая деятельность, как и создание самих пространственных форм. Соответствие повышается значительно скорее, если форма и поведение развиваются одновременно. Обычно семья в едином процессе переустраивает жилище и отношения между своими членами, и обсуждение перестройки дома или перестановки мебели всегда оборачивается экспедицией в сферу внутрисемейной жизни. Формирование новой веры всегда влекло за собой параллельный процесс сложения ритуала и пространственного окружения.

Немало можно сказать в пользу постановки сознательных экспериментов. Всегда находятся добровольцы, желающие испытать окружение, где и место, и действие существенно видоизменены: жизнь и работа под землей; жизнь коммуной в доме и на участке, специально спроектированных для этой цели; новый способ организации фабричной работы с соответствующей перестройкой пространственного стереотипа; новый вариант проживания в самой гуще городского центра или, напротив, в сельских условиях при резком ограничении ресурсов. По мере развития эксперимента окружение подвергалось бы настройке со стороны самих добровольцев — при удаче то же окружение могут захотеть испытать другие. Располагая мы масштабной работой по изобретению и опробованию новых окружений, наши возможности резко выросли бы. До сих пор предпринимались лишь изолированные попытки, руководимые слепой верой, либо невольные «эксперименты», вызванные тяжелой необходимостью. Их никто не планировал и не изучал как эксперименты, на результатах которых могли бы учиться другие.

Возможно, что наиболее эффективный путь повышения соответствия в нашем окружении сводится к тому, чтобы передать контроль самим потребителям, у которых достаточно и знания, и права на риск. Если право регулирования находится в руках самих пользователей, а не в руках отчужденного владельца пространством и формой, и если окружение оказывается для них достаточно гибким, чтобы адаптировать его к их потребностям, достижение высокой меры соответствия наиболее правдоподобно.

Мы обсуждали соответствие как проблему настоящего момента, однако большинство зданий (кроме жилищ) в городе используется обычно совсем не по их первоначальному назначению. Даже в жилом доме, в котором из поколения в поколение живет одно семейство, способ пользования существенно меняется: семья разрастается, членится, наконец, просто стареет. Меняются формы

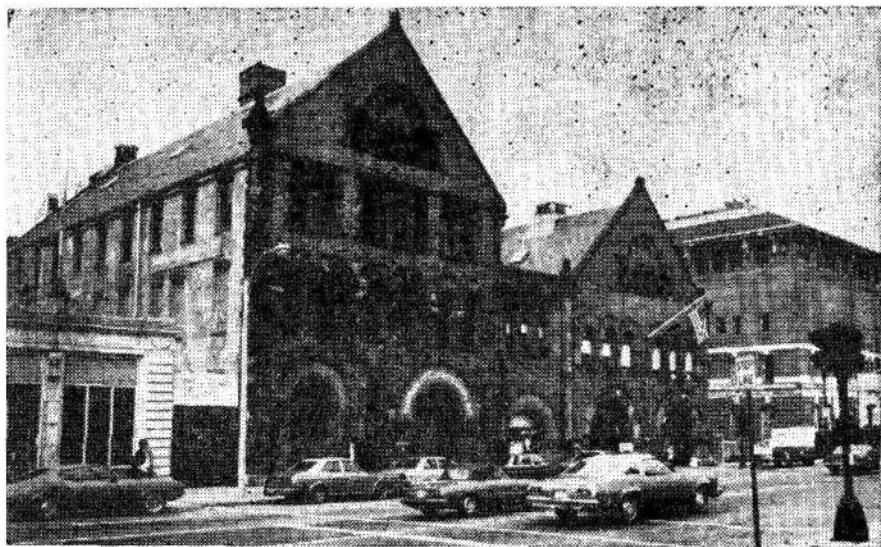
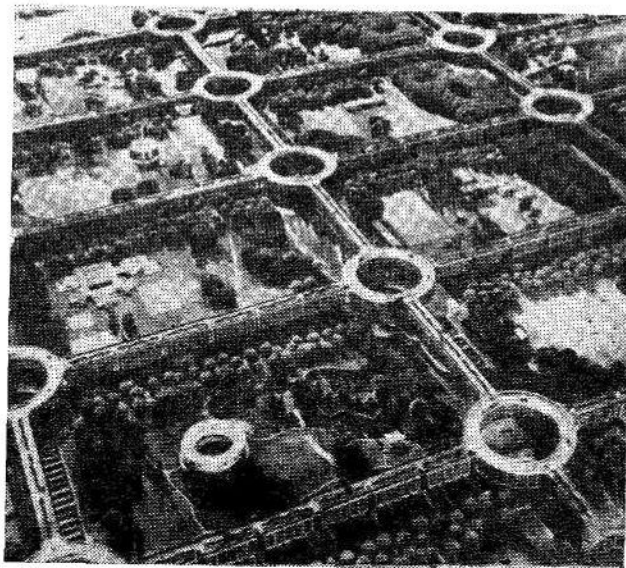

Рис. 65. Старые формы, приспособленные к новым функциям: пожарное депо в Бэк Бей (Бостон) стало музеем современного искусства

Рис. 66. Макет «Мотопии» Д. Джеллико: кровли зданий отданы автодорогам и стоянкам, тогда как вся поверхность земли занята парком. Поскольку форма зданий выведена из распределения автомобильных путей, перестройка оказывается практически невозможной

поведения, материальная оболочка остается, и это несоответствие, с одной стороны, дает нам чувство стабильности, с другой — порождает множество неудобств. Мы вынуждены или приспособлять свои шаги к окружению или тратить массу энергии на его преобразование.

Оборонительные стены многих старых городов занимали место, давным давно утратив свои защитные функции. Поскольку они стесняли сообщение между центром города и его периферией, их в конце концов разбирали с затратой крупных средств. Однако стоило их снести, на освободившемся месте возникали бульвары. Наши нынешние автотрассы, поднятые на опорах, могут вскоре стеснять нас больше, чем древние стены, и разобрать их будет отнюдь не проще — оставят ли они после себя столь же полезный след? Старые заводские районы, как правило, обречены на упадок и частичное запустение из-за того, что устаревают сооружения и дороги, и передвинуться на свободную площадку оказывается дешевле, чем все перестраивать на старой.

Коммерсанты и строители Бостона в течение полувека боролись за соединение морского порта с вокзалами железных дорог, ведущих на континент. Для этого надо было рассеять пространственный хаос старого городского центра, но все усилия кончились ничем, и коммерческое первенство навсегда перешло к Нью-Йорку. Конечно, замедление роста города нельзя объяснить одним лишь старением его градостроительной формы: сдвиг в структуре рынка, требованиях к квалификации, перегруппировка капиталов или поставок могут играть в этом процессе более существенную роль. И все же физическое устаревание и, главное, сопряженное с ним настроение людей имеют огромное значение. Так, состояние старых заводских районов на северо-востоке США, вне всякого сомнения, ускорило и усилило наблюдающееся сейчас «сползание» индустрии в штаты так называемого солнечного пояса.

Потери, связанные со старением формы, не всегда можно компенсировать дорогостоящей перестройкой. Нередко они зависят от истощения невозполнимых ресурсов — пространства, чистой воды, почвы, энергии, материалов. Писатели-фантасты состязаются в изображении вариантов мрачного будущего, ожидающего планету; проектировщики же смогли удостовериться в том, насколько сомнительными оказываются даже среднесрочные прогнозы и как ненадежны попытки управлять будущим (наверное, к счастью). Размышляя о переменах, которые могут обрушиться на результат, проектировщик может лишь надеяться на то, что создаваемая им градостроительная форма окажется достаточно гибкой, чтобы «выжить». Гибкость не случайно становится популярным лозунгом всех видов проектирования: это и способ совладать с неопределенностью будущего, и попытка умиротворить будущие поколения. Однако добротное поселение должно обладать адаптируемостью не только потому, что мы хотим выжить в меняющемся мире, но и потому, что мы можем захотеть исправить наши собственные ошибки или дать возможность проявиться переменам наших страстей. Гибкость следует понимать поэтому как открытость к развитию.

О гибкости говорят часто, но ее содержание остается туманным и никто не знает, как ее добиться. От других показателей качества поселения гибкость отличается уже тем, что у нас очень

мало свидетельств ее достижения. Кое-что известно о приспособляемости больничных сооружений, кое-что установлено относительно скорости старения автомобильных моделей, есть литература о последствиях разрушения среды. Но причины отживания градостроительной формы и средства борьбы с ним обсуждаются на основе слухов. Утверждения же о достигнутой гибкости имеют показной характер.

Вещи, долго живущие в активном использовании в изменяющихся условиях, вызывают обычно восхищение. Заложённая ещё римлянами уличная сеть в центрах многих европейских городов действует и в наши дни. В Европе сохранились сельские округа, устойчивость которых прослеживается по крайней мере тысячу лет. Планировка Нью-Йорка была в свое время мотивирована тем, что она будет способна выдерживать существенные изменения в размещении видов деятельности, и в этом отношении она себя оправдала. Регулярная сетка проездов и модульность сооружений Массачусетского технологического института обеспечивают возможность непрерывно перестраивать связи лабораторий, учебных помещений и офисов в точном соответствии проектной программе (и в шуме почти непрерывной стройки). Но чем ценны подобные случаи устойчивости? Физическая устойчивость, безусловно, помогает нам осознать наше прошлое, но дает ли она что-либо еще?

Кроме того, что это ориентир в истории, устойчивость предметной формы обладает ценностью лишь в том случае, если ее невозможно воспроизвести с меньшими затратами, чем затраты, необходимые для ее поддержания. Иными словами, устойчивость ценна, если она позволяет людям делать то, что им нужно, за меньшую сумму, чем та, которая потребовалась бы для нового строительства. Во всяком ином случае устойчивость вещи непременно оборачивается тем, что окружение оказывает все возрастающее давление на тип деятельности, на форму поведения. В принципе окружение, в котором вещи не живут долго, быстро заменяется другими, обладает наибольшей степенью приспособляемости.

Такой высокой гибкостью обладали и территории США, и само американское общество. Обширность земли и отсутствие феодальной собственности на нее, структура капиталистической экономики и социальные институты — все здесь способствовало непрерывному перетеканию труда и капитала, ускоренному потреблению вещей и социальному предпочтению личной способности быстро адаптироваться к новым ситуациям. Эта мобильность, заметим, оплачивалась достаточно высокой ценой: неустойчивость социальных связей, отсутствие связи с прошлым. Приспосабливаемость к быстротекущим переменам оказалась обеспечена, в частности, ускоренным истощением ресурсов. Однако в конечном счете это предопределяет потерю способности приспособляться к долгосрочным изменениям.

Сохранение осмысленности места, осмысленности прошлого может вступать в конфликт с задачей сохранения гибкости, с ней

дит в будущее посредством все далее расходящихся возможностей, то, сохраняя способность вернуться к некоему исходному состоянию, мы можем вновь пытаться исправить ошибку. Отсюда вполне резонен вопрос, обращенный к любой характеристике предметно-пространственного окружения: какова цена ее устранения?

Поскольку нет такой вещи, как абсолютное начало, полное возвращение к исходному состоянию невозможно, и всякое место украшено шрамами переделок. И все же приблизительное знание достижимо. В принципе мы могли бы даже оценить, во что обошлась бы полная разборка административного центра и восстановление почвы, растительности и фауны участка в его первичном состоянии. Это всего лишь пример определения масштаба затрат, вложенных в создание и развитие делового центра, переключившее пути другим вариантам будущего в определенный момент времени. Разумеется, нет нужды в определении таких затрат относительно некоего мистического начала начал, причем состояние, принимаемое за исходное, не обязательно оказывается желательным с человеческой точки зрения. Речь идет только о гипотетической цене возвращения вспять. Акрополь, каким он был, когда еще не было Афин, вряд ли предпочтительнее сегодняшних славных руин при всей трагичности их состояния.

Возможны ситуации, когда предшествующее состояние более неблагоприятно, чем нынешнее или какая-то промежуточная стадия. Осушенное и выровненное болото открывает значительно большую свободу для действий человека, чем его исходное состояние; соответственно, «первичное» состояние, избираемое для определения обратимости (эластичности), должно назначаться с большой осторожностью. Обратимость — весьма любопытный критерий градостроительной оценки. Так, мы можем обнаружить, что «субурбия» с ее низкой плотностью, которую осыпают со всех сторон руганью за то, что она «пожирает» сельскохозяйственные угодья близ города, обладает весьма высокой эластичностью. В Англии аэродромы времен второй мировой войны были быстро и эффективно возвращены в сельскохозяйственный оборот. В то же время существенные модификации топографии и структуры наземных и подземных водотоков, эрозия почвы, закапывание мусора, ускоренное зарастание озер — все это несет с собой драматическое снижение эластичности.

Вполне естественная практика объявления стоимости демонтажа небоскреба наряду со стоимостью его сооружения. Было бы целесообразно предъявить и стоимость восстановления зеленой зоны, изымаемой под строительство автомагистрали. Всякое обсуждение должно включать расчет ликвидации нового поселения или только пешеходной зоны, или, наконец, переадаптации памятника архитектуры, если принятое решение окажется в будущем ошибочным. Расчет стоимости восстановления земной поверхности после выработки карьеров становится уже общепринятой калькуляцией.

Жесткость формы землепользования и, в частности, дробность

владений может в большей степени ограничивать эластичность пространственной формы, чем материально закрепленные схемы. Здания строятся и сносятся, но границы участков и пути обладают огромной устойчивостью. Участок спорного владения прочнее блокирует попытки вернуть исходное состояние, чем руины или скалы.

Весьма специфический вариант эластичности включается в игру после городских катастроф, когда мы сталкиваемся с проблемой затрат на возвращение поселения к его исходной (до катастрофы) форме функционирования, нарушенной или разрушенной землетрясением, наводнением, пожаром или военными действиями. Не только конструкции сооружений, но и структура поселения как такового подвергается в этих случаях испытанию на обратимость, которая зависит от социальной системы в большей степени, чем от предметных характеристик поселения. Однако легкость доступа, своего рода проницаемость градостроительной формы и ее манипулируемость существенно влияют на интенсивность творческого усилия реконструкции.

И манипулируемость, и эластичность суть показатели, а не абсолютные свойства, поскольку никому не нужно ни полностью манипулируемое, ни полностью обратимое окружение. В отдельных случаях мы можем стремиться к определению формы будущего раз и навсегда и предотвращению самой возможности возврата, так действовали римляне, когда посыпали солью место, где был Карфаген¹. Абсолютно податливое окружение, в котором каждый мог бы мгновенно формировать себе среду, было бы очевидным кошмаром. Любое место утратило бы значение, а значит и весь строй жизни распался бы в хаос. Стабильность, известная сопротивляемость предметного мира относится к числу фундаментальных ценностей. Чтобы в этом убедиться, достаточно припомнить характер помещений «универсального назначения» или резервных территорий промышленной зоны. Конфликт между приспособляемостью и стабильностью места принципиален и неустрашим, и потому желание повысить возможность манипулировать формой наталкивается по меньшей мере на два ограничения: манипулируемость не должна быть столь эффективной, чтобы угрожать распадом преемственности, и столь всеобъемлющей, чтобы угрожать обострением социальных конфликтов.

Эту напряженность необходимо иметь в виду, оценивая средства приспособляемости. Так, психологическая двусмысленность меняющегося ландшафта может быть компенсирована устойчивостью символических ориентиров. Можно стремиться ограничить варианты будущих альтернатив сегодняшним решением, чтобы облегчить процесс принятия решения в будущем. В каждом конкретном случае стабильность и возможность манипулировать

¹ Через полтора столетия лет после разрушения, в 144 г. до н. э. Карфаген был отстроен и до VII в. н. э. оставался одним из крупнейших городов мира. (Примеч. пер.)

удается привести к равновесию, но в общем смысле они всегда и во всем противоположны.

Люди весьма по-разному относятся к переменам. Одни жаждут новизны и наслаждаются тем, что всегда оказываются в первых рядах «новой волны». Другие отчаянно цепляются за привычку, находя в ней успокоение. Формирование планировки в сложных и неоднородных поселениях дает возможность людям распределиться в пространстве в соответствии с такими предпочтениями: одни районы могут обладать наибольшей адаптируемостью к новым формам и новым стилям жизни, другие — устойчивостью формы и традиции. Помимо манипулируемости и эластичности, относимых к целостной жизни поселения, такого рода «зонирование во времени» могло бы обеспечить целую гамму выбора между архаичностью и новомодностью, граничащей с абсурдом.

Привычный способ восприятия толкает нас видеть предметы неизменными до тех пор, пока не случается резкого, с оттенком драматизма сдвига. Так, знакомый старый дом кажется все таким же, и вдруг обнаруживаешь перед собой развалины. Мы тяготеем к драматизации постепенной перемены, организуя церемонии, словно конденсирующие изменение в один миг, один рывок: закладка краеугольного камня, пышные церемониалы открытия. Медленные перемены нас угнетают и раздражают, но с этими чувствами можно совладать не только с помощью устройств, обладающих иллюзорной неизменностью, но и за счет обучения человека воспринимать изменчивость как часть бытия. У изменения есть свои константы — направления, темпа, модуса перехода. Как только человеку удастся охватить взором эти элементы устойчивости в изменчивости, осмысленность и устойчивость могут быть сохранены при прочих переменных. Перед проектировщиком стоит задача сделать эти константы хорошо распознаваемыми в окружающей среде, не жертвуя при этом его приспособляемостью.

Мало кто занимался внимательным изучением приспособляемости, адаптивности как таковой, и у нас не так уж много сведений о способах ее обеспечения. Некоторые относятся к градостроительной форме, другие к рисунку поведения, третьи к способу регулирования взаимодействий форм и деятельности.

Одним из средств издавна стали избыточные, запасные возможности: каркас с избыточной прочностью, позволяющей надстроить здание; просторный участок, дающий возможность расширения по горизонтали; сечения труб канализации, достаточные при существенном увеличении населения и т. п. Старые и богатые в прошлом дома легко поддаются переадаптации за счет избыточных пространств — залов, комнат, коридоров и лестниц, вполне отвечающих сегодняшней моде на гибкость. На большом участке нетрудно пристроить новую комнату к старому дому или даже выстроить еще один дом позади первого. Новые дома строятся с большими чердаками, где резерв развития укладывается в разобранном виде как материал вероятной пристройки. Точно так же широкие обочины позволяют перестраивать шоссе, а поселе-

Рис. 67. Старые дома легко переоборудуются под нужды небольших учреждений разного профиля. Характер интерьеров способен удовлетворять множество функций при сохранении чувства человеческой теплоты

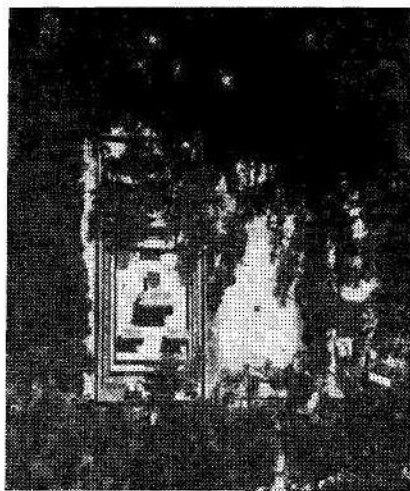
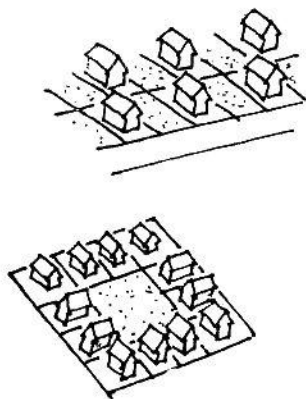

Рис. 68. Два участка храма Найку в Исэ. Каждые 20 лет новый храм, являющийся точной копией соседней постройки, возводится на пустом участке, тогда как старое здание уничтожается. Таким образом, не сам храм как здание, но его форма точно сохраняется уже почти 1300 лет

ниям придается «растущая» форма линейной, звездчатой или решетчатой схемы, в которых разрастание может начаться почти с любой точки, последовательно или одновременно.

Все эти средства вполне обычны и все их непросто применять прежде всего потому, что сохранять и поддерживать в порядке неиспользуемые резервы дорого. Дорого строить разбросанный в пространстве город, возводить мост, способный выдержать двойную нагрузку тем более, что рост населения или увеличение транспортного потока могут так и не наступить. Разумнее оказывается оставлять место для расширения мостового строения и резервы территории для строительства нового города. Сохранение незастроенных участков или широких резервных полос вдоль дорог чревато существенными затратами в настоящем во имя сомнительного будущего: стоимость растянутых коммуника-

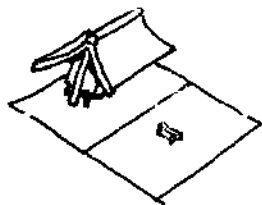

ций, потери плотности. Случаются парадоксальные ситуации, когда оставленные в резерве территории так долго сохраняют поселение в разбросанном состоянии, что это фактически приостанавливает дальнейшее развитие. С другой стороны, сохранение открытого пространства в центре крупного района, застраиваемого с краев, доказывает часто свою эффективность: и сохранение, и освоение этого резерва обходятся относительно дешево.

По мере заполнения резервного пространства исчерпывается первоначальная гибкость — будучи вполне реальной, она оказывается сугубо временной: застраиваются участки второго ряда, надстраиваются этажи и т. п. Известно несколько способов избежать подобного «заливания» за счет постоянного возобновления избыточного или резервного пространства. Классическим примером является синтоистский храм в Исэ, включающий две идентичные площадки, одна из которых расчищается всякий раз, когда на соседней отстраивается новое здание (в данном случае гибкость процесса служит сохранению традиционной формы в неизменном виде). Аналогичным приемом в условиях города стала бы застройка участков вдоль внутренней улицы, параллельной основному проезду. При этом улицы меняются ролями, и сооружения на участках первого ряда можно было бы снести, расчистив место для следующего этапа реконструкции. Чистой моделью возобновляемой избыточности пространства является оборотный капитал в финансовом деле, но проектирование в пространстве редко следует подобной модели, если не считать долговременный стихийный процесс упадка, заброшенности, сноса и повторного использования городских районов.

Избыточное пространство неизбежно порождает двузначность и следующую за ней неопределенность восприятия — резервные участки неполностью застроенного жилого района производят гнетущее впечатление. Сосредоточение резервных территорий и их отгороженность, исключенность из поля непосредственного восприятия оказывается едва ли не единственными средствами преодоления этой психологической трудности.

Другим часто используемым средством повышения способности адаптации пространственной формы является ослабление связи между частями. В этом случае изменение одной части не влечет за собой непременно изменения другой. Архитектор применяет конструкции с широким шагом, исходя из предположения, что обеспечивает достаточную гибкость интерьера за счет возможности передвигать перегородки, не затрагивая опор. Если жили-

ща — односемейные дома, и отдельная семья принимает решение об изменениях среды, то перестройка на любом из участков не затрагивает соседних. Если дети пространственно обособлены от взрослых, изменения системы воспитания не затрагивают взрослое сообщество (хотя само обособление отзывается ослаблением социальной

ткани). В больницах подверженные почти непрерывным изменениям операционные и лаборатории обособляются от палат, функциональные характеристики которых подвержены изменениям в минимальной степени. Градостроители исходят из аналогичной идеи, вводя представление о «мегаструктурах», в которых конструкции и коммуникации образуют относительно устойчивый каркас, тогда как связанные с ними индивидуальные ячейки лишь крепятся к этому каркасу, допуская подвижность и широкое варьирование форм. К сожалению, в масштабе целого города ситуация развивается обратным образом: индивидуальные сооружения (в особенности жилые дома) относительно прочно закреплены в своих функциях и формах, тогда как коммуникационные связи подвержены непрерывным изменениям.

Иной вариант той же стратегии — организация жизни поселения вокруг фиксированных в пространстве центров вместо расчленения видов деятельности жестко устанавливаемыми границами. Опорной является здесь идея расширения или свертывания деятельности на «спорной» территории между специализированными ядрами. Практически эта внешне привлекательная схема мало пригодна, так как соседняя в пространстве форма деятельности должна быть «готова» к ужиманию, когда начинается расширение другой. Все подобные попытки повысить автономность соседствующих пространств опираются на два допущения: социальные группы, принимающие решения о модернизации окружения, трактуются как неизменные; неизменным представляется и различие стабильных элементов окружения от подвижных. Концепции «мегаструктуры» неэффективны в силу ошибочности предсказаний второго рода, но стоит обособленной семье утратить значение первичной решающей силы, и сегодняшняя гибкость односемейной застройки отойдет в область воспоминаний.

Еще одной общей стратегией является идея «модуля»: стандартные блоки используются многократно — то ли потому, что опыт доказал особую эффективность такого блока, то ли из-за того, что стандартизация облегчает соединение частей и соответственно перегруппировку целого. Опыт показал, что помещения в пределах довольно узкого диапазона площадей в перестраиваемых больничных комплексах оказываются пригодны, тогда как меньшие или большие по площади помещения переадаптируются с большим трудом. Разумно допустить, что планировка больницы, основанная на отобранных модулях, сможет обеспечить наибольшую гибкость. Однако многие модульные системы созданы без оглядки на обширный эмпирический опыт, на основе предположения, будто гибкость автоматически обеспечивается стандартизацией как таковой, что не поддается логическому обоснованию.

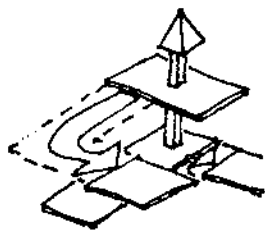
Стандартная нарезка болтов и гаек, стандартизация электрических розеток и

вилкок с очевидностью демонстрируют значение взаимозаменяемости. Гораздо труднее найти нечто подобное в масштабе города, хотя, разумеется, стандартный участок позволяет возвести типовую постройку почти в любом месте; прямоугольные планы зданий, одинаково ориентированные по странам света, дают возможность быстро и легко возводить пристройки и еще большие возможности таит в себе стандартизация высоты этажей. И все же стандартизация несет в себе очевидные преимущества только тогда, когда речь идет о производстве и складировании запасных частей. Гораздо труднее доказать, что она образует эффективную стратегию достижения гибкости в столь сложном целом, как город. Безусловно, стандартизация несет с собой новые проблемы, начиная с монотонности и кончая техническими трудностями и стоимостью крупномасштабного ее применения. Связь между использованием модуля и гибкостью весьма часто оказывается чистой иллюзией. Опираясь на опыт, надлежит построить четкий прогноз, утверждающий, что проектируемый модуль пригоден для множества функций и сохранит такую пригодность в будущем. Надо продемонстрировать, что модульные элементы легко соединяются и разъединяются и что можно гарантировать постоянное наличие этих соединяемых элементов. Возникает серьезное подозрение, что наиболее полезными вариантами модуля служат отнюдь не стандартные микрорайоны, мегаструктуры или конструктивно-технологические системы, а гораздо более скромные вещи: кирпичи, диаметры и нарезка труб, сечения брусев и т. п.

Заметим, наконец, что есть материалы, технологические схемы и инструменты, которыми сравнительно легко манипулировать. Легкие деревянные каркасы легче изменить, чем железобетонные конструкции. Инструменты с малым потреблением энергии, листовый материал, черепица и шифер, легкие блоки, глина, штукатурка, подручные средства защиты швов — все это ресурсы для мелкого, лоскутного строительства. Дерево, кирпич или камень можно использовать неоднократно, чего нельзя сказать о пластмассах. Массовое производство геометрически точных пластмассовых, металлических или бетонных панелей дает несомненные выгоды, пока речь идет о первоначальных затратах и скорости, но несет серьезные потери будущей гибкости...

Способ управления средовыми процессами может стать даже более важным средством развития адаптационных возможностей, чем форма вещей и деятельности. Нам необходимо исследовать гибкие формы земельной собственности: временное владение, совместное владение, территории, где сегодня по тем или иным причинам ослаблен контроль («вторичная пустыня», возникшая на периферии производственной деятельности), могут играть роль испытательного полигона. Контроль может изменить форму: от жесткого и де-

тального нормирования предметных характеристик пространственных форм к нормам качества, допускающим широкое варьирование форм в пределах установленной качественной характеристики. Мы начинаем серьезно думать об установлении контроля над темпом изменений как таковым, что уже нашло отражение в утверждении «нормы роста» пригородных территорий. Тем самым действие не запрещено, но вероятность его осуществления может регулироваться: оно притормаживается, выравнивается, допускается лишь в определенное время, чтобы обеспечить страховочный интервал. Так, законодательство ряда штатов определяет, что обновление списка исторических памятников можно производить только через четко определенные промежутки времени.

Речь идет о попытках ослабить жесткость контроля без потери его основной функции, без растворения ее в таком количестве неопределенностей, что среднесрочное прогнозирование теряет всякий смысл. Множество сложностей, вписанных в систему нормирования качества, строительное законодательство и конкретные контакты, проистекает из неразрешимого противоречия между желанием иметь конкретное представление о будущем и сохранить гибкость. Эффективное сохранение гибкости зависит от распространения информации, так чтобы в процессе принятия решения можно было использовать реально существующую меру адаптивности территории. Это означает, что людей следует научить приспособлять место к своим нуждам: как перестроить дом, произвести ремонт и частичную переделку интерьера, как перестроить парк. Мы все остро нуждаемся в эксперименте — восприятии и понимании адаптационной способности пространственной формы обладает самооценностью, и воспринятая гибкость предметного мира важна и тогда, когда она остается только потенциальной возможностью.

Все это в основном «чистые» рассуждения, тогда как в любом случае необходим достаточный опыт текущих, сопоставимых исследований наличных ситуаций. Из этого опыта уже вырастают довольно определенные правила формообразования, подобные, например, следующим: «каждый жилой комплекс общей площадью 1000 кв. м должен быть спроектирован так, чтобы к нему можно было добавить еще 200 кв. м, не нарушая сложившейся структуры»; «обеспечить возможность перестройки интерьера без употребления специализированного труда, техники или материалов» или «стоимость обустройства территории должна быть включена в смету, но расходование средств начинается лишь через год после начала эксплуатации, когда пользователи усвоят место и смогут приступить к его допроектированию».

В периоды неопределенности, когда трудно оценить направленность усилий, ценностные установки могут быть сжаты до нескольких правил «наименьшего зла»:

1. Избегать возникновения очевидных трудностей, фиксировать нынешнее несоответствие, грозящее жизнеспособности в будущем.

2. Поддерживать «чувство места» и расширять информацию о его состоянии, переменах и перспективах для того, чтобы каждый, обеспокоенный судьбой окружения, обладал знанием об источнике своей тревоги.

3. Поддерживать манипулируемость и эластичность градостроительной формы настолько, чтобы люди могли привносить в нее свои коррективы, а общество в целом могло удержать окружение от катастрофы.

10. Доступность

Возможно, что первопричиной строительства городов были сакральные соображения, а затем уж — оборонные, однако достаточно скоро выяснилось, что одно из очевидных преимуществ города заключается в совершенствовании доступности. Многие современные теоретики видят в транспорте и коммуникациях основное достоинство урбанизированной территории, в большинстве концепций развития города та же точка зрения принимается как аксиома. Пространственная локализация деятельности преопределяется относительными затратами на доставку материалов, услуг, труда и потребителей. Все остальные ценности оказываются второстепенными ограничениями в конкурентной борьбе за доступность. Высокая степень личной подвижности была некогда привилегией богатых или проклятием самых бедных. Сейчас в наиболее развитых странах добровольная мобильность превратилась в общую (кроме стариков) норму за счет автомобиля и прочих транспортных средств. Личный автомобиль стал символом свободы передвижения, туризм — рутинным занятием. Повышение доступности трактуется как самоценность, однако увеличение мобильности отнюдь не тождественно большей доступности и влечет за собой существенные социальные потери.

В градостроительной литературе тема доступности разработана весьма интенсивно. Измерения доступности (рынков, мест приложения труда, системы обслуживания, загородных территорий и пр.) составляет изрядную долю в текущих и периодических обзорах. Целая отрасль технического проектирования занята исключительно анализом и манипулированием доступностью: новые дороги, новые виды транспортных средств, управление движением и т. п. Многие коммерческие предприятия, немало жилых районов обязаны своей локализацией прежде всего удобству доступа. Многие представляют себе идеальный город прежде всего как центр, в котором каждому обеспечен кратчайший доступ к безграничному разнообразию товаров, услуг, контактов. Напротив, другие сосредоточены, в первую очередь, на перечислении проблем, связанных с переуплотнением транспорта и трудностями доступа к месту работы, магазину, школе, больнице или парку.

Доступность можно квалифицировать по адресату. Фундаментальным является доступ к другим людям: родственникам, друзьям, потенциальным друзьям и случайным знакомым. Жилища в

примитивном обществе группировались в соответствии с этой потребностью, и точно так же они группируются сейчас, хотя связь по телефону в растущей степени замещает непосредственное общение. Поездки с визитами все еще составляют существенную часть передвижений в городе.

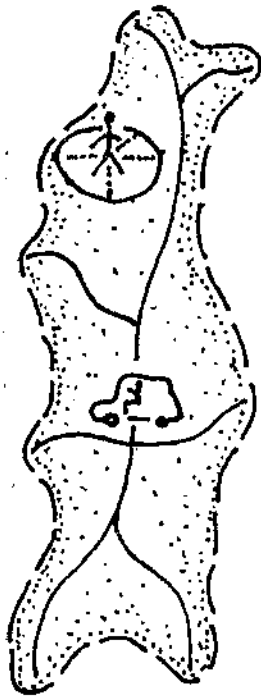
Следующим по значению оказывается доступ к местам деятельности, из которых наибольшее значение имеют места работы, но иные службы также играют существенную роль: финансы, медицинское обслуживание, отдых, обучение и т. д. Наибольший объем фиксируемых перемещений составляют поездки на работу и с работы, однако «пик» загрузки автотрасс, по крайней мере в США, уже заметно сместился с «пика» в конце рабочего дня на «пик» в конце рабочей недели.

Естественно говорить и о доступности ресурсов — для большинства горожан эта потребность сводится к тривиальной поездке в магазин, но действительная их жизнь обеспечена доступом к чистой воде за десятки или сотни километров, трансокеанскими перевозками товаров, трансконтинентальными источниками энергии. Лишь сбой в этой системе напоминают горожанам то, о чем до сих пор не может забыть житель сельской местности — доступность определенных ресурсов может приобретать ключевое значение для выживания.

Люди испытывают потребность в доступе к определенным местам — укрытым от стихий, открытым и даже заброшенным, к центрам и мемориалам, к прелестям ландшафта. В высокоразвитых странах мы обнаруживаем обостренное внимание именно к доступности ландшафта с определенными характеристиками — утилитарными (рекреация), эмоциональными, символическими. Эта потребность оказывает воздействие на распределение застройки в пределах урбанизированного региона или городского района, на крупные миграции. Во всяком случае недавние крупномасштабные перемещения населения в США¹ в значительной степени связаны с мотивом подобной доступности.

Наконец, вопрос доступности информации, ставшей сегодня едва ли не ключевой ценностью. Это всегда было ключевым требованием к определенным видам деятельности, зависимой от актуальности и объема новостей. Но эта доступность значима и для соседей, обсуждающих последние городские сплетни, и для профессионалов, сосредоточивающихся в определенном районе, для молодежи, тяготеющей к университету. Упорное разрастание центральных деловых районов в условиях общей децентрализации служит ярчайшим доказательством первичности доступа к информации. Штаб-квартиры фирм и высокоспециализированные службы удерживаются неподалеку, связанные невидимыми нитями персональных контактов, тогда как высокий уровень доходов ра-

¹ Линч имеет в виду отмеченное в 60-е и начале 70-х годов стихийное перемещение множества американцев в Калифорнию — не только поездки в поисках работы, но и подлинное переселение пенсионеров, во многом вызванное загрязнением среды на северо-востоке, в зоне Великих озер. (Примеч. пер.)

ботающих здесь людей, как магнит, притягивает к себе крупные капиталовложения и сферу обслуживания. Электронные средства связи стали базой распространения информации, но достаточное количество контактов могло и может носить исключительно персональный характер.

Знаки и символы, о которых мы говорили в разд. 8 («Различимость»), являю собой признаки доступа к информации, который многие считают ключом к качеству среды. На этой основе Ричард Мейер построил свою концепцию города, тогда как Мелвин Вебер считает, что смещение к сфере коммуникации означает поворот в реконструкции городской формы.

Доступность — неравномерно распределенное благо. Женщины привязаны к домашнему хозяйству, инвалиды — к креслу-качалке. Пространственные возможности детей младшего возраста невелики и могут еще значительно сокращаться запретами со стороны взрослых или характером самого окружения. Люди, у которых нет средств на приобретение автомобиля, отрезаны от удаленных мест приложения труда. Целые этнические группы могут

оказаться отсеченными от привлекательных мест. Мир пожилых людей сжимается по мере уменьшения их возможности перемещаться в пространстве. При анализе доступности мы легко подсчитываем различия между ареалами одной территории, но не можем упускать из вида различий между группами населения, обитающего на этой территории.

Более того, доступность существенно меняется в зависимости от времени суток и времени года, и группы людей могут оказаться в изоляции ночью или зимой. Только широкое распространение «снегомобилей» привело к тому, что обширные зоны зимнего леса стали теперь доступны для массового туризма (с малоприятными последствиями для ушей оседлых жителей). Едва ли не основным достоинством крупнейшего города является доступное только здесь круглосуточное обслуживание, и потому всякая перестройка расписания оказывает мощное воздействие на меру доступности. Так, когда Воскресные законы¹ были отменены, доступ к широкому ассортименту товаров значительно улучшился (за счет деятельности работников торговли).

Доступность не принадлежит к числу качеств, подлежащих не-

¹ Речь идет о действовавших до конца 40-х годов законах, которые, в соответствии с нормами пуританской морали, запрещали всякую коммерческую деятельность и все развлечения в день молитвы. (Примеч. пер.)

пременно максимальному увеличению, хотя многие теоретики расселения принимают максимизацию доступности за аксиому¹. Абсолютная и мгновенная доступность не лучше бесконечной изменчивости мгновенно адаптирующегося окружения. Более того, доступности нельзя измерять простым количеством благ, достижимых в единицу времени при определенном уровне затрат. По достижении уровня первичного насыщения дальнейшее нарастание количества не приносит нового качества, и ценностное отношение переносится на возможность выбора. Обыденный опыт подсказывает, что предпочтительнее иметь доступ к пяти магазинам с разным ассортиментом, чем к пяти с одинаковым набором товаров. В обобщенном виде речь идет о принципе разнообразия, столь часто упоминаемого в разговорах о качестве городской среды. Разнообразие контактов, товаров, видов деятельности, форм развлечений, форм окружения, источников информации или форм обучения выступает как универсальная «чистая» ценность. Разнообразие сред ведет к тому, что индивид, получает возможность подобрать наиболее созвучное ему окружение, равно как и расширить свои представления о возможных формах окружения и поведения в них — соответствие повышается ощутимым образом.

Однако измерять разнообразие нелегко: вещи в чем-то подобны и в чем-то непохожи, и бесконечно многообразие различий то воспринимается как несущественное, то приобретает ключевое значение. Вопрос похожести или непохожести во многом зависит от нужд наблюдателя и свойственной ему манеры восприятия. То, что кажется монотонными зарослями случайному туристу, раскрывает бездну информации опытному следопыту. Ярмарка фасонов и моделей в витринах магазинов одежды теряет всякий блеск для тех, кто может выделить на покупку платья более чем ограниченные суммы. Покупая дом, вы можете тщательно взвешивать возможности перестройки крыльца, позже напрочь забыв об этом и ломая голову над проблемами реорганизации внутреннего пространства. При внимательном анализе бесконечные оттеночные различия современных потребительских товаров оказываются иллюзорными. Как бы мы ни превозносили разнообразие в абстрактном его понимании, ни определить, ни измерить разнообразие невозможно, не выяснив, как люди воспринимают различия между вещами, в чем и до каких пределов разнообразие представляет для них действительную ценность.

Более того, мы обнаруживаем, что разнообразие отнюдь не безграничное благо. Мы способны осуществлять выбор лишь в ограниченном числе альтернатив. По мере того, как возможности выбора нарастают, мы принуждаем себя к самоограничению: от-

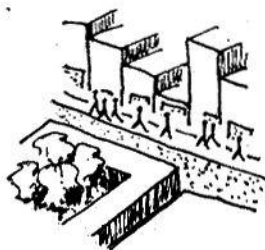
¹ Впрочем, бывает и иначе. Так, один из наиболее велеглаголивых критиков большого города Уильям Коббет писал в 1826 г.: «Я убежден в том, что разнообразные устройства для перемещения человеческого тела с места на место — сущее проклятие для страны. Они приводят к краху ремесла, разрушают мораль, отнимают счастье. Глубочайшее заблуждение считать, что люди глупеют, вечно оставаясь на месте». Сам Коббет, однако, наслаждался путешествиями по Англии и говорил только о других путешественниках.

Рис. 69. Множественность выбора может приближаться к абсурду

брасываем возможное целыми группами или теряем интерес. Слишком широкий веер возможностей парализует способность выбора, и многие стрессы городской жизни имеют источником избытке предложения, постоянную необходимость отбирать и решать. Положительная сторона доступности оказывается тем самым связана с ранее названной возможностью «развертывать» окружение (см. разд. 8). Добротное окружение обеспечивает очевидный и незатрудненный доступ к умеренному разнообразию контактов, товаров и сред; оно же создает возможность увеличить меру такого разнообразия, если человек изъявляет готовность затратить на это дополнительную энергию. Речь идет, тем самым, познаваемом мире, к разнообразию которого можно стремиться, но можно его и игнорировать.

Использование категории разнообразия в качестве критерия качества среды зависит от знания уровня возможного выбора, к которому люди стремятся и который терпим для них. Этот уровень поднимается с опытом, обучаясь, человек легче справляется с необходимостью выбирать. Чем дольше он живет в разнообразном, стимулирующем воображение окружении, тем больше он готов ценить разнообразие. Однако, если возможность выбирать преобразуется в необходимость и уровень разнообразия продолжает нарастать, люди начинают высоко ценить замкнутость, простоту, - возможность самостоятельно регулировать меру доступ-

ности. Многие опрошенные по поводу их представлений об идеальных условиях проживания почти автоматически называют дом в огороженном саду, расположенный «в двух шагах» от центра большого города. Возможность контролировать доступ и даже полностью отсечь его трактуется с очевидностью как «чистая» ценность. Большинство предпочитает телефонные аппараты, которые можно отключить от сети, и убежища, до которых легко и быстро добраться на личном автомобиле.

Доступность, реально достижимая в одном поселении при заданном уровне расходов, может быть сопоставлена с качествами другого поселения. Когда мы говорим о личном перемещении, цена доступности, как правило, определяется временем, затраченным на перемещение. Однако и персональные перемещения вовлекают в расчет затраты денег, энергии, усилий, риск или неприятности, вызванные переуплотнением транспортного потока или некрасивостью придорожного ландшафта. К сожалению, известные расчеты доступности и ее цены возможны лишь для перемещений, фиксируемых в стандартной статистике: передвижение автомобилей учитывается в большей степени, чем пешеходные перемещения, движение взрослых — больше, чем движение детей, передвижения на улице — больше и чаще, чем внутри сооружений.

Время обладает переменной ценностью в наших глазах: все, что занимает менее двадцати минут на поездку, воспринимается неразлично как благо; за пределами одного часа цена психологически нарастает с каждой минутой. Время ожидания тянется значительно медленнее, чем время движения, и многие предпочитают неспешное движение ожиданию автобуса-экспресса. Минуты неравны, и человек предпочитает жить в десяти минутах от работы тому, чтобы жить в квартире над магазином. Мы лишь недавно начали задумываться над затратами энергии на транспорт, несколько ранее озаботившись социальными затратами: загрязненный воздух, шум, затраты на прокладку улиц и устройства автостоянок, дорожные происшествия и их печальные итоги. Борьба групп в городе нередко концентрируется сейчас вокруг ограничения доступности тех или иных участков территории, ради повышения их безопасности и психического комфорта.

Привычная акцентировка затрат времени на транспорт отражает скрытое признание в том, что всякое путешествие является чистой затратой времени, даже непродуктивной его растратой. Тем не менее, по крайней мере в США, прогулка в автомобиле — наиболее распространенная форма отдыха. Приятная поездка в симпатичном обществе через вдохновляющий пейзаж представляет собой, несомненно, позитивное переживание. Есть все основания думать о передвижении как удовольствии, а не трактовать его в категориях неустраняемого зла, объем которого следует во что бы то ни стало сократить. Создание эстетических придорожных ландшафтов, удобных транспортных средств, обеспечивающих возможность использовать путь для развлечения, передышки или работы — все это вполне мыслимая реальность. Градостроительная форма мо-

Рис. 70. Перемещение в пространстве не всегда сводится к потере времени. В Филадельфии, когда трамвай был новинкой, долгие вечерние поездки в пригороды в ярко освещенных и разукрашенных вагонах были одной из излюбленных форм развлечения. Иногда поездка превращалась в маскарад с оркестром

нии дорожной сети в первую очередь. Расширение, перекладка, новые покрытия, углубление русла, удлинение взлетно-посадочной полосы аэропорта в равной степени направлены на увеличение пропускной способности и скорости. Дороги проникают в новые, ранее изолированные территории, уплотняется дорожная сеть. Формирование иерархии путей, строительство многоуровневых развязок или простое совершенствование перекрестков, рациональная перестройка дорожной сети увеличивают безопасность и эффективность существующих систем. Если сначала железнодорожные вокзалы и аэропорты в целях повышения доступности подтягивались как можно ближе к центру города, то затем их стали отодвигать как можно дальше из-за шума, загрязнений и столпотворения, связанных с ними. Сопряжение легкой доступности, жизнеспособности и высокого соответствия сказывается весьма конфликтным образом.

В работе над новым поселением градостроитель всегда озабочен (нередко почти до маниакальной сосредоточенности) связью между планировкой дорожной сети и удобством доступности. Одной из его главных задач становится устранение всяческих барьеров на пути — от постройки моста через реку до врезки рампы для колясок в высокий бордюрный камень тротуара. Обработка ландшафта и размещение знаков используются для облегчения ориентации, а в отдельных случаях — уже и для повышения восприятия

жет и должна расширять возможности ходить, бегать трусцой, ездить на велосипеде. По сей день в вопросах перемещения, как и во всех остальных, наша культура совершенно произвольно отсекает четкой гранью производительную работу от всего остального. В действительности сопоставление доступности в разных средах непременно требует учитывать не только необходимость добраться до цели, но и качество самого перемещения в пространстве и времени.

Существует немало способов совершенствования доступности, многие из них уже хорошо отработаны, и почти автоматически мы начинаем размышлять об улучше-

в движении. Все это хорошо знакомые задачи транспортного строительства, поглощающего значительную часть городского бюджета.

Доступность повышается также за счет модификации средств передвижения: машины становятся быстрее, безопаснее, вместительнее, производят меньше шума; вводятся в действие новые или хорошо забытые старые средства (велосипед, микроавтобус по вызову), обещающие экономию расходов, большие удобства и безопасность. Использование смешанных маршрутов обеспечивает повышение эффективности транспортной сети в целом — затесненность центров городов вызывает новое развитие общественного транспорта при ограничении доступа индивидуальных автомобилей и преобразование ряда центральных улиц в пешеходные.

Можно пытаться манипулировать размещением в пространстве начальных и конечных пунктов перемещения, о чем часто повествует литература по градостроительству. Увеличение общей плотности поселения или, по крайней мере, более плотная «упаковка» основных пунктов назначения укорачивают маршруты. Однако в зависимости от ведущего типа транспортных средств устанавливается некий предел компактности, так как уплотнение потоков быстро сводит к нулю преимущества от близости в пространстве. Можно делать зонирование дробным, чтобы места работы и проживания оказались перемешаны, а переезды между ними стали короче. И напротив: сокращая плотность, мы уменьшаем доступность. Однако ее социальный смысл неоднозначен в отличие от техники увеличения скорости и объема перемещений. В самом деле, если сосредоточиться только на сокращении времени перемещения, придется создавать фабричные поселки, где все живут в двух шагах от работы, — весьма сомнительный идеал.

Распределение в пространстве не единственный способ сокращения нагрузки на систему доступности — аналогичную роль играет распределение во времени, все чаще оперирующее вариантами «скользящих» графиков. Доступ к информации во многом замещает доступ к лицам и предметам: телефон сократил количество рутинных деловых поездок, телевидение — поездки в кинотеатры. Телефон, телевидение, радио, почта, компьютерные цепи, улучшающая информационные процессы, становятся даже важнее, чем связи как таковые. Эти средства сильно влияют на качество жизни, и их воздействие продолжает возрастать. Однако не совсем ясно, как и насколько это воздействие сказывается на предметно-пространственной форме поселений. Замечая множество рутинных перемещений, эти технические средства не могут заменить некоторых деликатных диалогов и иногда их использование, в свою очередь, стимулирует дополнительные передвижения. Совершенно очевидно, что телефон позволил развить связи между отдаленными друг от друга лицами, но это не породило той рассредоточенности форм деятельности, какую предсказывали, и к тому же объем движения в городе не сократился.

Резкий скачок в развитии техники коммуникаций порождает собственные проблемы: перегрузка информацией, нарушение приватности, сугубо пассивный способ восприятия информации. Если бы сама по себе плотность коммуникаций могла служить критерием качества города, то следовало бы говорить о резком повышении этого качества. Если же критерием мы признаем возможность достичь желаемого в его многообразии, то хотя прогресс и заметен, переоценивать его нет оснований.

Доступность важна в любых поселениях, но особенно там, где условия не устоялись, когда способность передвигаться и изменять место деятельности становятся условием выживания. В слаборазвитых странах обеспечение доступа к месту работы, к родственникам, к основным ресурсам рассматривается как первостепенная необходимость. В более развитых странах особое внимание уделяется разнообразию возможностей доступности, включая доступ к информации и центрам специфической деятельности. Организация системы доступности имеет первостепенное значение для формирования «чувства места»: равенство доступа столь же существенно, как и контроль над его гарантиями. Обеспечение максимальной доступности желаемого при сохранении приватности и контроля над ней требует определенной виртуозности в формировании пространственной и организационной систем.

Есть бесчисленные способы измерять компоненты доступности. Наиболее общие измерения, которые говорят о целом поселении или крупных его частях, особенно трудны. Здесь есть ряд головоломок. Одна из них, общая для любых измерений, связана с тем, что измерение затруднено разбросом предпочтений между различными социальными и половозрастными группами. Однако мы можем сопоставить доступность с общими пожеланиями. Мы можем также сопоставить доступность с такими основными ценностями, как информация или досягаемость других людей, но мы не можем исключить субъективности. Как уже отмечалось, невозможно справиться со сложностью определения разнообразия, зависящего от желаний и представлений людей. Есть еще немалые трудности технического порядка, связанные с построением обобщенных схем временной доступности.

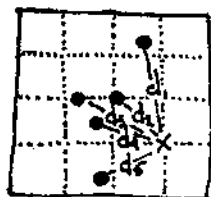
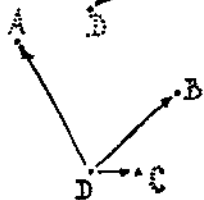
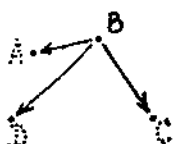
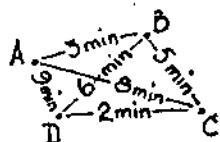
Построение карт временной доступности, указывающей характер связи между произвольными точками в их «истинной» удаленности, стало уже обычной практикой. Сложности начинаются тогда, когда мы хотим получить общую карту, на которой можно было бы увидеть характер связанности произвольного числа точек. Возникает сложнейшая «трехмерная» карта, на которой линии, установленные пропорционально времени перемещения, пересекаются в разных плоскостях. Более того, даже столь сложная схема сохраняет чрезмерную высокую меру условности, так как на ней движение вдоль линии осуществляется с одной скоростью в обоих направлениях. На такой карте никто «не имеет права» двигаться быстрее другого благодаря тому, что он идет под гору, а не в гору или пользуется более быстроходным транспортным сред-

ством. Обобщенная карта такого рода возможна только для ситуаций, подобных спокойному морю или равнине, еще не имеющей дорог.

Другое средство — построение карт, на которых очерчиваются зоны, открытые или закрытые для разных групп, реально или только в их сознании. Здесь можно показать связи места-ми и подвергнуть их графическому анализу. Можно показать районы выше или ниже заранее установленного стандарта — к примеру, двести метров до ближайшего парка, десятиминутная поездка до места, открывающего возможность выбора двадцати занятий и т. п. Статистический анализ групп населения позволяет затем количественно измерить уровни доступности в рамках поселения.

Реже используется построение карт возможностей, на которые наносятся в виде точек отношения объема ценности, доступной с данной точки, к расстоянию до нее. В результате возникают контурные схемы изохрон. Чаще всего используется одна из двух единиц: «человек/минута» или «человек/миля», коль скоро доступ к другим лицам можно трактовать как усреднение всех вариантов связей, но возможны и такие единицы, как «акр парка/минута» или «рабочее место/минута». Здесь можно работать уже и с разнообразием доступности: нанести на схему ближайшие пять школ, различающихся какой-то определенной характеристикой, и подсчитать их суммарное расстояние от избранной точки. В результате мы отобразим пространственное распределение расстояний на контурной карте доступности разнообразия школ.

Карты и подсчеты такого типа необходимо затем сопоставить по разным людям: имеющим автомобиль или нет, зрячим или слепым, чтобы подвергнуть анализу вопрос равенства доступности; по времени суток, чтобы проанализировать неоднородность времени сообщения между людьми и ценностями. Для современных американских городов целесообразно выделить особо три типа аналитических построений, в наибольшей степени отвечающих типичным городским нуждам. Это карта общего потенциала доступности, карта стандартного доступа и, наконец, карта сопоставления возможностей и актуально реализуемой нормы доступности.

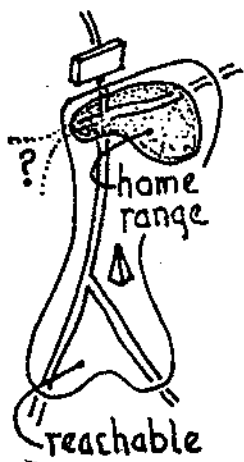
$$-\frac{1}{d_1} + \frac{1}{d_2} + \frac{1}{d_3} + \frac{1}{d_4} - \frac{1}{d_5}$$

1. Подсчитать и изобразить на карте неоднородность потенциала доступности, измеряемого в единицах «человек/минута», — для элементарного набора потребностей. В дальнейшем можно показать, как меняется это поле доступности, если учесть различия в доходе семей или если в поселении можно передвигаться только пешком. Можно подсчитать потенциальную доступность наиболее общих потребностей — в работе, в озелененном пространстве; анализировать «пики», провалы и градиенты поля доступности и выяснять их непосредственную причину. Карты потенциала обычно не используются в оценке проектов, однако они выразительно и очень сжато отображают реальность.

2. Установить стандарты минимума доступности мест и видов деятельности, которые являются основными для нормальной жизни людей, живущих в городе или другом поселении. Среди них окажутся услуги регионального уровня (торговля, специализированные медицинские службы, специализированные школы, парки, городские центры, крупные центры занятости). В подобном случае максимальная временная дистанция доступности определима по среднему времени, приемлемому для жителей поселения. Доступность относится и к службам локального масштаба: детский сад, местный магазин, остановка транспорта, определенный выбор типов жилища, место встреч, собственный сад,

пустырь, наконец, некоторый минимум лиц, принадлежащих разным социальным группам. В этих случаях временная дистанция доступности определяется движением пешком. В каждом случае составляются карты, показывающие размещение людей, для которых установленный стандарт не достигнут. Такая работа часто выполняется в градостроительных разработках, но почти никогда — систематически.

3. Нанести на карту территорию, которую определенные группы людей в разных частях поселения считают «доступной» без существенных затрат времени и сил, без чувства тревоги или опасности. Исследователь может нанести на ту же карту маршруты, от которых люди получают удовольствие, и те, к которым они относятся негативно. Эту отраженную сознанием схему несложно сопоставить с объективно существующими препятствиями движению, небезопасными или социально отгороженными территориями, районами, оказывающимися слишком далеко по территориальному или финансовому признаку. Ту же схему, построенную по свидетельствам, необходимо сопоставить с территорией, которую действи-

тельно осваивают опрошенные жители для удовольствия или по необходимости. Только таким образом можно установить, чем определена «дистанция доступности» различных групп — свободой выбора, объективными препятствиями или воображаемыми барьерами.

Анализ доступности, играя ключевую роль в определении качества поселений, может быть также широко использован для определения реального равенства возможностей в пределах территории. Доступность — фундаментальное преимущество городского поселения перед всеми прочими, ее размах и распределение в социальной структуре принадлежат к числу основных составляющих качества среды. Никому не нужна максимальная доступность, речь всегда идет о некотором оптимальном уровне, который, однако, можно поднять, если есть желание искать. Речь идет, разумеется, больше о потенциальной достижимости, чем актуальной, и препятствия оказываются разнородными: физическими, финансовыми, социальными или психологическими. Доступность чего и доступность для кого — вот вопросы, всегда требующие тщательного анализа наряду со средствами доступа и их стоимостью.

II. Контроль

И пространство, и связанное с ним поведение в равной мере должны регулироваться. Человек — территориальное животное; он использует пространство, чтобы регулировать общение с другими и предъявляет права на территорию, чтобы сохранять свои ресурсы. Люди распространяют надзор как на объем, окружающий индивида, так и на участок земли. Контроль над пространством влечет за собой мощные психологические последствия: чувства возбуждения, беспокойства, удовлетворения, гордости или униженности во многом предопределены характером регулированных пространственных отношений. Социальный статус и поддерживается и выражается преобладанием в пространстве.

Мы обсуждаем здесь надзор над «человеческим» пространством, отнюдь не являющимся единственным: крысы знают другие территории, и под пленкой человеческих владений лежит густая сеть владений других существ. Может быть, настанет время, когда всю эту сложность начнут учитывать при оценке поселений; но пока мы будем ее игнорировать, как это делают все. И все же мы, по крайней мере, должны признать, что отнюдь не владеем землей — владение или собственность это сугубо человеческая конвенция, выработанная для человеческих нужд нашей цивилизацией, она не всеобща и не вечна.

Мы привыкли к одной особой форме контроля над пространством: юридически определенное владение четко ограниченной территорией, охватывающее все права, кроме оговоренных законом или условиями контракта. Это «вечная» собственность, свободно меняющая владельцев. Многим из нас кажется странным, что в других культурах могут быть иные представления о владе-

нии, хотя и в нашей культуре неформальные типы контроля накладываются на правовые вполне ощутимым образом.

Первым правом пространства является право присутствия, право находиться на этом месте, к чему может прибавляться право исключать других (чувство собственности, таким образом, во многом возвращает к удовольствию выставить вон других людей). В нормальных условиях я имею право находиться на городском тротуаре, не имея права помешать делать то же всем остальным.

Вторым является право использования и действия: свободно вести себя в каком-то месте и пользоваться его удобствами, не присваивая их себе. Это право регулируется писанными или подразумеваемыми нормами: я могу в той же мере управлять поведением на тротуаре, в какой мое поведение регулируется другими.

Третье — право приобретения. Пользуясь им, я могу лично использовать все ресурсы данного места или препятствовать другим использовать их. Могу разложить зерно для просушки на своей тропе или скосить траву на сено. В большей или меньшей степени я монополизую блага данного места.

Четвертое — право изменения. После приобретения я могу изменить место сообразно тому, каким хочу его видеть. Я могу даже разрушить его или запретить другим это сделать. Могу вскрыть мощение, даже ночью, даже с помощью отбойного молотка, шум которого будит соседей, могу усеять его минами. Чтобы сдерживать свою неукротимую энергию самовыражения, необходимо введение двух ограничений: запрет мешать другим, находящимся за пределами моего владения, и запрет наносить разрушения, которые могут сказаться в будущем.

Пятое — право распоряжения. Могу передать право хождения по лужайке, кому заблагорассудится, и потому мой контроль над территорией и постоянен и допускает передачу, как ассигнация.

Мы привыкли трактовать все эти права как разные аспекты единого права собственности, но на самом деле они могут проявляться и по отдельности, и не в полном объеме. В некоторых культурах¹ земля принадлежит тому, кто в данный момент занят ее обработкой. Таким образом, наличие права присутствия, использования и приобретения, и их действие прекращается немедленно, когда некто прекращает обработку земельного участка. Прочие права в этом случае — изменения или распоряжения — принадлежат всему племени, всей общине или богам. Надзор над территорией может быть открытым и легализованным или неформальным, подразумеваемым, а то и нелегальным — как в тех частых случаях, когда банда подростков твердо блюдет границы своих «владений». Надзор, наконец, может быть как эффективным, так и иллюзорным, непрерывным, временным или периодическим.

¹ Стоит отметить сдержанную саркастичность, с которой Линч характеризует аспекты буржуазного права земельной собственности. Вместе с тем, уделяя место архаичным формам землепользования, Линч игнорирует опыт развития форм социалистической собственности. (Примеч. пер.)

Как характер надзора над территорией влияет на качество места? Одним из очевидных показателей этого качества является мера соответствия между использованием и контролем. Находятся ли жилые дома в реальном владении населяющих их семей? Находятся ли магазины, или заправочные станции во владении тех, кто в них работает? Могут ли студенты и преподаватели осуществлять реальный контроль над школой, а рабочие — над фабрикой? Жилищные кооперативы, производственные кооперативы, рабочие бригады, так называемые свободные школы¹, общественный контроль над коммунальными устройствами «соседства» — существующие средства повышения соответствия пространственного контроля. Контроль со стороны пользователей имеет два преимущества: он осуществляется теми, кто лучше других знает место и заинтересован в его совершенствовании; пользователи ощущают повышение безопасности, чувство удовлетворенности и свободы действия по собственной программе.

Вопрос можно вывернуть наизнанку: вместо того, чтобы анализировать пространственное окружение в поисках ответа на вопрос — насколько и как оно подчинено тем, кто им пользуется, мы можем просмотреть одну за другой типичные социальные целостности (индивиды, семьи, рабочие коллективы, группы с одним уровнем дохода, религиозные общины, самосознающие этнические группы) и выяснить, есть ли у них «территориальная база», т. е. место, над которым они осуществляют контроль. Остается нанести на план пространства, поднадзорные этим группам, и обозначить на нем, в какой мере эти пространства подконтрольны кому-то еще. Вне сомнения, в хорошем поселении должны находиться места, монопольно принадлежащие индивидам и малым группам устойчивого типа, равно как и какие-то варианты «ничьей земли», неподконтрольной внешней силе.

Существенное значение имеет компетентность пользователей в деле надзора над местом. В ряде случаев пространственное окружение используется столь разнородной и меняющейся массой людей, что потребительский надзор практически невозможен. Трудно вообразить себе систему метрополитена, действующую по такой схеме. Есть другие ситуации, когда осуществление надзора требует значительных усилий и может быть добровольно передано совокупностью пользователей в руки специалистов. Ситуация вполне возможная, когда цели ясны, но техника их реализации сложна: так функционируют пожарные службы или службы водоснабжения и канализации.

При обсуждении соответствия контроля над пространством необходимо отличать ситуации, когда пользователи действительно неспособны осуществлять эффективный надзор, от ситуаций, где их компетентность может быть в принципе существенно расширена. Вполне возможно, что сам тип окружения может стать причиной расширения разрыва между пользователем и целями конт-

¹ Речь идет о школах или колледжах, субсидируемых из мелких источников, неподотчетных властям штата. (Примеч. пер.)

роля над окружением. Небоскребы и метрополитен слишком сложны для управления пользователями. Небольшие дома или микроавтобусы проще, поскольку их поддержание можно отделить от поддержания всей системы улиц. Естественно, что управление должно осуществляться теми, кто лучше информирован, но информация включает не только знание фактов и техники, но также и ценности, чувства, непосредственный опыт. Последним пользователи обладают в наибольшей степени. Да, передача полномочий пожарной безопасности в руки специалистов безболезненна, так как вовлеченные ценности совершенно очевидны, а техника сложна. Передача полномочий в деле воспитания детей представляет собой уже гораздо более спорный вопрос. Снабдить пользователей большей информацией или изменить основной масштаб окружения означает нередко существенное сокращение разрыва между пользователем и проблемой, которая его непосредственно касается.

Уравновешенность критериев соответствия контроля обеспечивается ответственностью: те, кто осуществляют контроль над местом, должны иметь мотивированность, информацию и необходимые средства, преданность интересам места и его обитателей, готовность признать ошибку и исправить ее. Расширение образования и совершенствование системы управления резонно ориентировать на то, чтобы шаг за шагом повышать уровень соответствия контроля и ответственности за него. Обучить людей компетентно управлять местом — важнейшая социальная задача, но не меньшее значение имеет реорганизация среды таким образом, чтобы открыть возможности максимизации местного самоуправления.

Существует много физических средств осуществления контроля за пространством. Самый древний и устойчивый — обозначение границ посредством изгородей, заборов, знаков и ориентиров. Другим оказывается упрощающее наблюдение увеличение односторонней «прозрачности» пространства для сил, осуществляющих надзор¹. Управление доступом также является средством контроля над пространством. Возводятся стены и другие барьеры. Возможность проникновения сосредоточивается в немногих входах, которые находятся под наблюдением и могут быть перекрыты при необходимости. В поселениях прокладывались улицы, между поселениями — удобные дороги прежде всего для быстрого передвижения военных или полицейских сил, обеспечивающих контроль. Другим улицам придавали форму тупика или развилки, чтобы повысить приватность места. Особенно широко этими средствами пользовались в исламских городах, где приватность места обладает особой ценностью и нередко оказывается под угрозой.

Индивиды или малые группы гораздо легче могут осуществлять реальный надзор над пространством, когда территории от-

¹ Возникнув в крупных универмагах, система телевизионного надзора постепенно охватывает в развитых капиталистических странах целые города, во всяком случае основные перекрестки и невидимые барьеры, разделяющие этнические общины и социальные группы. (Примеч. пер.)

носителем малы и соизмеримы с односемейным домом или приусадебным участком. Напротив, крупные градостроительные формы автоматически влекут за собой передачу контроля крупномасштабным организациям. Теплоход, авиалайнер, рудный карьер или спутник предполагают существование совершенно других систем контроля, чем рыбацкая лодка, воздушный шар, шурф золотоискателя, велосипед или солнечная батарея на крыше дома. Любопытно, что хотя проблемы будущих космических колоний обсуждаются весьма подробно во всем, что касается технических подробностей, в печати почти невозможно обнаружить **хотя бы** упоминание о жесткости пространственного контроля и его психологическом воздействии на обитателей маленьких станций на других планетах или в открытом космосе.

Утверждение пространственного контроля широко использует всякого рода символизацию. Символическими барьерами оказываются низкие живые изгороди или даже белые полосы, нанесенные на поверхность дорог. Символическим образом контролируются промежутки времени, равно как и промежутки в пространстве, причем подключаются и зрение и слух: гудки, свистки или звонки, фиксирующие продолжительность рабочей смены или урока в школе.

Величина, расположение на высоте, отдаленность — давно и часто используемые средства, в равной степени удобные для королей, восседающих на тронах, и генеральных директоров, забирающихся на вершину небоскребов. Акт подхода может быть организован так, чтобы подчеркнуть подчиненность, что было доведено до абсолюта в императорском Пекине и используется в чуть меньшей степени в современных офисах. Средствами пространственного контроля могут становиться знаки различия и пропуск — иногда в пределах одного учреждения, иногда для контроля над передвижениями всего населения. Но физические средства должны быть согласованы с социальными нормами, чтобы быть эффективными.

Одним из средств ослабления конфликтов, связанных с пространством, является расширение и уяснение общественной договоренности относительно прав пространственного поведения: каждому должно быть ясно, кому принадлежит контроль и каковы правила поведения в данном месте. В традиционных культурах это осуществлялось за счет мощной системы обычаев, подкрепляемых религиозной догмой. Однако обычаи сопротивляются переменам или разрушаются перед лицом неизбежных перемен. Трудно сказать, возможно ли создание устойчивой и вместе с тем подвижной традиции контроля над пространством в современной культуре.

Сегодня мы возлагаем на централизованную власть заботу о предотвращении конфликтов и соблюдении интересов пользователей. Потенциальное вмешательство полиции препятствует людям реагировать агрессивно на поведение других, кажущееся им странным и оскорбительным. Однако наша культура высоко ценит идею свободы и желание действовать свободно избираемым об-

разом, к тому же сам спектакль разнообразия человеческого поведения в крупном городе является одним из его основных достоинств. Сокращение надзора, необходимое для того, чтобы разнообразные потребители городского пространства ощущали себя независимыми, не вступая в конфликт, было и остается тончайшей задачей общества. Основным средством решения ее оказывается прогресс терпимости¹: контролировать минимум пространства минимальным образом, стараясь сохранять безразличие к странным формам поведения людей по соседству. Культивирующий широкую терпимость современный человек не столько преодолевает раздражение, порождаемое действиями непохожих на него людей, сколько забавляется этой непохожестью. Психологическое отчуждение такого рода успешно выполняет функции полиции или барьеров, разъединяющих людей во времени или пространстве. Увы, вместе с широкой терпимостью нередко нарастает и полное безразличие.

Традиционным средством сокращения конфликтов является расчленение пространства на относительно малые четко обозначенные участки, взаимодействие которых сведено к минимуму. Граница зон становится максимально непроницаемой, но поскольку большинство человеческих действий представляет собой взаимодействие, доводимое до максимума расчленение привело бы к весьма неэффективной форме использования пространства поселения. Чтобы избежать этого, мы широко применяем расчленение владения во времени — разные отдыхающие занимают ту же комнату, сменяя друг друга через неделю или месяц; разные учителя проходят через тот же самый класс.

Мы редко рассматриваем это как форму владения, однако в практике все чаще встречаются случаи формализованного владения, расчлененного по времени, что, в свою очередь, вызывает к жизни фигуру «сверхвладельца», регулирующего плавность перехода, плавность передачи места из одного владения в другое. Это становится весьма эффективным способом использования редких и особо желанных мест². Игнорируя фактор времени, мы растраниживаем ресурсы пространства. Значительные территории не используются продолжительное время. Праздность следует за перегрузкой.

Примеры подлинно кооперативного контроля над большим пространством требуют огромной энергии на коллективный процесс принятия решений и потому весьма редки. Значительно чаще фиксируются ситуации, при которых контроль захватывается силой, и само его поддержание укрепляет и оправдывает применение си-

¹ Необходимо помнить, что современная американская культура мучительно долго высвобождалась от пуританской нетерпимости. В городах Атлантического побережья сохранились места, где стояли позорные столбы, к которым приковывали еще в XIX в. нарушителей мелочно регламентированных правил поведения. (Примеч. пер.)

² Линч, как и многие другие западные теоретики, «открывает» то, что стало нормой в социалистическом обществе, так давно, что характер этой нормы редко осознается во всем ее значении. (Примеч. пер.)

лы в той или иной форме. Колониальный город, как уже отмечалось, служит классическим примером. Высота расположения, отдаленность, барьеры, контролируемый доступ, стиль, иерархичность и регулярность, даже наименования мест и тип растительности — все направлено на утверждение идеи господства. Современное общество характеризуется значительным неравенством в области контроля над пространством, используемым различными классами, и для оценки поселения важно установить, какие социальные группы контролируют те или иные места.

Обратной стороной того же явления на протяжении всей истории поселений выступают периферийные зоны — территории, на которые не распространяется эффективный контроль и где поэтому могли консолидироваться сторонники изменений, а малые группы могли сохранять независимость. Повстанцы всегда собирались в горах и лесных массивах, ереси столетиями продолжали держаться в Альпах или Пиренеях. В подобных местах сохраняются «реликтовые» общества, образ жизни которых нередко оказывался столь полезным в периоды существенных перемен. С этой точки зрения, слабость пространственного контроля на периферии обеспечивает повышение адаптивности целого. Точно так же городские пустыри сохраняют местную растительность и ассоциации животных, предоставляя детям возможность высвободиться на время из-под постоянного надзора со стороны взрослых.

Контроль требует усилий, и хорошо контролируемое поселение всегда будет требовать высокого уровня политического сознания. Слишком часто мы трактуем контроль чрезмерно узко и жестко: поддерживать состояние газонов, сгонять с проезжей части малышей, задерживать бродяг, подкрашивать, подметать, «вылизывать». К сожалению, совмещение разных видов пользования или даже распределение их во времени требует значительно более рафинированных форм контроля над территорией — даже сохране-

Рис. 71. Пустыри — первоклассные игровые площадки

ние «неконтролируемых» пустырей требует весьма эффективного надзора. Важнее всего оказывается, по всей видимости, не мера контроля, а его избирательность и качество и то, кому принадлежит право контроля.

Урбанизированный регион давно представляет собой территорию, внутри которой взаимозависимости всех видов достигли очень высокого уровня. Но в США мы до сих пор не располагаем средствами эффективного контроля на этом уровне, не имея возможности подкрепить этот контроль чувством общности, которое здесь также отсутствует. Мы обнаруживаем достаточно крепкие чувства привязанности к месту на локальном уровне, но, к сожалению, хотя местные общины и могут брать на себя некоторые задачи поддержания среды, более сложные проблемы выходят за пределы контроля на этом уровне. Реализация идеи общественного контроля над пространством потребовала бы радикальных перемен в нашей экономике, распределении политической власти и образе жизни. Шкала пространственного контроля выстраивается от семьи, через маленькое соседство, где прямые человеческие связи все еще сильны, через политические сообщества средних размеров, где выборные власти все еще сохраняют прямой контакт с избирателями, к крупным урбанизированным районам и наконец, регионам мира. Контроль над местом — объективная необходимость, но он не обеспечен в надлежащей степени в силу разрыва между властью и местом, расширяющимся при подъеме по нашей шкале.

Есть два пути исследования степени контроля в поселении. Один сводится к распознаванию типических обстановок поведения и системы главных связей; в прототипе он определяется ответами на вопросы:

кто владеет местом или системой, есть ли внутри них группы форм собственности;

существуют ли неопределенность и конфликтность в осуществлении пространственного контроля, есть ли неформальные или незаконные формы контроля;

кто может и кто не имеет права присутствовать в этом месте;

кто имеет возможность регулировать чье-то поведение;

кто обладает возможностью видоизменять место или систему, поддерживать их функционирование;

обладают ли те, кто осуществляет контроль, информацией, мотивами и возможностями делать это хорошо;

есть ли попытки узурпировать контроль со стороны групп извне, обнаруживаются ли проблемы, не поддающиеся эффективному контролю;

существует ли общее согласие пользователей относительно реальности контроля и его правильности, могут ли пользователи (в рамках их представлений) вести себя так, как им хочется, и так, как того требует место;

меняется ли структура осуществления контроля, и если да, то от кого и кому он передается;

есть ли группы, отчужденные от осуществления пространственного контроля, но заинтересованные участвовать в нем в будущем.

Осуществленный в соответствии с этими вопросами анализ основных видов окружения и каналов коммуникаций мог бы стать базисным описанием любого поселения. Результаты такого анализа можно в сжатом виде нанести на план поселения, показав разнообразие масштаба и типа осуществляемого контроля, степень его соответствия, наличие конфликтов и сдвигов и т. п.

Второй путь исследования ведет к тому, чтобы выбрать в городском сообществе ключевые группы и задать каждой вопросы: какие места они контролируют и в каких они подчиняются контролю других. И здесь возможно получение сводных планов, на которых указаны пространства реального контроля со стороны той или иной группы, зона и каналы, открытые для ее присутствия и использования, «свободные» зоны — пустыри — доступные для нее.

Суммируя, можно заметить, что хорошим поселением можно признать такое, где контроль над местом был бы одновременно надежным, ответственным и соответствующим — как для пользователей, так и для структуры проблем местного значения.

Эффективность и справедливость

Эффективность — показатель уравновешенности: он связан с уровнем достижений в какой-то деятельности за счет потерь в чем-то другом. Сопоставить эффективность поселений можно только в том случае, если установив их равенство по ряду параметров, мы можем выделить явное преимущество хотя бы по одному показателю. Поскольку входящие в расчет ценности не соизмеримы непосредственно, «объективное» сопоставление эффективности осуществимо лишь тогда, когда все показатели, кроме избранного одного, остаются стабильными за тем редким исключением, когда некое поселение лучше другого по всем показателям без исключений. В практике мы постоянно производим субъективные оценки по гораздо более сложной шкале, но хотя оценку всегда можно обосновать, измерить ее обоснованность мы не в состоянии.

В процессе сопоставления необходимо, по крайней мере на среднюю перспективу, рассматривать вместе и затраты, и эффекты при создании и поддержании какой-то системы, не противопоставляя их друг другу. Обычно мы тяготеем к учету только первоначальных затрат и текущих преимуществ, игнорируя при этом текущие расходы, равно как и немедленные эффекты, порождаемые самым процессом строительства. Стандартные сопоставления нередко выглядят так, как если бы процесс создания чего-либо был однозначно тягостен, тогда как процесс использования — однозначно позитивен. В действительности нам необходимо осуществлять оценку процесса или потока, в которых затраты и эффекты теснейшим образом взаимосцеплены. К сожалению, в нашем случае входящие в расчет ценности не поддаются количест-

венному измерению, выражаясь в лучшем случае в понятиях «более» или «менее», и сопоставление будущего с настоящим чрезвычайно осложнено.

Необходимо считаться с тем, что достижение добротности поселения может в значительной степени оплачиваться потерями в непространственных областях его существования. Определение таких потерь (или дополнительных затрат на их компенсацию) является первой ступенью анализа доли расходов, которую необходимо вложить в повышение качества поселения для достижения более общих целей. Такого рода затраты выражаются обычно в общезначимых абстракциях: деньги, энергия, материальные ресурсы, социальное усилие, психологический стресс. Теория градостроительной формы по необходимости должна заниматься вопросом снижения хотя бы некоторых из этих затрат: что такое дешевый город и что такое энергетически эффективный город? Теория может только изыскивать способы снижения затрат на достижение конкретных целей, не будучи в силах определить, обладает ли такое снижение принципиальным значением или нет.

На строительство блокированных малоэтажных домов требуется меньше денег, чем на строительство высоких жилых домов той же полезной площади. Однако растянутая застройка в первом случае повышает расходы на отопление и транспорт по сравнению со вторым. Работа в области формообразования естественным образом сосредоточена на отыскании пространственных структур, которые было бы и дешевле возводить и дешевле отапливать, но так и не обнаруживается логический аппарат, при помощи которого было бы возможно уравновесить денежные знаки и калории.

В рамках теоретической работы можно, однако, выстроить присущее ей представление об эффективности подобно тому, как поступают экономисты, измеряя эффективность в узких экономических понятиях. В этом зауженном смысле «эффективным» мы будем считать такой город, где высокий уровень доступности не сопровождается потерями в местном самоуправлении, а наличие живого, хорошо различного образа не препятствует адаптивности к будущим переменам. В связи с этим представляется полезным перечислить поля вероятного конфликта между ранее рассмотренными показателями.

1. Жизнепригодность окружения достаточно часто вступает в конфликт с децентрализованным контролем пользователей уже потому, что многие биологические эффекты невидимы для специалиста и проявляются не сразу. Окружение, наиболее предпочтительное для непосредственного пользователя, может быть опасным и для его собственного здоровья, и для здоровья других. Примером может служить выбор между камином и незагрязненным воздухом. Этот конфликт разрешается или за счет введения централизованного надзора над отопительными системами или за счет дополнительных расходов на системы кондиционирования воздуха (или мощную пропагандистскую кампанию в пользу отказа от печей и каминов). Однако «эффективным» решением — в из-

бранном нами узком смысле — стало бы создание дешевого и привлекательного камина, не загрязняющего воздух (допустим, сжигание водорода). Развитое теоретическое знание способно объяснить, почему загрязнение воздуха может трактоваться как норма на определенной стадии развития (поощрение автономии пользователя) и не может на более поздней стадии¹.

2. Идеал жизненного окружения, естественно, вступает в конфликт с идеалом максимального соответствия, если под последним имеется в виду чувство комфорта. Идеально спроектированное «кнопочное» окружение способно привести к полной деградации мышц, включая даже сердце. Тем самым «кнопочное» окружение снизило бы все прочие показатели и потому неэффективно даже при максимизации удобств. Эффективным можно считать лишь такое окружение, которое соответствует нашей способности активно с ним взаимодействовать. Более того, не все, что идеально способствует сохранению хорошего самочувствия индивида, способствует сохранению вида — окружение, лишенное стрессовых ситуаций, могло бы довольно быстро привести к биопсихической деградации (впрочем, пока это не стало прямой опасностью).

3. Осмысленность может вступать в конфликт с адаптивностью или соответствием. Жизнепригодное, четко организованное и осмысленное окружение может одновременно быть жестким, отчужденным, трудным для приспособления. В то же время гибкое, открытое к множеству форм использования пространство оказывается нередко бесформенным, тусклым и плохо очерченным. «Эффективными» для этой ситуации представляются решения, формирующие высокий уровень осмысленности при минимальных препятствиях дальнейшим переменам. Скорее речь идет о фокусных точках, организующих вокруг себя территорию, чем о жестких границах, разделяющих зоны. В качестве альтернативы можно придать трансформируемость внутриквартальным пространствам, тогда как образ поселения будет формироваться более устойчивой уличной сетью.

4. Соответствие в настоящем и в будущем достаточно часто взаимно противоречат: высокая адаптивность почти автоматически предполагает слабую связанность с настоящим моментом, и напротив, наиболее эффективным средством ослабления этого конфликта представляется обеспечение максимально высокого уровня доступности в пределах региона. Второе по значению средство — сохранение резервных пространств, не требующих значительных затрат на поддержание, — пустырей; третьим — достигаемое в проектировании высокое соответствие в настоящем, сочетающееся с высоким уровнем манипулируемости пространственной формой.

¹ Рассуждение кажется на первый взгляд наивным, но в действительности имеет принципиальное значение: вокруг этой проблемы развернулась острая дискуссия между «экологистами» и сторонниками «нулевого роста» в развитых капиталистических странах и представителями развивающихся стран, вынужденных отказываться от «чистых» технологий по социально-экономическим причинам. (Примеч. пер.)

5. Легкая доступность вступает в противоречие с местным контролем над территорией, и вопрос о предпочтительности той или другого, вопрос об эффективных средствах их сочетания остается, к сожалению, открытым.

6. Повышение доступности на индивидуальном уровне создает серьезные проблемы для здоровья: обожаемые нами автомобили отравляют воздух и убивают больше, чем сражения в войнах. Что более эффективно: электрокары, водородные двигатели, велосипеды...? Системы метрополитена малоэффективны с данной точки зрения, так как, повышая безопасность, они уменьшают подвижность индивида за пределами трассы. Нельзя не сказать, однако, что иногда метрополитен может быть наиболее рациональным решением. Он эффективен с экономической точки зрения, поскольку может иметь малую стоимость человеко-мили при высокой плотности населения. Но это не тот показатель эффективности, которым мы занимаемся.

Если эффективность соотносит затраты и выгоды по нескольким типам ценности в чистом виде, справедливость определяется мерой, в которой затраты и выгоды распределяются между людьми. Представление о справедливости такого распределения существенно различно для разных культур, и в некоторых «справедливо» означает лишь «в соответствии с традицией». Для нас основой распределения выступает способность платить, а поскольку по официальному убеждению платежеспособность зависит от индивидуальных способностей и усилий, право денег трактуется в нашей культуре как осуществление справедливости.

Давно провозглашенный лозунг «каждому по потребности, от каждого по способности» для меня остается высоким идеалом, чрезвычайно трудным для реализации. Естественно поэтому, что мы изыскиваем некоторые минимумы равенства типа «каждому должны быть обеспечены 12 лет обучения» или «никто не должен жить более чем в получасе ходьбы от магазина с товарами повседневного спроса». Идея справедливости выражается, таким образом, в нормативных минимумах удовлетворения потребностей. Вторым средством оказывается сосредоточение внимания на тех благах, которые в свою очередь оказываются ключом к другим. Поэтому в рамках нашей темы нас так заботит достижение равенства жизнеспособности, доступности или контроля над территорией. Наконец, третьим средством обеспечения равенства является сосредоточение внимания на обездоленных группах и утверждение нормы, согласно которой любое изменение среды должно, по крайней мере, улучшить положение этих групп. Это уже стратегия максимума или принцип дифференциации.

Какое отношение проблема справедливости имеет к вопросу о показателях качества? Качественный, сложносоставной характер этих показателей не позволяет выработать в этом вопросе столь же простой инструмент, как распределение и перераспределение доходов. Тем не менее несколько позиций необходимо обозначить более четко.

Никто не подвергает сомнению право каждого на достаточное количество пищи, чистый воздух и чистую воду, однако в действительности этот абстрактный принцип нарушается довольно часто. Затраты на охрану среды оказываются весьма значительны и по-разному затрагивают интересы тех или иных сил. В ряде случаев трудно проследить источник угрозы для окружения, в других (автомобиль) эта угроза столь широко распределена и укоренена в жизни, что с трудом поддается контролю. Моральная обязанность охраны окружения ради будущих поколений вызывает наибольшие трудности, коль скоро грядущее неопределенно, а опасности могут накапливаться медленно, не проявляясь в настоящем достаточно заметно. И все же это не идеал, а долг перед будущим.

При обращении к проблемам осмысленности окружения проблема справедливости кажется куда менее существенной, коль скоро здесь мы затрагиваем эмоциональные и интеллектуальные реакции, а не проблемы выживания в чистом виде. Однако это не совсем так: минимум эффективной ориентации — благо, которое должно быть предоставлено всем. Вопросы справедливого распределения выступают здесь со всей очевидностью, как только мы представим себе город как инструмент обращения символических значений, способный передавать одни культурные ценности, не передавая других. Поскольку же значение города является важнейшим компонентом его обучающей мощи, именно здесь мы сталкиваемся с ситуацией, когда справедливость непременно означает неравенство! Справедливость здесь отсчитывается от потребности: качество различности особо существенно для лиц с замедленным развитием, и если оно не обеспечено специально, эта категория жителей не будет принимать справедливого участия в распределении городских благ; дети должны располагать повышенной возможностью обогащать свой жизненный опыт.

Равенство доступа уступает лишь жизнепригодности как область проявления справедливости в организации среды. Жизнь отсталых в развитии, детей, стариков, бедных и больных, угнетаемых национальных меньшинств или классов резко обеднена в том случае, если их доступ к другим людям, территориям, системам обслуживания ограничен. Возможность свободно передвигаться по всему городу имеет фундаментальное значение для развития личности, служит опорой личной свободы, которую мы ценим столь высоко.

Пространственное окружение оказывает мощное воздействие на человека и обладает огромной инерционностью, уподобляясь своего рода генетическому коду культуры. Все наши замечания, несомненно, несут на себе отпечаток культуры, в которой внимание к проблемам равенства и личной свободы является устойчивой традицией, в них отражено также упорство, с которым автор отстаивает первичность гармоничного развития личности по отношению ко всем прочим нуждам.

Еще раз вернемся к вопросу о характере показателей, рассмотренному в разд. 6. Мы говорили о том, что избранные показатели

достаточно общи и характеризуются одним уровнем обобщенности. Они очевидным образом связаны с градостроительной формой, если только мы правы, включая вопросы восприятия и пространственного контроля в число признаков градостроительной формы. Они сопряжены с целями, обладающими значением если не во всех культурах, то в большинстве известных культур. Вряд ли они охватывают всю совокупность характерных признаков поселений, но ими охвачено большинство, и в дальнейшем список можно расширить. Наконец, это показатели функционирования, измеряемые с помощью данных, которые реально можно собрать. Есть, однако, два потенциальных недостатка, нуждающихся в обсуждении.

Первый связан с вопросом о взаимной независимости наших показателей. Признаки взаимозависимости можно выявить только после детального изучения ряда конкретных случаев, но подозрение законно. Должна быть связь между доступностью и осмысленностью, ибо место должно прочитываться как осмысленное, чтобы обеспечить к себе доступ. Обратная связь не кажется непеременимой. С другой стороны, если место обладает высокой манипулятивностью и подконтрольно на локальном уровне, есть основания полагать, что оно будет обладать и высокой мерой соответствия и осмысленности — для этого случая трудно вообразить себе полную независимость показателей, но в то же время место может быть подконтрольно, но не иметь манипулятивных ресурсов, и наоборот. Во всех остальных случаях, пожалуй, можно настаивать на независимости показателей. Мы можем найти места с высокой мерой соответствия, являющиеся одновременно мало пригодными для проживания; доступные и недоступные места с высоким уровнем контроля; адаптивные места, обладающие осмысленностью или нет и т. д. Всякое повышение по одному показателю может подкреплять или ослаблять действие по другому, не теряя самостоятельности. Хорошая доступность места служит одним из инструментов повышения его адаптационных возможностей, но доступное место отнюдь не обязательно приобретает гибкость использования. Местный контроль над пространством может вступать в противоречие с общедоступностью, но и это не обязательно. Хорошая различимость может стать средством повышения доступности информации, но это средство не является ни единственным, ни обязательным.

Второй, более сложный недостаток касается того, насколько наши показатели связаны с многообразием культур. Несомненно, в разных культурах достижения по различным показателям будут оцениваться по-разному, но значит ли это, что для других культур необходимо иначе определить сами показатели? Вряд ли. Жизнепригодность независима от культурных особенностей, так как относится, в первую очередь, к биологии человека. Такой же характер имеют доступность и открытость к соответствию в будущем, если только техника, учреждения контроля и отношение к месту трактуются как элементы формы окружения. Если мы затрагиваем сложные единицы значений, осмысленность, разумеется, зависима от культуры, но и в ней довольно большую часть занимают

общий культурный опыт и человеческая природа восприятия и постижения. Только соответствие обладает предательской природой: обозначая взаимосвязь поведения и пространственной формы, оно обнаруживается лишь через наблюдаемые несоответствия или через оценку соответствия самими пользователями. Здесь мы немедленно оказываемся в самой гуще навыков, привычек, традиционных отношений, и даже само определение соответствия недвусмысленно зависит от данной культуры.

Поскольку желаемые позиции по названным показателям меняются в зависимости от ситуации, разумно предложить хотя бы гипотезу того, как они меняются. Таблицу, представленную здесь, следует трактовать как предварительное размышление о зависимости показателей от обобщенной социальной ситуации. Обобщая, мы приходим к следующему:

1. По мере того, как общество становится богаче, происходит сдвиг интересов: соответствие и контроль сохраняют значение, но осмысленность получает особенно высокую ценность. Многие показатели становятся менее решающими не потому, что ценятся меньше, но потому, что становится легче найти им замену или оплатить стоимость ошибок.

2. Жизнепригодность важна во всех случаях, но в однородном обществе другие показатели или менее значимы, или легче достижимы.

3. Стабильность общества и окружения делает существенными и ясно очерченными различия. Все показатели становятся или менее принципиальными, или легче достижимы в стабильной ситуации.

4. Централизованное общество не столько в большей или меньшей степени, сколько по-иному ценит и использует те же показатели, чем децентрализованное. Скорее всего доступность приобретает здесь особое значение, тогда как соответствие трудно достижимо¹.

Можно сделать даже более глобальное и рискованное предположение, что, за исключением жизнеспособности и осмысленности, богатое, стабильное и однородное общество в значительно меньшей степени зависит от качества окружения, чем бедное, нестабильное и неоднородное. Все эти гипотезы или догадки относятся, однако, только к самым общим тенденциям оценки. Отдельные лица и малые группы внутри каждого общества стремятся установить собственные цели, собственные критерии их достижения по тем же показателям. Бедный житель деревни в развивающейся стране, переезжая в город, выше всего ценит доступность разнообразия работ, обслуживания и основных ресурсов жизнеобеспечения. Турист сосредоточивает внимание на осмысленности места. Ребенок озабочен, в первую очередь, манипулятивностью окружения, его потенциалом значений, раскрывающихся по мере исследования. Наши показатели дают возможность выразить все подобные вариации.

¹ Обобщение целиком на совести автора, не приводящего сколько-нибудь серьезных эмпирических подтверждений. (Примеч. пер.)

Общество	Жизнепригодность	Осмысленность	Соответствие	Доступность	Контроль
Богато	существенная для обоих, но	в общем ценится выше	легче достижимо, но сложнее; будущее соответствие менее важно	возможны замены, ценится разнообразие	важен для обоих
Бедно	более важна, поскольку резервы ограничены	но символические значения ценятся и когда общество бедно	проще достижимо, но более важно	принципиальна, особенно к основным ресурсам	
однородно	существенна для обоих	легче достижима	легче достижимо	менее значима?	менее значим?
неоднородно		достигается более трудно, но богаче	сложнее	существенна, чтобы избежать отчуждения	важен
стабильно	легче достижима	легче достижима	легче достижимо	менее существенна	менее важен
нестабильно	труднее поддерживать	труднее достижима	трудно удержать в настоящем, принципиально для выживания в будущем	важна для выживания	принципиален
централизованно	легче достижима через стандарт и техническое знание	выражает и поддерживает существующий порядок	трудно достижимо, ценится гибкость формы	важна для контроля	предпочтителен централизованный контроль
децентрализованно	труднее достичь, за исключением достижения через устойчивые обычаи и распространение знаний	выражает разнообразие	легче достижимо, ценится манипулятивность формы	менее важна	предпочтителен контроль на локальном уровне

Даже для таких особых групп мы не можем выработать единый показатель качества, поскольку все показатели пришлось бы привести к некоему общему измерителю. Хотя ценности и поддаются грубой оценке, их интеграция доступна только личному и групповому суждению. Более того, мы обсуждаем только качества формы города, тогда как добротность поселения, рассматриваемая как целостная оценка, зависит от гораздо большего, чем форма.

Так что же такое хорошая градостроительная форма? Теперь мы можем произнести магические слова. Она жизнепригодна (жизненеобеспечивающая, безопасна, созвучна); осмысленна (распознаваемая, структурируемая, прозрачная, развертывающаяся); обладает высоким соответствием; доступна и подконтрольна, причем все эти качества достигаются эффективным образом и с максимально возможной справедливостью.

ЧАСТЬ III.

НЕКОТОРЫЕ ПРИЛОЖЕНИЯ ТЕОРИИ

13. Размеры города и идея соседства

Мы предложили несколько красивых слов, но можно ли использовать их для решения практических задач? Могут ли они помочь нам хоть в какой то мере лучше понять сущность противоречий градостроительной формы?

Первым среди спорных вопросов издавна был вопрос о величине города. Очевидная ущербность очень мелких городских поселений, равно как и гнетущая сутолока очень больших, зажатых в тисках роста и упадка, привели к представлению о том, что город подобен организму и потому существует некая истинная величина, достигнув которой городское поселение должно стабилизироваться. У этой идеи весьма долгая история. Еще Платон настаивал на том, что хороший город должен насчитывать 5040 землевладельцев, т. е. полноправных горожан¹, и поддержание этого числа следует обеспечить эмиграцией и правами наследования. Платон не потрудился объяснить, почему именно эта величина является правильной, но мы можем предположить, с одной стороны, какие-то соображения математической мистики, а с другой — то, что факториал 6 (т. е. 720) казался ему слишком маленькой величиной, тогда как факториал 8 (т. е. 40320) чрезмерно большой. Аристотель в своей «Политике» был осторожнее, заметив, что «десять человек еще не образуют города, а сто тысяч — уже не образуют его». Городу надлежало быть достаточно большим, чтобы «обеспечивать себя условиями жизни по образцу политической общины», но не настолько большим, чтобы горожане утратили возможность perso-

¹ 5040 представляет собой факториал 7, т. е. результат умножения $1 \times 2 \times 3 \times 4 \times 5 \times 6 \times 7$.

нального контакта: «чтобы вершить справедливость и/ разделять должности согласно заслугам, необходимо, чтобы граждане знали характер друг друга». Все население Афин во времена Аристотеля не превышало 250 000 человек, включая рабов; около 40 000 из этого количества — полноправные горожане. Но это исключение — греческие полисы большей частью насчитывали менее 10 000 граждан.

По поводу величины города накопился гигантский объем литературы. Максимум интереса к этому вопросу приходится на первую четверть нашего века, но в наши дни он, кажется, снова окреп. Сама оптимальная величина поднялась некогда с 5040 у Платона до 20 000, а затем продолжала увеличиваться, пока к нашему времени не стала балансировать между 250 000 и 500 000 жителей. Попытки действовать сообразно вере в оптимальную величину города можно отсчитывать по меньшей мере от безуспешных усилий приостановить разрастание Лондона во времена Шекспира. Результатом был взлет цен жилища и расцвет взяточничества. И все же и теперь стабилизация населения городов остается общим местом национальной политики во всей Европе, включая социалистические страны¹ и по меньшей мере пунктом программ почти во всем мире.

В большинстве случаев усилия остановить рост крупнейших городов давали минимальный эффект как в Англии, где была разработана широковещательная программа такого рода, так и в СССР. В последнее время, однако, энергичные меры приняты на Кубе, во Вьетнаме и Китае, и они дали заметные результаты. Однако в Китае после смерти Мао Цзэ-дуна сотни тысяч молодых людей, высланных в провинцию во время так называемой культурной революции, вновь оказались в больших городах.

В то же время в наиболее развитых западных странах, в том числе в США, появились свидетельства того, что прилив сменился отливом, и не только крупнейшие города, но и урбанизированные районы метрополий начали терять население².

Концепция предельной величины города является составной частью органической модели. Аргументы в пользу оптимальной величины города сосредоточены обычно вокруг проблемы социальных контактов, эффективности контроля, жизнеспособности окружения, допустимых уровней раздражителей восприятия, затрат времени на перемещения и, наконец, сравнения удельных расходов на содержание инфраструктуры в городах разных размеров. И все же, хотя литература об оптимальности величины города пространна и разнообразна, она опирается на умозрения в большей степени, чем на фактические данные. Есть безусловные подтверждения того, что некоторые виды загрязнения воздуха (аспект

¹ В социалистических странах принимаются меры не к остановке, но к сдерживанию и регулированию темпа прироста населения крупнейших городов. (Примеч. пер.)

² Впрочем, возможно, что урбанизированные регионы стали столь обширны, что их реальные границы уже не совпадают с границами статистических единиц.

жизнепригодности) непосредственно соотносимы с размерами города. То же подтверждено относительно затрат времени на основные перемещения (аспект доступности). В то же время прочие количественные показатели или не соотносятся с размерами городов, или такое соотношение противоречиво и ненадежно. Более того, производительность и эффективность труда, а также уровень реального дохода семей наиболее высоки именно в крупнейших городах, и многие экономисты заключают из этого, что крупнейшие города наиболее эффективны, если даже в них несколько хуже жить, чем в малых. Определенные потери качества жизни компенсируются более высокими доходами, и люди предпочитают жить в крупнейших поселениях. С их точки зрения, не удастся выявить каких-то факторов, которые объективным образом ограничивали бы величину города, а всякая политика, направленная на ограничение, чревата множеством скрытых экономических потерь и уже поэтому ее следует избегать.

Все эти умозаключения отражают типичные формы экономического мышления: акцент на количественные показатели, сводимые к обобщенному финансовому, концепция равновесия и информированного выбора на идеально организованном рынке, трактовка города как подобия корпорации, конкурирующей с другими такими же корпорациями и т. п. Экономическая доктрина гораздо менее озабочена тем, кто платит и кто получает (мотив справедливости), какова действительная мера свободы выбора проживания, что происходит с теми ценностями, которые невозможно перевести в денежное выражение (осмысленность, к примеру). Есть ирония в том, что атаки на концепцию оптимальной величины развертываются как раз в то время, когда та становится основой градостроительной политики во многих странах, а в США проявляется как тенденция оттока от больших городов.

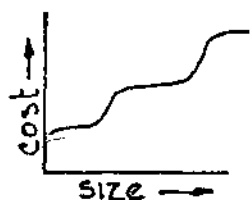
К сожалению, все свидетельства в пользу оптимальной величины города столь шатки, что возникает сомнение: не является ли этот вопрос пустым, несмотря на весь труд, затраченный на попытки ответа на него? Многие признаки, относимые на счет габаритов города — тесноту, например — правильнее связывать с его плотностью, в особенности с плотностью его центров занятости, из-за чего множество людей скапливается на относительно малой территории. Теснота отнюдь не порождается автоматически сколь угодно большим городом, если только он занимает достаточную для себя территорию и обладает многоцентровой структурой.

Есть несколько вариаций на ту же тему, быть может, обладающих большим смыслом. Даже если нет общеобязательного оптимума, отдельно взятый город может иметь оптимальную для себя величину, сообразную конкретным географическим, экономическим и социально-культурным условиям, или может существовать оптимум, приложенный ко всем городам в пределах одной, строго однородной культуры. Однако и это требует доказательства, если только рост города не ограничен жестко пределами его участка. Если бы такие множественные оптимумы включить в рамки общей тео-

рии, требовалось бы предварительно разработать общий метод определения индивидуальных оптимальных величин. Таких предложений никто еще не вносил.

Промежуточная позиция, теснее связанная с реальными системами расселения (Кристаллер и его последователи) сводится к тому, что хотя нет оптимума величины индивидуального поселения, может существовать предпочтительная система населенных мест, величины которых распределены в ней оптимальным образом. Теория «центральных мест» Кристаллера, опираясь на исследования распределения торговых центров разных размеров в рамках одного региона, пришла к иерархическому ранжированию поселений. Эмпирический опыт подтверждает наличие такого ранжирования в тех случаях, когда условия остаются стабильными на достаточно однородной территории. Отсюда делается вывод, что это правильная система и ее следует положить в основу градостроительной политики. Между «следует» и «необходимо» есть, однако, существенное различие, и к тому же весьма сомнительно, чтобы эффективность торговой сети, даже при всех оговорках, могла играть ключевую роль в определении градостроительной формы.

Другая возможность заключается в том, что нет оптимального размера ни вообще, ни даже для индивидуального города, но существует серия пределов, по мере достижения которых в игру включаются как совершенно определенные выгоды, так и совершенно ясные потери. Особенно важны потери, связанные с достижением очередного порога, вслед за чем они все более уравновешиваются выгодами — пока не наступает очередь следующего предела. Так, например, лишь по достижении определенной пороговой величины необходимо сооружать новые дорожные очистные сооружения, чтобы удерживать жизнеспособность поселения на прежнем уровне в течение длительного дальнейшего роста. Зная такие критические пороги, можно вести градостроительную политику таким образом, чтобы или удерживаться ниже, или (уж если это неизбежно) преодолевать очередной порог решительным скачком с большим запасом «прочности».

Это звучит разумно на чисто интуитивном уровне. Пока поселение относительно мало, и работы по его развитию могут иметь одинаковые пороги, схема кажется очевидной основой для общественной политики. Если же город велик и сложен, вполне вероятна ситуация, при которой пороговые затраты по разным службам будут так взаимонакладываться, что выстроить четкую ступенчатую схему окажется решительно невозможно. Мы слишком часто основывали политику в области градостроительной формы на отдельно взятых факторах, когда в

действительности был задействован весь их комплекс. Отсюда попытки определить правильный размер микрорайона, исходя из предпочитаемого размера школы, или использовать индекс земельной стоимости для того, чтобы определить «наилучшие» точки для размещения тех или иных видов деятельности. Реальное совмещение пороговых величин прослеживается только для малых поселений, и все же сама идея указывает на более широкую возможность: темп роста величины может быть значительно более важным обстоятельством, чем сама величина города.

Более того, заметим, что по поводу способа определения размера нет необходимой ясности. Есть некое общее согласие в отношении того, что ключевой переменной является численность постоянного населения, но не число рабочих мест, пространственная протяженность, общая площадь жилищ или объем продукции в финансовом выражении. Но о жителях чего идет речь? Не пора ли говорить о тех урбанизированных регионах, в пределах которых нельзя провести такую границу, которую ежедневно не пересекало бы множество людей в поездках на работу и с работы? Эти регионы уже гиганты в высокоразвитых странах и все еще продолжают расти. Поскольку и разнообразие, и радиус доступности возрастают по мере того, как регион ежедневных маятниковых миграций увеличивает свое население, укрупнение явно имеет преимущество: возрастают и экономическая эффективность целого, и возможности удовлетворения персональных запросов. С очевидностью возрастает адаптивность, поскольку расширяются возможности выбора места локализации производства и места жительства, места работы и типа обслуживания. Трудно обнаружить причины, по которым в этом случае возрастали бы удельные расходы на тот же тип обслуживания и ухудшалось соответствие места тому же типу поведения¹. Вопреки глубоко укорененному в культуре страху перед «бесконечным» городом, нет никакой фатальной необходимости в том, чтобы человеческие чувства страдали от соприкосновения с пространственностью обжитого региона. Такой регион (по крайней мере, теоретически) может быть не менее разнообразным, привлекательным, осмысленным и не более «затесненным», чем сельскохозяйственная округа или природная территория.

Разумеется, по мере возрастания размеров поселения, растут и сложности контроля над территорией: возможно (хотя и не обязательно) увеличиваются трудности надзора над состоянием атмосферы и воды, набирают размах вопросы ликвидации отходов. И все же ни один из этих вопросов не представляется неразрешимым. Как и большинство других, они в большей степени затрагивают плотность, чем собственно размеры обживаемого пространства.

¹ В отличие от густонаселенных территорий западноевропейских промышленных стран, где различия не столь разительны, в условиях США относительная дешевизна земли на периферии урбанизированных регионов естественно влечет за собой выравнивание плотностей. (Примеч. пер.)

Перспективы обнаружить оптимальные габариты для обжитого региона более чем туманны, тем более, что по мере совершенствования технологии все большее число людей получает возможность работать на дому, по крайней мере, часть рабочей недели, сохраняя за собой роль активных участников крупномасштабной производственной системы. Если это так, то «критическим» будет такое обжитое пространство, внутри которого ни одна расчленяющая его промежуточная граница не служит серьезным барьером постоянному движению информации. В этой точке сюжет размеров региона утрачивает всякий смысл. По мере того как города перестают быть осязаемыми и ограниченными объектами, многих старых загадок вообще не стоит касаться.

Есть все же меньшие общности, об оптимальном размере которых говорить и можно и нужно. Есть районы обслуживания, обеспечение оптимального доступа к которым имеет принципиальное значение. Есть социальные общности, наличие которых принципиально важно для эффективного контроля и управления. Именно об этом последнем, как правило, говорят люди, утверждая, что им мерзок большой город, поскольку он совершенно «неуправляем»; по той же причине опросы постоянно подтверждают приверженность американцев к жизни в пригородах или малых городах¹. В социальных сообществах, насчитывающих 20 000—40 000 человек, обычные граждане имеют возможность сохранять политическую активность, чувствовать непосредственную связь с распознаваемой политической общностью и способность до некоторой степени влиять на общественные дела. Именно от этих соображений отталкивается Аристотель, обсуждая размеры города, и в рамках демократической традиции они отнюдь не утратили актуальность. Тем не менее, эти соображения относятся к политической, а не пространственной действительности, в которой можно лишь усилить первую, обеспечив ее «читаемость». Размах взаимосвязей стал так велик, что общественное управление регионального масштаба является такой же необходимостью, как и локальное самоуправление. Мы стремимся тем самым усилить как региональное управление, так и локальное самоуправление в «городках» внутри единого урбанизированного региона. Для крупного города, лежащего на среднем уровне масштаба, в этой системе не остается места.

Вопрос физических размеров сохраняет смысл и даже поддается обобщению в масштабе самых низовых ячеек пространства, в пределах которых люди персонально знакомы в силу соседства; их размер (плюс другие особенности, такие, как сеть улиц, опознаваемые границы и общественное обслуживание) может играть определенную роль в обеспечении контроля, осмысленности и ответственности. Соседства такого рода образуют максимум 100 семей,

¹ Однако только в том случае, если они находятся в разумном удалении от крупного городского центра — никто не намеревается отречься от современного стандарта доступности.

но скорее, значительно меньше: 15—30. Они намного меньше, чем те «соседства»¹, которые, согласно классической градостроительной доктрине, рассчитываются на обслуживание одной средней школой.

Идея градостроительного соседства испытала немало крутых поворотов. В первой четверти нашего века речь шла о «единице», социального анализа, который разрабатывали пионеры урбансоциологии. Из этих исследований выросла идея «соседства» как территориальной основы социальной группы, сцепленной интенсивными личными контактами. Теоретики проектирования, разочаровавшиеся в органической доктрине, увлеклись идеей «соседства» как первичной строительной ячейкой города. Она определялась как четко ограниченная территория, свободная от транзитного проезда и максимально самодостаточная в отношении первичного обслуживания. Размеры такой единицы подошли под сферу охвата типичной начальной школы, а радиусы действия всех остальных служб были подчинены этому модулю или сумме модулей. Эта идея все еще сохраняет влияние в мировой градостроительной практике, упрощая проектирование и гарантируя спокойные внутренние проезды и относительное соответствие обслуживания спросу.

Позже социальные предпосылки идеи были полностью развенчаны. Она не соответствовала условиям большинства североамериканских городов, где социальные контакты лишь в минимальных масштабах имеют территориальную основу (такую, как единый блок), тогда как основная масса социальных связей оказывается дисперсно распределенной по массиву города. Абсолютное большинство контактов обусловлено узами родства, совместной работой или общими интересами, а не местом проживания. Эта пространственная дисперсность характерна почти для всех кроме незначительной части беднейших жителей этнических «гетто». Ограниченные пространственные единицы не соответствуют сети социальных взаимодействий. При попытках воплощения в градостроительстве идея соседств начала приводит к сериям стереотипных пространственных единиц, однако радиусы действия различных служб трудно совмещаются с их границами. Факт совместного обучения детей в начальной школе отнюдь не влечет за собой установления дружеских отношений между родителями. Наконец, если учесть административную эффективность крупных школ, они начинают разрушать городскую ткань, если принимаются за основную меру. Доступность страдает.

Уже после того, как от идеи «соседства» не оставили камня на камне на высшем интеллектуальном уровне, она вновь возникла как «движение снизу». Различные угрозы существующим зонам (реконструкция городской ткани, строительство новых автодорог, разрастание бизнеса и т. п.) вызвали волну активного сопротивле-

¹ Этой трактовке «соседства» соответствует концепция микрорайона в ее ранней редакции (конца 50-х — начала 60-х гг.), базировавшейся на ступенчатой схеме обслуживания. (Примеч. пер.)

ния, организуемого прежде всего на уровне соседств. Люди показали, что хотя их работа и дружеские контакты не совпадают с соседскими связями, они способны объединиться, когда речь идет о защите общих интересов. Такого рода соседские организации изначально нацелены скорее на сопротивление переменам, чем на их порождение. Они стали политически эффективны и на более высоких, более формальных уровнях управления. Политика опеки была пересмотрена. Идея соседства доказала свою полезность как орудие контроля.

Недавние исследования того, как люди представляют себе город, в котором они живут, показали, что местная община, которая ассоциируется с определенным названием, является существенным элементом мысленного образа. Соседство может не играть значимой роли в их социальных контактах, но наряду с основными дорогами она образует существенную часть их умственного арсенала. Так с роли идеальной единицы социальной организации и каркаса, формирующего доступ к общественному обслуживанию, соседство переводится на роль средства контроля и средства осмысления окружения. Это уже не то четко очерченное пространство, в пределах которого люди должны знать друг друга потому, что живут именем и внутри которой люди объединили усилия перед лицом общей опасности. Такие сообщества возникают в сознании жителей города на основе беспристрастного соглашения об их границах и характеристиках. Договоренность сначала вырастает из непосредственного устного общения, а затем подкрепляется в системе массовой коммуникации, и городские проектные службы начинают опираться на нее в своих перспективных разработках, что, в свою очередь, закрепляет уже сложившиеся структуры¹.

Коль скоро ведущей темой оказывается контроль, перед проектированием возникают два взаимосвязанных вопроса. Первый: можно или даже нужно ли укреплять общественную самоорганизацию с помощью пространственной формы? Второй: какие элементы поселения наиболее целесообразно передать под контроль обществу и каким способом? Представляется очевидным, что проект поселения может закрепить и усилить образ сообщества посредством пространственных членений, локализации местных центров, изменения транспортных путей, использования особенности микрорельефа и других отличий физического характера. До тех пор, пока визуальные членения не начинают блокировать главные связи и стеснять функционирование систем обслуживания, они играют однозначно позитивную роль. Возрастает распознаваемость территории, повышается эффективность самоорганизации и общественного контроля, снижаются шум и транспортная опас-

¹ В 70-е годы практика поддержки локальных сообществ в градостроительном проектировании дала наиболее заметные результаты в городах ФРГ, особенно крупнейших — Кельне, Дюссельдорфе, Франкфурте-на-Майне, Нюрнберге, Мюнхене. (Примеч. пер.)

ность — при минимальных затратах¹. Чувство удовлетворения, сопряженное с проживанием в узнаваемом микрорайоне, спокойном, с безопасными улицами и легко доступным обслуживанием повседневного спроса, вне сомнения должно быть причислено к фундаментальным характеристикам хорошего поселения. Более того, для некоторых возрастных групп, и особенно для маленьких детей, общность, организуемая «по месту», имеет принципиальное значение. Наконец, сомасштабные индивиду локальные жилые районы с четкими границами позволяют каждому принять участие в улучшении его непосредственного окружения.

В пользу «соседства» можно привести еще немало аргументов. Сторонники децентрализации настаивают на том, что микрорайон должен иметь гарантированную возможность осуществлять полноту контроля над жизненным пространством в своих пределах и, до известной степени, над своей экономикой и общественными службами. Крайние защитники децентрализации развивают эту идею дальше, настаивая на том, что «местные» фирмы должны предоставлять работу и вкладывать средства «на место», тогда как ответственность может и должна управляться школой, заботиться о зелени и безопасности улиц днем и ночью.

Столь крайнюю позицию трудно защитить — она вступает в противоречие с тенденциями политической экономии современности, проявляющимися и в социалистических, и в капиталистических странах. В США сугубо местный бизнес, опирающийся на местные ресурсы, капитал и рабочую силу, плохо удерживается на ногах и не может приблизиться к эффективности фирм, действующих в региональном или даже национальном масштабе. Самообеспечение явно принадлежит к числу ностальгических фантазий. Более того, значительная часть проблем окружающей среды не может быть даже затронута на локальном уровне, эти проблемы ему органически не сомасштабны. В то же время было бы грубой ошибкой игнорировать потенциальную роль местных садов, огородов и оранжерей, местных энергетических установок, жилого фонда, зелени или детских садов, находящихся в прерогативах местного самоуправления. Уверенность в собственных силах, навыки организации, формируемые на локальном уровне, могут стать ступенью к более высоким уровням гражданского контроля над средой, но было бы явной ошибкой сосредоточивать стратегию развития на идеях местного значения.

Существует и этическая проблема местного контроля, который незаметным образом может перерасти в тактику изгнания или недопущения всех «нежелательных». Этот вопрос не вырастает до ранга проблемы на уровне «истинного» (малого) соседства, но на уровне микрорайона и выше возникает реальная опасность рез-

¹ Нельзя не заметить, что размах увлечения «локальностью» совпадает по времени с затормаживанием или приостановкой программ муниципального строительства. Прежде всего в США наблюдается активное стремление администрации полностью переложить расходы на развитие среды на самих жителей. (Примеч. пер.)

кого уменьшения доступности. Так, широкое распространение местного самоуправления в пригородах приводит к тому, что семьи с низким доходом оказываются отброшены в зону устарелой застройки или оттеснены в значительно менее благоприятные зоны пространственного развития города. Различия в цене земельных участков и жилых домов оказываются вполне эффективным средством автоматического осуществления подобного социально-пространственного маневра. Точно так же вполне обоснованный протест против далеких маршрутов школьных автобусов оборачивается на практике закреплением расовой сегрегации обучения. Качество обслуживания в рамках идентичной формы самоорганизации будет драматически различаться в зависимости от платежеспособности сообщества и т. п.

Итак, говоря о преимуществах потребительского контроля над пространством, мы должны помнить, что на уровне микрорайона он не имеет эффективности, присущей региональному или национальному контролю за состоянием среды, и не дает этической простоты, характерной для пространственного контроля на уровне «истинного» соседства, отдельной семьи. Тем не менее ограниченный контроль микрорайонного уровня, формирование спокойных жилых оазисов и подручных локальных служб обладают очевидной ценностью. Лишь концепция крупных, автономных и четко ограниченных «соседств» стандартной величины оказывается совершенно неадекватной современному обществу. Нет противопозитивных тому, чтобы на уровне «истинных» соседств локальный контроль стал в будущем ведущей характеристикой градостроительной формы.

14. Рост и сохранение

Если, за исключением уровня соседства, абсолютный размер поселения менее важен, чем это считалось ранее, мы не можем быть равнодушны к темпу изменений величины города. Ускоренный рост непременно сопряжен с постоянным беспорядком: системы обслуживания, инженерные службы и различные учреждения отстают от потребностей. Ландшафт постоянно обезображен стройкой, доступность затруднена, страдает осмысленность. События выходят из-под контроля (во всяком случае, так кажется), а качество решений страдает из-за того, что они принимаются в условиях стресса. Пожалуй, еще серьезнее то, что социальные связи неустанно рвутся и перестраиваются, а между старожилами и новыми поселенцами возникают конфликты.

Некоторые из этих проблем возникают как результат роста общей величины города, тогда как другие порождены перемещением людей, которое может быть вызвано ростом. Разрастание места и мобильность может иметь очень небольшое влияние на совокупный рост. Во всяком случае в США в настоящее время общий объем миграций примерно в десять раз превышает эффекты чисто-

го роста поселений. Большая часть мира, и США в особенности, находится в движении: иммигранты, беженцы, ищущие работу, отпускники, туристы и путешественники. Там, где подвижность добровольна, этот человеческий круговорот, как и оборот капиталов, дает огромные преимущества, перераспределяя квалификации и труд туда, где в них существует наибольшая потребность, а людей — в места, которые для них более предпочтительны. Однако значительная часть общей подвижности носит далекий от добровольности характер и потому перемещения сопряжены со значительными потерями, среди которых психическая депрессия играет не последнюю роль.

Существует немало способов уменьшения эмоциональных потерь: улучшение коммуникаций информации и ритуалов переезда, обучение новоприбывших пониманию нового места, миграция целых общин, побратимские связи между местами — «экспортерами» и «импортерами» населения, сохранение жилищ в обоих местах и т. п. Все это, однако, редко включается в общественные программы; их заменяют субсидии на затраты по прямому перемещению — в лучшем случае. Но последствия быстрой подвижности таковы, что по многим соображениям необходима политика, которая смягчала бы их.

Контроль над перемещением людей непременно означает существенное ограничение персональной свободы и сокращение доступности. Теоретически эта мера неконституционна во многих странах, но на практике любая программа ограничения экстенсивного прироста населенных мест сводится к этому. Соответственно, нас должен заботить не только вопрос оптимального прироста, но и выбор средств его обеспечения. Среди таких средств существуют столь разные, как ограничение права переезда, сдерживание нового жилищного строительства, предотвращение прироста числа рабочих мест или утверждение столь высокого стандарта в новых жилых районах, что его стоимость могла бы отпугнуть новоселов. Несомненно, наиболее гуманным средством является осуществление капиталовложений таким образом, чтобы вкладывать средства туда, где люди уже есть, а не туда, где их нет, но куда они могут устремиться. Видимый рост может побуждаться перемещением и увеличением возможностей занятости. Поскольку это может поощрять (но также и создавать) ресурсы, это может иметь и некоторые негативные последствия, связанные с перемещением населения.

Во всяком случае, очевидно, что рост размеров поселения или изменение в его функциях могут быть слишком быстрыми для его успешного приспособления к жизнепригодности. Если экономисты все еще провозглашают рост абсолютным благом, наше время принесло растущее понимание его опасностей, что в крайних случаях порождает идею «нулевого роста» в соответствии с учением Платона. Но удержать абсолютную стабильность вряд ли вообще возможно. Кроме того, поскольку население и города стареют, композиция целого будет меняться и после перехода от устойчивого

роста к постоянной стабильности. Эти композиционные преобразования (в частности, относительное старение населения при его стабилизации) сами могут иметь неприятные последствия. Наконец, стратегия, сосредоточенная на стабилизации, может попросту вести к упадку. Поэтому кажется разумной умеренная степень роста, которая будет оптимальной. В то же время, несмотря на обилие дискуссий, нет серьезных исследований вопроса оптимального прироста для населенных мест. Вопрос о том, при какой степени прироста можно обеспечить постоянный уровень соответствия, доступности и осмысленности, остается открытым.

Вернемся ко второму аргументу против идеи «нулевого роста» — к угрозе потенциального упадка. Мы склонны видеть мир через пелену метафор, и метафора этого аргумента приравнивает поселение к организму (потеря массы грозит ему умиранием) или машине, которая или движется вперед, или стоит, или движется назад (и кто знает, куда движется вновь). Все проектировщики скорбят об упадке. Все теории сосредоточены на анализе роста, а не убывания. Тем не менее, хотя быстрый упадок, как и быстрый рост, может влечь за собой катастрофические последствия, сдержанный или даже «негативный» рост обладает некоторыми преимуществами. Среди них доступность изобилующих пространств и служб, снижение стресса, повышение адаптивности и контроля, опознаваемость исторического наследия. Туристы и отдыхающие чаще всего ищут именно такие места, и местные жители нередко остаются в них по доброй воле. Умеем ли мы планировать такой медленный упадок, чтобы осознать заложенные в нем ценности?

Вполне возможно, что для некоей обобщенной ситуации могут существовать оптимальные размеры прироста или упадка. Исходя из оптимальных затрат, осмысленности и качества контроля, разумно искать стратегию действий внутри оптимального диапазона прироста по обе стороны от нуля, руководствуясь соображениями стоимости, четкости, контроля и политических полномочий. Такой оптимум может относиться к изменениям плотности в той же мере, как и к изменениям размера или степени подвижности населения. Эти оптимальные пределы прироста должны различаться в зависимости от шкалы размерности территории: быстрый рост или ускоренный упадок на локальном уровне могут быть терпимы, если они поддержаны соответствующим образом, тогда как крупные регионы в большей степени нуждаются в стабильности¹. Впрочем, наша информированность о подобных оптимумах весьма невелика.

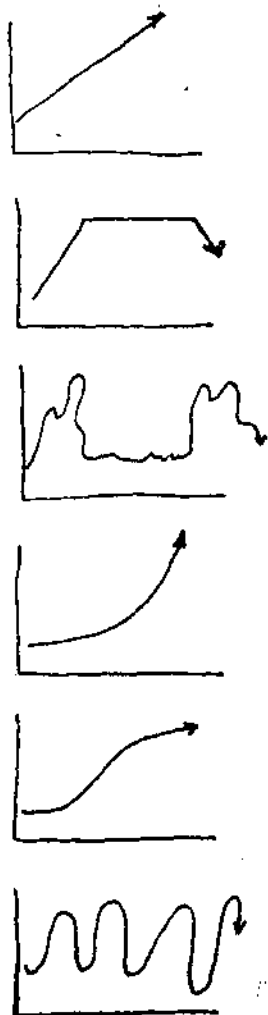
Контроль, сосредоточенный вокруг темпа изменений, а не абсолютных величин, имеет немало преимуществ. Вместо того, чтобы утверждать пороговую величину плотности, размеров или объема деятельности, утверждается предельная скорость изменения для

¹ Практика освоения крупных регионов в истории Европы и Америки не подтверждает это суждение. (Примеч. пер.)

любой из названных переменных. Так, Ноулз предлагает, например, нормы естественной освещенности, зависящие от контекста участка и потому меняющиеся вместе с изменением характера окружения. Допустимая плотность застройки в связи с этим может увеличиваться плавно в соответствии с наличием плотности ее предыдущему состоянию и ближайшему будущему. В этом случае проблема слишком быстрого сдвига, которую часто смешивают с проблемой абсолютного роста, фактически снимается. В то же время мы избежим резких нарушений адаптивных качеств пространства, и конструктивные действия будут ориентированы скорее на понимание текущей ситуации, чем на сомнительные далекие перспективы. Отказ от идеи фиксированных пределов может вернуть чувство потери безопасности и ориентированности, но это в любом случае ложное чувство.

В то же время, внимательно всматриваясь в существо вопроса, мы быстро обнаруживаем, что идея оптимальной меры изменений столь же неопределенна, как и идея оптимальной величины. «Доброкачество» изменения может в большей степени зависеть от его характера, чем от количественной меры, будь то резкий скачок, за которым следует долгая остановка, резкий зигзаг, ровный спокойный подъем или S-образный переход от одного «плато» к другому. Очевидно, что повторяющиеся зигзаги кривой роста не могут не породить хронических проблем существования. Вполне возможно, что темп и характер изменения необходимо каким-то образом рассматривать в их взаимосвязи, но пока еще нет простейших исследований влияния элементарного прироста на показатели качества поселения. Тем не менее, важно установить, что формы роста и упадка являются особенностями, внутренне присущими градостроительной форме, имеющими многие пересекающиеся последствия. Их проявление во всяком случае не влечет за собой автоматически ни удовлетворения, ни тревоги.

Во всех развитых странах множество людей озабочены проблемами сохранения природного и исторического окружения. Две тенденции возникли независимо одна от другой, но теперь все более заметно сливаются. Защита среды превратилась в крестовый поход и на нее тратится все больше человеческой энергии. Как правило, речь

идет об импульсивных рывках, совершаемых «в последнюю минуту» перед лицом мощного экономического давления к переменам. Эти усилия поддерживаются значительной частью общественного мнения в развитых странах. Многие убеждены, что сельскохозяйственные зоны или старые части городов гораздо более привлекательны, чем любая зона новой застройки.

Из этих двух отношений преклонение перед природным окружением распространено шире и укоренено глубже. Оно восходит к романтической переоценке «натуры» в XVIII—XIX столетиях: пустыня и пуша трактовались уже не как грозные и безобразные начала, а напротив — как таинственно-прекрасные. Знать и богатые торговцы начали строить виллы в сельских местностях, зажиточная публика принялась активно выезжать на пикники и снимать дачи. И если раньше природа была угрозой для человека, теперь уже ей угрожали новые силы. Оказалось, что людям (разумеется, тем, кому там не надо было работать) легко и хорошо за городом, что они страдают от отчужденности и гнета большого города. Сам город начали рассматривать как печальную экономическую необходимость, бесконтрольно разрастающуюся за счет природы: вырубались леса и сносились небольшие фермы, чтобы освободить место городским домам и фабрикам или огромным полям агроиндустрии; вода, воздух и почва оказались отравлены. Закреплялось убеждение в том, что эта деградация необратима и рано или поздно неминуем конец: созданная человеком пустыня, отравленный отбросами океан, климатическая катастрофа, уничтожение всего живого. В городе стали видеть основную угрозу человеческому существованию на земле. Развитие экологии, развеяв некоторые из этих апокалиптических видений, подвело серьезную основу под антиурбанистические настроения, продемонстрировав глобальную взаимосвязанность живого и неожиданные последствия его пертурбаций.

Заметим также, что идея охраны ландшафта — сознательно или неосознанно — широко используется как инструмент классовой сегрегации. Изъятие крупных земельных участков, под создание природных заповедников или введение минимальных размеров участка под жилую застройку стали эффективным средством недопущения семей с низкими доходами в пределы «субурбии». Осознание этого факта привело к тому, что в идее охраны природы стали иногда видеть сугубо классовый лозунг, выдвинутый богатыми в своих собственных интересах.

Насколько я понимаю, последнее утверждение ошибочно: предпочтение к природному ландшафту, во всяком случае в США, распространено среди всех слоев общества. Это предпочтение реже встречается в странах, где значительная часть населения или испытывает нужду, связанную с жизнью в деревне, или хорошо о ней помнит, но почти всеобщая тяга к естественному ландшафту среди американцев — доказанный факт. Любопытно, что здесь выступают конкретные предпочтения — к ухоженному продуктивному ландшафту небольшой семейной фермы; к берегам озера или мо-

ря; парковому ландшафту с открытыми обширными лужайками и разбросанными по ним отдельными деревьями, рощами и водой неподалеку, с видом на холмы или горы. Культ «дикой», нетронутой человеком природы распространен значительно меньше, но с тенденцией к расширению. К сожалению, полностью «диких» территорий осталось очень мало, если не считать полярных областей, тропических лесов и больших пустынь.

Если понимать под природой мир, не затронутый человеком, то для ее сохранения необходимо изолировать немногие оставшиеся чисто природные территории от человеческого вторжения, включая вторжение самих любителей естественного. Должны ли эти нетронутые земли быть защищенными и от «естественных» изменений, таких, как эрозия или лесные пожары, вспыхнувшие от грозы? Должна ли дикая природа сохраняться в нетронутом виде ради нее самой, для научных исследований и ради чисто интеллектуального удовлетворения тем, что она еще существует, хотя и недоступна?

Если мы будем следовать нашим предпочтениям к «нечистому» и считать частью ценимой природы искусственные ландшафты (фермы, парки, пруды, регулируемые леса), то нет ни малейших оснований исключить из этой природы город. Если природа — это живая система, а человек часть системы живого, то в городе нет ничего менее «натурального», чем в лесу или речном потоке. Вместо общего разговора об охране природы нам оказывается необходимо обсуждать, какие элементы природы мы предпочитаем охранять, а какие подавлять или изменять.

Город и населенная округа всегда составляли единое целое. Нередко это была взаимосвязь эксплуататора с эксплуатируемым, но, во всяком случае, город и округа были сцеплены в социальном, экономическом и политическом отношениях. Еще раз подчеркнем, что сельская округа, которую было принято идеализировать, это всегда ландшафт, из которого изъят организующий его труд. Привязанность к сельскому ландшафту в США во многом объясняется нашей нынешней удаленностью от забытой тяжести сельских работ. Благодаря интенсивности труда на некоторых сельских территориях США на протяжении XIX в. случались кратковременные периоды благоденствия малых семейных ферм — именно к этим периодам восходит популярная ныне сельская легенда, захватившая также краткий период расцвета скотоводства в открытых прериях.

Ничто из этого не имеет отношения к силе современных эмоций, обращенных на зелень, воду и сельские декорации. Идеализация условия, но довольно приятна; идеализированная сельская местность — хорошо устроенное и осмысленное место, по крайней мере, для временного пребывания или даже постоянного, когда последнее находит опору в доступности города и его служб. Если такое предпочтение используется в классовых интересах, то лишь потому, что у одних больше средств, чем у других, а не потому, что только они — любители природы.

Критерий жизнеспособности часто выступает ведущим мотивом сохранения сельской среды, хотя он точно так же применим к собственному городу и там даже более существен. Чисто интеллектуальная связь с природой в более общем смысле, т. е. с миром в его целостности и особенно с круговоротом живого, — основная человеческая потребность, наиболее глубокий аспект осмысленности бытия. Сельский пейзаж служит опорой такого чувства, особенно в тех случаях, когда мы умеем его понимать и играем в нем какую-то функциональную роль. Однако и городской ландшафт способен поддерживать такое же чувство. В городе или за его пределами дело заключается не просто в том, чтобы сохранять растения и животных, но и в том, чтобы их присутствие было наглядным. Движение солнца и приливная волна, циклические процессы в жизни растений или насекомых могут переживаться на городских тротуарах с такой же силой, а может, даже и с большей, чем в сельской округе. Как только мы признали, что город столь же естественный феномен, как ферма, и точно так же нуждается в сохранении и совершенствовании, мы можем освободиться от фальшивого противопоставления города и природы, искусственного и естественного, человека и прочих живых существ.

Движение в пользу сохранения исторического окружения началось по сугубо политическим мотивам. В США оно возникло накануне Гражданской войны — явный знак стремлений сначала предотвратить, а затем залечить опасный раскол национального единства. Позже этот мотив стали немедленно связывать с «американизацией» новоприбывших иммигрантов. Затем добавлялись все новые мотивировки: необходимость историко-археологических исследований, точной реставрации, наконец, туристского использования, когда посещение памятных мест приобрело широкое распространение. В наши дни навык паломничества укоренился уже столь прочно, что целые городские районы сохраняются или даже реставрируются в соответствии с образом некоего момента прошлой их истории. Более того, это предназначается уже не только для туристов, но в растущей степени и для коренных жителей. Как правило, это новые жители, привлеченные именно историческими качествами места. Рынок мгновенно реагирует повышением цен на недвижимость. Прежние жители с низкими или средними доходами оказываются вытеснены теми, кто в состоянии оплачивать искусственно взвинченную стоимость и для кого историческая ценность стоит расходов. Все это часть более широкого процесса «облагораживания» внутренних зон многих старых городов. В противоречие первоначальному политическим функциям сохранение памятников и памятных зон поддерживается теперь господствующим классом и экономическими мотивировками¹.

¹ В Западной Европе, где левые силы представлены в муниципалитетах несправедливо весомее, чем в США, подобные диспропорции несколько сглажены ролью городских властей и муниципальной собственности в старых районах. (Примеч. пер.)

Ностальгия по прошлому в эпоху быстрых перемен распространяется в обществе, начиная с его верхних этажей, точно так же, как в свое время распространялось предпочтение к «естественному» окружению. Сохранение памятников заключает в себе такую же загадку: подобно тому, как все окружение представляет собой естественную среду, все является историческим, все как-то существовало, было связано с людьми и событиями и потому все обладает историческим смыслом. Всегда возникает проблема выбора: что же сохранять? Используемые критерии расплывчаты и неоднозначны. В одних случаях они носят чисто политический характер, в других опираются на экспертную оценку эстетических качеств сооружений, в третьих носят «естественный» характер: то, что сумело устоять против перемен достаточно долго, заслуживает сохранения. Вещи сначала новы, затем становятся вышедшими из моды, потертыми и обтрепанными и только потом возрождаются как исторические. Волна вновь открываемого следует на удалении от волны нового, но этот интервал в последнее время стал сокращаться. Еще недавно «приличным» интервалом был век, тогда как сейчас 30—40 лет уже достаточны для появления исторической латыни. По мере того, как растущий объем наличного окружения признается достойным сохранения, проблема отбора и борьбы с силами средовых изменений обостряется.

Конфликт усугубляется широко распространенным убеждением (находящимся в курьезном контрасте с отношением к новому), что старое было в апогее красоты в некий начальный момент, а затем постепенно приходило в упадок. Искренне верующий в это стремится восстановить первоначальную «чистоту» старого и скрыть признаки современного использования (так же фанатический любитель природы стремится замаскировать присутствие человека). История останавливается на некоем «золотом веке», все изменения кажутся безвкусицей. Отсюда огромная экспертная работа, сосредоточенная на проблеме «правильной» реставрации. Поскольку современные функции нельзя игнорировать в пределах обширных районов города, утверждаются особые правила — скажем, фасады восстанавливаются в деталях, тогда как все, что находится за ними признается несущественным. Наконец, реставрационные работы сосредоточиваются на нескольких избранных районах.

Мы любим созерцать историю, изъятую из потока перемен и очищенную от мерзостей прошлого, точно так же, как наслаждаемся сельской идиллией, высвобожденной от поддерживающих ее работ. Нам нравится Уильямсбург так же, как ферма: нам не нужно работать ни там, ни тут. Более того, история, которую мы разглядываем, это всегда избранное из потока событий, а осуществляют отбор эксперты средних или высших слоев общества с их собственными утонченными представлениями о достоверности архитектурных форм.

Уже поэтому движение в пользу охраны исторической среды критикуется по трем взаимосвязанным линиям: первая — слишком

часто выселяются те, кто обитает в предназначенных к реставрации зонах; вторая — оно несет фальшивый, отлакированный и статичный образ истории, по видимости, осмысленный, но лживый в этой осмысленности; третья — ценности, на которые опираются критерии памятников, узки и специализированы. Добавим, что крупномасштабная реставрация и консервация в дальнейшем осложняют приспособление к новым функциям и перекрывают путь изменению в будущем.

Снова подчеркнем, что сказанное отнюдь не ставит под сомнение силу и значение движения охраны исторической среды. При том, что его роль искажена в настоящее время классовыми интересами, само движение быстро распространяется в толще общества и ценность реставрированных зон вполне реальна и общезначима. Люди стали обращать внимание на облик своего окружения, заботиться о нем и любить его. Мы уже говорили, что городские «соседства», почти уже полностью распавшиеся, восстанавливают свое лицо, совершенствуя окружение. Наконец, сохранение памятных зон имеет экономический смысл не только для туризма, но и для сбережения ресурсов, которые были бы опустошены без необходимости. Мир города становится разнообразнее и интереснее.

Если рассмотреть охрану исторической среды как эмоциональную проблему (обогащение образа времени в нашем сознании), то часть запутанных противоречий движения отпадает. Мы сохраняем старые вещи не ради них самих, не во имя донкихотской попытки остановить время, а чтобы лучше уловить смысл истории. Это означает, в свою очередь, обострение внимания к переменам, к ценностным конфликтам, сопровождающим ход истории. Это означает также, что мы стремимся не к отделению прошлого от нынешних ценностей, а напротив, к тому, чтобы связать его с ними. Тогда многое упрощается. Мы должны обеспечить непрерывность потока изменения функций, избегая разрыва и противопоставления внешнего облика тому, что происходит внутри зданий; мы можем быть свободнее в выборе форм прошлого, отличая то, что нас восхищает, от того, что нам отвратительно. Мы вправе творчески изменять памятники прошлого, ослабив давление «правильности», которую отстаивают узкие специалисты, и давая простор ценностным суждениям разных пользователей. Форма окружения способна углублять восприятие перемен, соединять прошлое окружения с собственным настоящим и будущим. Необходим диалог между экспертом и жителем, в ходе которого каждый из них привносит в обсуждение свое понимание места. В процессе такого обсуждения обе стороны способны уловить глубину укрытых в природе места значений и осознать всю силу преемственности. Сами пользователи могут гордиться ранее угнетавшим их окружением, если только они вложили в него свой труд и выдержали — преобразование такого окружения с их участием может выразить и связь с прошлым, и освобождение от него.

По крайней мере, потенциально оба мощные движения за со-

хранение природной и исторической среды могут не только слиться в одно, но и ощутить свою связь с движением за сохранение человеческой общности, которая тоже является частью природы и тоже имеет историю. Если такое соединение произойдет в реальности, идея простого сохранения места потеряет смысл. Целью станет сохранение преемственности человеческой общности как таковой и образа природы и истории, который несут ее сочлены. Если удастся сформировать коалицию охранительных движений на этой общей основе, то концепция преемственности места сможет стать ключевой идеей развития формы наших поселений.

5. Ткань города и его сети

Ткань поселения, возможно, играет большую роль в определении его качества, чем градостроительные схемы, традиционно привлекающие максимум внимания проектировщиков. В отличие от расплывчатых сюжетов, которые мы обсуждали, осмысленные плотности застройки, например, весьма конкретно. Большинство (хотя и не все) групп населения США выражает устойчивое предпочтение низкой плотности жилой застройки. Это предпочтение уже длительное время остается стабильным, и современное движение «обратно в город» представляется небольшим (и классово специфичным) противотоком основному потоку, который несколько усиливается всякий раз, когда обостряется энергетический кризис или когда стоимость жилища растет быстрее, чем доходы. Основной же массив устремлений ориентирован по-прежнему «вовне», в бывшие пригороды, малые города и дальнюю округу, лежащую за пределами официальных регионов метрополий. Думается, что это устремление разделяет большинство населения высокоразвитых стран, несмотря на различия культурных стереотипов, политэкономических условий или градостроительных доктрин, их лидеров и профессионалов-градостроителей. Даже в городской Японии, где домик на малом участке равен по стоимости пяти- или десятилетнему годовому доходу семьи «среднего класса», где место стоянки небольшого автомобиля может стоить в два-три раза дороже, чем сам автомобиль, а ежедневные поездки из пригородов поглощают до двух часов в чудовищно переполненных поездах, спрос на односемейные дома остается устойчивым.

Это массовое предпочтение опирается на идею близости к природе, желание самостоятельно поддерживать дом (что, помимо удовлетворения, существенно снижает расходы), иметь лучшие условия воспитания детей. Как отмечалось, попытки соотнести социальные проблемы городов с их размерами не дали однозначных результатов, тогда как корреляция плотности с загрязнением среды и общим качеством проживания установлена достаточно надежно. В США стоимость нового строительства (при равенстве цены участка и том же количестве жилой площади) минимальна в случае блокированной малоэтажной застройки и существенно увеличивается для односемейных домов на отдельном участке, с одной стороны, и квартир в многоэтажных зданиях — с другой. Близ-

кие результаты получены в Великобритании, где низшая стоимость соответствует плотности в 10 квартир на 1 акр, или 24 квартиры на 1 га. В странах, где домостроительная промышленность базируется на иной основе и несколько иные жилищные стандарты, стоимость строительства также ощутимым образом зависит от плотности.

Разумеется, невозможен единый для всех случаев оптимум плотности жилой застройки. Наряду с различиями между странами необходимо иметь в виду различия социальных групп: одинокие взрослые, старики, семьи с детьми, временные горожане, группы с различным доходом. При несомненной доминантности движения «вовне» в США сохраняется устойчивое меньшинство, решительно предпочитающее жизнь в пределах городского центра. Город не может быть ни бесконечным пригородом, вроде «города широких просторов» Райта, ни бесконечным повторением высотных зданий по модели Ле Корбюзье, ни схемой «12 на акр», соответствовавшей догме «города-сада».

Некоторые показатели качества неоднозначно сопряжены с плотностью. Против низкой плотности часто выдвигаются эмоциональные доводы: пригороды «бесформенны» или «монотонны» и лишены того чувства места, которое так характерно для плотной городской ткани. Эта позиция сомнительна и отражает точку зрения человека со стороны. Проверить истинность подобной оценки можно только выявляя наличие чувства места у самих его обитателей. Наши исследования позволяют утверждать, что скучные и монотонные места встречаются при любом уровне плотности, наряду с любопытными и привлекательными своим разнообразием. Эмоции зависят от столь большого числа факторов — внешней формы, социальных связей, чувства подконтрольности территории, форм доступности, глубины повседневного опыта, — что их можно как приобрести, так и потерять при любых разрывах между постройками. Разумеется, средства обеспечения легкой читаемости окружения будут существенно видоизменяться в зависимости от плотности застройки.

Предпринимались попытки связать с плотностью поселений явления социальной патологии, исходя из допущения, что увеличение числа и частоты внешних стимулов и встреч с незнакомцами вместе с утратой контроля над доступностью территории настолько перенапрягают человеческие способности, что из этого неизбежно следуют ухудшение психического здоровья, стрессы, неврозы и преступления. Все эти выводы построены на основе смелых аналогий с поведением крыс в условиях довольно жестоких экспериментов, тогда как данные реальных исследований поведения людей отнюдь не подтверждают утверждения антиурбанистов. Люди располагают немалым числом способов преодолевать перегрузку психики под давлением стимулов извне, и если исследования психологов показывают связь между стрессом и пребыванием в забитом людьми помещении, из этого вовсе не следуют четкие выводы относительно плотности жилой застройки.

В США обнаруживается некоторая корреляция между состоянием здоровья и числом людей, приходящимся на одну комнату, но она весьма невелика. В Гонконге плотность застройки не имеет себе равных, но теснота отнюдь не сопровождается сколько-нибудь значительными отклонениями нормы преступности по всей видимости благодаря устойчивости социальных ценностей и социальной организации, характерных для живущих в городе китайцев. В стоянках бушменов племени Кунг на одного человека приходится менее 6 м² общей площади, и дети проводят все время в этих тесных и огороженных со всех сторон площадках. Однако сверхплотность здесь не является вынужденной и не обнаружено признаков психического стресса среди обитателей¹.

Опасения по поводу затесненности обитаемого пространства получили поддержку в концепции «несущей способности», заимствованной у экологов и животноводов. Действительно, в условиях диких или культурных пастбищ существует твердый максимум числа животных на 1 га, если пастбища используются из года в год. Если этот предел перейден, травяной покров деградирует, начинается прогрессивный процесс эрозии и сорняки берут верх над полезными растениями. По прямой аналогии делаются попытки установить максимум населения на Земле или максимальную плотность городского населения. Однако в городах мы давно поднялись не только над уровнем популяции животных, но и над стадией замкнутых локальных продуктивных циклов, включаясь в огромные экономические регионы и перейдя от самоповторяющегося поведения к высокой мобильности. Можно себе представить максимум «несущей способности» Земли относительно человеческого вида, но только сам этот максимум движется вместе с развитием технологии. В приложении же к единичной урбанизированной территории идея не выдерживает столкновения с реальностью.

Отбросив фальшивые допущения, мы сохраняем достаточно: плотность застройки имеет ясные, поддающиеся обнаружению отношения к ряду показателей качества — жизнеспособность, стоимость, соответствие желаемым моделям поведения, контроль, адаптивность. Современная критика в адрес пригородов не без основания сосредоточена, в первую очередь, на критерии доступности: престарелые, подростки, инвалиды, бедняки в условиях низкой плотности заметно страдают из-за ограничения доступности. Новые виды транспортных средств могут ослабить этот органический недостаток, тогда как формирование плотных узлов разнородной деятельности уже существенно повышает доступность даже тогда, когда средняя плотность остается весьма невысокой. Важно здесь подчеркнуть только одно: определение плотности жилой застройки всегда относится к числу фундаментальных решений градостроительного проектирования, определяя условия сложения всех остальных признаков градостроительной формы с далеко идущими последствиями.

¹ Автор нарушает принцип сопоставимости, и потому приводимые им примеры в силу своей специфичности неубедительны. (Примеч. пер.)

Текстура поселения — вторая ключевая характеристика ткани. Ее часто и без оснований смешивают с плотностью, хотя под текстурой следует понимать способ пространственного сцепления различных элементов поселения между собой. Эта текстура может быть тонкой, когда подобные элементы или их группы равномерно распределены между другими элементами, или грубой, когда одни обширные территории четко отграничены от других территорий иного назначения. Другой мерой тонкости текстуры было бы определение среднего расстояния от всех (или выборки) элементов одного рода до ближайшего чужеродного им элемента города. Текстура может быть шероховатой, когда переход от одного рода элементов к другому резок, и гладкой, если это илальный переход. Способом определения гладкости текстуры служит рассечение территории на произвольное число ячеек и подсчет пар соседних клеточек, между которыми происходит пороговое изменение качества. Соответственно, текстура может быть тонко-шероховатой, тонкой и гладкой, грубой и шероховатой или грубой и гладкой, и все эти характеристики качества поддаются количественному анализу.

Текстура или «зерно» — рабочее понятие, позволяющее очевидным образом предъявить те характеристики города, которые имеют в виду, употребляя такие слова, как расчлененность или интегральность, разнообразие или цельность, конгломерат или кластер. Во множестве своих проявлений текстура имеет принципиальное значение для совокупного качества места. Возьмем для примера текстуру, образуемую принадлежностью горожан к тому или иному классу: она ясно отображает уровень классовой сегрегации в пределах жилой ткани города. Это фундаментальная проблема градостроительной формы в США, поскольку текстура такого рода отличается в этой стране чрезвычайной грубостью «зерна», и если даже она несколько сглажена, то крупнозернистость жилой ткани не только не уменьшается, но даже продолжает возрастать.

В той мере, в которой люди могут свободно выбирать место жительства, они упорно тяготеют к местам сосредоточения «них», соседей. В качестве причин выдвигаются опасения конфликта типов поведения (особенно в связи с детьми), страх перед насилием или возникновением амурных историй, преодолевающих классовые барьеры, стремление подчеркнуть собственный социальный статус. Здесь же стремление обезопасить вложение средств в жилище¹, надежда на формирование полезных знакомств у подрастающих детей, расчет на более высокий стандарт обслуживания или, наконец, надежда на то, что среди «своих» гораздо легче обзавестись приятелями. Поскольку у разных общественных групп возможности выбора различны, невинные, на первый взгляд, индивидуальные желания порождают сложение грубо расчлененного планировочного рисунка городских территорий. Раз возникнув,

¹ На множестве американских городов прослежено, как при состоявшемся акте «вторжения» инородных домовладельцев стоимость остальных домов и участков стремительно падает, «соседство» теряет статус «хорошего», вслед за чем начинается исход «своих». (Примеч. пер.)

этот рисунок будет закреплён уже вполне осознанными мерами, исключаящими возможность вторжения представителей иных этнических или имущественных групп.

Текстура существенно влияет и на другие ценностные характеристики места. Её крупнозернистость уменьшает доступность контакта с другими людьми, иными вариантами образа жизни, увеличивает неравенство доступа к ресурсам города и сфере обслуживания. Напряжённость отношений между социальными группами нарастает, хотя если «зерно» очень крупно и четко очерчено, возможности прямого столкновения уменьшаются, а порождаемое напряжённостью насилие может обращаться внутрь замкнутой группы¹. Если локальный надзор в крупнозернистой текстуре поселения может существенно усиливаться, то координация, планирование и контроль на уровне региона чрезвычайно осложнены.

Существует профессиональная градостроительная доктрина, согласно которой социальная текстура поселения должна быть мелкозернистой и гладкой. В глазах сторонников органической модели города каждая ограниченная территория должна быть своего рода микрокосмом, отображая в себе сложность социального целого. Однако на практике от этой догмы не осталось фактически ничего, попытки её реализации неэффективны повсюду, за исключением социалистических стран. Реально стремясь к увеличению социального равенства и взаимосвязи между группами, мы автоматически должны настаивать на том, что текстура жилых зон в США требует увеличения её мелкозернистости. Но в реальных условиях она должна быть достаточно крупнозернистой, чтобы позволить людям ощущать себя среди «своих». В то же время, в пределах большой территории уровень разнородности текстуры необходимо во что бы то ни стало повысить. Требуется также создание своего рода буферных, переходных зон, в пределах которых социальный статус лишен четкой определенности, что позволяет легче пересекать границы между «зернами».

С точки зрения выбора ценностей, текстура жилой среды — ключевой показатель для любого города. За сокращение величины «зерна» в текстуре американских городов идет постоянная борьба. Чтобы достичь эффекта, необходимо взаимодействие с рынком недвижимости, необходимы и субсидии на жилищное строительство, необходим региональный контроль за развитием. Возможно, что нужны еще более радикальные меры, включая социализацию земли, преобразование жилища в бесплатное средство жизнеобеспечения или хотя бы ограничение права собственности до пожизненного. Крупнозернистая структура глубоко укоренена в американском обществе.

Распределение классов в жилых зонах не исчерпывает проблемы текстуры. Важна и «зернистость» деятельности: должны ли

¹ Начиная с середины 60-х годов в США, в первую очередь в Калифорнии, возникают своего рода кооперативы самообороны. К «соседствам» ведут «спон» дороги, с шлагбаумами, цепями и часто постами вооруженной охраны. (Примеч. пер.)

работа и жилище быть разделены в пространстве, должны ли рабочие места группироваться в обширные зоны однородных занятий? Подобно текстуре жилища текстура занятости также приобретает все более крупнозернистый характер — из-за возрастающего масштаба капиталовложений и предприятий и все более контролируемого рынка. В данном случае профессиональная градостроительная доктрина скорее следует ходу вещей, чем противостоит ему. Оперируя в крупном масштабе, планировщик тяготеет к сортированию обширных зон на только жилища, только отдых, только конторы или только склады. Крупнозернистая текстура деятельности упрощает централизованный контроль, делает более предсказуемыми потребности в различных формах обслуживания. Устраняются конфликты между видами деятельности. Проще выбор территорий для перспективного развития. Облегчается формирование транспортных и инженерных сетей, а крупные операции с обширными участками увеличивают конечную прибыль. Крупнозернистость активности еще более заметна в социалистических странах с их сильным аппаратом центрального планирования, что вполне естественно.

И все же растущее число критиков высказывается в пользу сокращения «зерна» наших великолепно-простых схем. Крупное «зерно» затрудняет доступность и удлиняет коммуникации, сокращает возможности контактов и образования. Дети чаще всего не видят и не представляют себе, где и как работают их родители. Крупнозернистость укрепляет крупные институты, тогда как накапливаются аргументы в пользу их сокращения. Крупнозернистость занятости вызывает резкое распадение жизни на две половины (хотя многим нравится разделение дома и работы). В трудах мыслителей-социалистов издавна культивировалась идея интегрального мира, в котором труд, жилище и досуг были бы максимально взаимосвязаны. Так, на Кубе, в рамках доктрины «урбанизации деревни и рурализации города», на незастроенных участках города выращивают табак, горожане постоянно участвуют в сельскохозяйственных работах, а ранее разбросанные в сельской местности жилища уступают место поселкам городского типа.

Сторонники идеи «соседства» в США утверждают, что фермы в городской черте могут снабжать город свежей зеленью, а солнечные батареи — производить значительную часть энергии на месте — на фоне последовательного сокращения противоположности между городом и сельской территорией по мере урбанизации ферм. Записки многочисленных путешественников нестраят восторгами по поводу прелестей ландшафта, где разные занятия жителей, жилье и досуг существуют бок о бок. Разумеется, необходимо иметь в виду, что это восторги людей со стороны, и необходим внимательный опрос аборигенов, мнение которых может быть и совершенно другим. И все же, по крайней мере, детские воспоминания сегодняшних пожилых людей позволяют утверждать, что мелкие «зерна» производительной деятельности образуют здоровую среду для роста и возмужания.

Как во всех подобных случаях, невозможно установить некое универсальное правило, кроме того, что мелкозернистость текстуры занятости желательно довести до предела, за которым начинаются конфликты. Разнообразное тонкозернистое по текстуре поселение привлекательно как условная абстракция, тогда как в действительности каждый тип деятельности нуждается в определении свойственного ему масштаба. Так или иначе, многофункциональность — важное качество поселения, и сам масштаб признаков города является во многом следствием мелко- или крупнозернистой его текстуры. Мелкозернистость образуется применением некрупных зданий, малых площадей, малых производств. Все эти мелкие элементы значительно легче, чем крупные привести в соответствие многовариантной занятости жителей, их легче поставить под контроль, легче осмыслить в сопоставлении с индивидуальным опытом и персональной системой ценностей.

Нельзя оставить в стороне зернистость текстуры, образуемой плотностью и доступностью. Множество людей, если попросить их описать идеальное жилище, дом их мечты, не колеблясь, описывают дом, из передних дверей которого можно шагнуть прямо на тротуар оживленного городского центра, тогда как у задних дверей начинается загородная идиллия. Если только дверь разделяет возбужденный ритм и безмятежный покой, оба качества обостряются и обостренно осмысляются в своей противоположности. Детские впечатления, как правило, полны именно такой обостренности переживания. «Паттерны» Кристофера Александра¹ возвращают нас к рецептам тонкозернистой текстуры занятости, плотности и доступности.

Рынок недвижимостей стремится уничтожить подобные аномалии, поскольку земельные участки оценивают и застраивают согласно усредненным стандартам доступности. Наибольшее число примеров тонкозернистой текстуры плотностей является продуктом естественной нерегулярности территории, или следствием неэффективности системы доступа, или результатом сознательных действий богатых собственников². Иногда резкие переходы плотностей возникают в силу сбоев на рынке недвижимостей или там, где спекуляция участками была внезапно остановлена, как в заторможенных американских жилых районах 30-х годов или в сегодняшней Гаване.

На региональном уровне доступность желательно распределить равномерно на основе максимального равенства. При этом существенное преимущество дает мелкозернистая текстура за счет разбросанных «карманов» открытого пространства, того, что Алек-

¹ Кристофер Александр, руководитель Центра исследований среды в Калифорнии. Его научная работа отмечена резким переходом от математизированной системности в 60-е годы к концепции «соучастия» потребителей в 70-е годы. «Паттерны» — словесные модели наиболее типичных средовых ситуаций. (Примеч. пер.)

² Характерный пример — Лунсбург Сквэр в Бостоне, в центре площади сквер, ключи от калитки которого принадлежат обитателям богатых особняков, выходящих на площадь. (Примеч. пер.)

сандер называет «кружевом» (линейные «щупальцы» новой жилой застройки), проникающие в сельскохозяйственное окружение), за счет чередования низких и высоких плотностей и т. п. Мелкозернистую текстуру такого рода чрезвычайно редко можно встретить в современном городе, хотя в ней заложены огромные преимущества разнообразия окружения, выбора типа жилища и формирования интересных пространственных форм.

Существует и текстура деятельности во времени: одни зоны оживлены 24 часа в сутки, тогда как другие оживают лишь на несколько часов, замирая на остальное время. Есть места, отданные целиком одному лишь виду активности во всякое время дня (отсюда крупнозернистость текстуры времени), тогда как в других один вид активности резко и внезапно сменяется другим (мелкозернистая, шероховатая текстура) или, наконец, различные функции могут сменять одна другую, плавно накладываясь (мелкозернистая, гладкая текстура). Одна и та же площадь может играть роль овощного рынка поутру, детской площадки — днем, места встреч взрослых — вечером — почти без взаимодействия и тем более конфликта — за счет четкости границ переходов во времени. Старое и новое, временное или постоянное могут как сосуществовать, так и противопоставляться; и для временной «зернистости» справедливы те же соображения, что для пространственной: тонкость текстуры дает значительные преимущества. Большинство высоко оценивает места, где контрастные по типу формы активности легко и быстро сменяют одна другую, тогда как периодическая пустыньность пространств, отданных одному только виду активности, кажется неэффективной (впрочем, подтверждение этого требует специальных исследований). Наше градостроительство чрезмерно акцентирует пространственные системы, практически игнорируя организацию их во времени.

Можно выявить и другие виды смещения внутри градостроительной формы, к которым применимо представление о текстуре. Это и «зернистость» контроля (крупные территории в монопольном владении и дробная мозаика частных и общественных пространств, проходных дворов, детских площадок и пустырей), и «зернистость» микроклимата и экосистемы (от открытого поля до внутреннего дворика) и т. п. Представляется, что характеристика «смесей», в конечном счете, значительно важнее для качества поселения, чем те аспекты градостроительной формы, которыми так были увлечены планировщики: общая величина, очертания поселения или двухмерный рисунок уличной сети.

В историческом прошлом дискуссии по поводу системы доступа сосредоточивались вокруг выбора рисунка уличной сети из немногих вариантов: линейный, радиально-концентрический, решетка. Но для крупного современного города вопрос уличной сети вряд ли уж столь принципиален (по крайней мере, на уровне обобщения для конкретных ситуаций, разумеется, существенно, где пройдет улица).

Сегодняшние дискуссии сконцентрированы, как правило, вокруг

способа передвижения. Какое сочетание способов передвижения предпочтительнее и насколько следует обособлять эти разные способы внутри такого сочетания? Естественно, что ответ зависит как от текстуры поселения и его плотности, так и от культуры, экономики и уровня развития техники. Необходимо принимать во внимание объем загрязнений среды, связанный с тем или иным способом перемещения, среднестатистическую норму несчастных случаев, уровень контроля и соответствия (индивидуальные транспортные средства значительно податливее к персональным нуждам, чем общественный транспорт; одни варианты лучше других соответствуют специфическим потребностям людей, увешанных пакетами, или инвалидов). Постановка вопроса о показателях качества поселения выбивает почву из-под тривиальных дебатов на тему «автомобиль против метрополитена», как если бы эти устройства были чем-то вроде аллегорических чудищ, сплетенных в схватке не на жизнь, а на смерть. Постановка этого вопроса вынуждает перенести центр тяжести дебатов с энергоемкости технических средств или их общей пропускной способности на опыт тех, кто пользуется такими техническими средствами. Даже установив ранее принцип сочетания способов перемещения, мы можем, используя наши показатели, уточнять решение конкретных элементов. Как обеспечить восьмилетним детям возможность безопасно передвигаться в пределах городского района? Могут ли велосипедисты удобно сесть на поезд со своими машинами? Как может женщина с покупками и двумя детьми сесть в автобус? При каких условиях люди могут получать удовольствие от общения во время поездки или наслаждаться зрелищем из окна? Можно ли сделать улицы спокойными и безопасными без запрещения подъезда автомашин к домам? И т. п.

Личный автомобиль многое отнимает у наших городов: он убивает, привлекает к себе чрезмерное внимание, отравляет выхлопами и утомляет шумами. Он дорог в обслуживании и поглощает ценное сырье. Всякая планировочная система, зависящая от использования личного автомобиля, автоматически увеличивает неравенство, резко уменьшая доступность окружающего мира для всех, кто не за рулем. Но у того же автомобиля множество достоинств и отказ от него малореален. Это означает, что принцип равенства требует совмещения двух нововведений: средства общественного транспорта, позволяющего многократно увеличить число маршрутов и ослабить их жесткость; личного транспортного средства, которое было бы дешевле и безопаснее сегодняшнего автомобиля, экологически безвредным и требующим менее высокой квалификации водителя. Популярными в свое время идеи сложных технических устройств, вроде монорельсов или автоматических движущихся тротуаров, в принципе не способны заполнить вакуум. Совершенствование более старых и простых средств (микроавтобусы с гибкой схемой маршрута и расписания; микроавтомобили, маршрутные такси и т. п.) обещает в этом отношении достаточно много.

Еще раз подчеркнем: передвижение может быть позитивным переживанием и не должно рассматриваться в категориях затраты времени. прежде всего. Потенциально система обеспечения доступности входит в число важнейших технических средств обучения и к ней надлежит отнестись в этом смысле с полной серьезностью, уделяя необходимое внимание последовательности зрелища, возможностям узнавать новое и встречаться с новым.

Итак, плотность, текстура и система доступа — фундаментальные характеристики поселения, с помощью которых мы можем судить о его качестве. Природа роста и изменений города, безусловно, не менее важна, но увы, о ней мы знаем слишком мало, тогда как размер города и его очертание на карте могут значить гораздо меньше, чем принято думать.

16. Модели города и его проектирование

Любое обсуждение градостроительной формы должно учитывать роль проектного процесса в осуществлении выбора среди возможных форм, включать осознание связи между объективизмом теории и энтузиазмом, сопровождающим творческий процесс, и, наконец, между этим процессом и решениями, порождающими реальность градостроительных форм. Проектные решения в целом предопределяются теми моделями, которые существуют в представлении градостроителя, и теоретически эти модели должны быть связаны с некоторой общей теорией. Однако в действительности мыслительные модели и общая теория могут существовать совершенно независимо. Конечно, нельзя не учитывать всей двойственности термина «модель». В обыденном употреблении это обозначение трехмерного миниатюрного изображения здания, машины или ландшафта. В научном смысле это обозначение абстракции, с помощью которой нечто описывается как функционирующее целое с признаками системы: ее элементы и связи между ними выражены предельно четко, по возможности в количественной форме. Градостроительные метафоры, о которых шла речь в разд. 4, в известном смысле можно было бы уподобить такого рода моделям, но они носят чисто качественный характер, а их элементы далеки от ясности определения. Здесь мы не будем говорить о моделях в строго академическом смысле.

Не так уж давно то же слово использовалось как прилагательное в значении «достойный подражания», образцовый, и именно такой традиции я предпочитаю следовать. Для наших целей модель — есть картина или образ того, чем *следует* сделать окружение, это описание формы или процесса, способных играть роль прототипа. Нас интересует более форма окружения, чем процесс ее проектирования, однако модель формы нельзя построить, не приняв во внимание процесс ее создания и организации ее воплощения. Модель может быть точной и однозначной или расплывчатой и интуитивной. Модель как образец может иметь графическую, вербальную или математическую форму. Ее можно даже предъ-

явить, вообще не прибегая к языку,— прямым показом, демонстрацией. Модели варьируются от точных образцов, которым мы следуем привычно, почти не замечая этого (такого рода моделью служит тротуар, граничащий с проезжей частью), до обобщенных схем, разработанных осознанно и последовательно,— вроде идеи города-спутника. Модели совершенно необходимы — вопрос в рациональности их применения.

Критерии, стандарты и характеристики использования служат средством сравнительной оценки моделей, сами не являясь моделями. Тактика и стратегия градостроительства могут оперировать моделями, но, порождая решения по поводу будущих действий, они должны включать многое иное, а могут не пользоваться моделями совсем. Процесс проектирования всегда использует модели, хотя исходная модель может и оказаться совершенно искажена даже поверхностными нововведениями, а чужеродной по характеру модели может быть найдено совершенно неожиданное применение. Использование моделей отнюдь не относится только к созданию новых ситуаций, оно не менее важно при поддержании или реконструкции уже существующих.

Есть два основных способа определения требований к форме: путем предписания или путем уточнения использования. Модели следует отнести скорее ко второму способу, так как мы чаще встретим рекомендацию типа «сделать эркер», чем «обеспечить лицу, находящемуся в комнате, возможность смотреть вдоль улицы в обоих направлениях». В действительности, однако, различие лишено четкости, поскольку оба типа утверждения представляют собой лишь фрагменты значительно более широкого целого, связывающего причины, мотивы и средства. Эркер может иметь великое множество форм, и его устройство требует подробного описания, тогда как обзор улицы представляет собой инструментальное средство достижения значительно более широких целей; будь то повышение безопасности или стремление к общению. Во всяком случае, любое детальное предписание (или модель) инструментально сопряжено с описанием способа обеспечения какой-то функции и само это описание подходит обычно достаточно близко к тому, чтобы воспроизвести словами опознаваемую форму какого-то элемента окружения.

Поскольку описания использования носят более общий и абстрактный характер, чем модели, они входят в любую теоретическую схему достаточно высокого уровня обобщения. Они же выступают в роли излюбленного средства создания сводов правил, уставов и других документов, так как сохраняют предельную четкость характеристики желаемого эффекта, сохраняя за средствами его достижения достаточную меру гибкости. И все же нормы или стандарты использования отнюдь не всегда удовлетворительны в реальных жизненных ситуациях. Необходимы достаточно трудоемкие (и,

как правило, исполняемые постфактум) проверки их воплощения в действительность. Оставляя значительную свободу выбора конкретных средств, такого рода нормы повышают неопределенность проектирования, тем самым требуя дополнительных усилий и времени. Новая форма может полностью соответствовать требованию к ее функционированию, но не соответствовать прочим элементам окружения или приводить к возникновению непредвиденных и нежелательных вторичных эффектов.

Привычные прототипы относительно легко специфицировать и воспроизводить, они скорее всего автоматически придут в соответствие с другими привычными элементами окружения, а прямые и побочные эффекты скорее всего совпадут с ожидаемыми. Именно поэтому нормы функционирования являются обычным материалом построения общей теории, тогда как их применимость или неприменимость в действии в качестве прямых указателей всегда зависит от конкретных условий. Нормы функционирования чаще соотносят с ключевыми элементами окружения, для которых выигрыш в гибкости и качественная новизна могут компенсировать риск. В рутинном же проектировании профессионал работает обычно, прямо черпая из запаса образцов, будь то запасной пожарный выход, типовое устройство фундамента, сельский дом, разрез автомобильного шоссе, торговый центр, пешеходная улица, парковый ландшафт, пригородный район — список длинен, и все в нем знакомо. Чтобы приносить какую-то пользу, теория должна быть способна сопрягать присущие себе суждения с этими тривиальными, неустраняемыми образными стереотипами, объясняя их большую или меньшую пригодность на примере конкретных ситуаций проектирования.

К наиболее полезным следует отнести модели, обладающие ясной зависимостью от ситуации применения, равно как и ожидаемой эффективностью применения. Именно такими характеристиками отличается развернутая серия моделей средовых ситуаций, которые разработавший их Кристофер Александер называет паттернами.

Большая часть моделей соотносима только с завершенной формой, и это вызывает множество критических суждений. Модели не охватывают представления о процессе получения результирующей формы (забор, построенный соседом, пикником образом не тождествен такому же забору, но построенному военными саперами). Более того, подчеркнутое внимание к завершенной форме игнорирует реальность того потока перемен, в ходе которого ни одна форма не может рассматриваться как нечто совершенно стабильное. Это вызывает предположение, что чрезмерная озабоченность формой как таковой является характерной чертой такого типа сознания, при котором вещи значат больше, чем их роль в жизни людей. Отсюда, наверное, отказ значительного числа градостроителей всерьез говорить о форме, и слово «процесс» становится ключевым: важно не столько то, что ты делаешь, как то, как ты это делаешь. В этой логике не так уже важно как будет нечто выглядеть

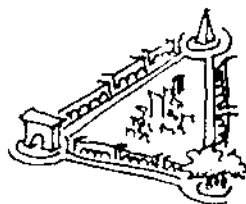
в завершенном виде; важны основания принятых решений и способ их реализации.

Важным для людей свойством любого окружения служит мера его качества, а не форма как таковая. Но и не процесс как таковой. Фанатики процесса могут быть столь же глухи к сугубо человеческому содержанию, как и фанатики чистой формы. Площадка для игр, возникшая в результате подлинного соучастия потребителей, но бесформенная и нескладная в окончательном виде, должна трактоваться как точно такая же неудача по сравнению с изящным проектным решением, навязанным силой. Возможно, что первое даже хуже. В конкретной ситуации или форма, или процесс могут выступать как решающая черта целого, но обычно они сосуществуют. Оценке подлежит и то, как данный признак окружения оказался на месте, и то, чем он стал со временем и как он изменяется. В идеале модель должна охватить форму, процесс создания и процесс использования как нерасторжимое целое. В действительности модели обычно подчеркивают что-то одно, игнорируя все остальное. Если здесь и необходимы коррективы, то только не культивирование пренебрежения к форме.

Многие модели полезны как регулирующие нормы: отступ от «красной линии», ограничение высоты сооружений, многофункциональное использование территории, рисунок уличной сети в масштабе городского района и т. п. Большая часть, однако, значительно эффективнее в роли методических указаний для проектирования и принятия решений, так как они относятся к несколько расплывчатым качествам, а их использование зависит прежде всего от специфики конкретной ситуации.

Примером модели, часто применявшейся в прошлом как средство, направляющее формирование новых и реконструкцию старых городов, может служить система планировочных осей, характерная для барокко. Это зрелая, развитая концепция градостроительной формы, устанавливающая четкий порядок организации сложносоставных обширных пространств в следующей последовательности: выбрать систему точек, господствующих в ландшафте, и утвердить в этих точках значительные символические сооружения; затем соединить эти фокусы пространства главными улицами, достаточно широкими, чтобы нести основные транспортные потоки, и сформировать их так, чтобы они служили парадными подходами к главным ориентирам или узлам. Обрамление этих улиц следовало подчинить строгому контролю, чтобы создать единство, используя при этом уличное оборудование и озеленение, а также высоту и характер фасадов, равно как и регламентированные формы пользования пространством. Как только это достигнуто, пространство, зажатое между главными магистралями, можно застраивать при значительно меньшем контроле над решением зданий и мелкоочлененной уличной сетью.

У этой модели немало преимуществ;

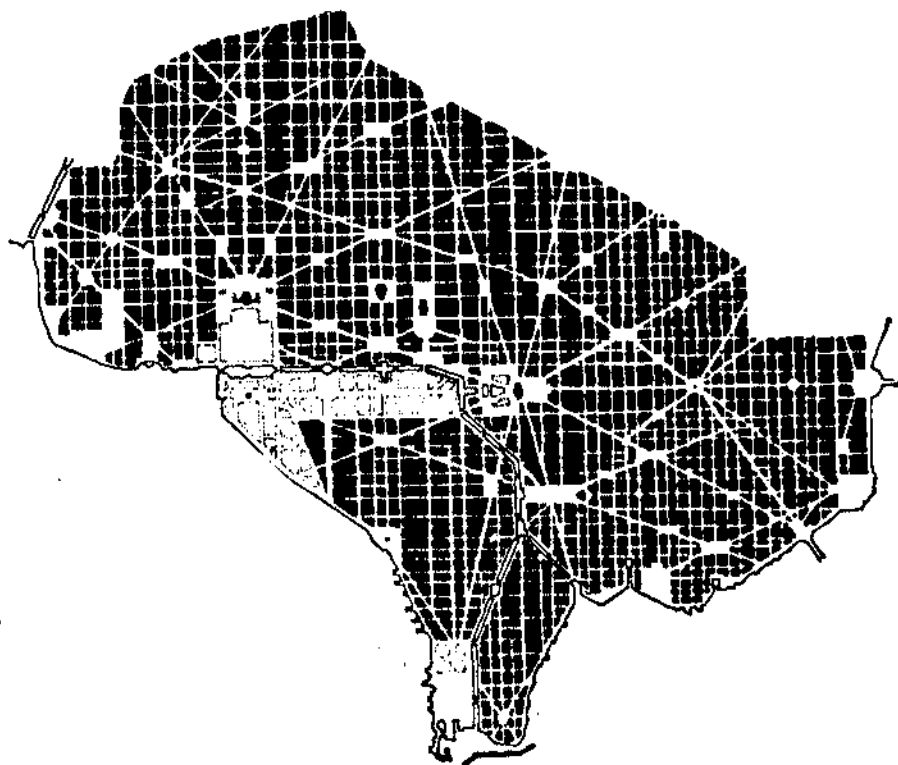

Рис. 72. План Вашингтона, разработанный в 1791 г. майором Пьером Ланфаном. Сеть, образованная радиальными улицами, соединяющими основные здания и природные ориентиры, была наложена на прямоугольную решетку с переменной величиной ячейки. Гибридный характер плана, равно как и неспособность федерального правительства удержать контроль над землепользованием, привели к возникновению города с превосходными перспективами и совершенно беспорядочными перекрестками

это простая, целостная программа, которую можно легко и быстро применить для организации самых разнообразных ландшафтов. Как известно, Ланфан, пользуясь этой моделью, когда она была уже полностью разработана, смог осмотреть, спроектировать, осуществить разбивку на местности, рассчитать ее, собрать строительный материал, провести распродажу участков и начать застройку будущего города Вашингтона — все вместе за девять месяцев и всего с двумя помощниками! Модель точно подсказывала ему, куда идти и как принимать решения. Если возникший в результате город не столь ясен и живописен, как надеялся автор, то это произошло частью из-за его ошибки в совмещении модели и неорганичной для нее прямоугольной планировочной решетки, а частью по вине городских властей, которые не следовали (и не могли следовать) предписываемой моделью жесткой схеме централизованного надзора.

При наличии эффективного централизованного контроля модель отлично работает для организации обширного нерегулярного

пространства как на чистом участке, так и давно и плотно застроенном (например, Париж при префекте Османе). Следуя этой модели, можно создать запоминающуюся структуру общего планировочного решения, не распространяя жесткость надзора на все элементы заполнения схемы. На самом деле, модель представляет собой готовую стратегическую схему экономического применения централизованной власти: создаются сильные зрительные эффекты и достаточный материал для выражения обобщенного символизма. Иными словами, перед нами эффективный способ достичь осмысленности формы и пропорционально распределить централизованный и дисперсный варианты пространственного надзора. По крайней мере, в одном отношении это и гибкая форма, так как внутри кварталов, образованных сетью главных магистралей, могут происходить весьма значительные перемены, не нарушающие общей структуры городского пространства. Тем не менее при обеспечении гибкости в локальном масштабе, форма не допускает сколько-нибудь существенных сдвигов на уровне целого, поскольку и узлы, и связи между ними постоянны, играют роль символических признаков поселения и потому должны быть сохранены во что бы то ни стало.

Как система доступа, барочная модель оказалась эффективным инструментом «раскрытия» средневекового лабиринта улиц, обслуживая перемещение от одного пространственного ядра к другому (туристы, церемониальные процессии) и передвижения в пределах района, если используются маневренные, с низкой скоростью и требующие мало пространства способы — в седле, пешком, на велосипеде. Однако та же форма чрезвычайно трудна для скоростных средств передвижения — дальнейшее перемещение дробится на отрезки от точки к точке, и каждая точка чревата проблемной ситуацией, так как к ней ведут многие пути.

Обладая значительным эстетическим потенциалом на среднемасштабном уровне (центр города, крупный парк), иррегулярная треугольная сетка малоприспособна применительно к обширным территориям. Восстановить в памяти распределение узлов и связей между ними оказывается затруднительно — стратегию опознаваемого планировочного рисунка, опирающегося на систему ориентиров и векторов, эффективно использовать в этом случае практически невозможно. Наконец, подчеркивая лишь некоторые функции, вроде символически церемониальных или коммерческой активности, распределяемой по сторонам главных магистралей, модель эпохи барокко практически игнорирует рядовую застройку или производственные зоны.

Как и всякую другую, эту частную концепцию можно анализировать в категориях соответствия ситуации и ожидаемого функционирования, определяемого по различным показателям. У нашей концептуальной модели широкие, но отнюдь не универсальные возможности применения. Мы имеем дело с идеей, развивавшейся несколько веков, возникшей первоначально в пространственной организации королевских охотничьих угодий, ведущая цель — легкость

обнаружения дичи и быстрота передвижения) и перенесенной в программу реконструкции папского Рима (ведущая цель — упорядочить процессии многочисленных пилигримов). Следуя примеру Ланфана, Осман использовал ту же модель в Париже во имя того, чтобы облегчить передвижение в центре города, создать выгодные участки застройки, переселить и эффективнее контролировать рабочее население города. Исторически, это чисто элитарная модель, описывающая способ использования города в роли носителя централизованной власти и способ достижения визуального порядка и величия при ограниченности материальных средств. Для этих и только для этих целей модель почти идеальна.

Моделей, подобных названной, накоплено немало. Одни из них относятся к общему планировочному каркасу поселения: «звезда», «линейный город», различного типа «решетки», «кружево», система «капилляров», схема «матрешки», характерная для священных городов, идея городов-спутников, наконец, это города под куполом, подземные или плавающие поселения, характерные для изобретательства последних десятилетий. Иные модели выделяют только центры поселений: иерархия центров разного ранга, многофокусные схемы или «размазанные» структуры, линейные центры (полосы), замкнутые пешеходные центры и т. п.

Третья группа моделей предписывает определенные свойства общей текстуре города: непрерывная или «клетчатая» (соседства), мелко- или крупнозернистая, разбросанная, компактная или ветвящаяся, обладающая тем или иным пространственным характером.

Существуют излюбленные модели типов жилища: высокие «бруски», башни, плотные группы, дома-в-парке, дома-вокруг-дворов, городские дома и виллы... Еще большее число моделей сопутствует задачам организации незастроенного пространства. Здесь и образцы расчленения пространства вроде зеленых поясов, зеленых клиньев, зеленых «решеток», дисперсных схем озеленения, и конкретные образцы, вроде районных парков, городских парков, пешеходных площадей, пешеходных бульваров, игровых площадок, луна-парков или «карманных» открытых пространств.

Все подобные модели представляют собой готовые «кубики», используемые в проектном процессе в разных комбинациях для разных целей. Уже поэтому эти технические модели не обладают силой масштабных нормативных метафор, о которых мы говорили в разд. 4, метафор, которые объединяют в одном утверждении мотивировку, причину, форму и взгляд на природу человеческого поселения. Разумеется, сами нормативные теории непременно предполагают выбор каких-то определенных моделей среди их множества, и потому у любой модели находятся страстные защитники.

Конечно, приведенный список далеко не полон, но он охватывает большую часть представлений, которыми пользуются люди при обсуждении градостроительной формы. Пытаясь охватить их одним взглядом, обнаруживаем существенное обстоятельство. Со-

держания свода моделей группируется по знакомым предметным признакам города: уличные и транспортные сети, жилая застройка, центр, незастроенные пространства, общая планировочная схема. Это схема перебора, но не строго логическая схема, и ее подробность скрывает неполноту серий, наличие в них пустых мест. Так, список моделей почти умалчивает о рабочем месте в городе, о его пустырях, транспортных зонах отчуждения, малоразвитых территориях. Вопросы осмысленности города, отраженные в некоторых моделях, нигде не предъявлены непосредственно и не уточнены — чаще всего мы имеем дело лишь с моделями предметной формы и уже поэтому они, как правило, статичны и не предполагают идеи изменчивости. Временное использование, временные потребности редко принимаются во внимание. Развитие индивида, развитие общества в целом и средства подкрепления этого развития на уровне формирования градостроительной формы почти никогда даже не упоминаются. Переход от традиционного общества к современному, признаки города, соответствующие новым формам социальной организации, не подвергаются серьезному осмыслению. Устранить любой из этих недостатков чрезвычайно просто, поскольку они отражают процесс формирования профессиональных идей относительно развития города, а через этот процесс — и теоретические предрассудки, привносимые в рассмотрение градостроительных проблем.

Можно ли построить модель, которая одновременно охватывала бы форму, процесс и его организацию как единое целое? Трудно найти подходящий пример. Знакомая схема — отдельно стоящий дом, семья, частное землевладение — связывает форму и организацию, но ничего не говорит о процессе. «Парк» мобильных домов как средство поселения «беглецов» или временных рабочих связывает форму с процессом. Но форма недоразвита, а процесс банален и сведен к примитивности: сегодня здесь, завтра нет. Если нет образцов, попытаемся вообразить модель такого рода и назовем эту, возможно незрелую, модель «переменная сеть».

Базисная схема сводится к тому, что главные магистрали образуют незамкнутую по краям нерегулярную решетку, ячейки которой достаточны, чтобы обеспечить необходимые пространства между «узелками». Фронт вдоль магистралей занят относительно плотной и непрерывной застройкой (активным использованием). Повторяя основную решетку со сдвигом на половину ячейки, существует вторая решетка, используемая пешеходами, велосипедистами, всадниками, гребцами в лодке и прочими «медлительными» путниками. Фронт вдоль этих вторичных связей занят учреждениями досуга и функциями, соответствующими по характеру «медлительным» людям.

Обе решетки, будучи нерегулярными в конкретном начертании, чтобы войти в соответствие рельефу и истории землепользования, в топологическом смысле носят

регулярный характер: каждая решетка образуется двумя системами параллельных линий, пересекающимися друг друга и сохраняющими постоянство в последовательности пересечений. Эта планировочная схема реализована планирующим органом регионального уровня. Внутри «кварталов», заключенных между двумя решетками, земля отдана фермам, лесам, оставлена в покое или занята маленькими, относительно самодостаточными группами, для которых доступность имеет незначительную ценность. Интерьер «кварталов» обслуживается нерегулярной, лабиринтоподобной сетью подъездов и дорожек, проникающих внутрь при отсчете от обеих решеток.

Скоростная решетка и ее непосредственное обрамление находятся в собственности общественных властей и контролируются ими, тогда как система обслуживания и иного функционального использования вдоль фронта магистрали распределена между отдельными владельцами. Низкоскоростная решетка, будучи общедоступна, контролируется местными ассоциациями. Обе системы постоянны, тогда как структурная организация и форма управления подвижны. «Внутриквартальное» пространство может быть как в индивидуальной, так и в групповой собственности и относительно свободно от публичного надзора, хотя плотность функционального использования должна здесь сохраняться низкой. Плотность должна существенно повышаться вдоль фронта магистралей, тогда как регулирование форм землепользования должно обеспечивать мелкозернистость. Варианты землепользования вдоль низкоскоростных стержней решетки также желательно интенсивно перемешивать, но при невысокой плотности и преимуществе рекреационной активности.

Вдоль основных линий можно осуществлять локальные изменения, создавать неглубокие вторжения во «внутриквартальное» пространство у его границ. По инициативе региональных властей и с согласия большинства частных и коллективных владельцев «бордюров» вдоль линий решетки можно периодически осуществлять обмен функциями между двумя сетями, чтобы произвести необходимый капитальный ремонт или реконструкцию. Использование земли вдоль «старой» линии временно прекращается или переводится на новые места, прежние скоростные магистрали расшищаются, чтобы обеспечить рекреационное использование, при сохранении и изменении использовании характерных построек-ориентиров. Обширность открытого пространства вдоль прежнего рекреационного маршрута позволяет интенсифицировать его использование. Таким образом, система поселения постоянно сохраняет значительный резерв коммуникационного пространства, постепенно набирая слои, образуемые значительными сооружениями предыдущего этапа. В то же время, подлинно значимые ориентиры располагаются у линий решетки, но не на них, чтобы их сохранение не приводило к нарастающим техническим трудностям.

Наша комбинированная модель относится одновременно к системе организации территории, схеме коммуникаций, «зернистости»

плотности и функций, распределению надзора, циклам изменений и технике их осуществления. Есть основания надеяться, что эти элементы целого могут оказаться в соответствии один другому. Основными целями являются адаптивность (несколько конвульсивного характера), высокая мера доступности при ее мелкозернистости, возможность широкого выбора способа проживания, перемещения, поведения. Эффективные средства централизованного управления мы пытаемся соединить с удобными средствами противодействия чрезмерной централизации контроля над пространством. Модель дает три различных, но связанных варианта жилой среды: фронт вдоль скоростных магистралей, фронт вдоль малых улиц и «интерьер» сельского типа; она дает острое ощущение времени за счет цикличности решеток при сохранении постоянных мест символического значения. По всей видимости, модель применима в условиях слабозаселенного ландшафта, обилия земель и транспортных средств.

У этой модели есть очевидные исторические корни. Она восходит к традиции деревень, где единственная улица совпадает с дорогой; к традиции «решеток» городов американского Среднего запада; к традиции загородных территорий США, где новые жилые дома выстроились вдоль старых дорог бывших сельскохозяйственных районов, тогда как территория между дорогами вновь поросла лесом. Схема обновления путем переброса функций восходит и к другим прототипам, включая ранее упомянутый синтоистский храм в Исэ. И все же предлагаемая моделью обратимость функций двух взаимодополняющих решеток в практике могла бы приводить к сложнейшим проблемам управления. Поскольку обсуждаемая модель нигде и ничем не опробована, действительное ее качество остается неизвестным. Неизвестно также, найдет ли такая модель сторонников среди каких-то групп населения, есть ли в ней внутренние противоречия, способные взорвать ее изнутри. Модель носит чисто спекулятивный характер и уязвима для критики (она и должна быть уязвимой). Ее единственная задача — показать, что имелось в виду под моделью, единовременно оперирующей формой, процессом и управлением, связанными воедино и работающими совместно.

Так или иначе, без применения каких-то моделей обойтись совершенно невозможно — нельзя совладать с реальными проблемами во всей их сложности, не прибегая к использованию прототипов, уже имеющих сложившуюся в профессиональной памяти. В редких случаях особо одаренные проектировщики формируют новые модели, отталкиваясь от обобщенных метафор или перестраивая известные образцы, или, наконец, применяя их необычным образом. Такие новые модели должны пройти длительный период испытаний и разработки, прежде чем их практическая употребимость будет доказана. Просматривая проектные предложения, возникающие в мире, мы явственно ощущаем всю силу знакомых апробированных идей, и новые города в Гане или на Кубе, в СССР или США выглядят удивительно похожими.

Затруднение состоит не в том, что мы пользуемся образцами, а в том, что их набор ограничен и не имеет сколько-нибудь четкой соотнесенности ни с конкретными задачами, ни с конкретностью ситуаций. Если показатели качества можно использовать как универсальное средство оценки, а стандарты качества можно успешно применять в каждой данной культуре и для данного класса ситуаций, то модели формы образуют собой не более чем арсенал возможного. Одной из важнейших задач градостроительства следует поэтому считать систематический анализ прецедентов, разработку и анализ новых образцов. Не меньшее значение сохраняет «формностическое», поисковое проектирование, ставящее целью формирование образцов, которые смогут стать пригодны, когда только складывающиеся ситуации и намечающиеся сегодня задачи развернутся в полную силу.

На практике и проектировщики, и заказчики редко трактуют концептуальные модели как возможности, среди которых необходимо выбирать,— они крепко держатся за однажды выбранные образцы. Даже понимая всю иллюзорность идеального ландшафта или идеального дома, они хранят веру в идеальный город и, отступая от идеала в силу ограничений реальной ситуации, относятся к этому акту «измены» как к достойному сожаления компромиссу. Проектировщику бесконечно трудно сменить одну модель на другую или установить связь между моделью, которой он пользуется, и ценностными суждениями конкретных потребителей.

Никто не создает форм, не имеющих прецедентов. Поскольку образцы-модели непременно связаны с определенными ценностями, нормативные теории выражают всегда предпочтение к одним моделям в ущерб другим или (ошибочно) предлагают узкий набор моделей как панцею. Поэтому сторонники идеи «город как машина» тяготеют к ясным, повторяющимся схемам, монтируемым из отдельных, подобных, взаимозаменяемых элементов: регулярная решетка, отдельно стоящие здания и т. п. Однако было бы грубейшей ошибкой трактовать регулярную решетку как отличительный признак именно механистической концепции города — мы уже отмечали ранее, что регулярная решетка была излюбленным приемом теоретиков древнего Китая или Индии по совершенно другим основаниям. Чтобы выявить действующую нормативную теорию, недостаточно рассматривать форму, необходимо анализировать форму, тип использования (функцию) и мотивировку формы как единое целое. «Органический» город не обязательно поэтому должен иметь криволинейные очертания улиц, так же как регулярная прямоугольная уличная сеть отнюдь не обязательно служит выражением социального равенства горожан.

Нормативная позиция, представленная в этой книге, также основана на предпочтении к моделям определенного типа. Однако благодаря большей широте теоретического подхода открывающийся здесь выбор несколько шире. В рамках нашей теоретической концепции особую ценность приобретают модели с относительно мелким «зерном» текстуры городской ткани, с максимальной до-

ступностью к различным местам, лицам, службам, информации, с плотной взаимопереплетенностью мест работы, жилища и рекреации и, наконец, с предпочтением к общей невысокой плотности при чередовании обширных незастроенных пространств и очень плотных «ядер». Довольно значительное число конкретных моделей может в равной степени соответствовать этим общим характеристикам, но далеко не все. Теория, таким образом, носит общий характер, но она не безразлична к конкретности формы.

Проектирование представляет собой сочетание свободного творчества и жесткой критической оценки возможных форм чего-либо, включая способ получения желаемого результата. Это «что-то» отнюдь не обязательно является материальным объектом, а проектное решение совершенно не обязательно выражается в чертеже и рисунке. Хотя и предпринимались попытки свести проектирование к полностью логизированной системе операций, она сохраняет свойства особого искусства, в котором сложно переплетены рациональное и интуитивное начала. Это естественно, поскольку проектирование имеет дело с качествами, их сложными сочетаниями, а потому неизбежно — с двусмысленностями и неопределенностями. Градостроительное проектирование представляет собой искусство формирования возможностей: возможных функций, возможных процессов и возможных форм целых поселений или их существенных фрагментов. Этот вид проектирования оперирует образами времени и пространства, находя опору в повседневном человеческом опыте работы с такими образами. Градостроительное проектирование не сводится к работе с одними крупными и сверхкрупными вещами, значительный объем этой работы посвящен принципу организации малых форм, будь то скамьи, деревья или ступеньки крыльца, поскольку все они влияют на совокупное качество поселения. Сложность градостроительного проектирования проистекает из того, что оно одновременно оперирует предметами, формами поведения людей, средствами управления и процессами непрерывных изменений.

Градостроительное проектирование охватывает разработку планов для прокладки скоростной магистрали или освоения береговой линии, стратегию застройки территории, создание нового города или пригородной зоны или региональной системы заповедников и парков. Сюда же относится проектирование образцов для жилищного или промышленного строительства, создание проектных программ для размещения автобусных депо, аналитическое исследование существующих «соседств». Среди задач проектировщика могут оказаться выработка тактики контроля за состоянием улиц в пределах «соседства», реконструкция городской площади, улучшение системы озеленения, мощения, уличного освещения. Здесь же разработка норм новой застройки и реконструкции старых районов, развертывание проектного процесса с активным участием потребителей, составление программы общегородского праздника или высококачественного путеводителя по городу... У градостроительного проектирования есть разработанная собственная

техника: диагноз состояния территории, схема генерального плана, схема постадийного проектирования и постадийной реализации планов, идея охранной зоны, графические средства создания образа будущего, организационные средства связи с системами управления, нормы, методические правила... Характерными особенностями сферы градостроительного проектирования являются иерархическая последовательность масштабов проработки задач и их чрезвычайная сложность: события сменяют друг друга, признаки объекта непостоянны, действующих сил много, а сферы их действия постоянно накладываются, придавая каждому элементу действия многозначность.

Необходимо заметить, что градостроительное проектирование редко пользуется всем арсеналом своих профессиональных возможностей — в отличие от «большой» архитектуры или крупномасштабного инженерного проектирования. Чрезвычайно редки случаи, когда целый город проектировался бы как целостный объект и был выстроен по единому плану в установленные планом сроки. Практика градостроительства почти никогда не имеет дела с нетронутой территорией и почти никогда не охватывает программу завершения работ. Практика градостроительства означает мышление в понятиях процессов, образцов, порождающих стратегий и методик управления, охватывая одновременно широкие, слабооконтуренные ситуации и мелкие, конкретные, вполне привьючные детали. Наличие разработанного запаса моделей, интегрирующих в себе форму и процесс, имеет ключевое значение для развития этой формы проектной деятельности. При этом такого рода модели и теоретические конструкции непременно должны быть относительно независимы и просты, чтобы оставить за градостроительным проектированием свойственную ему свободу интерпретации целей, результатов исследований и возможных форм.

17. Место — Утопия

Излагаемая здесь попытка уточнить персональное представление о добротном окружении, опираясь на теоретическую разработку показателей качества, вряд ли устроит многих. Возможно, она не удовлетворит никого, но во всяком случае она необходима как иллюстрация к общим соображениям¹.

В большинстве утопических предложений или пространство, или социальные отношения «теряются по дороге». Есть немало блистательных пространственных фантазий, принимающих общество таким, как оно есть, и столько же социальных утопий, набрасывающих лишь несколько разрозненных представлений о пространстве ради придания основной идее черт правдоподобия и живости. Такие мысли о пространстве, как правило, столь же банальны, как

¹ Линч делает к этому фрагменту текста весьма выразительную сноску: «Может быть эта утопия и породила теорию?» — несчастный пример авторской рефлексии. (Примеч. пер.)

мысли архитекторов по поводу общества. Только в «антиутопиях» мы сталкиваемся с убедительными образами, где предметно-пространственный гнет идеально соответствует социальному и в целом, и в частности. Ад всегда отличался живостью красок и правдоподобием, тогда как развернуть убедительный образ желаемого состояния общества в гармоничном единстве с желаемым состоянием окружения оказывается весьма затруднительно.

Предпримем здесь более скромную попытку: не забывая об обществе, т. е. принимая его в наличных формах, будем касаться его только там, где этого требует характеристика места. Иными словами, вместо того чтобы выводить признаки утопии из самодостаточной технократической фантазии или социального рецепта, попытаемся выявить их, размышляя о взаимодействии людей с окружением. Из отношений людей к вещам можно точно так же вывести суждение о ценностях, как из отношений людей между собой. Еще точнее, ценности возникают из наших связей с людьми-на-месте — авторское изложение представляет собой лишь шаг к такой целостности представлений. Это вовсе не означает отрицания важности ценностей, порождаемых общественными отношениями, это лишь перенос внимания на тот аспект ценностных отношений, который чаще всего игнорируется. Пространственное окружение нельзя трактовать только как возможность и границы действий, оно еще и источник удовлетворения. На вопрос о том, как хотел бы жить «икс» или «игрек», мы почти всегда услышим в ответ довольно подробное изложение пространственной ситуации. Этические нормы переносятся с места на человека и с человека на место, а наши представления о добре и зле во многом проистекают из природы окружающей нас действительности.

Вообразим урбанизированный пейзаж, разнообразный и отображающий присутствие человека. Это не город и не сельская местность в привычном смысле слов: жилые здания, места работы, общественные сооружения расположены среди лесов, рек, ручьев, и ферм. В пределах этого обширного ландшафта разбросана сеть небольших и компактных городских ядер. Ландшафт не уступает сложностью и взаимозависимостью составляющих его элементов любому современному крупному городу.

Этот ландшафт безразличен к старым политическим границам и охватывает в большей или меньшей степени многие формы среды, которые сегодня остаются незанятыми: горные склоны, прибрежный шельф, пустыни, болота и полярные льды. Мир равномернее населен, чем когда-либо прежде, и даже места, не имеющие постоянных жителей, посещаются значительно интенсивнее, чем в прошлом. Уже нет городов-островов, окруженных барьерным рифом субурбии и омываемых морем сельского образа жизни. Сельские территории уже не трактуются как своего рода пустыня, которую надо побыстрее проехать, как резервуар энергии и пищи, как удаленное место отдыха. Большинство людей не знают уже, что такое «родной город», зная, что такое «родной регион». Каждый регион развивается вполне индивидуально.

Расширение обжитого мира далось нелегко, поскольку принцип соответствия между людьми и местом требует изменения как первых, так и вторых. В приполярных областях, в открытом море было немало проблем (угнетенность, стресс, даже болезни), пока люди не научились понимать место и одаривать его чисто человеческим смыслом. Это открытие изменило их самих. Попытки освоить глубины моря или Луну до сих пор не имели успеха, мы еще не смогли ни адаптироваться к этим чужим местам, ни приспособить их к себе. Однако уже возникли подземные лабиринты с собственной погодой, садами и птицами, удивительным освещением. Это вполне уютные и привлекательные места и привыкшие к ним страдают ностальгией на поверхности Земли.

Хотя почти все типы ландшафтов кое-где успешно обжиты и людское поселение является непрерывным в том смысле, что обитаемые пространства крепко взаимосвязаны, большая часть поверхности планеты остается почти незанятой. Огромные пространства всех типов ландшафта оставлены для экстенсивной или мобильной агротехники, заповедных территорий и пустошей. Эти открытые пространства тоже взаимосвязаны и потому образуемая ими сеть переплетена с сетью «хабитата», обжитой земли.

Все это не произошло внезапно. По мере того, как общественная собственность теснила частную, старые урбанизированные территории обновлялись, теряли узкую специализацию. Стареющие постройки сносились, переносились, заменялись, в бывшей периферии пригородов появлялись новые центры, возникали вновь из небытия центры старых деревень, когда-то поглощенные волной экстенсивного разрастания города. Разбросанные здания связались в гроздь, производительный труд всех форм пошел внутрь ранее только жилых территорий.

Старые городские центры большей частью были сохранены, но довольно радикально перестроены, а их назначение резко изменилось. Они тракуются как природный ландшафт, не менее сложный и хрупкий, чем тропический лес или альпийский луг, поэтому пришлось выработать особые формы жилища и особые формы поведения, чтобы сохранять и усиливать соответствие. Некоторые старые центры трактованы как пустынный ландшафт, некоторые — как исторические памятники. Старые города уподоблены ландшафтному парку, в котором все обработано и ухожено таким образом, чтобы максимально выявить индивидуальность характера. Часть специализированных сооружений (небоскребы, многоэтажные жилые дома, роскошные отели и крупные заводы) оказалось трудно приспособить к новым функциям и их забросили или разрушили, придав акту разрушения характер торжественного ритуала. Каждое место наглядным образом выросло из своего предыдущего состояния, и этот рост, накладываясь на разнообразие ландшафтов и социальных связей, породил огромное разнообразие. История человеческого поселения зримо вошла в его настоящее.

Землей (впрочем, скорее пространством, так как заселены и подземные глубины, и мелкие моря) владеют те, кто ее исполь-

зуют. Но это владение означает лишь право на контроль и ответственность за него — пустая мечта о вечной, абсолютной, передаваемой из рук в руки личной собственности, наконец, развеялась. Люди осознали, что жизнь человеческая коротка, а место остается. В техническом смысле урбанизированные центральные ядра и основные магистрали управляются местными или региональными властями, тогда как все промежуточное пространство контролируется специальными региональными органами управления. В их обязанности — контроль за сохранением основных ресурсов, защита многообразия видов флоры и фауны, защита возможностей новых, будущих форм использования территории. Но это не общества охраны и не общества развития как таковые: их цель — сглаживание последствий непременно возникающих пертурбаций, предвидение тупиковых ситуаций и выработка стратегии избежания тупика, сохранение маневренности, подвижности поселения. Они представляют не только тех, кто их выбрал, но и тех, кто не имеет права голоса: другие виды существ, будущие поколения, цели которых неизвестны и потому за ними должна быть оставлена возможность их самостоятельной постановки и реализации.

Эти «тресты»¹ выдают лицензии на пользование пространством и иногда на пользование невозобновляемыми ресурсами индивидам, корпорациям, иным группам, а также жилым сообществам — семьям, группам семей, коммунам. Существует лимит на объем пространства, передаваемый лицу или группе, продолжительность лицензии различна, достигая максимума для жилых сообществ, где договорные отношения могут возобновляться и, как правило, выдаются пожизненно. Таким образом, жизнеспособное сообщество, поддерживающее число своих сочленов, может фактически владеть пространством неопределенно долгое время. Если же сообщества сокращаются из-за естественной убыли без свежего доступа извне, раскалываются изнутри или терпят «фiasco» в экономическом отношении, отданные им в аренду участки возвращаются тресту, распределяющему их вновь. Сообщества обычно малы, складываются или на базе родственных связей, или на основе чувства привязанности к определенному месту, но также и в связи с общей производственной деятельностью и единством образа жизни. Жилые сообщества часто поддерживают собственную систему обслуживания и собственное производство, но хотя, как правило, человек входит в какое-то жилое сообщество, он может работать или учиться в любом другом месте, быть членом внешней организации или союза. Свободная территория передается в аренду на определенные сроки общественным службам (дорожное хозяйство, школы и т. п.) или другим публичным организациям, равно как и частным лицам.

Хоть часть пространства находится временно под контролем множества действующих сил, подавляющий его объем фактически

¹ Линч использует слово «трест» в его первичном смысле — «пользующийся доверием и несущий за него ответственность». (Примеч. пер.)

принадлежит жилым сообществам. Тем не менее, все права владения могут меняться в ответ на изменения экологических условий, социальных связей или технологии. За исключением каких-то общезначимых святынь или реликвий, заповедных территорий и полос отчуждения вдоль магистралей, все границы и все формы владения подвижны.

Арендаторы могут самостоятельно осуществлять планирование на своей территории, тогда как региональные власти ответственны за проектирование путей, центральных ядер и инфраструктуры, имея право вмешиваться в локальное землепользование во имя сохранения ресурсов территории. Межрегиональные или международные агентства вправе отменить решение на региональном уровне, особенно в тех случаях, когда регион обладает известной монополией на ресурсы какого-то вида. Естественно,аций уже не существует и управление пространством осуществляется в первую очередь на региональном уровне — территориальными трестами, региональными властями и жилыми сообществами. У трестов относительно простая и постоянная задача сохранения ресурсов и способности к развитию. Власти озабочены качеством среды региона на среднесрочную перспективу, а также распределением обслуживания между группами. Главные средства их воздействия на пространство — выработка рекомендаций и стандартов качества, равно как и осуществление крупномасштабных реконструктивных работ. Именно местные группы фактически создают форму окружения и ее совокупное качество.

Новая система землепользования возникла не в одни сутки и должна была преодолеть немалое сопротивление. Обобществление земли на уровне региона началось достаточно рано разрозненными трестами, выросшими на базе общественных фондов или местного самоуправления. Первоначально к ним перешел контроль над сохранением незанятых территорий. Затем общественные средства удалось вложить в наиболее пригодные к развитию зоны, что позволило осуществить тщательное и систематическое планирование. Жилые сообщества начали занимать отведенные им территории, или выкуная их, или иногда самовольно занимая их, регистрируя в тресте свою заявку на владение. Тресты стали приобретать незанятые или пустующие участки, при этом крупные земельные владения необходимо было «регионализировать» с применением политического насилия, иногда смягчаемого единовременной или разложенной в виде пожизненной ренты денежной компенсацией. Мелкие землевладельцы, привязанные к своей собственности и боящиеся переселения, также нередко оказывали сопротивление, иногда подавляемое, но чаще преодолеваемое неспешно... При всей постепенности процесса форма контроля над территорией изменилась совершенно радикально¹. Формы землепользования менялись

¹ Развертывая свой вариант социал-демократической картины землепользования, Линч, по-видимому, использовал идеи книги П. А. Кропоткина «Поля, фабрики и мастерские», переизданной в США в 1974 г. и включенной Линчем в избранную библиографию. (Примеч. пер.)

еще медленнее: между самими трестами, между трестами и местным самоуправлением возникали и продолжают возникать пограничные споры. Нередко можно услышать жалобы на недостатки полученного в аренду участка и быть свидетелем интенсивного поиска нового места. Жилые сообщества чаще удовлетворены своими владениями, хотя и между ними иной раз возникают трения по поводу границ с соседями. Еще существуют многочисленные анклавные, не охваченные собственностью трестов, но уже очевидно, что рано или поздно все земли, кроме специальных заказников, перейдут в их руки. Медленный и фрагментарный процесс развития означает, что формы администрации и контроля имеют множество локальных вариантов, хотя общие принципы землепользования едины по характеру.

В этих условиях вполне естественно, что каждый фрагмент территории отмечен спецификой стиля жизни его обитателей, особенностями ландшафтной архитектуры и строительства, даже своей схемой инженерных сетей и транспорта. Расчлененные по месту, эти структуры контролируются земельными трестами и региональными властями в той мере, в какой это необходимо для обеспечения безопасности и здоровья жителей и сохранения территории. Во всем остальном внешнее регулирующее вмешательство минимально, и потому землепользование носит «лоскутный» характер, включая пустоши и пустыри, принадлежащие тресту, но не подвергаемые локальному надзору. Эти пустые пространства открыты для ненормированного спонтанного использования и служат местами неконтролируемого сосуществования видов. Тем самым некоторое количество «беспризорной» земли непременно имеется где-то поблизости, тогда как «пустыня» (в традиционном смысле «дикая») где-то существует своей жизнью и хотя при желании она достижима, это может быть сопряжено со значительными трудностями. В роли такой пустыни выступают острова, горы, большие болота, непроходимые заросли, подводные каньоны. Другие незанятые территории могут иметь анклавные обитания, где поселяются те, кто принципиально склонен к «естественному» или экзотическому образу жизни.

Населенные территории характеризуются мелкозернистой текстурой деятельности; производство и потребление, жилище и школа, быт и творчество тесно сопутствуют друг другу. Хотя для каждого открыта возможность путешествия куда угодно, нет необходимости в путешествии для того, чтобы достичь желаемой сферы деятельности. Обучение и воспитание не приписаны к школьным зданиям, детскому возрасту и специализированной службе — всякий вид производственной деятельности включает элементы обучения и отдыха, дети видят работу взрослых, а те следят за обучением детей, вернее, и те и другие работают и учатся вместе.

Этот новый пестрый ландшафт резко контрастирует с монокультурными ландшафтами прошлого: огромные поля агроиндустрии, огромные леса, выращиваемые только для того, чтобы их вырубить целиком, районы шахт и карьеров, бесконечная субурбия и

урбанизированные зоны летнего отдыха, колоссальные больницы и университетские городки, районы банков, промышленные узлы и аэропорты... места, где люди были разобщены, узко специализованы или присутствовали временно. Теперь крупномасштабную специализацию территорий стремятся не вернуть, а там, где она со-

щенные дома, и средних габаритов заводские цеха или залы сборочных, и сложные, компактные группы жилищ. Малые здания, как правило, собраны в кластеры и довольно часто встречаются плотные ядра общественных центров, занятых конторами, жилыми домами, специализированными видами промышленности, магазинами и

ландшафт, составленный из множества разбросанных в пространстве мест.

Итак, часть пространства внутри региона относительно замкнута, тогда как другая (в особенности центральные ядра) доступна в максимальной степени. Ландшафт представляет собой, таким образом, непрерывное чередование покоя и движения, интимного и общественного. Весь регион покрыт крупной сетью основных магистралей, стержни этой сети протянуты нерегулярно, чтобы обойти заповедник в одних случаях и подойти ближе к ядру в иных. Однако в целом сеть коммуникаций регулярна и непрерывна. Подобно ядрам, заповедникам и особо примечательным ориентирам, это постоянный элемент ландшафта. По этой сети идут основные потоки людей, товаров, посланий, энергии и отходов.

Одновременно используются весьма разные средства передвижения. Там, где удалось, шум и загрязнения устранены, там, где нет — степень их строго регламентирована. Гораздо чаще, чем раньше, люди идут пешком или на лыжах, бегут на коньках или едут на велосипеде, используя для передвижения мускульную энергию. Второй тип коммуникационной сети регионального уровня отдален беспешному и безопасному движению или движению ради наслаждения им. Если главная коммуникационная сеть управляется региональными властями, то «вторые» дороги в значительной степени контролируются обществами «любителей пути». Внутри двойной сети расходятся капилляры дорог, дорожек и троп, поддерживаемых теми, кто их использует, и часто меняющихся по мере изменения функций пространства. Внутри урбанизированных ядер пути приобретают трехмерный характер. Все пути спроектированы так, чтобы делать путешествие увлекательным приключением.

Каждый может передвигаться куда угодно. Для детей, стариков и инвалидов имеются экипажи, легко можно справиться с ручной кладью. Нет порогов, на которые не в состоянии взобраться человек в инвалидной коляске, и нет препятствий, на которые может наткнуться слепой. Нет местного проезда, который не мог бы спокойно пересечь ребенок, и вся пространственная система построена на возможность свободного перемещения детей в пространстве, чтобы они могли наблюдать, слушать, пробовать, открывать, учиться. Право общедоступности ограничено только соображениями охраны ландшафта от необратимых нарушений. Побережья морей, озер и рек доступны для всех. Большинство людей прочно укореняется на месте, но проводят немалое время в путешествиях — историко-культурное разнообразие мира, привлекающая молодежь, имеет огромное значение для становления личности. Повседневные, обязательные перемещения стали реже и короче, поскольку все живут ближе к работе, а отдых означает уже не столько бегство от привычного, сколько самообновление в привычном окружении. В то же время знакомство с далекими местами распространено гораздо шире, чем когда-либо раньше.

Основные средства транспорта и связи причислены к базисным и потому бесплатным общественным удобствам. Большая

часть построек в минимальной степени использует энергию извне и сооружается в основном из местных материалов. Они, как правило, простые, невысокие, легкие, отапливаются и охлаждаются прежде всего за счет местных источников. Ограждающие конструкции реагируют на колебания погоды, открываясь и закрываясь, меняя прозрачность. К сожалению, множество неудобных и массивных конструкций сохранилось от предыдущей эпохи — города нельзя трансформировать мгновенно. Пришлось затратить немало изобретательности, чтобы сохранить обитаемыми эти старинные сооружения, подрезая их, пробивая стены и кровли, прорезывая, перестраивая внутри. Те, кому приходится жить в старинных кварталах или работать в старинных небоскребах или фабриках, имеют существенную скидку в оплате за услуги, впрочем многим нравится жить в этих старомодных оболочках. В ряде случаев, как уже говорилось, старые городские территории превратились в пустыню или карьеры полезных ископаемых.

Повторное использование материалов распространено шире, чем введение в технологический оборот новых. Часть отходов подвергается интенсивной переработке, другая — безостаточному уничтожению. Сооружения проектируются так, чтобы легко было изменить их функции или сломать и выстроить заново и иначе. Испытание и оценка материалов или проектных решений непременно включают критерий легкости демонтажа или перестройки...

Аналогично вниманию к кругообороту материалов, выросло внимание к кругообороту жизни поселений. Наряду со стратегиями роста отработаны и стратегии упадка: недавнее празднество по поводу превращения Манхэттена в кластер из нескольких локальных общин вызвало всеобщее восхищение. Люди заняты рыболовством, специализированным досугом и добычей строительных материалов. Ландшафт руин подобен средневековому Риму, но в отличие от Рима это здоровое и комфортабельное место, не угнетенное собственной историей и вместе с тем сохраняющее чувство приподнятости, влекущее сюда множество приезжих.

Элементы ландшафта обретают везде собственный характер — даже дороги утратили стандартность и связанную с ней монотонность. Всякий путь индивидуален, вращаясь в природу и культуру неповторимым образом. Проектирование и создание ландшафта трактуется как высший тип искусства, и потому небольшие группы стремятся взять на себя ответственность за формирование и поддержание фрагмента общественной территории — это наиболее престижно. Новые варианты созидания ландшафта подвергаются заинтересованному обсуждению. Старые схемы ландшафтной архитектуры перестраиваются, но некоторые, признанные классическими образцами, заботливо сохраняются и изучаются — это в особенности относится к исторически ранним образцам, сыгравшим роль вех на марше к нынешней утопии.

Управление, поддержание в ценностном отношении приравнены к проектированию и сооружению. Люди учатся осваивать окружение с помощью всех чувств, они активно переживают простран-

ство, перемещаясь в нем, закапываясь в него, вслушиваясь в его ответы. Прочие искусства — театр, поэзия, скульптура, музыка — обостряют чувство места, усиливая звучание очеловеченного ландшафта...

Разумеется, эти отрывочные записи принципиально неполны, так как, характеризуя отношение человека к месту, в минимальной степени затрагивают сами межчеловеческие отношения. Это сделано сознательно, так как нам важно здесь подчеркнуть значение обычно игнорируемой темы: другие утопии, как правило, впадают в противоположную крайность. Мы ограничились только перечислением желаемого, но ведь само по себе стремление уже представляет собой путь к исследованию, и в первую очередь настоящего, поскольку все, что можно вообразить для будущего, уже присутствует в настоящем, но укрыто от внимания или малозаметно.

Темы, затронутые в этой главе, все заимствованы из исторического прошлого и живой современности: от сегодняшних коммун и «вечных» ферм, от садов и «городов-садов», от территории, принадлежащей племени, и летней дачи или туристской стоянки, от заросшего сорняками пустыря и ландшафтов детства, священных оград храмов и древних городов, оживленных площадей и даже всеми презираемой американской субурбии. Идеиное содержание утопии рождено литераторами, живописцами, фотографами, кинорежиссерами и поэтами; оно звучит в высказываниях студентов, на страницах путеводителей и мемуаров или записок антропологов. Нарисованная здесь картина почти ничем не напоминает современный большой город, но ведь огромные скопления людей не устранишь и полная перестройка решительно невозможна по экономическим, политическим и психологическим причинам. Более того, расширяющаяся в пространстве метрополия уже формирует первооснову более рассредоточенного стиля жизни. Во многих случаях техническая инфраструктура урбанизированного ландшафта возникает и укрепляется буквально на наших глазах.

Перестройка окружения — идея, привлекательная тем, что охватывает практически все: внутреннее чувство и внешнюю форму, связь науки, искусств и этики, отнесенность индивида к локальному сообществу и к мировому сообществу людей, взаимосвязь и развитие мира людей и мира всего живого. Действительное обновление облика Земли и системы расселения на планете было бы, будет крупнейшим человеческим предприятием со времени неолитической революции.

А. Краткий обзор функциональных теорий

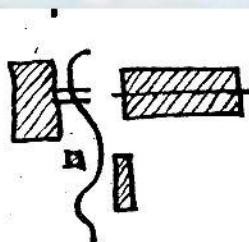
Это сокращенный свод ведущих концепций формирования города и его функционирования, т. е. теорий, в которых два вопроса приобретают ключевое значение: как город стал таким, какой он есть, как «работает» город? Авторы концепций смотрят на феномен города с весьма разнящихся исходных позиций: одни из них развиты в большей степени, чем другие. Точки зрения сгруппированы под метафорическими заголовками, соответствующими обобщенному образу, через который воспринимается объект. Эти образы определяют выбор абстрагируемых элементов и форму модели функционирования.

1. *Город — это выражение исторического процесса.*

Многие исследователи города отрицают возможность формирования общей, универсальной теории возникновения городов. Каждый город трактуется ими как уникальный, уплотняющийся процесс исторического развития. Особенности его нынешней формы обусловлены длинной цепью событий, подчинявшихся случайностям общей истории и места, широким закономерностям климата культуры, экономической и политической системы. В связи с этим объяснить город значит рассказать о нем, и у каждого города свой рассказ. Нет оснований для обобщения.

Специальные исторические изыскания весьма полезны, когда речь идет об осмыслении возможного действия в конкретном месте о сиюминутных решениях уточненных схемах. Они беспен...

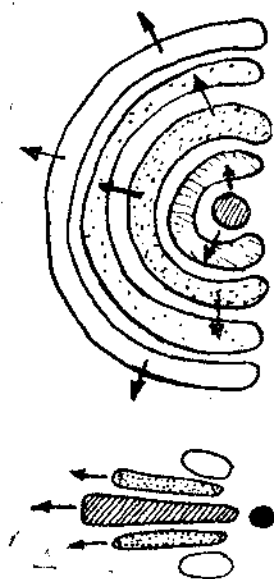
общество как на систему относительно ста-
бильных групп, теоретики пытались объяс-
нить общий рисунок строения территории,
включая его изменения. Использовались
планировочные рисунки землепользования
и картина растительности. Главным объ-
ектом исследования был современный за-
падноевропейский и североамериканский
город.

В рамках этой доктрины единственным элементом структуры оказывается «плотно» на карте, люди распределены по группам, форма анализа — преимущественно статистическая. Как правило, город трактуется как моноцентричное поселение и вся схема соотносится с одним центром. Для обогащения схемы используются пространственные образы: кольца, оси, сектора, ядра, волны. Группы людей рассматриваются извне — прежде всего с точки зрения проживания, места работы и переселения. Возникает схема линейной динамики: разрастание *вовне*, зависимое от возраста территории и распределения сил притяжения и отталкивания. Важную роль играет концепция последовательной смены локализации социальных групп, построенная по аналогии со сменой растительных видов на одной территории. Эта схема замещения проецируется на типичный рисунок генерального плана города — серию концентрических колец, радиальный рисунок, чередование секторов и т. п. Это всегда эмпирическое описание, в целом отталкивающееся от образа развития «высокоразвитых» капиталистических стран. В ходе анализа удается выявить несколько характерных обобщений относительно структуры города, что позволяет в дальнейшем сопоставлять города между собой. Идеи развития секторов инфраструктуры, последовательности размещения социальных групп в пространстве, представление о «волне» нарастания и спада плотностей оказываются полезны для прогнозирования краткосрочных изменений современных западных городов при условии сохранения фундаментальной социально-экономической структуры.

Работы в этом направлении дали недавно новую вспышку в форме так называемой факторной экологии, в рамках которой весьма изощренная статистическая техника используется для анализа изменения соотношения сложно-смешанных социальных групп в пространстве. При безусловной строгости количественного подхода работа отличается чистым эмпиризмом без сколько-нибудь целостного теоретического объяснения происходящего.

Концепции работают с событиями в их динамике, но это динамика коротких циклов, рассчитываемых на основе предположения о сохранении действия сегодняшних сил. Соответственно, мы имеем дело с аисторической программой, которая в той же мере направлена на оправдание существующего положения дел, как и на его объяснение. В складывающейся картине действующие «силы» (этническая разобщенность, стремление индивида занять более высокую позицию на шкале доходов) трактуются как справедливые или, во всяком случае, естественные и неизбежные, а

пространство интерпретируется лишь как нейтральная среда, через посредство которой социальные группы могут вступать во взаимодействие. Город представляет собой не более чем количественное распределение рабочих мест и жилищ. С прочими качествами среды, включая трехмерность формы, качество восприятия, социальную осмысленность, в рамках избранной схематизации работать трудно. Результаты исследований полезны для анализа актуального состояния социальной интегральности населения города и вопроса о равенстве доступности пространственных ресурсов, но, к сожалению, материал чрезвычайно трудно поддается освоению.

Подобные претензии значительно труднее адресовать некоторым новейшим экологическим исследованиям локальных сообществ, когда мы сталкиваемся со специфическим возрождением старой чикагской традиции. Лучшие из этих работ (по-прежнему они сугубо эмпиричны) дают тонкое аналогическое описание целостности местных систем, охватывая социальные группы, рисунки поведения, представления людей и предметно-пространственные формы. Это заинтересованные описания малых групп людей, действующих в своем естественном окружении.

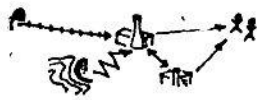
3. *Город — место производства и распределения товаров.* Вторая из наиболее заметных теоретических интерпретаций города сводится сегодня к его анализу в роли экономической «машины». Это направление имеет свою долгую историю и на сей день произвело обширный и добротный научный материал. Город здесь трактуется как распределение деятельности в пространстве, облегчающее производство, распределение и потребление товаров. Первичная идея заключается в том, что пространство увеличивает цену производства из-за времени и энергии, необходимых для движения вещей, и потому экономическая активность самопроизвольно тяготеет к минимизации этих дополнительных затрат. Одновременно само пространство является ресурсом, предоставляя место производству и потреблению, и потому различные виды деятельности конкурируют между собой в стремлении захватить пространство и технические средства его преодоления. Пространство расчленено и его фрагменты различаются свойствами, что влияет на их ценность.

В рамках такого подхода пространство как расход и место вводится в оптимизирующую «машину» классической экономической теории. Ведущим понятием становится равновесие, взаимодействие множества решений, порознь принимаемых «человеком экономическим», имеет тенденцию приводить структуру пространства к равновесию, обеспечивающему (при наличии ресурсов) наиболее эффективную форму производства и распределения товаров. Такого рода экономическая доктрина по природе своей статична, хотя эта статичность складывается из множества репродуктивных циклов.

Одна из ветвей науки сосредоточена на локализации промышленного производства — в первую очередь добывающего и пере-

рабатывающего, связанного с перемещением огромных масс на значительные расстояния. Анализ ведет к нахождению точки равновесия, наиболее сбалансированной локализации, объясняет тенденцию связанных отраслей производства сосредоточиваться в компромиссной «точке», вызывая в дальнейшем их дополнительное разрастание. Теоретическое знание стремится в этом случае не только и не столько объяснить историю локализации производств, но и показать, где следует размещать производство — сбалансированная локализация отнюдь не связана непосредственно с рыночной конкуренцией, будучи соотнесена с оптимумом как таковым. Соответственно, концепция баланса широко используется (в особенности в СССР и других социалистических странах) для планирования размещения новых отраслей производства и связанных с ними поселений. Опираясь на соображения эффективности производства и минимизации транспортных расходов, доктрина автоматически становится на сторону крупных городских поселений, обслуживающих предприятия тяжелой индустрии. Заметим в скобках, что этот «идеал» был реализован практически в ходе индустриализации XIX столетия!

Вторая ветвь исследований образована развитием теории центральных мест, разработанной Вальтером Кристаллером в 1933 г. Сейчас это ясная, систематизированная группа идей, развитая в серьезной литературе и опробованная во множестве эмпирических ситуаций. Подобно теории размещения производства, эта концепция наиболее полно выражена на региональном или общенациональном уровне, однако в отличие от первой, имеет дело больше с коммерцией, чем с производством. Отталкиваясь от идеи бесформенного и бесструктурного пространства, унифицированных цен перевозки товаров, дисперсности размещения производства и потребителей и дифференциации масштабов коммерческих операций, концепция демонстрирует непреходящий характер возникновения иерархии центров распределения. Каждый центр организует вокруг

себя шестиугольную территорию «рынка», и шесть таких центров и территорий оказываются внутри шестиугольной же территории, принадлежащей центру следующего ранга, и т. д.

Такого рода ранжирование центров, шестиугольная решетка территорий и следующая из нее тройничная система путей увеличивают до максимума эффективность распределения товарной массы и

ния размещения торговых центров в городах и урбанизированных районах, ее же нередко используют в качестве аргумента программ упорядочения иерархии городов в национальном масштабе.

Однако подавляющая часть сложности современного города не охвачена и не может быть охвачена экономической концепцией. Это снова статичная картина равновесия в пространстве, трактуемом как пустой контейнер.

4. *Город как силовое поле*, Авторы некоторых работ приравнивают города полям электромагнитных или гравитационных сил. Города состоят из обособленных частиц

(люди), распределенных в пространстве, передвигающихся в нем и общающихся между собой. Более чем что-либо иное город является собой поле общения, коммуникации. Отсюда соблазн прибегнуть к заимствованию концепции поля; являющейся столь мощной метафорой в мире физики. Приравнивая людей к точечным электрическим зарядам или телам с равной массой, можно изобразить поселения и системы поселений как непрерывные поля, подчиняющиеся закону инверсии квадратичных расстояний.

Затем можно использовать карты потенциалов для прогнозирования изменений в будущем; включая тенденции к слипанию городов в агломерации, и объяснить потоки — покупателей, телефонных разговоров, заказов и т.п. Влияние различных барьеров и первичное неравенство могут быть легко учтены за счет того, что людям даются разные «массы» соответственно уровню дохода; реальные затраты времени на перемещения можно внести в условные перемещения по кратчайшим расстояниям; изменение, обратно пропорциональное расстоянию, может быть усложнено так, чтобы соответствовать данным эмпирических исследований... Элегантно, просто, применимо. Вполне естественно, что такая модель используется, в первую очередь, для исследования транспортных потоков, для прогнозирования изменений в связи со строительством новой магистрали, или изменением пропускной способности прежней, или сдвигами в землепользовании. Возникает возможность строить целостную абстрактную модель, в которой город трактуется как переменное поле сил, формируемое переменными распределения людей, привлекательных или отталкивающих друг друга элементов, — поле, к которому можно приложить атрибуты физического поля: давление, скорость, масса, ускорение, ударные волны, локальные девиации и т.п. Для объяснения неправильностей пространственной структуры можно привлечь аппарат теории графов, теорию катастроф и другие топологические концепции. Все это достаточно любопытно и в настоящее время предпринимаются попытки найти практическое применение вариантам модели.

Разумеется, охарактеризованная точка зрения опирается на ряд непредъявленных ценностных суждений. Люди представляют здесь собой неизменные, лишённые сознания частицы, заранее известным образом реагирующие на игру динамических сил вокруг них. Модель динамична, но ее правила остаются неизменными. Взаимодействие людей выступает как ведущий фактор градостроения. Соответственно, по-видимому, наилучшим поселением следовало бы считать такое, для которого показатель взаимодействия был бы наивысшим. Максимизация общения сомнительна в роли нормативного принципа, однако ничто не мешает воспользоваться той же концепцией для оптимизации взаимодействий (что, впрочем, требует установить, что такое оптимальная мера взаимодействия).

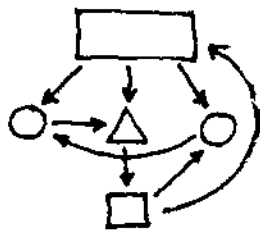
5. *Город как система взаимосвязанных решений.* Электронно-вычислительные машины дали возможность исследовать город с новой точки зрения, вернее, с той позиции, которая раньше пред-

полагала формирование интуитивного образа-описания, однако не имела средств для анализа. Речь идет о представлении, согласно которому город не вырастает сам по себе, будучи продуктом совокупности многократно принимаемых решений. Эти решения вырабатывают индивиды и учреждения, различающиеся целями и средствами действия, постоянно испытывающие на себе воздействие решений, принятых другими индивидами и учреждениями. Такой поток решений вместе с результирующей траекторией изменений градостроительной формы поддается моделированию как сложная система. Она охватывает набор определенных элементов, состояние которых может быть количественно описано в данный момент времени, конечное множество прямых и обратных связей между такими элементами. Связи представлены через монокомпонентные решения отдельных лиц, фирм и учреждений. Построить абстрактную «машину» из таких элементов и связей можно только в том случае, если можно строго описать по уровням группы действующих сил (а также причины и средства действия, равно как и воздействие состояния всей системы на характер решений) и все элементы системы, их состояние (и то, как это состояние воздействует на цель решений и испытывает обратное воздействие). Будучи пущена в ход, подобная «машина» способна воспроизвести последовательный ряд форм, характерных для реальных поселений.

Чтобы математически строго определить элементы и связи между ними, приходится принять весьма значительное число допущений, каждое из которых (а тем более их сочетание) может существенно повлиять на результат. Впрочем все такого рода допущения необходимо делать открыто и четко, так что возможность их критического анализа всегда сохраняется и при дополнительных затратах труда можно варьировать допущения, перестраивать модель и следить за характером изменений результата.

В развитом виде, по крайней мере теоретически, подобные модели способны объяснить наличные градостроительные формы (т. е. воспроизвести их) и предсказать их дальнейшую эволюцию. Такие модели довольно широко применялись для «прогнозирования задним числом» в сфере транспортного планирования на региональном уровне, однако их продуктивность для предсказания будущих событий, даже на короткий отрезок времени, до сих пор исчезающе мала. Возможно, что модели еще недостаточно отработаны.

Одним из вариантов модели решений является игра, в ходе которой «актеры» получают определенные описания ролей, ограниченный набор мотивировок и средств действия и символически оперируют различными элементами города (участки, объемы нового строительства, капиталовложения, нормы и т. п.). Элементы сопряжены между собой и реагируют на действия «актеров» согласно программе, хранящейся в

памяти ЭВМ. Развитие субурбии, например, можно воспроизвести с участием вполне реальных действующих лиц, но в сжатое игровое время. Будучи неэффективны в качестве средства прогнозирования, игры оказываются весьма полезны для объяснения механизма развития города и дают «актерам» живое чувство реального процесса. К сожалению, симуляционные игры отличаются, наряду с педагогическими достоинствами, важным, хотя и тонким недостатком. Возбуждая и стимулируя процесс понимания, игра усиливает наше убеждение в том, что роли и правила даны раз навсегда и что реальная жизнь представляет собой арену состязания, на поверхности которой все бурлит, тогда как структура действительности остается неколебимой.

Модели, формализующие решения, отличаются и другими ограничениями. Одно из них заключается в том, что модель по необходимости должна включать данные количественного характера и не охватывает сугубо качественные характеристики. Слабодифференцируемые, сублильные, оттеночные характеристики гораздо труднее включить в модель, чем стандартизованную информацию, включая стандартизованные же ценностные суждения. Высокий уровень абстрагирования по необходимости требует весьма жесткого отбора информации. Утверждения, вводимые в модель, должны быть сформулированы точно, так как в модели невозможно отобразить двойственность и неопределенность, столь характерные для мира, который мы знаем. В самой своей сути концепция содержит сугубо механистическую метафору: мир представляет собой огромную машину, собранную из отдельных, независимых частей и жестких связей между ними. Машина функционирует циклами, подобно паровому двигателю, но только более сложна.

Другие слабости модели очевиднее и проще. Преимуществом ее является динамический характер — мы не возвращаемся постоянно к некоему сбалансированному состоянию, а конструируем «историю» города. В то же время, хотя элементы меняются, характер связей между ними остается постоянным: всякая игра заканчивается, но правила ее остаются. При достаточной длительности игры мы или исчерпаем ее возможности, придя к некоторому «окончательному» состоянию системы, или накопление флуктуаций приведет к кризису и «взрыву» модели изнутри. Модель позволяет вводить представление о радикальном изменении принципа действий, но до тех пор, пока правила соединения элементов остаются постоянными, всякое нововведение должно или свестись к нулю или разрушить систему вместе с нами.

Игровые модели на первый взгляд кажутся нейтральными в ценностном отношении, но в действительности они выражают собойприятие мира таким, каков он есть, допуская и предсказывая результаты лишь минимальных изменений статус-кво. Отсюда формирование убежденности в том, что только такие изменения и возможны. Наконец, добавим, что модели дороги и сложны, так что, даже усомнившись в том или ином допущении, трудно рассчитывать на их простую и быструю перестройку. Поэтому очевидно,

что нужны более конкретные, частичные, менее сложные модели. Чисто интуитивно кажется верным отобразить город через поток решений, тем более, что лежащая в их основе мотивировка наиболее очевидно соотносит модель с теорией ценностей.

6. *Город как арена конфликтов.* Экологическая, экономическая теория города, теория множественности решений предполагают конкуренцию между различными действующими силами. В первых двух речь идет о конкуренции за ресурсы и средства, и она рассматривается как одновременно неизбежный и благотворный фактор сложения динамического равновесия. В третьем случае конкуренция носит более сложный характер, так как результирующий эффект взаимодействия различных целей и средств является во многом неопределенным. Наконец, существует еще одна точка зрения, согласно которой конфликт выступает в качестве ведущей силы градообразования.

В известном смысле это очень давняя концепция. Издавна существовала практика возведения новых городов для эффективного господства над покоренной территорией, для защиты ценных ресурсов от нападения, для защиты границ. До недавнего времени городские укрепления служили основным материальным компонентом городской застройки, более того, соображения фортификации во многом определяли локализацию города, его форму и плотность. Оборонительные стены и башни воплощали в себе символическое значение города, тогда как его планировочный рисунок служил охране господства аристократии или эффективному контролю над угнетенными классами или группами иноземцев. Естественно, что градостроительство накопило огромный запас умения вести защиту, расчленив, укреплять что-то господство физически и символически. Достаточно долго город трактовался как своего рода пространственное оружие в значительной большей степени, чем двигатель экономики.

В исторически недавнее время развитие вооружений во многом ликвидировало прежние соображения фортификационного характера, тогда как марксизм, сосредоточенный на рассмотрении борьбы классов в качестве двигателя истории, обратился к городу как воплощению классовой борьбы. Хотя еще Энгельс продемонстрировал ориентированную таким образом заинтересованность структурой города в своем классическом анализе Манчестера, только недавно марксисты начали систематическим образом трактовать пространственные отношения как объект теоретического исследования¹. Город рассматривается в одно и то же время как стихийный продукт действия капиталистической экономики («нежелательное» разрастание трущоб, например) и результат сознательного стремления укрепления классового господства буржуазии (расчистка старых кварталов под новое строительство, сооружение

¹ Необходимо иметь в виду, что Линч не знаком с марксистской литературой социалистических стран и опирается исключительно на труды американских, английских и французских ученых, декларирующих приверженность марксизму — Гордона, Харви, Ричардсона, Лефевра и др. (*Примеч. пер.*)

жилищ для рабочих). Город интерпретируется как предметно-пространственное орудие, используемое для экспроприации прибавочного продукта. С точки зрения марксистов, именно это обстоятельство вызвало эволюцию города через стадии торгового, промышленного и монополистического капитализма и объясняет характерные черты города на каждой из этих ступеней эволюции.

Этот взгляд на город позволяет мотивированно включить в рассмотрение типические отклонения (локальные соседства, не полностью предопределяемые природой базисного конфликта), равно как и несовпадение интересов внутри господствующего класса — в частности, конфликт целей между земельными спекулянтами и промышленниками. Теория трактует город как следствие длительного исторического процесса, подчеркивая значение накладывающихся противоречивых признаков, одни из которых являются реликтом прошлого, другие — ранними проявлениями будущего. Теория характеризуется внутренним динамизмом, будучи контрастна большинству ранее очерченных концепций, в каждой из которых изменение рассматривается как вновь наступающее восстановление равновесия, правила игры неизменны, и главной целью является совершенствование статус-кво. Марксистская теория не только допускает возможность фундаментальной перестройки, но трактует ее как неизбежность. Объясняя эволюцию города в эру индустриализации и промышленной революции, эта теория убедительно интерпретирует многие аномалии градостроительной формы и подобно чисто исторической доктрине обладает живостью и чувством непрерывности развития, добавляя к этому владение крупными обобщениями.

Любопытно отметить, что подавляющая часть литературы по теории градостроительной формы удивительно скучна. Более того, эта теория обладает свойством забываться — часто очень трудно припомнить основную линию теоретического доказательства. Разумеется, теория пишется не для развлечения, но ведь действительно успешное объяснение внутреннего механизма того, что ранее оставалось невразумительным; непременно увлекает. Это может быть трудным, но если понято, закрепляется в памяти навсегда: достаточно назвать главные идеи Дарвина или фундаментальные законы механики. Если градостроительная теория так неувлекательна, то за этим скрывается нечто большее, чем слабость формы. Это несомненный признак непреодоленных внутренних трудностей.

Б. Модели градостроительной формы

Здесь собран свод моделей градостроительной формы, используемых до настоящего времени. Мы не рассматриваем детализованные структуры, нас интересуют только прототипические формы на уровне города и краткая характеристика их свойств. Поскольку необходимо сделать свод возможно более полным, некоторое по-

вторение материала, изложенного в главах книги, является неизбежным.

1. *Звезда*. Согласно древней доктрине, оптимальной формой среднего и крупного города является радиально-кольцевая схема или звезда. Необходим единый, доминирующий над окружением центр (высокая плотность, смешанное землепользование), от которого расходятся радиально от четырех до восьми транспортных осей. С этими осями совмещаются как массовое транзитное движение, так и основные дороги. Вторичные по рангу центры располагаются на главных осях через определенные интервалы, наиболее интенсивные функции или сосредоточены вокруг вторичных центров, или вытягиваются вдоль осей. Более спокойные формы землепользования занимают ленты по обе стороны главных радиусов, а остальное пространство между «пальцами» развития занято зелеными клиньями. На известных интервалах радиальные магистрали охватываются кольцевыми дорогами, свободными от сопутствующих лент застройки везде, кроме пересечений с радиусами.

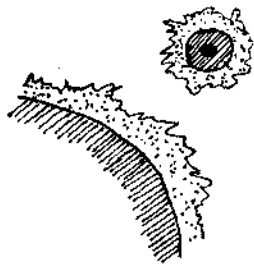
Модель является переосмыслением спонтанно возникшей формы, сложившейся в связи с интенсивным разрастанием центрального городского ядра вдоль растянувшихся волны линий общественного транспорта. Схема допускает активность плотного «городского» центра при последовательном снижении плотности застройки для вторичных центров и полос развития. Система движения эффективна до тех пор, пока основной объем перемещений ориентирован на центр. Подавляющая масса жилой застройки имеет хорошую доступность относительно центра, охраняя кратчайшую связь с зелеными клиньями. Расходясь, клинья непосредственно связывают центр с сельскохозяйственной округой, позволяя проложить автономные маршруты для пешеходов и велосипедистов. Город может разрастаться без ограничений.

Наиболее систематический обзор этой модели можно найти в работе Х. Блюменфельда (1949 г.) «Теория градостроительной формы в прошлом и настоящем». По этой схеме организован план Вашингтона, широко известный генеральный план Копенгагена, ей во многом соответствует генеральный план Москвы. Черты этой модели ярко проявились во множестве городов XIX и XX столетий, однако крайне редко удалось сохранить базисную структуру — особенно в капиталистических странах, поскольку необходимо сильное централизованное управление, чтобы сберечь от застройки зеленые клинья. По мере удлинения «лучей» роль магистралей все возрастает и либо они обособляются, либо начинается застройка вдоль кольцевых дорог. По мере удаления от центра схема все больше начинает напоминать разомкнутую сеть с узлами подцентров на основных пересечениях. С нарастанием объема движения сохранить удобство застройки

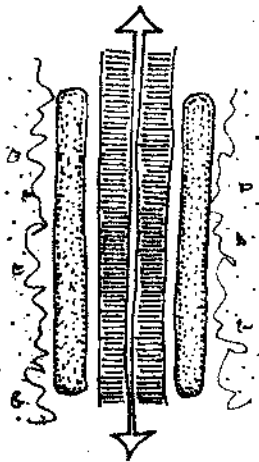

в лентах вдоль радиальных магистралей все труднее; ядро системы начинает задыхаться, если размеры превосходят некоторый эмпирический предел. Все же модель обладает множеством достоинств, в особенности для городов небольшой величины. Этой модели отдают предпочтение авторы большей части транспортных схем, географы и экономисты, исследующие город.

2. *Города-спутники.* Идея городов-спутников, на некотором расстоянии окружающий центральный город, обнаруживает свое несомненное родство с концепцией «звезды». Сохраняется главное урбанизованное ядро, сохраняется радиально-кольцевая схема, но развитие приписывается самостоятельным городским или квазигородским ядрам, удаленным от ядра на значительное расстояние. Идея ограничения роста крупного города является здесь ведущей: предполагается, что достигая определенного порога, город становится менее эффективен, а качество жизни в нем ухудшается. Центральное ядро должно сохраняться в существующих габаритах или даже несколько сократиться, тогда как города-спутники планируются на оптимальную численность населения. Если рост достигает заранее установленного предела, возникает новый город-спутник. Спутники отделены от метрополий широкой полосой обрабатываемых сельскохозяйственных земель и сами окружены зеленым кольцом.

Эти зеленые кольца играют ту же роль, что клинья в первой модели. Каждый спутник должен иметь свой центр, свою систему обслуживания и некоторый объем производства. Повседневные перемещения носят преимущественно локальный характер. Оптимальная емкость города-спутника оценивалась весьма различно: от 25 000 до 250 000 жителей. По мере старения идеи оптимальное число имело тенденцию к увеличению.

Классическое выражение идеи содержится в книге Эбенизера Говарда «Города-сады будущего» (1898 г.), которая получила всемирное распространение и послужила основой официальной градостроительной политики во многих странах, включая послевоенную программу строительства новых городов в Великобритании. Хью Стреттон в своей книге «Образ австралийского города» (1971 г.) вновь возродил аргументацию в пользу старой концепции. Города-спутники были построены, зеленые кольца удалось сохранить, но общий процесс урбанизации упорно поднимал «потолок» оптимальной величины, а крупнейшие города, которым спутники должны были помочь остановить-

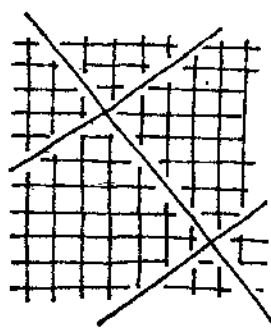
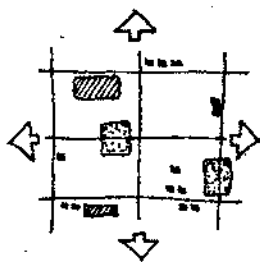
ся в росте, продолжали расширяться. Невозможно установить, был бы этот рост медленнее и меньше без городов-спутников. Тем не менее, модель оказалась исторически наиболее влиятельной и продолжает постоянно воспроизводиться в предложениях для множества конкретных ситуаций.

3. *Линейный город.* Концепцию линейного или линейного города неоднократно выдвигали как новое теоретическое предложение, однако попыток ее реализации было немного. Основой формообразования является транспортная магистраль (или «шнур», образованный параллельными магистралями), вдоль обеих сторон которой вытягиваются системы производства, торговли, обслужи-

лок ситуации, где особенность территории предопределяет характер развития города, как например, в Сталинграде (проект которого разрабатывал Милютин). Линейная схема чаще используется в сугубо ограниченном масштабе, как это происходит с торговыми пешеходными улицами в настоящее время. Та же форма встречается

правления перемещения много беднее. Хотя каждый живет у магистрали, транспортная система не может обеспечить возможности остановки в каждом пункте линии, неизбежно расчленяя последнюю на перегоны между станциями. В результате произвольная точка на главной оси столь же удалена от остановки, как и точка, значительно отстоящая от линии в сторону. Как известно из практики, то же относится и к автомобилю на скоростной магистрали, когда расстояния велики, а движение интенсивно. Этот пример показывает, почему линейная форма работает в малом масштабе, а не на уровне города: пешеходная улица, лодки на канале, велосипедные дорожки, медленные трамваи, автомобили на улицах с ограничением скоростей — все это позволяет начать, прервать и окончить движение почти в любой точке на линии.

Отсутствие интенсивных центров сдерживает возможность осуществления идеи, так как некоторые функции реализуются в полной мере только в тесном соседстве с другими, и к тому же интенсивность жизни центра обладает важными психологическими качествами. Предполагаемая гибкость схемы обнаруживает свою иллюзорность; реальное изменение может происходить на концах линии либо под прямым углом к ней (что означало бы крах всей схемы). Следовательно, ни один тип занятости не может развиваться быстрее других, если только соседний не деградирует с такой же скоростью. Более того, есть немалая вероятность, что вдоль линии могут возникнуть серьезные перепады развития, перепады качества вдоль той же линии, что грозило бы ускоренным разрастанием неравенства обслуживания и доступности. Там, где, как в милитинском «Соцгороде», ленты с разными функциями параллельны между собой, они оказываются в плену одновременности и строгой параллельности развития; если такой параллелизм нарушится, рухнет вся схема.

И все же как многократно возвращающееся увлечение и как практическая форма, появляющаяся постоянно в малом масштабе, линейная модель обладает определенным смыслом — для определенных ситуаций, для специфических функций и в определенных пространственных габаритах.

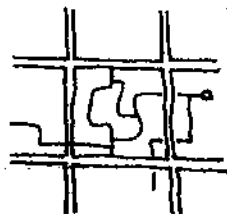
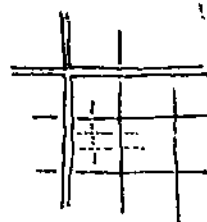
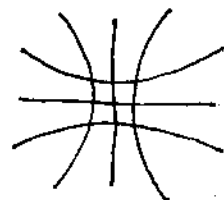
4. *Регулярная решетка.* В отличие от предыдущей модели, здесь мы сталкиваемся с формой, осуществленной в бесчисленном множестве примеров: Ведущая идея совершенно элементарна: прямоугольная сетка дорог расчленяет территорию на равные блоки и может быть продолжена в любую сторону. В принципе форма не имеет внешней границы или центра (центров). Функция не привязана к месту, поскольку все точки, за исключением периферийных, рав-

недоступны и все участки имеют идентичные очертания в плане. Изменения, рост могут произойти в любом пункте внутри сетки или за счет ее расширения вовне. Стандартизация участков облегчает стандартизацию проектных средств. Любопытно, что та же форма оказывалась предпочтительной с прямо противоположных точек зрения: как путь к осуществлению централизованного контроля и соответствующего ему магического совершенства, как средство самореализации идеи социального равенства.

Хотя наличие центров плохо согласуется с идеей «чистой» решетки, введение их внутрь нее не представляет собой сложности — до тех пор, пока габариты центра и интенсивность его использования не достигают пороговой величины. Решетка может быть замкнута по периметру произвольным образом, можно установить иерархию улиц, вся схема может включать даже существенные локальные деформации для большего соответствия особенностям территории — все это при сохранении основных топологических свойств системы организации пространства.

Решетка использовалась в практике градостроительства с глубокой древности как в «магических» городах Китая или Японии, так и прагматически организованных колониальных городах античной Греции и Рима, средневековой Европы или испанской Америки. В действительности, разумеется, решетки не более схематичны и безмасштабны, чем любые другие формы. Нигде не встретишь неограниченного разрастания схемы без существенных изменений интенсивности потоков и плотности функционального использования центральных зон, что непременно сказывается на внешней форме. Там, где возникают значительные центры, они придают переменную напряженность ранее безразличной уличной сети. Если все улицы равны, распределение транспортных потоков оказывается совершенно непредсказуемым. Если отсутствуют диагональные магистрали, связь между удаленными пунктами чрезвычайно вытягивается и усложняется. Если такие диагонали введены, как в Вашингтоне, возникают крайне неуклюжие пересечения с базовой прямоугольной решеткой.

В адрес решеток постоянно звучит критика: они расточительны, так как стандартизация ширины улиц последовательна без нужды, они грубо рассекают территорию и ее природные черты, они зрительно монотонны и лишены осмысленных ядер. Однако в зависимости от конкретной ситуации и масштаба,

многие из этих недостатков удается устранить за счет формирования иерархированной сети улиц, использования формы решетки лишь для основных улиц, тогда как внутри такой сети очертания улиц относительно свободны (как в последнем из новых английских городов — Милтон Кейнс). Здесь же недопущение непосредственных пересечений диагональных артерий и базовой решетки, свободная трактовка очертаний ячеек сети при сохранении ее топологических свойств, «сгущение» решетки по мере приближения к главным центрам, отработка индивидуального характера основных магистралей и расстановка промежуточных ориентиров и т. п. В благоприятных условиях рельефа решетка остается удобным градостроительным инструментом обеспечения качества среды, если только проектировщик обладает чувством масштаба и знает, как варьировать базовую форму, чтобы ответить особым приметам места.

5. *Прочие решетки.* Есть множество детально разработанных вариантов прямоугольной решетки, достойных упоминания, включая схему «параллельных дорог» Кристофера Александера. Непрямоугольные сетки обладают малым практическим значением, но существенны как теоретические модели. Предлагалась треугольная сеть (И. Фридман), которая по сравнению с прямоугольной обладает двумя дополнительными направлениями возможного перемещения, а также в качестве варианта — сеть с шестиугольными ячейками. При всей привлекательности подобных геометрических схематизаций они страдают общим недостатком: неудобные пересечения и неудобные очертания участков. Не удивительно, что практическое применение непрямоугольных сетей относится к числу исключений, среди которых заметное место занимает планировка Нового Дели.

6. *Осевая схема барокко.* Структура образуется размещением во всех командных пунктах ландшафта символически значимых зрительных доминант, совпадающих с функциональными узлами. Узлы соединены артериями, трактуемыми как визуальный подход к узловому пункту, гармонически организованный вектор. Фасадные поверхности таких магистралей заняты объектами массового обслуживания или престижными постройками верхнего социального слоя. Нерегулярная в плане сеть повышенного стандарта застройки растягивается на всю городскую территорию, тогда как в ячейках этой сети застройка может осуществляться автономным образом до тех пор, пока не вступает в конфликт с решением узлов и магистралей. В результате удается создать зрительно упорядоченную систему как на случайной территории, так и в пределах старого, хаотически застроенного города, где организация регулярной сети практически невозможна. За счет того, что внимание сосредоточено на узлах и связях при игнорировании заполнения сети, модель реализуется относительно скромными средствами. Современная система транспорта решительно не согласуется с ранее удобной моделью, которую целесообразно применять и на уровне урбанизированного района, где символическое выделение пунктов

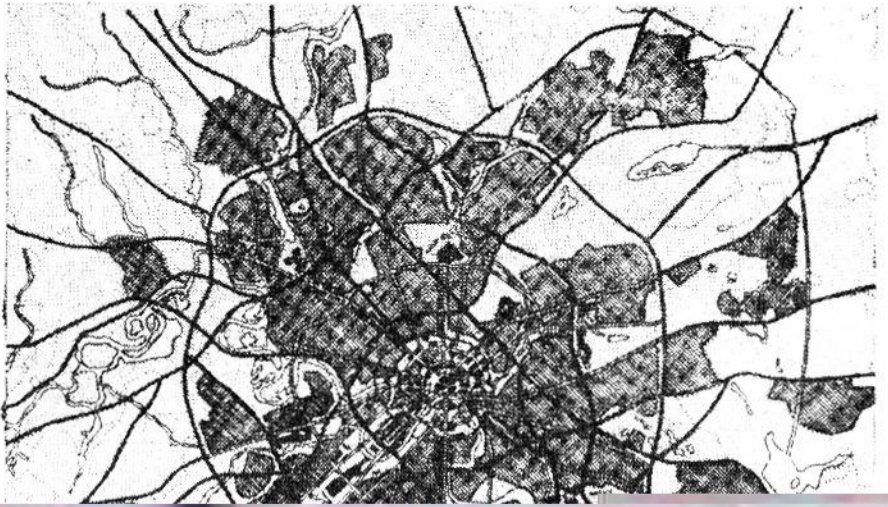

Рис. 74. Аэрофотосъемка центральной части марокканского города Фес — первоклассный пример средневекового исламского города. В самом центре видна «выемка» мечети, рядом с которой расположены торговые улицы, находящиеся под контролем различных ремесленных цехов. Лабиринт улочек-тупиков обеспечивает доступ непосредственно во внутренние двory вплотную прижавшихся друг к другу домов

или христианский храм, собственную систему обслуживания. Люди с разным уровнем дохода могут жить бок о бок, тогда как этнические или религиозные группы могут быть строго разграничены в пространстве.

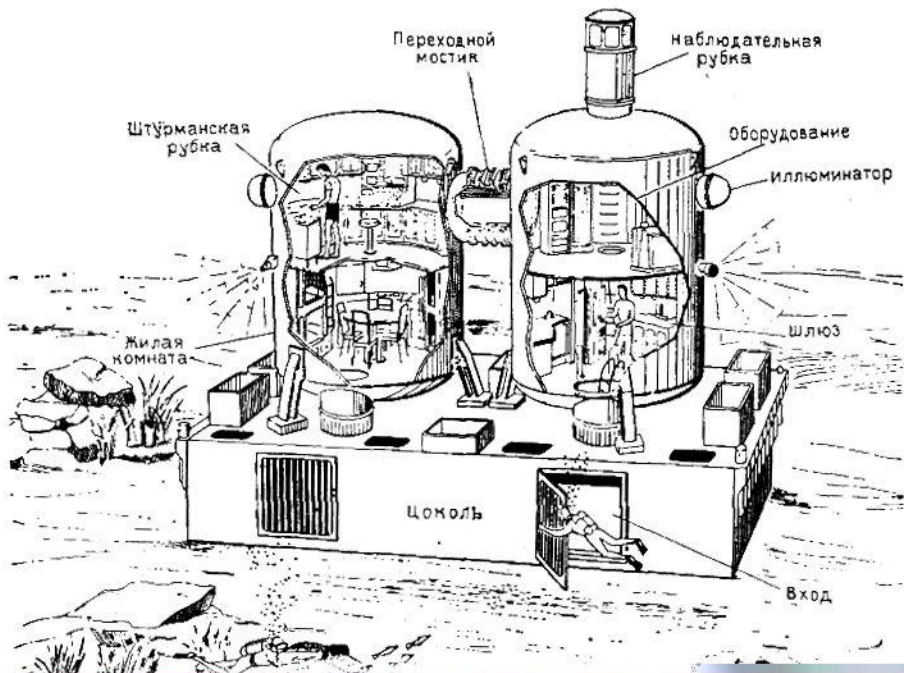
Города этого типа слишком резко не соответствуют современному образу жизни, чтобы модель сохраняла эффективность как целое. И все же у этих городов есть безусловное очарование, контраст между предельной оживленностью и полным покоем, качество отработки каждой пяди пространства несут характер универсальной ценности. Город этого типа способен научить нас технике общежития с высокой и высочайшей плотностью. Город как целое несовместим с использованием механических транспортных средств, однако модель оказывается крайне поучительной для разработки проектов жилых кварталов, домов-кварталов и улиц-капсул, сохраняющих для нас очевидную притягательность.

9. *«Система вкладывшей»*. Концепция «вкладышей» или «гнезда» представляет собой весьма тщательно разработанную модель. Подобно исламскому городу¹, это система контейнеров или вместилищ, заключенная за внешним периметром, но она не пронизана множеством капсул и абсолютно регулярна. Город трактован как серия вложенных одно в другое колец, вставленных одна в другую коробок. К каждой «коробке» приписана определенная группа жителей и она находится под покровительством отдельного божества. Святая святых расположена в центре, тогда как зло и хаос (а также нижние касты) вытеснены за пределы городского периметра. Роль главных магистралей принадлежит обходным путям, а не радиусам, как в нашей традиции. Обходные пути повторяют очертания внешней стены и предназначены для религиозных процессов. Соединяющие их связи обладают второстепенным характером и часто оборваны. Ритуал и форма здесь нерасторжимы.

Эта форма еще дальше от нашей жизни, чем исламская модель, но уже в силу контраста она несет в себе важные для нас уроки, наглядно демонстрируя, как градостроительная форма, мировоззрение и образ повседневной жизни могут быть сцеплены в монолитное целое.

10. *Новейшие представления*. Воображение сегодняшних проектировщиков захвачено несколькими новыми формами. Особенно популярна среди профессионалов идея мегаформы, согласно которой город трактуется как единая, гигантская трехмерная структура. Дороги и инженерные сети играют роль интегральных элементов этой структуры, жилые дома, заводы и офисы занимают ячейки колоссальной конструктивной системы подобно тому, как отдельные квартиры образуют многоэтажный жилой дом. Открытые площадки заняты кровлями, террасами и балконами. Склады, стоянки автомобилей, автоматизированные технические системы расположены в темных интерьерах. Идея с очевидностью порождена

¹ Трудно согласиться с определением Линча, если трактовать его буквально: город-лабиринт восходит к древнейшим поселениям Двуречья и приобрел зрелую форму задолго до возникновения ислама. (*Примеч. пер.*)

туры в проекте Кэндзо Тангэ или фантазии Паоло Солери. На практике ближе всего к выражению той же идеи центр нового шотландского города Камбернол, где единая структура включает

Christopher Alexander, *The City is Not a Tree*, *Architectural Forum*, Vol. 122, Nos. 1 and 2, April/May 1965.

Christopher Alexander, *Notes on the Synthesis of Form*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1964.

Christopher Alexander, Sara Ishikawa, and Murray Silverstein, *A Pattern Language: Towns, Buildings, Construction*. New York: Oxford University Press, 1975.

William Alonso, *Location and Land Use*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1964.

Alan Altshuler, "The Goals of Comprehensive Planning", *Journal of the American Institute of Planners*. Vol. 31, No 3, August 1965.

American Public Health Association, *Planning the Neighborhood*. Chicago: Public Administration Service, 1960.

G. F. Andrews, *Maya Cities: Placemaking and Urbanization*. Norman, Okla.: University of Oklahoma Press, 1975.

- B. J. L. Berry and J. D. Kasarda, *Contemporary Urban Ecology*. New York: Macmillan, 1977.
- Stefano Bianca, *Architektur und Lebensform im islamischen Stadtwesen*, 2d ed. Zurich: Verlag für Architektur Artemis, 1979.
- Stefano Bianca, "The Structural Unity of the Islamic Town: A Study in Urban Patterns", revised paper, Colloquium on the Islamic City, World of Islam Festival, London and Cambridge, England, 1976.
- R. H. Bletter, "Paul Scheerbar's Architectural Fantasies", *Journal of the Society of Architectural Historians*, Vol. 34, May 1975.
- Hans Blumenfeld, "Theory of City Form: Past and Present", *Journal of the Society of Architectural Historians*, Vol. 8, July 1949.
- Hans Blumenfeld, *The Modern Metropolis: Its Origins, Growth, Characteristics, and Planning, Selected Papers of Hans Blumenfeld*, ed. Paul D. Spreiregen. Cambridge, Mass.: The MIT Press, 1967.
- Hans Blumenfeld, "Criteria for Judging the Quality of the Urban Environment", in H. J. Schmandt and W. Bloomberg (eds.), *The Quality of Urban Life: An Urban Affairs Annual Review*, Vol. 3. Beverly Hills, Calif.: Sage, 1969.
- Hans Blumenfeld, "Beyond the Metropolis", Department of Urban and Regional Planning, University of Toronto, 1977.
- Murray Bookchin, *The Limits of the City*. New York: Harper & Row, 1974.
- Philippe Boudon, *Lived-In Architecture: Le Corbusier's Pessac Revisited*, trans. Gerald Onn. Cambridge, Mass.: The MIT Press, 1972.
- Serge Boutourline, "The Concept of Environmental Management", *Dot Zero IV*, September 1967.
- A. C. H. Boyd, *Chinese Architecture and Town Planning*. Chicago: University of Chicago Press, 1962.
- R. K. Brail and F. S. Chapin, Jr., "Activity Patterns of Urban Residents", *Environment and Behavior*, Vol. 5, No. 2, June 1973.
- David Braybrooke and Charles E. Lindblom, *A Strategy of Decision*. New York: Free Press of Glencoe, 1963.
- Carl Bridenbaugh, *Cities in the Wilderness*. New York: The Ronald Press, 1938.
- Carl Bridenbaugh, *Cities in Revolt: Urban Life in North America, 1743-1776*. New York: Knopf, 1955.
- Asa Briggs, *Victorian Cities*. New York: Harper & Row, 1965.
- Enrique Browne, *El Uso de las Ciudades y de las Viviendas*. Buenos Aires: Ediciones SIAP, 1978.
- Martin Buber, *Paths in Utopia*. Boston: Beacon Press, 1958.
- Colin Buchanan & Partners, *Traffic in Towns*. London: HMSO, 1963.
- D. A. Bull, "New Town and Town Expansion Schemes", Parts I and II, *Town Planning Review*, Vol. 38, No. 2, July 1967 and Vol. 38, No. 3, October 1967 (see under Field for Part III).
- Gerald Burke, *The Making of Dutch Towns*. London: Cleaver-Hume Press, 1956.
- Ian Burton, Robert Kates, and Gilbert White, *The Environment as Hazard*. New York: Oxford University Press, 1978.
- D. Calabi and M. Folin (eds.), *Eugène Hénard*. Padova: Marsilio, 1972.
- Daniel Callahan, "What Obligations Do We Have to Future Generations?", *American Ecclesiastical Review*, Vol. 164, No. 4, April 1971.
- Italo Calvino, *Invisible Cities*, trans. William Weaver. New York: Harcourt Brace, 1974.
- Cambridge Institute, "Prospects for New City Project". Mimeo. Cambridge, Mass., September 1970.
- D. Cappon and M. Roche, "A Catalogue of Stress and Strains in Urban Life", *Habitat*, Vol. 19, Nos. 5/6, 1976.
- F. M. Carp, R. Zawadzki, and H. Shokrkon, "Dimensions of Urban Environmental Quality", *Environment and Behavior*, Vol. 8, No. 2, June 1976.
- Daniel Carson, "Comments on 'The Pattern of Streets' by C. Alexander", *Journal of the American Institute of Planners*, Vol. 33, November 1967.
- Ferdinando Castagnoli, *Orthogonal Town Planning in Antiquity*, trans. Victor Caliendo. Cambridge, Mass.: MIT Press, 1971.

- B. B. Dutt, **Town Planning in Ancient India**. Calcutta: Thacker, Spink, 1925.
- John Dyckman, "Planning and Decision Theory", **Journal of the American Institute of Planners**, Vol. 27, No. 4, November 1961.
- H. G. Dyos and M. Wolff (eds.), **The Victorian City**. London: Routledge & Kegan Paul, 1973.
- Duane Elgin et al. "City Size and the Quality of Life", Stanford, Calif.: Stanford Research Institute for the National Science Foundation (RANN), November 1974.
- Friedrich Engels, **The Housing Question**. New York: International Publishers, 1935 (orig. 1872 and 1887).
- Friedrich Engels, **The Condition of the Working Class in England**. Stanford, Calif.: Stanford University Press, 1958 (orig. 1844).
- A. H. Esser and R. Deutsch, "Environment and Mental Health: An Annotated bibliography", **Man-Environment Systems**, Vol. 5, No 6, November 1975.
- Norma Evenson, **Paris: A Century of Change, 1878—1978**. New Haven, Conn.: Yale University Press, 1979.
- Nan Fairbrother, **New Lives. New Landscapes**. New York: Knopf, 1974.
- Andreas Faludi, **Planning Theory**. Oxford: Pergamon Press, 1973.
- D. Field, "New Towns and Town Expansion Schemes", Part III, **Town Planning Review**, Vol. 39, No. 3, October 1968 (see under Bull for Parts I and II).
- Walter Firey, **Land Use in Central Boston**. New York: Greenwood Press, 1947.
- Robert Fogelson, **The Fragmented Metropolis: Los Angeles 1850—1930**. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1967.
- D. L. Foley, "An Approach to Metropolitan Spatial Structure", in M. Webber (ed.), **Explorations into Urban Structure**. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1964.
- Jay Forrester, **Urban Dynamics**. Cambridge, Mass.: MIT Press, 1969.
- Charles Fourier, **Design for Utopia**, ed. Charles Gide, trans. Julia Franklin. New York: Schocken, 1971 (orig. **Selections from the Writings of Fourier**, 1901).
- Kenneth Frampton, "Notes on Soviet Urbanism, 1917—1932", in D. N. Lewis (ed.), **Urban Structures**. New York: Wiley Interscience, 1968.
- Marc Fried and P. Gleicher, "Some Sources of Residential Satisfaction in an Urban Slum", **Journal of the American Institute of Planners**, Vol. 27, No. 4, November 1961.
- Yona Friedman, **Toward A Scientific Architecture**. Cambridge, Mass.: The MIT Press, 1975.
- John Friedmann, "Normative Planning: Outline of Methodology", class notes. Mimeo, July 1960.
- John Friedmann, "Metropolitan Form and Social Choice: A Review". Mimeo, no date.
- Ralph Gakenheimer, "Determinants of Physical Structure in the Peruvian Town of the Sixteenth Century", doctoral dissertation, University of Pennsylvania, 1964.
- Herbert Gans, "The Balanced Community: Homogeneity or Heterogeneity in Residential Areas", **Journal of the American Institute of Planners**, Vol. 27, No. 3, August 1961.
- Herbert Gans, **People and Plans**. New York: Basic Books, 1968.
- Patrick Geddes, **Cities in Evolution**. New York: Howard Fertig, 1968 (orig. 1915).
- Alan Gilbert, "The Arguments for Very Large Cities Reconsidered", **Urban Studies**, Vol. 13, No. 1, February 1976.
- Mark Girouard, **Life in the English Country House: A Social and Architectural History**. New Haven, Conn.: Yale University Press, 1978.
- Artur Glikson, **The Ecological Basic of Planning**. The Hague: M. Nijhoff, 1971.
- J. R. Goldsmith and Erlend Jonsson, "Effects of Noise on Health in the Residential and Urban Environment", Report to the Bureau of Community Environmental Management, 1970, unpublished.
- Brian R. Goodey, **Interpreting the Built Environment**. Elmsford, N. Y.: Pergamon, 1979.

Paul Goodman and Percival Goodman, **Communitas**. Chicago: The University of Chicago Press, 1947.

Robert Goodman, **After the Planners**. New York: Simon and Schuster, 1971.

David Gordon, "Capitalism and the Roots of Urban Crisis", in R. Alcaly and David Mermelstein (eds.), **The Fiscal Crisis of American Cities**. New York: Vintage, 1977.

Lincoln Gordon, "Limits to the Growth Debate", **Resources for the Future**, No. 52, Summer 1976.

J. Gottman, **Megalopolis**. New York: The Twentieth Century Fund, 1961.

Etienne Grandjean, **Ergonomics of the Home**, Harold Oldroyd trans., Davis ed. New York: Halsted Press, 1973.

Etienne Grandjean and A. Gilgen, **Environmental Factors in Urban Planning: Air Pollution, Noise, Urban Open Spaces, Sunlight, and Natural Lighting Indoors**, trans. Harold Oldroyd. London: Taylor and Francis, 1976.

Cathy Greenblat, **Gaming-Simulation: Rationale, Design, and Application**. New York: Sage Publications, 1975.

Victor Gruen, **The Heart of Our Cities**. New York: Thames and Hudson, 1965.

Robert Guttman, "Site Planning and Social Behavior", **Journal of Social Issues**, October 1966.

John Habraken, **Supports: An Alternative to Mass Housing**. New York: Praeger, 1972.

Gary Hack, "Environmental Programming: Creating Responsive Settings". Ph. D. Thesis, Department of Urban Studies and Planning, Massachusetts Institute of Technology, 1976.

Jorge Hardy, **Urban Planning in Pre-Columbian America**. New York: Braziller, 1968.

C. D. Harris and Edward L. Ullman, "The Nature of Cities", **Annals of the American Academy of Political and Social Sciences**, Vol. 242, November 1945.

Roger Hart, **Children's Experience of Place**. New York: Irvington, 1979.

David Harvey, **Social Justice and the City**. London: E. Arnold, 1973.

Dolores Hayden, **Seven American Utopias: The Architecture of Communitarian Socialism, 1790-1975**. Cambridge, Mass.: The MIT Press, 1976.

Heikki von Hertzen and P. Spreiregen, **Building a New Town: Finland's New Garden City, Tapiola**. Cambridge, Mass.: The MIT Press, 1971.

Morris Hill, "A Goals-Achievement Matrix for Evaluating Alternative Plans", **Journal of the American Institute of Planners**, Vol. 34, No. 1, January 1968, and discussion, Vol. 35, No. 2, March 1969.

L. E. Hinkle and William C. Loring, **The Effect of the Man-Made Environment on Health and Behavior**, Publication # CDC 77-8317, Public Health Service, U.S. Department of H.E.W. Washington, D.C.: USGPO, 1977.

Irving Hoch, "Urban Scale and Environmental Quality", **Resources for the Future**, Reprint #110, August 1973.

Irving Hoch, "City Size Effects, Trends, and Policies", **Science**, Vol. 193, 3 September 1976.

F. Hosking, "Psychological Aspects of Extreme Environmental Stress", **Diseases of the Nervous System**, Vol. 31, No. 8, August 1970.

Ebenezer Howard, **Garden Cities of To-Morrow**, introduction by F. J. Osborn. London: Faber & Faber, 1945 (orig. 1898).

Homer Hoyt, **One Hundred Years of Land Values in Chicago**. Chicago: University of Chicago Press, 1933.

Homer Hoyt, **The Structure and Growth of Residential Neighborhoods in American Cities**, Washington, D. C.: USGPO, 1939 (for the Federal Housing Administration).

Richard Hurd, **Principles of City Land Values**. New York: The Record and Guide, 1903.

Phyllis W. Ingersoll, **Ideal Forms for Cities: An Historical Bibliography**. Council for Planning Librarians, Exchange Bibliography #10. Oakland, Calif., 1959.

Institute for Architecture and Urban Studies, "Another Chance for Housing: Low-Rise Alternatives", an exhibition at the Museum of Modern Art, for the New York State Urban Development Corporation, New York, 1973.

B. Loudon and W. G. Flanagan, "Comparative Urban Ecology: A Summary of the Field", in J. Walton and L. Masotti (eds.), **The City in Comparative Perspective**. Beverly Hills, Calif.: Sage, 1976.

William Michelson, "An Empirical Analysis of Urban Environmental Preferences", **Journal of the American Institute of Planners**, Vol. 32, No. 6, November 1966.

N. A. Miliutin, **Sotsgorod: The Problem of Building Socialist Cities**, ed. G. R. Collins and W. Alex, trans. A. Sprague. Cambridge, Mass.: The MIT Press, 1974 (orig. 1930).

- R. L. Morrill, **The Spatial Organization of Society**. North Scituate, Mass.: The Duxbury Press, 1974.
- A. E. J. Morris, **History of Urban Form: Prehistory to the Renaissance**. London: George Godwin Ltd., 1972.
- William Morris, **News from Nowhere**, James Redmond (ed.). London: Routledge & Kegan Paul, 1970.
- Lewis Mumford, **The Culture of Cities**. New York: Harcourt Brace & Co., 1938.
- Lewis Mumford, "The Neighborhood and the Neighborhood Unit", **Town Planning Review**, Vol. 24, No. 4, January 1954.
- J. E. Vance, **This Scene of Man: The Role and Structure of the City in the Geography of Western Civilization**. New York: Harper College Press, 1977.
- Sim Van Der Ryn, "San Francisco Community Renewal Program: Amenity Attributes of Residential Locations", Technical Paper #3, Arthur D. Little, San Francisco, May 1965.
- Robert Venturi, Denise Scott Brown, and Steven Izenour, **Learning from Las Vegas**. Cambridge, Mass.: The MIT Press, 1972.
- R. K. Wagoner, "Urban Structuring Techniques", **Journal of Environmental Systems**, Vol. 1, No. 3, September 1971.
- Barbara Ward (Jackson), "Human Settlements: Crisis and Opportunity", report of meeting, 1973, in preparation for U.N. Conference on Human Settlements. Ottawa: Minister of State for Urban Affairs, rev. ed., 1975.
- Colin Ward, **Housing: An Anarchist Approach**. London: Freedom Press, 1976.
- Colin Ward, **The Child in the City**. London: The Architectural Press, 1977.
- David Ward, "The Industrial Revolution and the Emergence of Boston's Central Business District", **Economic Geography**, Vol. 42, 1966, pp. 152-171.
- Sam Bass Warner, **Streetcar Suburbs**. New York: Atheneum, 1969.
- Sam Bass Warner, **The Urban Wilderness: A History of the American City**. New York: Harper & Row, 1972.
- Melvin Webber, "Order in Diversity", in L. Wingo (ed.), **Cities and Space**. Baltimore: Johns Hopkins Press, 1963.
- Melvin Webber, "The Urban Place and the Nonplace Urban Realm", in M. Webber et al., **Explorations into Urban Structure**. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1967.
- Melvin Webber, "Planning in an Environment of Change", Parts I and II, **Town Planning Review**, Vol. 39, No. 3, October 1968 and Vol. 39, No. 4, January 1969.
- David Weinberg, "The Social Relations of Living: London 1830-1880, The Dialectics of Urban Living and City Form", M.Arch.A.S./M.C.P. Thesis, School of Architecture and Planning, Massachusetts Institute of Technology, 1974.
- P. Wheatley, **The Pivot of the Four Quarters**. Chicago: Aldine, 1971.
- A. G. White, "Urban Futures: Science Fiction and the City", Monticello Ill.: Council of Planning Librarians Exchange Bibliography #418, 1973.
- Walter Muir Whitehill, **A Topographical History of Boston**. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1959.
- Dora Wiebenson, **Tony Garnier: The Cité Industrielle**. New York: Braziller, 1969.
- Michael Williams, "The Parkland Towns of Australia and New Zealand", **Geographical Review**, Vol. 56, January 1966.
- Raymond Williams, **The Country and the City**. New York: Oxford University Press, 1973.
- R. L. Wilson, "Livability of the City, Attitudes and Urban Development", in F. S. Chapin and S. Weiss (eds.), **Urban Growth Dynamics**. New York: Wiley, 1962.
- Morton and Lucia White, **The Intellectual versus the City, from Thomas Jefferson to Frank Lloyd Wright**. New York: New American Library, 1964.
- William H. Whyte, **Cluster Development**. New York: American Conservation Association, 1964.
- William H. Whyte, **The Social Life of Small Urban Spaces**. Washington, D.C.: The Conservation Foundation, 1980.

Department of Architecture, Massachusetts Institute of Technology, Cambridge, Mass., 1976.

Paolo Soleri, **Arcology: The City in the Image of Man**. Cambridge, Mass.: The MIT Press, 1969.

Michael Southworth and Kevin Lynch, "Designing and Managing the Strip", Joint Center for Urban Studies, Cambridge, Mass., October 1974.

M. E. Spiro, **Kibbutz: Venture in Utopia**. New York: Schocken, 1963.

Paul Spreiregen, "Roots of Our Modern Concepts", in M. Branch (ed.), **Urban Planning Theory**, Stroudsburg, Penna.: Dowden, Hutchinson & Ross, 1975.

Dan Stanislawski, "The Origin and Spread of the Grid Pattern Town", **Geographical Review**, Vol. 36, No. 1, January 1946.

Clarence Stein, "City Patterns, Past and Future", **Pencil Points**, June 1942.

Clarence Stein, **Toward New Towns for America**. Chicago: Public Administration Service, 1951.

P. A. Stone, **The Structure, Size and Costs of Urban Settlements**, Cambridge, England: Cambridge University Press, 1973.

A. L. Strauss, **The American City: A Sourcebook of Urban Imagery**. Chicago: Aldine, 1968.

Hugh Stretton, **Ideas for Australian Cities**. Melbourne, Georgian House, 1971.

Hugh Stretton, **Capitalism, Socialism and the Environment**. New York: Cambridge University Press, 1976.

Hugh Stretton, **Urban Planning in Rich and Poor Countries**. New York: Oxford University Press, 1978.

Louis Henry Sullivan, **A System of Architectural Ornament According with a Philosophy of Man's Powers**. New York: Eakins Press, 1967 (orig. 1924).

Superstudio, "Twelve Cautionary Tales for Christmas", **Architectural Design**, Vol. 62, December 1971.

Anthony Sutcliffe, **The Autumn of Central Paris**. London: E. Arnold, 1970.

Gerald Suttles, **The Social Order of the Slum**. Chicago: University of Chicago Press, 1968.

Bruno Taut, **Alpine Architecture**, trans. S. Palmer. New York: Praeger, 1972 (orig. 1919; bound with P. Scheerbart, **Glass Architecture**).

René Thom, **Structural Stability and Morphogenesis**. Reading, Mass.: W. A. Benjamin, 1975.

Wilbur Thompson, "Planning as Urban Growth Management: Still More Questions Than Answers", **American Institute of Planners Newsletter**, December 1974.

John M. Thomson, **Great Cities and Their Traffic**. London: Gollancz, 1977.

J. H. von Thünen, **Isolated State**, trans. C. Wartenburg. London: Pergamon, 1966 (orig. 1826).

Graham Towers, "City Planning in China", **Journal of the Royal Town Planning Institute**, Vol. 59, No. 3, March 1973.

Yi-Fu Tuan, **Topophilia: A Study of Environmental Perceptions, Attitudes and Values**. Englewood Cliffs, N.J.: Prentice-Hall, 1974.

Christopher Tunnard, **The City of Man**. New York: Scribner, 1953.

John F. C. Turner and R. Fichter (eds.), **Freedom to Build: Dweller Control of the Housing Process**. New York: Macmillan, 1972.

U.S. Department of Housing and Urban Development, Division of International Affairs, **Urban Growth Policies in Six European Countries**. Washington, D.C.: USGPO, November 1972.

Lewis Mumford, **The City in History**, New York: Harcourt Brace & World, 1961.

D. M. Murtha, "Dimensions of User Benefit: Overview of User-Oriented Environmental Design Criteria". Washington, D.C.: American Institute of Architects, 1976.

Raymond Neutra and Ross McFarland, "Accidents and the Residential Environment", report to the Bureau of Community Environmental Management and the American Public Health Association, unpublished, 1970.

Oscar Newman, **Defensible Space: Crime Prevention Through Urban Design**. New York: Macmillan, 1972.

Joan Oates, **Babylon**. London: Thames and Hudson, 1979.

- E. P. Odum, *Ecology*. New York: Holt, Rinehart, and Winston, 1963.
- Rai Okamoto and F. E. Williams, *Urban Design Manhattan*, prepared for the Regional Plan Association. New York: Viking, 1969.
- Fernando Ortiz, *Cuban Counterpoint: Tobacco and Sugar*, trans. Harriet de Onis. New York: Vintage, 1970 (orig. 1960).
- R. E. Pahl, "Spatial Structure and Social Structure", Chapter 11 in R. E. Pahl, *Whose City?* Harlow, England: Longman, 1970.
- R. J. Paquette, N. Ashford, and P. H. Wright, *Transportation Engineering: Planning and Design*. New York: Ronald Press, 1972.
- Robert Park, "Human Ecology", *American Journal of Sociology*, Vol. 42, July 1936.
- Joseph Passoneau and R. S. Wurman, *An Urban Atlas of 20 American Cities*. Cambridge, Mass.: The MIT Press, 1966.
- Elbert Peets, *On the Art of Designing Cities*, ed. P. Spreiregen. Cambridge, Mass.: The MIT Press, 1968.
- V. Perevedentsev, *The Concentration of Urban Population and the Criterion of Optimality of a City*, translated from Академия наук СССР, Институт международного рабочего движения. Урбанизация и рабочий класс в условиях научно-технической революции. М., Наука, 1970.
- Constance Perin, *With Man in Mind*. Cambridge, Mass.: The MIT Press, 1970.
- Constance Perin, *Everything in Its Place*. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1977.
- J. Perraton, "Urban Systems: Collection and Management of Data for a Complex Model", Working Paper #46, Centre for Land Use and Built Form Studies, Cambridge University, Cambridge, England, September 1970.
- Clarence Perry, "The Neighborhood Unit", in *The Regional Plan of New York and Its Environs*. Vol. 7. New York: Regional Plan Association, 1929.
- P. Pinchemel, A. Vakili, and J. Gozzi, *Niveaux Optima des Villes*. Lille, France: Comité d'études régionales économiques et sociales (CERES), 1959.
- R. A. B. Ponsonby-Fane, *Kyoto: The Old Capital of Japan, 794—1864*, rev. ed. Kyoto: Ponsonby Memorial Society, 1956.
- Donald Preziosi, *The Semiotics of the Built Environment: An Introduction to Architectonic Analysis*. Bloomington, Ind.: Indiana University Press, 1978.
- L. Rainwater, "Fear and the House as Haven in the Lower Class", *Journal of the American Institute of Planners*, Vol. 32, No. 1, January 1966.
- A. Rapoport, *Human Aspects of Urban Form*. New York: Pergamon, 1977.
- Steen Eiler Rasmussen, "Commentary on Clark's 'Ideal Cities: Past and Present'", in R. M. Fisher (ed.), *The Metropolis and Modern Life*. New York: Russell & Russell, 1955.
- Steen Eiler Rasmussen, *London: The Unique City*. Cambridge, Mass.: The MIT Press, 1967.
- R. U. Ratcliff, "Efficiency and the Location of Urban Activities", in R. M. Fisher (ed.), *The Metropolis and Modern Life*. New York: Russell & Russell, 1955.
- John Rawls, *A Theory of Justice*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1971.
- Real Estate Research Corporation, *The Costs of Sprawl*, for the Council on Environmental Quality, U.S. Department of H.U.D. Washington, D.C.: USGPO, 1974.
- T. F. Reddaway, *The Rebuilding of London after the Great Fire*. London: Edwin Arnold, 1951 (orig. 1940).
- Jesse Reichek, "On the Design of Cities", *Journal of the American Institute of Planners*, Vol. 27, May 1961.
- Thomas Reiner, *The Place of the Ideal Community in Urban Planning*. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1963.
- E. C. Relph, *Place and Placelessness*. London: Pion, 1976.
- John Reys, *The Making of Urban America. A History of City Planning in the United States*. Princeton, N. J.: Princeton University Press, 1965.
- H. W. Richardson, *The Economics of Urban Size*. Lexington, Mass.: Lexington Books, 1973.

- H. W. Richardson, *The New Urban Economics, and Alternatives*. London: Pion, 1977.
- David Riesman, "Some Observations on Community Plans and Utopia", *Yale Law Journal*, Vol. 57, December 1947.
- Lloyd Rodwin, *Nations and Cities*. Boston: Houghton Mifflin, 1970.
- Colin Rowe and F. Koetter, *Collage City*. Cambridge, Mass.: The MIT Press, 1978.
- Edgar Rust, *No Growth: Impacts on Urban Areas*. Lexington, Mass.: D. C. Heath, 1975.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Среда человеческой жизнедеятельности и ее ценности	3
Наивный вопрос вместо введения	12
Часть I. Города и ценности	13
1. Ценность формы в истории города	13
2. Что такое градостроительная форма и как она создается?	41
3. Между небесами и адом	53
4. Нормативные теории	74
5. Возможна ли общая нормативная теория?	96
Часть II. Теория градостроительной формы	104
6. Показатели качества	104
7. Жизнепригодность	111
8. Осмысленность	118
9. Соответствие	134
10. Доступность	158
11. Контроль	169
12. Эффективность и справедливость	177
Часть III. Некоторые приложения теории	185
13. Размеры города и идея соседства	185
14. Рост и сохранение	194
15. Ткань города и его сети	203
16. Модели города и его проектирование	212
17. Место — утопия	224
<i>Приложения</i>	<i>234</i>
Список литературы	256